

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ)

Цифровое общество в культурно-исторической парадигме

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Т. Д. МАРЦИНКОВСКОЙ, В. Р. ОРЕСТОВОЙ, О. В. ГАВРИЧЕНКО

МОСКВА 2018

Оглавление:

РАЗДЕЛ I. НОМО DIGITAL: ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ МИРЕ7

Войскунский А.Е. НАПРАВЛЕНИЯ КИБЕРПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	7
Поддьяков А. Н. «ОТРАВЛЯЮЩИЕ АТАКИ» НА МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СЕТИ: ВЕРСИЯ НАРРАТИВА УГРОЗЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ	12
Гусельцева М.С. НОМО DIGITAL: ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ	17
Дубовская Е.М. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ.....	22
Полева Н.С. ОНЛАЙН И ОФЛАЙН КАК СМЕШАННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	25
Нестик Т.А. ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	29
Никитина Е.А. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О ПРИЧИНАХ ПУБЛИКАЦИИ СЕЛФИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	35
Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е. УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	39
Кубрак Т.А. МАССМЕДИА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВОЗДЕЙСТВИЕ КИНО НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗРИТЕЛЯ	43
Пазухина С.В., Филиппова С.А. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РИСКОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ.....	48
Улановская И.М., Ривина И.В. КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ОЦЕНКА РАБОТЫ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.....	52
Аринушкина Н.С. СИСТЕМА ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ИНДИКАТОРОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ ИНТЕРНЕТ ЗАНЯТОГО МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА	58
Богачева Н.В. ПСИХОЛОГИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ.....	65
Орестова В.Р., Ткаченко Д.П. ГЕРОИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ (НА ПРИМЕРЕ КИНЕМАТОГРАФА)	69

Маховская О.И. КИБЕРБУЛЛИНГ: КОНФЛИКТ СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ СЦЕНАРИЕВ РАЗНОГО УРОВНЯ 74

Драгунская Л.С. ПЕРЕЖИВАНИЕ КУЛЬТУРЫ (КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)..... 82

РАЗДЕЛ II. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 90

Марцинковская Т.Д. ИДЕНТИЧНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ И ТРАНЗИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 90

Белинская Е.П. СЕТЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: УПРАВЛЯЕМАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ИЛИ ПОДЛИННОЕ Я? 92

Аянян А.Н. РЕАЛЬНАЯ И ВИРТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ 97

Бусыгина Н.Р., Аблов О.И. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ЧАСТЬ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЕЖИ..... 100

Фленина Т.А. ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ 103

Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Шаехов З.Д. ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.С.ВЫГОТСКОГО 107

Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ..... 111

Хорошилов Д.А. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА «ГЛУБИННОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ» ПОВСЕДНЕВНОСТИ 115

Гришина Н.В. ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: НАУЧНЫЕ И ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ..... 118

Сильченко Д.В. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ ПРЕБЫВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ..... 124

Гавриченко О.В. САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ 128

Борисова Н.В. ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСЛЕДИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА..... 132

Арсеев И.И. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ..... 136

РАЗДЕЛ III. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 140

Головей Л.А., Данилова М.В. СТРУКТУРА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ В СВЯЗИ С СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИЕЙ РАЗВИТИЯ..... 140

Воробьева К.А. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ФОРМ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ..... 144

Глоба Н.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ К СВЕРСТНИКУ В УСЛОВИЯХ НАРУШЕНИЯ ИМ ШКОЛЬНЫХ НОРМ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 148

Дьячук А.А., Окладникова В.Д. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ..... 152

Изотова Е.И. К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО НОРМАТИВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ..... 156

Мусаева Ф.Ц., Федунина Н.Ю. ОСОБЕННОСТИ ТРЕВОЖНОСТИ И КОПИНГА В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ 159

Хузеева Г.Р., Калинина М.И. НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ..... 162

Гребенникова О.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДРОСТКИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ..... 165

Юрченко Н.И. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ В INSTAGRAM 165

Голубева Н.А. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ДИДЖИТАЛ ПРОСТРАНСТВЕ 170

Батенова Ю.В. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ УСТРОЙСТВ В ДОШКОЛЬНОМ И МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ 175

Иванова И.В. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ 178

Бахадова Е.В. РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДОШКОЛЬНИКАМ В УСЛОВИЯХ КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ 182

Ткаченко Д.П. СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ 186

Резванцева М.О. ПРОСМОТР МУЛЬТФИЛЬМОВ И РОЛЕВАЯ ИГРА ДОШКОЛЬНИКОВ..... 190

Коновалова А.В. КИБЕРБУЛЛИНГ КАК НОВАЯ ФОРМА НАСИЛИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ..... 194

РАЗДЕЛ IV. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ВПФ..... 198

Шнейдер Л.Б. ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: ОТ «КЛИКОВОГО» К КЛИПОВОМУ И ДАЛЕЕ К ЧИПОВОМУ МЫШЛЕНИЮ 198

Балашова Е.Ю. ЧЕЛОВЕК И ЦИФРОВОЙ МИР: КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ..... 203

Емелин В.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 207

Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ОНЛАЙН РЕЖИМЕ ДНТЯМ, ПЕРЕЖИВЩИМ ПЕРИОД АДАПТАЦИИ В ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕ..... 210

Ласьков Г.Д., Букинич А.М., Нуркова В.В. МНЕМИЧЕСКИЙ «GOOGLE – ЭФФЕКТ» В УСЛОВИЯХ ИГРОВОЙ ИМИТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕКТИВА..... 216

Олешкевич В.И. Бурлакова Н.С. ПРИЛОЖЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ..... 220

Бойко О.М. РОЛЬ ОНЛАЙН ИГР В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МУЖЧИН, СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ..... 225

Филимонова Н.И. ПИЛОТАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ВАРИАНТОВ ДИСТАНЦИОННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ 230

РАЗДЕЛ V. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА 232

Мотков О.И. ПРОБЛЕМА ПОРОЖДЕНИЯ, ПОЛНОТЫ И АДЕКВАТНОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ 232

Звягинцева Е.П. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК МОТИВАТОР В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ 237

Иванова Е.И. СМЫСЛОВЫЕ УСТАНОВКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. 241

Сысоева Т.А., Ярошевская С.В. ОЦЕНКА УМА ДРУГИХ ЛЮДЕЙ ПО ТЕКСТУ: СВЯЗЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ КРИТЕРИЕВ С ТОЧНОСТЬЮ.....	247
Булгаков А.В. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПАНИЙ)	251
Петрушихина Е.Б. РУКОВОДСТВО ВИРТУАЛЬНОЙ КОМАНДОЙ: КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ	257
Погонцева Д.В., Ббезян А.А. ЭТНОЛУКИЗМ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ: ЭТНО-БУЛЛИНГ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	262
Скрипкина Т.П. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АКТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА.....	265
Мишина М.М. ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ СУБЪЕКТИВНЫМИ ПЕРЕЖИВАНИЯМИ ОДИНОЧЕСТВА И ИНТЕРЕНТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ	272
Пахмутова М.А. САМООРГАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ	278
РАЗДЕЛ VI. СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО	283
Сергеева С.С., Мишина М.М. ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЬНОГО И СОВМЕСТНОГО ОБУЧЕНИЯ	283
Траллманн А.М.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ.....	288
Гурцкая С.И. ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СМЕНА КУЛЬТУРНОГО КОДА	293
Жаркой С.Ю. ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ ПСИХИКИ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ЗАДАЧ НА РАЗГАДЫВАНИЕ КАРТОЧНЫХ ФОКУСОВ.....	296
Шемякина В.С. КИБЕРСОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗДОРОВОЙ ЛИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ	300
Колда А.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО У ПОДРОСТКОВ ИЗ РАЗНЫХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И СИМФЕРОПОЛЯ).....	303
Равилова М.В. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	306

Панкратова Е.А. ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТАТУСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ».....	309
Жарова О.А. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЙМИНГ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ПОНИМАНИЯ И ОЦЕНКИ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	313

РАЗДЕЛ I. НОМО DIGITAL: ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ МИРЕ

НАПРАВЛЕНИЯ КИБЕРПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Войскунский А.Е.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Ключевые слова: киберпсихология, виртуальность, анонимность, гибридное поведение, репутационная прокачка, мобильность, погружение, распределенность поведения.

Аннотация. Рассматриваются основные направления психологических исследований, описывающие поведение людей в киберпространстве. Учитываются разнообразные виды поведения: коммуникативное, познавательное, развлекательно-игровое, консьюмеристское (онлайн-шопинг) и др. Предлагаемые направления психологических исследований включают: анонимность, перенос из онлайн-среды в реальность и обратно, репутационную прокачку, мобильность, погружение (иммерсию), распределенность поведения.

Главной характеристикой поведения в киберпространстве могла бы быть названа **виртуальность**, если под таковой понимать все, что выполняется посредством сервисов Интернета: виртуальные отношения, виртуальные игры, виртуальные покупки, виртуальное общение, виртуальные знакомства и др. Однако всеобщность данного понятия во многом препятствует выделению «виртуальности» в качестве основополагающей универсальной характеристики исследований в сфере киберпсихологии, или анализа человеческого поведения в Интернете. На основе исследовательского опыта и анализа публикаций выдвигаем следующую классификационную систему исследований, лежащую в основе изучения психологами поведения человека в Интернете (Войскунский, 2016).

ПЕРЕНОС ИЗ РЕАЛЬНОСТИ В ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРНЕТА И ОБРАТНО, А ТАКЖЕ СМЕШАННЫЕ («ГИБРИДНЫЕ») ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ. Данный тип поведения предусматривает действия одновременно в реальности и в Интернете. Примерами могут служить наведение справок и использование компьютерных советов в информационных системах (или в смартфоне, в т.ч. в режиме устной речи), выполнение практических действий под руководством компьютерных аватаров, движение по рекомендации программы-«навигатора» и т.п. Системы виртуальной и дополненной реальности применяются для организации «смешанных» форм поведения: выполнения трудовых операций по подсказке системы дополненной реальности, игровых методов реабилитации и психологической помощи постстрессовых состояний, фобий – чаще всего посредством когнитивно-бихевиоральной терапии, поддержанной системами виртуальной и дополненной реальности. Формы и способы

¹ Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00515

поведения, приобретенные в ходе опосредствованных системами виртуальной реальности тренировок, могут переноситься в поведение в реальной жизни; феноменология такого рода трансферов именуется в настоящее время «эффектом Протея» (Yee, 2014).

Из Интернета в реальность переносятся термины, символы (напр., @), речевые штампы и мемы, лежащие в основе языка «новых медиа», рекламы и маркетинга. Благодаря Интернету возвращаются в обиход устаревшие навыки (т.н. реверсия) – такие, как например привычка переписываться или вести дневник; другие навыки теряют актуальность отмирают (т.н. экзудия), к примеру, запоминание фактологической информации (номера телефонов, исторические даты), развитие скорописи или счет в уме. При поиске и считывании информации онлайн, как считается, имеет место большая активация зрительной коры, чем при чтении печатных страниц; это предположительно сказывается на нежелании представителей новых поколений читать «бумажные» книги (Смолл, Ворган, 2011).

Цифровые технологии способствуют расширению когнитивных возможностей. Благодаря «трансгуманистическим» тенденциям, применению протезов (напр., кардиопротезов) с электронной настройкой, да и просто в результате использования стационарных и мобильных информационно-коммуникационных орудий изменяется представление о телесности (Рассказова и др., 2015). Так, в одном из проектов при поражениях зрительного нерва, результатом которых является цветовая слепота, видеочамера перекодирует информацию о цвете окружающих предметов и транслирует ее в звуки разной частоты колебаний, а пациенты обучаются их воспринимать (Файола и др., 2016). Компьютерные гаджеты стали инструментом опосредствования, расширения возможностей сенсорной, нейрокогнитивной и скелетно-мышечной системы. В системах искусственного интеллекта воплощен ряд когнитивных умений (таких, как селекция, анализ, обобщение, выработка эвристик, гибкое целеполагание, прайминг и др.): можно прогнозировать объединение высших психических функций с искусственными познавательными процессами, как, к примеру, в интеллектуальном виде спорта – шахматах: противостояние игроков, каждый из которых вооружен компьютерными шахматными программами и потому защищен от грубых ошибок, зато вносит в игру элемента фантазии и творчества.

АНОНИМНОСТЬ лежит в основе многих видов поведения в киберпространстве. Остановимся на девиантном поведении, ибо именно оно бросается в глаза, дает повод для отрицания полезности Интернета и порицания связанных с ним действий. Анонимность провоцирует, как показывает опыт, девиации коммуникативного поведения (флейм, троллинг, кибербуллинг или кибермоббинг и др.), действия в стиле «копи-паст» (плагиат), хакерство, кибер-разведку, читерство. В крайних своих проявлениях анонимность способна, на наш взгляд, привести к диссоциативному расстройству, «двойничеству» или во всяком случае к альтернативным идентичностям, а в будущем можно вообразить развитие перепалок и конфликт интересов между принадлежащими одному и тому же человеку игровыми персонажами, аватарами, идентичностями, носителями ролевых функций.

Убеждение о стопроцентной анонимности пользователей Интернета – распространенное, однако ложное. Путем сотрудничества полицейских органов и провайдеров Интернет-доступа во всех странах выявлено множество «электронных преступников», явных или мнимых. Однако поскольку удастся выявить далеко не всех нарушителей, представление об анонимности (пусть неполной) способствует рискованным формам поведения в среде Интернета. В настоящее время факты

противоборства между органами следствия/дознания и провайдерами, равно как их сотрудничества и согласованных действий, являются предметом общественного интереса.

РЕПУТАЦИОННАЯ ПРОКАЧКА. Термин берет начало в компьютерных играх и означает, например, развитие и «прокачку» игрового персонажа путем длительной и эффективной игры, включая также посменную командную игру одним и тем же игровым персонажем в ролевых компьютерных играх с целью улучшения репутации и/или получения выгоды. Процесс значим и во внеигровой сфере: так, репутацией (рейтингом) озабочены блогеры и участники социальных сетей: «прокачать репутацию» проще всего путем видоизменения или «приукрашивания» собственной фотографии и/или биографии, высказывания достоверных (или не очень) фактов и версий происходящих событий, не в последнюю очередь – путем выработки стилизованных особенностей взаимодействия с читателями, зрителями и подписчиками. Приобретение и поддержание собственной репутации в незнакомом окружении – это решение относительно новой и сложной задачи: научиться управлять социально-перцептивными процессами партнера/партнеров. В социальных сетях, в блогах управление чаще всего осуществляется посредством самопрезентации – конструирования собственного образа в виде текстов, дополненных изображениями (в т.ч. селфи) и аудиофайлами. В конструируемый образ включаются способы взаимодействия (деликатного, внимательного, грубо-брутального, небрежного и т.п.) с друзьями/френдами и подписчиками/фолловерами, результаты оценки последними степени грамотности и компетентности автора блога или странички в социальной сети.

Самопрезентация нацелена на управление социально-перцептивными процессами в условиях отсутствия привычных каналов для категоризации и коррекции презентуемого образа (Войскунский, 2014). Ныне активно изобретаются и применяются способы конструирования желаемого образа, а также выстраивания целого ряда расходящихся, несовпадающих (противоречащих один другому или совпадающих лишь частично) и альтернативных образов. Перспектива управления социально-перцептивным процессом других участников социальных сетей открывает каналы для манипуляций. Могут быть отмечены практики отклонения от действительности или селекция предъявляемых характеристик. Так, если в самоописаниях делается упор на привлекательность (женщин) или высокий социальный статус (мужчин), то личностным чертам уделяется сравнительно мало внимания (Белинская, 2013). Едва ли справедливо считать недостаток психологических самохарактеристик сознательным отклонением от «объективной» самопрезентации; скорее он обусловлен неразработанностью навыков «предъявления себя».

МОБИЛЬНОСТЬ изменила повседневное поведение: люди более не привязаны к гаджетам и аппаратам на рабочем месте или в домашних условиях, им доступна индивидуально подобранная музыка, они постоянно «на связи», в их смартфонах и планшетах – энциклопедии, карты местности, фототека, рабочие и личные файлы, имеется доступ к удаленным хранилищам документов, игровому пространству, средствам управления финансами и т.д. и т.п. Перспектива выполнения трудовых операций в мобильном режиме воздействует на трудовые отношения и режим труда: менеджерам, людям творческих профессий, журналистам, торговым агентам, программистам, консультантам можно повседневно работать удаленно, напр. в режиме фриланс. В таком же режиме могут эффективно работать инвалиды или проживающие в удаленной местности люди: расширяется количество вакантных рабочих мест, на которые они претендуют.

Специалисты упоминают и другую «инвалидизацию»: острое переживание нехватки существенных моментов бытия при даже временном отсутствии доступа к компьютерам, смартфону, планшету, гаджетам и девайсам (Рассказова и др., 2015). «День без телефона и компьютера» всякий раз переживается весьма тяжело. В скандинавских странах утверждается, что доступ к Интернету – это одно из неотъемлемых человеческих прав; но при этом множество людей обходятся (полностью или частично) без доступа к технологиям и не считают себя обделенными. Известно, что одни родители ограничивают доступ своих детей к применению Интернета, в то время как другие не делают этого. В то же время отечественными и зарубежными специалистами единогласно признается значимость воздействия цифровых технологий на подрастающие поколения, в особенности на относительно ранних стадиях социализации (Марцинковская, 2010; Солдатова и др., 2018).

Изобилие средств фиксации изображений и звуков «засоряет» пространство Интернета за счет любительских фотографий, видеоизображений, музыкальных сочинений и т.п. Возможно, в последующем окажется необходимой «экологическая» программа освобождения киберпространства от никем не востребованных избыточных элементов, от их копий и «зеркал»; с другой стороны, развитие технологий ведет к «устареванию» некогда популярных форматов и к затруднению доступа к ранее выполненным документам.

ПОГРУЖЕНИЕ (ИММЕРСИЯ) в пространство Интернета может быть полным или частичным, временным или постоянным. Возражения против увлечения сервисами Интернета опираются на представления об (1) опасностях зависимости от Интернета (или от отдельных Интернет-сервисов – игровых, коммуникативных и др.) и (2) возрастании агрессивности и жестокости как результате участия в компьютерных играх – например, за счет действия психологического механизма десенситизации.

Интернет-зависимость может считаться одним из проявлений погружения. Она относится к числу поведенческих зависимостей, а среди последних – технологических зависимостей. Феномены зависимости от Интернета известны уже более 20 лет, в течение этого периода недостаточное внимание уделялось методологии, выработке критериев, согласованности разновременных данных. В последние годы, правда, предпринимаются усилия, направленные на увеличение надежности получаемых результатов, а в МКБ-11 появилось упоминание об опасности заболеваний, вызванных компьютерными играми.

Сильную полемику вызывают представления о перспективах развития агрессивности и жестокости у игроков в компьютерные игры (Войскунский, 2010). Утверждение, что рост агрессивности имеет место, опирается на корреляционные исследования, в то время как нет установленной причинно-следственной связи между увлечением компьютерной игрой и развитием агрессивности и жестокости у детей и подростков. Причиной разных точек зрения выступает различие научных подходов к проблеме, ее терминологическая непроработанность. Тезис о развитии агрессивности и жестокости (в результате, напр., десенситизации) не получил убедительного решения даже в более разработанной проблемной области – влиянии на подрастающее поколение телевидения и кинематографа.

РАСПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ: в киберпространстве относительно нетрудно отыскать единомышленников, выполнить деловые и/или личные взаимодействия, согласовать общие действия, распределить рабочие операции. В социологии признается ценность т.н. слабых связей (Грановеттер, 2009) между людьми для проведения ими досуга, получения информации, повышения эффективности труда,

гражданского участия. Для слабых связей одно из лучших средств обеспечения и поддержки – это Интернет. Сервисы Интернета способствуют созданию новых видов слабых связей (напр., сообществ по интересам), которые зачастую не ведут к долговременным и тесным личным отношениям; переменный состав сообществ на основе слабых связей соответствует интересам самих участников. Участие в социальных сетях опирается по большей части на слабые связи. Как общности с размытыми границами и неинтенсивными контактами между своими членами, социальные сети отличаются от таких объединений, как группы. Благодаря Интернету такие сети-сообщества стали глобальными, зачастую не только массовыми, но и эффективными, а число сетевых любительских проектов активно множится (Ширки, 2012).

Следует ожидать, что стремительное развитие сетевых цифровых технологий будет способствовать появлению новой феноменологии, связанной с человеческим поведением.

Литература:

Белинская Е.П. Психология Интернет-коммуникации. М.: МПСУ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2013.

Войскунский А.Е. Развивается ли агрессивность у детей и подростков, увлеченных компьютерными играми? // Вопросы психологии. 2010. № 6. С. 119-130.

Войскунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.

Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36-49.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31—50.

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90-102

Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. М.: Акрополь, 2015.

Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн: Человек в эпоху Интернета. М.: КоЛибри, 2011.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2018.

Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147-162.

Ширки К. Включи мозги. Свободное время в эпоху Интернета. М.: Карьера Пресс, 2012.

Yee N. The Proteus Paradox: How Online Games and Virtual Worlds Change Us—And How They Don't. Yale University Press, 2014.

Сведения об авторе.

Войскунский Александр Евгеньевич, к.п.н, ф-т психологии МГУ, вед.н.с., vae-msu@mail.ru

DIRECTIONS OF STUDIES IN CYBERPSYCHOLOGY

Voiskounsky A.E.

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Keywords: cyberpsychology, virtuality, anonymity, hybrid behavior, leveling up reputation, mobility, immersion, distributed behavior

Abstract. The leading directions of cyberpsychological studies describing human behavior (interactive, cognitive, gameplaying, consumer, etc.) on the Internet are introduced and discussed. These directions include: anonymity, hybrid behavior (transfer from virtual to real life and vice versa), leveling up reputation, mobility, immersion, distribution.

«ОТРАВЛЯЮЩИЕ АТАКИ» НА МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СЕТИ: ВЕРСИЯ НАРРАТИВА УГРОЗЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ²

Подьяков А. Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт психологии РАН, г. Москва

Ключевые слова: троянское обучение, отравляющая атака, вербальная креативность, семантическая сеть, нарратив угрозы

Аннотация. Дается краткий обзор некоторых исследований дачи ложных подсказок и троянского обучения (обучения со скрытыми, не декларируемыми целями тому, о чем не подозревает обучаемый). Предлагается рабочая классификация, позволяющая различать ситуации ложных подсказок и троянского обучения, в разной степени связанные с речевой деятельностью как одной из важнейших для человека. С целью объединения исследовательского поля, отталкиваясь от аналогии с исследуемыми в настоящее время «отравляющими атаками» на системы машинного обучения», можно интерпретировать ложные подсказки и троянское обучение как «отравляющую атаку на семантическую сеть». Рассматриваются возможные аспекты проблемы, связанные с подавлением вербальной креативности и исполнения. В заключение ставится вопрос о динамике представленности нарративов о ложных подсказках (обучении со злым умыслом) в различные периоды и в различных обществах, в том числе цифровом.

В театральной среде рассказываются истории о розыгрышах, когда актера более опытные партнеры предостерегают перед выходом на сцену: «Ты там не скажи ... вместо ...» (за «не скажи» идет неправильное слово или смешно переименованная реплика). И именно то, от чего якобы отговаривали, на сцене закономерно и произносится – на радость советчику и залу. Другой вариант – неправильная подсказка от суфлера, решившего, например, проучить зазнавшегося актера или актрису. Эти истории – часть

² Исследование поддержано РФФИ, проект 18-29-03167.

более широкого пласта нарративов, восходящих к таким общекультурным формам накопления и передачи социального опыта как народные сказки. В них нередко представлены ситуации, когда одни персонажи учат других тому, что для последних невыгодно или опасно: Баба-Яга учит Иванушку садиться на лопату, чтобы засунуть его в печь; лиса учит волка ловить рыбу на собственный хвост в проруби, в результате хвост примерзает, и волк его лишается; Братец Кролик учит Братца Лиса, как вести себя тому, кто хочет правдоподобно изобразить покойника при появлении друзей, и т. д.

Ложные наводки и подсказки, акты «троянского» (обманного) обучения стали объектом научного изучения (Лефевр, 1973; Поддьяков, 2006, 2011; Kline, 2015; Rhodes et al., 2015).

В.А. Лефевр в своей теории конфликтующих структур и рефлексивного управления ввел понятие «формирование доктрины противника посредством его обучения». Одно из проявлений такого обучения на материале спорта состоит в том, что «футболист-нападающий систематически сознательно "попадает" на определенное действие одного из защитников. В результате защитник закрепляет данное действие как стандарт противодействия данному нападающему, что и используется нападающим в решающий момент» (Лефевр, 1973, с. 51).

Понятие «троянское обучение» (обучение со скрытыми, не декларируемыми целями тому, о чем не подозревает обучаемый) пересекается с понятием «формирование доктрины противника посредством его обучения», но не совпадает с ним (Поддьяков, 2011). Не всякое формирование доктрины противника посредством его обучения является скрытым троянским обучением. Например, в случае убежденности субъекта в своем явном превосходстве и в будущем проигрыше соперника он может предъявить ему свою и его доктрину для сопоставления в явном виде, не таясь, без скрытых манипуляций, в расчете на здравый смысл противостоящего субъекта. Также есть троянское обучение «с добрым умыслом», рассматривающее другого субъекта не как противника, а как не вполне разумного подопечного, которому из лучших побуждений стремятся помочь – например, вводя содержание, которому ученик не хочет обучаться, в особо привлекательной оболочке, и именно она выглядит для ученика главной составляющей (Boyle, 2001; White, 2004). При этом психологическая манипуляция и обучение тому, о чем не догадывается обучаемый, есть в ситуациях троянского обучения обоих типов – и со злым, и с добрым умыслом.

Мы провели теоретический анализ явления троянского обучения и серию эмпирических исследований с участием людей разного возраста (Поддьяков, 2006, 2011). Так, дошкольникам описывалась сказочная ситуация, в которой злые гиены решили поохотиться на беззащитных птенчиков, а храбрый львенок Симба решил их спасти. При этом и гиенам, и львенку для реализации их жестоких или же гуманных замыслов не хватает владения некоторыми знаниями и умениями. Ребенку задавались вопросы, надо ли учить гиен (или львенка) правильному или неправильному птичьему языку, учить ли их хорошо лазать по деревьям и т.д. Абсолютное большинство детей 5-6 лет давали ответы о необходимости правильного, эффективного обучения львенка и обманного обучения гиен. Это вполне согласуется с житейскими наблюдениями – на вопрос актера, играющего в спектакле волка, о том, куда убежали зайцы, дети отвечают так, чтобы обмануть его. Но в нашем эксперименте речь шла не просто об указании неправильного направления, а о некотором базовом понимании ребенком, что такое обучение, и понимании различных последствий правильного и обманного обучения в разных областях (Поддьяков, 2006).

В аппаратурном эксперименте М. Rhodes с коллегами показано, что дошкольники могут учить другого правильно, а могут, обманывая – создавая условия, чтобы другой сделал неправильные выводы из представленной ему информации. А именно, дети демонстрировали кукле работу технической игрушки на релевантных примерах, если взрослый просил ребенка показать кукле такие примеры, из которых можно узнать правило работы этой игрушки. Если же взрослый просил ребенка подшутить над куклой и запутать ее так, чтобы она пришла к неправильному заключению о работе устройства, дети подыскивали и показывали кукле нерелевантные примеры, провоцирующие ошибочный вывод (Rhodes et al., 2015). Задача требовала понимания логики работы устройства, умения строить умозаключения, а также социального интеллекта (встать на позицию другого, понять, из какой информации какие выводы он может сделать, и суметь обмануть его).

М. Клайн, ссылаясь на С.М.Камакау, пишет, что на Гавайях, где между жителями-рыбаками была очень высока конкуренция за рыбные ресурсы, дети должны были быть «скептическими учениками», поскольку имелся значимый риск стать жертвой обмана. Она также ставит более общую проблему «скептицизма» учащихся по отношению к информации, получаемой, возможно, от не вполне добросовестного «донора» (Kline, 2015).

Ситуации троянского обучения достаточно распространены в обычной жизни – таково мнение участников опроса – 393 россиян и 279 американцев от 16 до 59 лет. Более 80% респондентов – и россиян, и американцев – ответили, что обучение «со злым умыслом» бывает в реальной жизни и имеет место в школах и университетах. Около половины участников отмечали случаи, когда их учебе мешали из недружественных побуждений, а также пытались проводить по отношению к ним обучение «со злым умыслом». От 9 до 23% респондентов в разных подгруппах (в том числе некоторые профессиональные преподаватели) ответили, что сами проводили такое обучение по отношению к кому-то (Поддьяков, 2011).

В области машинного обучения, где системам искусственного интеллекта необходимы большие массивы обучающих примеров, изучаются возможности хакеров в отношении организации «отравляющих атак» на базы этих примеров (Jagielski et al., 2018). Речь идет о том, чтобы, скрыто подгрузив в базу минимальное количество особым образом подобранных примеров, нарушить процесс эффективного обучения и последующего принятия решений. (Подходящая метафора – минимально необходимая ложечка дегтя для порчи наибольшей бочки меда.) Понятно, что порча, «отравление» совокупности примеров, собранных для обучения распознавания болезни, может иметь серьезные практические следствия. Пока, к счастью, таких прецедентов не было, но превентивное исследование возможностей в этой области ведется – как и разработка контрмер (там же).

При этом, подчеркнем, здесь пока не идет речь об изменении самой обучаемости системы хакером при атаке. Атакуется, «отравляется» лишь массив предъявляемых примеров. Но теоретически возможны атаки именно на обучаемость – если рассматривать ее как потенциально подверженную влиянию техническую характеристику системы (Поддьяков, 2007).

Далее мы обратимся к пересечению некоторых из обозначенных выше тем. Это возможная модель снижения, подавления вербальной креативности и исполнения путем «отравляющей атаки» на семантическую сеть.

Предложим рабочую классификацию, позволяющую различать ситуации, в разной степени связанные с речевой деятельностью – одной из важнейших для человека.

А именно, ложные подсказки («отравляющие атаки», троянское обучение), в разной степени связанные с речевой деятельностью, можно классифицировать по параметрам «мишень – средство влияния» следующим образом.

1. Мишени:

- а) речевая деятельность;
- б) не речевая деятельность

Критерий различения: используется ли ложная подсказка («отравляющий пример», троянское обучение) для того, чтобы вызвать сбой, неуспех речевой или же другой – неречевой – деятельности.

2. Средства ложной подсказки (троянского обучения):

- а) речевые (вербальные);
- б) невербальные средства (картинка, указательный жест и т.д.).

Тогда в рамках этой рабочей классификации мы получаем 4 класса ситуаций.

1. Мишень – речевая деятельность, средство влияния – речевой, вербальной природы. Примеры в человеческом общении – актерские ложные подсказки, обучение не понимающих «иностранным языкам», нецензурным выражениям под видом благопристойных и пр.

2. Мишень – речевая деятельность, средство влияния – невербальные наводки, указания (например, указательный жест не на то место в учебнике, которое надо читать, а на другое, для соученика при опросе учительницей).

3. Мишень – неречевая деятельность, средство влияния – речевая деятельность (пример – вербальная инструкция новичку, как сделать что-то технологически неправильное, чтобы подшутить или же скомпрометировать, устранить потенциального конкурента).

4. Мишень – неречевая деятельность, средство влияния – невербальные наводки, указания (например, указательный жест, провоцирующий неправильное действие).

В предлагаемых терминах, ложные подсказки, «вредные советы» актеру («Ты там не скажи ... вместо ...») – это «отравляющая атака» на его семантическую сеть. То, от чего якобы предостерегают, становится «отравляющим», «заякоривающим», закрывающим всё остальное примером с неадекватно большим весом в семантической сети. Настолько большим, что произнесение на сцене озвученного до этого «шутником» неправильного варианта становится очень вероятным. При этом в живом общении людей огромное значение имеют и личные коммуникативные способности «подсказчика», включая невербальную составляющую, а также подверженность выбранной жертвы психологическому влиянию (вообще или только влиянию данного человека, в данных обстоятельствах).

При моделировании отравляющей атаки на виртуальную семантическую сеть речь может идти о влиянии посредством изменения весов узлов и связей. Напрашивающаяся грубая метафора – «дебилизация» сети в отношении возможностей поиска на ней интеллектуальных и креативных решений. Но, теоретически рассуждая, «отравляющая атака» может быть направлена и на неадекватное повышение креативности. Если семантическая сеть, поддерживающая разработку креативных рекламных слоганов, в результате хакерской атаки начнет выдавать чересчур креативные и потому «дико выглядящие», непонятные для большинства целевой аудитории слоганы, эту атаку тоже

можно считать «отравляющей» - интеллектуальная система сильно отклонилась от требуемого оптимума решений.

Анализируя динамику представленности нарративов о ложных подсказках (обучении со злым умыслом) в различные периоды и в различных обществах можно оценить воспринимаемую важность (опасность) этих явлений в общественном сознании. В том числе, представляет интерес вопрос, претерпит ли эта динамика изменения в «цифровом обществе», где идея троянского обучения (в виде отравляющих атак на системы машинного обучения) органично встраивается в представления о нарастающих возможностях взлома всего и вся – и, вероятно, укрепляет эти представления. Или же динамика представлений не изменится, а просто в массив сюжетов о ложных подсказках и обучении со злым умыслом будет добавлено еще несколько подтипов, что на настоящий момент тоже можно считать вероятным.

Литература.

Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.

Поддьяков А.Н. Противодействие обучению конкурентов и троянское обучение в информационных технологиях // 1-ая Международная конференция по бизнес-информатике. Труды международной научно-практической конференции, 9-11 октября 2007 г. Звенигород, 2007. С. 261-269. <http://www.hse.ru/data/142/913/1235/zvenigorod.doc>.

Поддьяков А.Н. Психология конкуренции в обучении. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.

Поддьяков А.Н. Троянское обучение в экономическом сознании и поведении // Культура и экономическое поведение / Под ред. Н.М.Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 421-444.

Boyle M. The Computer as a Trojan horse // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2001. Vol. 17. P. 251-262.

Jagielski M., Oprea A., Biggio B., Liu C., Nita-Rotaru C., Li B. Manipulating machine learning: poisoning attacks and countermeasures for regression learning. 2018. <https://arxiv.org/abs/1804.00308>.

Kline M. How to learn about teaching: an evolutionary framework for the study of teaching behavior in humans and other animals // *Behavioral and Brain Sciences*. 2015. Vol. 38. e31. doi:10.1017/S0140525X14000090

Rhodes M., Bonawitz E., Shafto P., Chen A., Caglar L. Controlling the message: preschoolers' use of information to teach and deceive others // *Frontiers in Psychology*. 2015. 6. 867. doi:10.3389/fpsyg.2015.00867

White A.L. The pedagogical Trojan horse: handheld technologies in the secondary mathematics classroom // *Proceedings of the 2nd National Conference on Graphing Calculators*. October 4-6, 2004. P. 105-112.

Сведения об авторе.

Поддьяков Александр Николаевич. Доктор психологических наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

POISONING ATTACKS ON MACHINE LEARNING AND SEMANTIC NETWORKS: A VERSION OF A THREAT NARRATIVE IN DIGITAL SOCIETY

Poddiakov, A.

National Research University Higher School of Economics, Institute of Psychology of RAS,
Moscow

Key words: “Trojan horse” teaching, poisoning attack, verbal creativity, semantic network, threat narrative

Abstract. A brief review of studies of false tips and “Trojan horse” teaching is presented. A classification giving opportunity to distinguish between situations of false tips (“Trojan horse” teaching) differing in their relations to verbal activity is described. Based on an analogy with “poisoning attacks on machine learning”, one can interpret some verbal false tips and “Trojan horse” teaching as “poisoning attacks on a semantic network”. Various aspects of inhibition of verbal creativity and performance are considered. An issue of dynamics of narratives of false tips and teaching “with evil intent” in various periods and various societies including digital one is introduced.

НОМО DIGITAL: ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Гусельцева М.С.

ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва

Ключевые слова: методология, информационная культура, цифровая среда, идентичность, транзитивность, виртуальность, современность.

Аннотация: Современность и происходящие в ней изменения являются сферой трансдисциплинарного познания. В психологических исследованиях идентичности важны контексты глобализации, транзитивности, виртуальности, а также микширование тенденций и появление новых системных качеств. В изучении информационной культуры произошел переход от анализа общих характеристик к дифференциации слоев; появились разновидности информационной грамотности: компьютерная, цифровая, коммуникативная, сетевая (нетикет), медиаграмотность; меняются коммуникативные стратегии и нормы. В качестве устойчивых трендов представлены самоорганизация сетевых сообществ, персонализация, вариативность цифрового поведения. Посредством интерактивности, персонификации цифровой среды, творчества новых культурных практик и норм развивается субъектность. Неочевидным последствием информатизации культуры становится тот факт, что цифровая среда латентно влияет на всех, даже на тех, кто не пользуется электронной почтой, смартфоном и компьютером.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Современность как предмет изучения является областью трансдисциплинарного познания: представители разных наук описывают ее особенности, выделяют ведущие тенденции. В психологических исследованиях современность предстает в аспектах

глобализации, транзитивности, виртуальности и обусловленной этими процессами трансформации идентичности.

С позиции анализа информационной культуры глобализация рассматривается как интеграция пространства посредством коммуникации и микширования, где транснациональные процессы усиливают персонализацию и стилистическое разнообразие повседневности. Транзитивность обсуждается как изменчивость и неопределенность; текучесть обновления, ставшая естественным фоном жизни подрастающих поколений (Марцинковская, 2018). Под виртуальностью понимается цифровая среда (the digital), где исследователи фиксируют динамику виртуальности и реальности, возникновение смешанного пространства (Мороз, 2018). Методологической проблемой изучения трансформации идентичности в информационной культуре становится наблюдение и описание происходящих перемен как в глобальных, так и локальных, неочевидных аспектах.

В ретроспективе минувшего десятилетия не только изменились представления о глобализации, транзитивности и виртуальности, но и возникли «археологические» слои информационной культуры. В выступающей прежде как целостность цифровой среде (the digital) можно отследить ее трансформации, этапы, выделить качественные пласты. Отметим коммуникативное разнообразие и неоднородность информатизации социального пространства, где представлены субъекты как пользующиеся сотовым телефоном исключительно как телефоном, так и настаивающие на «конце телефонной культуры» ("telephone culture is disappearing"); сосуществуют и частично пересекаются сообщества ЖЖ, Одноклассники, ВКонтакте, Facebook, Twitter, WhatsApp, Telegram, Instagram и т.п. По данным Brand Analytics основным источником информации для школьников выступает YouTube, нарастающий охват и среди других групп. Мобильность является ведущим трендом интернета, а оптимальным устройством производства разноформатного пользовательского контента устойчиво остается смартфон. Telegram захватил пространство медийной и форумной коммуникации, где широко представлены СМИ и блогеры, публичные чаты и целевые группы. WhatsApp занял нишу «народных бытовых публичных чатов». Во все сети проник story-формат, аккумулирующий «тренды видео, лайфов, мобайла и легкости коммуникации здесь и сейчас». При этом ЖЖ, демонстрируя неуклонное падение активности на самой площадке, по-прежнему выступает источником информации, потребляемой в социальных медиа за пределами ЖЖ (Социальные сети в России, 2017).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Проблемой изучения идентичности в информационной культуре является стремительное устаревание полученных данных. Замеры и выводы, касающиеся «коллективного портрета активного пользователя российских социальных сетей», теряют актуальность уже в течение года. По данным мониторинга Simone Philipp Management количество пользователей социальных сетей в России ежегодно увеличивается на 15% (Philipp, 2018). Проблемой выступает текучесть: меняется не только изучаемая реальность, но и представления о ней вынуждены пересматриваться. Изменилась представленность в повседневности виртуального пространства; опровергнуты данные о провоцировании агрессии посредством компьютерных игр, напротив, доказана их роль в снижении подростковой преступности; но при этом возросла доля киберпреступлений. Устойчивыми трендами остаются самоорганизация сетевых сообществ; персонификация цифровой среды; разнообразие стратегий цифрового поведения (Мороз, 2018).

Особенности социализации в цифровом пространстве обусловлены платформой Web.2.0. (понятие, введенное Т. О'Райли). Возникли разновидности информационной грамотности: медиаграмотность (способность критически оценить и верифицировать источники); компьютерная (умение освоить и использовать новые технологии); цифровая (компетенции в цифровой среде); нормативная и коммуникативная (культурные и коммуникативные практики); сетевая (нетикет); собственно информационная (привычка осмысленной работы с информацией); установлено движение от медиаграмотности (Media Literacy) к цифровой грамотности (Digital Literacy) (Belshaw, 2011).

Внимания требуют изменение словаря и изобретение фиксирующих новые реальности терминов; но нередко понятия остаются теми же, а меняются обозначаемые ими повседневные практики. Информационная культура предстает как реальность, включающая технологии, коммуникативные связи, способы общения, изменение социальных норм и особенностей переработки информации. Математики, социологи, психологи, историки культуры изучают цифровую среду в разных планах анализа. Надстраивающийся над этим трансдисциплинарный подход помогает обобщить и связать разные уровни и типы исследований.

САМООРГАНИЗАЦИЯ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ, ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ СРЕДЫ, НОВАЯ ЭТИКА

Черта современности – социальные сети, где совершается взаимопревращение глобальной и локальной коммуникативной среды. Они описываются как «автоматизированный, интерактивный, многопользовательский сервис» для коммуникации субъектов в малых и больших сообществах; основу их составляют ячейки «друзей» и круги «малых связей»; контекст сервиса создается непосредственно участниками сети (Битков, 2012). С психологических позиций социальные сети представлены как «личные контакты между людьми, которые знают друг друга и готовы оказывать друг другу помощь независимо от должностного статуса, места работы и профессии» (Нестик, 2010, с. 24).

В самодеятельности социальных сетей развивается субъектность – через персонализацию коммуникативной среды; избирательность контактов; выборы конфигураций. Акторы учатся расширять когнитивные возможности при помощи сетевого интеллекта. Новая феноменология (транспарентность, «цифровые следы») рождает культуральные практики (например, «цифровые кладбища») и этику. Особенностью цифровой среды являются интерактивность и коммуникативность, перетекание информации в коммуникацию, имеющие следствием усиление субъекта и субъектности в цифровом пространстве (Jenkins, 2006). Понятие Г. Дженкинса «культура участия» (participatory culture) показывает сопротивление сети возможностям внешнего воздействия: сообщество устойчиво воспроизводит собственные нормы в ходе самопрограммирования. Субъекты цифровой среды являются активными творцами информационной культуры, стихийно производят новые экономические, политические и культуральные смыслы. Непреднамеренным действием становится трансфер практик и этических норм из online в offline: то, что в сетевой реальности проявляется как персонализация, в повседневности оказывается запросом на политическое участие.

Цифровая среда способствует не только субъективизации, но и просьюмеризму ("a prosumer is a person who consumes and produces a product" (Toffler, 1980)) – самотворчеству идентичности, жизненного мира, цифровой среды; в движении от потребления к производству субъекты создают контент сетевой реальности. Будучи

творцом и актором в сети субъект переносит эту стилистику в повседневность. Просьюмеризм усиливает внутренние локусы контроля в диапазоне от конструирования идентичности до благоустройства жизненного мира и цифровой среды под интересы и потребности. Неочевидным следствием информатизации культуры становится тот факт, что цифровая среда влияет на всех, даже на тех, кто не пользуется электронной почтой, смартфоном и компьютером. Спонтанно выработанные online-нормы транслируются в offline. На примере трансформацией телефонного этикета можно проследить изменение поведенческих стратегий. Человек, желающий владеть информацией и быть в коммуникативном мейнстриме, вынужден своевременно осваивать новые платформы. О статусе человека (его современности) свидетельствуют его мессенджеры. О.В. Мороз обозначает диверсификацию коммуникативной среды: «Я считаю звонок по мобильному телефону вторжением в личное пространство, а кто-то отказывается писать электронные письма и сообщения...» (Мороз, 2017). Общение по мобильному телефону и sms-формат превратилось в археологические слои информационной культуры. Однако они продолжают быть актуальными для многих людей – в силу сформировавшейся привычки, нежелания покидать зоны информационного комфорта. Между тем смена поведенческих норм демонстрирует, что тревоги о том, глобализация элиминирует различия, а сетевая эпоха покушается на приватность, преждевременны, ибо самоорганизация культуры ответила на эти вызовы. Тренд изменения стратегий коммуникации зафиксировал А. Мадригал: люди не отвечают на телефонные звонки из-за их назойливого вторжения в личное пространство (Madrigal, 2018).

Концепция интеллектуальных сетей Р. Коллинза, согласно которой значимость и продуктивность субъекта определяются положением в коммуникативном пространстве, оказалась верна и для социальных сетей: быть в эпицентре современности – успевать перескакивать на более продвинутые платформы, служащие агрегаторами новостей. Недостаточно мобильный субъект отстает от изменений информационной культуры. «Нужно следить за новинками и понимать, когда коммуникация с помощью какой платформы становится популярной, на какую платформу имеет смысл переходить, если ты хочешь получить максимум контактов, а с чем имеет смысл прощаться. Необходимо понимать, что существует нетикет, или сетевой этикет, и он различается в разных пространствах. Он отличается в соцсетях (и в каждой отдельно тоже), в микроблогах, в почте, и все эти этикетки еще и меняются – и относительно друг друга, и внутри себя» (Мороз, 2018). Таким образом, современный человек принужден к усилию постоянно учиться, осваивать новые технические возможности и меняющиеся нормы.

ЛАТЕНТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Каким образом «культурный софт» и «информационная эстетика» меняют поведенческие стратегии субъекта и его способы восприятия прослеживает Л. Манович, полагая, что посредством новых технологий выявляются невидимые слои современной культуры и тем самым происходит трансформация представлений субъекта о культуре и о собственной субъективности (Manovich, 2008).

Упускаемой из внимания возрастной группой при изучении социальных сетей, согласно Ж. Марш, являются дошкольники и младшие школьники. В ее исследовании 175 детей от 5 до 11 лет посредством игры взаимодействовали с offline и online пространствами. В виртуальном мире дети конструировали, реконструировали и проявляли (perform) свою идентичность, а также взаимодействовали с другими людьми в online-форумах. В современной информационной культуре, где социальные сети популярны среди подростков и молодежи, активная деятельность дошкольников и младших школьников в сети не только развивает их коммуникативные навыки и

цифровую компетентность, но обучает безопасно перемещаться по интернет-пространству, соблюдать этические нормы, устанавливаемые самим online-сообществом (Marsh, 2010). Это понуждает к разработке воспитательных стратегий, усиливающих рефлексивные и критические позиции в отношении аспектов их информационной безопасности, поскольку виртуальное пространство является для современных детей не просто частью online-игры, но значимой повседневностью. Ж. Марш призывает не игнорировать online-реальности как несущественные и не критиковать как потенциально вредные среды, но изучать их возможности, чтобы определить, какие ресурсы дети получают от жизни в этих мирах и как на основе этого опыта перестраивать обучение и школьное образование (Marsh, 2010).

Цифровую реальность изучают сегодня социологи, психологи, философы, педагоги. Трансдисциплинарный подход позволяет обобщить разнообразие исследований в единой концептуальной рамке.

Литература

Битков Л.А. Социальные сети как коммуникационная среда // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. № 1 (9). С. 9–13.

Мороз О.В. Я считаю интернет правом, мои родители – скорее зависимостью // Газета.Ру, 2017. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2017/08/18_a_10837418.shtml

Нестик Т.А. Интеллектуальные сети: от сетевого индивидуализма к творческому капиталу // Образовательная политика. № 7–8 (45–46). 2010. С. 19–30.

Социальные сети в России, лето 2017: цифры и тренды. URL: <http://blog.br-analytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-letu-2017-tsifry-i-trendy/>

Belshaw D.A.J. What is digital literacy? A Pragmatic investigation. A thesis submitted in 2011 to the Department of Education at Durham University for the degree of Doctor of Education. United Kingdom, 2011. URL: <https://dmlcentral.net/wp-content/uploads/files/doug-belshaw-edd-thesis-final.pdf>

Madrigal A.C. Why No One Answers Their Phone Anymore: Telephone culture is disappearing // The Atlantic. May 31, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/05/ring-ring-ring-ring/561545/>

Manovich L. Software takes command. 2008. URL: <http://faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/Manovich-Software-Takes-Command-ebook-2008-excerpt.pdf>

Marsh J. Young children's play in online virtual worlds // Journal of Early Childhood Research. 2010. Vol. 8. P. 23–39.

Philipp S. Essential digital, social media and mobile usage data 2018 // Source & pictures: We Are Social, 2018. URL: <http://www.simonephilipp.com/digital-social-media-and-mobile-usage-data-2018/>

Сведения об авторе

Гусельцева Марина Сергеевна. Доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Психологический институт РАО, Москва. E-mail: mguseltseva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0545-0612

Guseltseva Marina S.

Psychological Institute, Moscow, Russia

Keywords: methodology, information culture, the digital, identity, transitivity, modernity

Abstract. Modernity and its changes are a field of transdisciplinary study. In psychological identity research the processes of globalization, transitivity, virtuality are important. In the study of information culture has taken place a transition from the analysis of general characteristics to the differentiation of layers; there were types of information literacy: computer, digital, communicative, network (netiquette), media literacy; communicative strategies and norms change. Self-organization of networked communities, personalization, variability of digital behavior are presented as trends. Subjectivity develops through interactivity, the personification of the digital, the creation of new cultural practices and norms. A non-obvious consequence of the informatization of culture is the fact that the digital has a latent effect on **everyone, even on those who do not use e-mail, a smartphone and a computer.**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ.

Дубовская Е.М.

Факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва

Ключевые слова: социализация, транзитивное общество, информационное пространство, социальные нормы, индивидуальные нормы

Аннотация. Современные представления о процессе социализации сложились к концу прошлого столетия. Основные из них это положение об активности личности в процессе социализации, иными словами личность выступает субъектом своей социализации. Еще одно из этих положений сводится к тому, что в процессе социализации существует бесконечное число индивидуальных различий, которые отражают общее направление изменений самого процесса социализации. Множественность как процесса социализации, так и его результата. И, наконец, принцип вероятностной детерминации социализации личности. В статье делается попытка выделить особенности процесса социализации в условиях транзитивности и роли информационного пространства как фактора социализации. Перспективное направление взаимодействия транзитивности и информационного пространства при анализе соотношения усвоение и реализации опыта.

Современные представления о процессе социализации сложились к концу прошлого столетия. Основные из них это положение об активности личности в процессе социализации, иными словами личность выступает субъектом своей социализации. Еще одно из этих положений сводится к тому, что в процессе социализации существует бесконечное число индивидуальных различий, которые отражают общее направление изменений самого процесса социализации (Марцинковская, 2015; Мудрик, 2011 и др.). Множественность как процесса социализации, так и его результата. И, наконец, принцип вероятностной детерминации социализации личности. Реализация этих и еще некоторых

положений позволила сформулировать подход к социализации как к индивидуальному пути развития человека (Дубовская, 2002). Рассмотрение социализации в рамках культурно-исторической парадигмы акцентировало внимание авторов на социальном контексте, на характеристиках современного состояния общества. Реализация этого направления в исследованиях социализации личности конкретизируется в понятиях «транзитивность» и «транзитивное общество». Интерпретацию психологического содержания понятия «транзитивное общество» мы находим у разных авторов. Так Т.Д.Марцинковская в книге «Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа» посвятила проблеме социальной транзитивности главу, в которой подробно анализирует психологическое содержание понятия транзитивности и выделяет следующие феномены, характеризующие транзитивное общество:

Кардинальные социальные трансформации.

Глобализация, ведущая к расширению пространства, в том числе и пространства межличностных контактов.

Усиление социальной неопределенности, связанной, прежде всего с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном изменяющемся мире.

Расширение информационного пространства и усиление его роли, частично заменяющее межпоколенные связи. (Марцинковская, 2016)

Особенное внимание хотелось бы обратить на последний выделенный феномен, а именно на расширение информационного пространства. Именно через этот феномен мы можем выйти на проблему взаимосвязи социальной транзитивности и информационного пространства как культурно-исторического контекста социализации личности на современном этапе.

В условиях транзитивного общества процесс социализации приобретает принципиальную противоречивость. С одной стороны, социализация – трансляция устоявшегося, закрепившегося социального опыта, с другой – в современной ситуации опыт поколений фиксируется совершенно по-новому. Особое место, как мы уже писали, занимает проблема формирования ценностей именно в юношеский период развития личности. С одной стороны, это очень важный период в жизни личности, с другой – он может выступить индикатором изменений в процессе социализации (Дубовская, Киселева, 2018).

Е.П.Белинская также отмечает особое место подросткового и юношеского периода в жизни человека. Она пишет: «Особое значение «информационное измерение» содержания социализации имеет для подросткового и юношеского возраста. Оно определяется как минимум двумя взаимосвязанными группами причин. Во-первых, известные возрастные задачи развития (расширение круга общения и взаимодействия, активный поиск референтных групп, различные линии конструирования социальной идентичности) определяют ведущее значение коммуникативной составляющей на данном этапе, в том числе и в ее «новых ипостасях». Во-вторых, представляется, что именно данный возраст становится «проводником» норм и правил взаимодействия информационной эпохи в другие возрастные страты.» (Белинская, 2013).

Появление информационного пространства необходимо рассматривать не только как следствие возникновения новых технологий. В настоящее время можно констатировать цивилизационные, а не только социальные изменения, что связано с появлением не просто новой техники, но новой технологии, нового технологического пространства. Новые технологии стали неотъемлемой частью жизни современных

людей, причем их влияние становится все более масштабным и всеобъемлющим [Марцинковская, 2015].

Таким образом, можно сказать, что современная социальная ситуация представляет собой новое постоянно изменяющееся и имеющее сложную структуру социальное пространство. Глобальные социальные трансформации с неизбежностью приводят к изменениям и в процессе социализации личности. Перед исследователями встает задача изучения особенностей процесса социализации в изменившихся социальных обстоятельствах. Особое место занимает анализ роли информационного пространства как фактора социализации. Перспективное направление взаимодействия транзитивности и информационного пространства при анализе соотношения усвоения и реализации опыта. С одной стороны, информационные технологии усложняют и чрезвычайно расширяют пути усвоения человеком представлений об окружающем его мире, с другой – в них заложены специфические механизмы реализации усвоенного. Виртуальная среда делает две стороны социализации более тесно и очевидно связанными.

Социальная транзитивность предполагает также множественность нормативно-ценностных систем и соответствующих им паттернов социального поведения, следовательно, исследование соотношения двух этих факторов в процессе социализации является важнейшей задачей социальной психологии. Информационное пространство требует от личности следования чрезвычайно широкому спектру норм, которые при этом еще и весьма неопределенны. Однако контроль за соответствием тем или иным нормативным предписанием в виртуальной реальности реализовать довольно трудно. Эта особенность информационной среды дает возможность изучения еще одного важного сюжета социализации личности - соотношения индивидуальных регуляторов поведения и тех социальных представлений, которые выступают источником для индивидуальных норм. Иными словами, взаимосвязь норм психологических и социальных.

В заключение можно сказать, что «транзитивность» и «виртуальность» два понятия, которые во многом отражают специфичность и противоречивость процесса социализации личности в современном мире.

Литература

Белинская Е.П., Гавриченко О.В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности. Психологические исследования. Электронный журнал. Том 11 №. 60. 2018

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. Психологические исследования. Электронный журнал том 6. № 30 2013.

Дубовская Е.М. Социализация в изменяющемся мире. В кн.: Социальная психология в современном мире. М., Аспект-Пресс, 2002. с.148-161

Дубовская Е.М., Киселева М.А. Социальная транзитивность как фактор формирования ценностной структуры в юношеском возрасте. Психологические исследования. Электронный журнал. Том 11 №. 60. 2018

Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М., 2015.

Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М., 2016

Мудрик А.В. Социализация человека. М.-Воронеж. 2011

INFORMATION SPACE AS FACTOR OF SOCIALIZATION OF THE PERSON IN A TRANSITIVE SOCIETY.

E.M.Dubovskaya

Faculty of Psychology of Lomonosov State University, Moscow

Keywords: socialization, transitive society, information space, social norms, individual norms

Abstract. The modern ideas about the process of socialization were formed by the end of the last century. The main of them is the provision on the activity of the individual in the process of socialization, in other words the personality acts as the subject of his socialization. Another of these provisions boils down to the fact that in the process of socialization there are an infinite number of individual differences that reflect the general direction of changes in the process of socialization itself. The multiplicity of both the socialization process and its result. And, finally, the principle of probabilistic determination of the socialization of the individual. The article makes an attempt to highlight the features of the process of socialization in conditions of transitivity and the role of the information space as a factor of socialization. Perspective direction of the interaction of transitivity and information space in the analysis of the correlation between the assimilation and realization of experience.

ОНЛАЙН И ОФЛАЙН КАК СМЕШАННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Полева Н.С.

ФГБНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

Ключевые слова: транзитивность, онлайн, офлайн, смешанная реальность

Аннотация. Транзитивность рассматривается как общее качество офлайн и онлайн реальностей. Тенденция к размыванию жестких границ между офлайн и онлайн, «текучесть» норм и ценностей, их трансформация рассматриваются как влияние фактора транзитивности. Сложное переплетение и взаимопроникновение онлайн и офлайн пространств в повседневной практике человека позволяет говорить о формировании принципиально нового культурного опыта. Это приводит к необходимости перехода от жесткого разделения в исследованиях онлайн и офлайн как разных пространств к пониманию информационной культуры как mixed reality, как единого информационного пространства жизни и деятельности человека.

Информационное пространство, в котором живут, действуют и взаимодействуют люди не предполагает разделение на онлайн и офлайн. Основные психологические составляющие транзитивности (множественность, изменчивость, неопределенность) (Марцинковская, 2018) релевантны для описания и исследований информационного пространства, как реального, так и виртуального.

На этапе появления и распространения Интернета, исследователи информационной социализации фокусировались главным образом на особенностях протекания процессов в онлайн по сравнению с офлайн. На этом этапе онлайн- и офлайн реальности жестко разделялись, основываясь на положении о различиях феноменов и поведения людей в разных средах и с помощью разных инструментов коммуникации. При этом виртуальное пространство рассматривалось в основном как рекреационное и компенсаторное, позволяющее человеку реализовать его потребности, которые представлялись ему недоступными или малоэффективными по тем или иным причинам в офлайн. Сегодня Интернет и цифровые технологии настолько широко распространены и включены в повседневные практики деятельности и коммуникации человека, что граница между онлайн и офлайн размывается, становясь все более условной. Исследования особенностей коммуникации подростков показали, что в начале использование социальных сетей рассматривалось как дополнение к их непосредственному общению офлайн. С развитием технологий и популярностью мобильного интернета границы общения и коммуникации онлайн и офлайн практически исчезают, и респонденты - подростки затрудняются с их разделением в своих ответах (Поливанова, Королева, 2016). Размывание границ между онлайн и офлайн подтверждаются и исследованиями особенностей конструирования идентичности. Сегодня уже не фиксируется прежнего расхождения между идентичностями онлайн и офлайн, которое было характерно для начального периода распространения социальных сетей (Белинская, Марцинковская, 2018).

Таким образом появляется новая тенденция в исследованиях - рассматривать онлайн и офлайн не как отдельные реальности, или онлайн как еще одной реальности, которая является расширением – дополнением к обычной, а как единое информационное пространство, в котором сложным образом переплетаются и объединяются онлайн и офлайн повседневной жизни человека. Сущность социального и социальности не изменяется с распространением Интернета. Люди продолжают общаться друг с другом, образуют сообщества, и цели их взаимодействия онлайн посредством цифровых технологий не отличаются от целей их коммуникаций в реальной жизни. Появляется понятие *mixed reality* (смешанной реальности) (Мороз, 2017).

Новая смешанная реальность диктует необходимость усвоения новых норм и правил взаимодействия с ней, а также технологий, с помощью которых возможна реализация этого взаимодействия. Уникальность сегодняшнего момента в том, что ранее таких практик и правил не существовало. Они не только формируются, но и изменяются буквально на наших глазах, что также является одним из проявлений транзитивности. Анонимность, предельная открытость, компенсаторность, рекреационность, возможность реализации альтернативных идентичностей, столь привлекательные для первых пользователей социальных сетей, сменяются ответственным авторским контентом, стремлением к обозначению и соблюдению границ своей приватности и других обитателей Сети, выполнением этических норм и правил экологичного взаимодействия (Мороз, 2017). Возрастает и уровень критичности по отношению к информации и ее источникам (Марцинковская, 2018).

Особенно выпукло эти изменения и трансформации проявляются в практиках повседневной жизни и взаимодействия людей. Еще вчера культура телефонных звонков представлялась нормативной практикой, а уже сегодня звонок многими рассматривается как нарушение приватности и границ личности. На смену культуре «телефонного звонка» приходит культура взаимодействия в различных мессенджерах со своими нормами и языком.

Кроме транзитивности важной характеристикой современной информационной культуры является феномен возрастающей сложности, неоднородности культуры, «неодновременности современности» (Гусельцева, 2017). «Неодновременность современности» проявляется в факторе одновременного сосуществования в одном пространстве - времени современной России информационной культуры, культуры индустриальной и аграрной архаики. Множественность и вариативность культур, культурная стратификация общества свидетельствуют о том, что общего хронотопа как единой культуры не существует. Такая гетерохронность по отношению друг к другу групповых и индивидуальных хронотопов фиксирует феномен Digital divide (цифрового неравенства). Речь идет не только о возможности доступа к Интернету и различиях в уровне владения цифровыми технологиями, но и различием в формировании социокультурных практиках повседневной жизни.

Несмотря на наличие доступа к Интернету практически у 80% россиян, в 819 из 1112 городов России полностью отсутствуют локальные цифровые услуги. В малых населенных пунктах интернет преимущественно используется для общения, в то время как жители крупных городов, помимо соцсетей и мессенджеров, используют интернет для совершения покупок, проведения финансовых операций и получения услуг (Цифровизация малых и средних городов России, 2018). Таким образом, структуры хронотопов разных социальных и возрастных групп (жителей мегаполисов, малых городов, сельских поселений, молодежи и людей пожилого возраста) различаются как по степени представленности в них виртуального пространства – времени, так и по содержанию. Это находит свое отражение в действиях и взаимодействиях людей в повседневной жизни, конструировании комфортного для себя взаимодействия и соотношения их онлайн и офлайн смешанной реальности.

Информационно-технологический подход к информационной социализации предполагает необходимость развития новых навыков и компетенций. Это инициирует разработку многочисленных моделей цифровой грамотности и цифровой компетентности. Но изменения в развитии цифровых технологий происходят быстрее, чем дополняется очередной перечень навыков и компетенций. Согласно Белшоу (Belshaw Doug, 2011), не существует одной-единственной стратегии правильного цифрового поведения и одной общей для всех цифровой грамотности (Мороз, 2017). В этом контексте транзитивность с неизбежностью актуализирует процессы индивидуализации. Это многократные выборы индивидуальных способов настройки и сочетания своего офлайн и онлайн бытования в новой смешанной реальности, которые обеспечивают индивидуальный способ комфортного, безопасного и экологичного решения своих потребностей и задач – коммуникации, развития, образования, рекреации, проблем повседневного быта, решения учебных и профессиональных задач, социального активизма и т.д.

Таким образом, транзитивность как ключевая характеристика современного постиндустриального общества является общей генерализированной характеристикой культуры нового типа – информационной культуры. Принципы гипертекста, составляющие основу работы компьютерных сетей и веб-сайтов виртуальной Интернет-реальности, не предполагают линейности и заключают сами в себе характеристики транзитивности. Эти принципы изложены в докладе Теодора Нельсона, где он впервые использовал термин «гипертекст» - «Файловая структура для сложного, меняющегося и окончательно неопределимого» ("A File Structure for the Complex, The Changing, And the Indeterminate"), (Nelson, 1965). «Сложное, меняющееся и окончательно неопределимое» являются характеристиками транзитивности - множественность, изменчивость, неопределенность.

Проявление транзитивности можно наблюдать сегодня в тенденции к размыванию границ между онлайн и онлайн и формированию новой смешанной реальности современной информационной культуры, а также в формировании и трансформации норм, этических правил и ценностей, которые изменяют практики повседневной жизни человека в смешанной реальности информационной культуры. Эти трансформации фиксируются психологическими исследованиями и, в свою очередь, определяют тенденции изменений самих этих исследований.

Литература

Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека, 14 – 17 февраля 2018, Коломна / под общ. ред. Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С.43 – 48.

Гусельцева М.С. Особенности межпоколенных отношений в условиях транзитивного общества // Мир психологии. 2017. №1 (89). С.38-51.

Марцинковская Т.Д. Транзитивное и цифровое пространство как новая психология повседневности // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека, 14 – 17 февраля 2018, Коломна / под общ. ред. Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С.219 – 223.

Мороз О.В. Культурные практики цифровой среды Курс лекций. ПостНаука. 2017. URL: <https://postnauka.ru/courses/81311>

Поливанова К.Н., Королева Д.О. Социальные сети как новая практика развития городских подростков // Вестник РГНФ. 2016. №1. С.173-180.

Цифровизация малых и средних городов России. Совместное исследование Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ и Яндекс.Такси. 2018. URL: <https://urban.hse.ru/news/220104443.html> (дата обращения 22.07.2018).

Belshaw Doug. The Essential Elements of Digital Literacies.2011. Available at: <https://gumroad.com/l/digilit> (дата обращения 22.07.2018).

Nelson T. H. Complex information processing: a file structure for the complex, the changing and the indeterminate // in Association for Computing Machinery: Proceedings of the 20th National Conference. Cleveland (Canada): ACM, 1965. pp. 84-100. DOI:10.1145/800197.806036.

Сведения об авторе.

Полева Наталья Сергеевна, кандидат психологических наук, г. Москва, ФГБНУ «Психологический институт» РАО, старший научный сотрудник лаборатории психологии подростка, proleva@mail.ru

Keywords: transitivity, online, offline, mixed reality

Abstract. Transitivity is presented as a general quality of offline and online realities. The tendency to erode the rigid boundaries between offline and online, the "fluidity" of norms and values, their transformation are seen as the influence of the transitivity factor. The complex interlacing and interpenetration of online and offline spaces in everyday human practice allows us to talk about the formation of a fundamentally new cultural experience. This leads to the need to move from a rigid separation in online and offline studies as different spaces to understanding the information culture as a mixed reality and as a single information space for human life and activity.

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ³

Нестик Т.А.

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, осознанность, групповое принятие решений, каузальная атрибуция, социальное доверие, толерантность к неопределенности, архитектура выбора.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, которые ставит внедрение технологий «слабого», или специализированного, искусственного интеллекта в повседневную жизнь для психологической науки и практики. Обращается внимание на исследование последствий использования алгоритмов для когнитивного и эмоционального развития личности; влияние культурных различий на разработку и подходы к использованию ИИ; возможности, открываемые ИИ для увеличения осознанности, конструирования личностью своей идентичности, образа Я и временной перспективы, для целенаправленного управления самопрезентацией; влияние программируемости мира на процессы каузальной атрибуции и доверие к социальным институтам; последствия использования машинного обучения в системах поддержки группового принятия решений; влияние ИИ на правовое сознание и способы мобилизации права. Особенно острыми признаются психологические проблемы, связанные с появлением «лишних людей», потерявших работу в ходе автоматизации. Автор обращает внимание на вероятность снижения осознанности и рефлексивности общества под влиянием цифровой «архитектуры выбора», а также на увеличение культурного разрыва между теми, кто готов к неопределенности и выбору, а теми, кто стремится избежать

³ Исследование выполнено по гранту РФФИ №18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

необходимости что-либо выбирать, перекаладывая ответственность на обезличенные алгоритмы.

Среди технологий, стремительно меняющих повседневную жизнь людей, системы на основе «слабого» искусственного интеллекта занимают особое место. Во-первых, в эпоху, когда технологический оптимизм сопровождается социальным пессимизмом, именно с этими технологиями связана надежда на улучшение работы социальных институтов и оздоровление целых сфер жизни общества, таких как государственное управление, коммунальные услуги, общественный транспорт, здравоохранение, даже образование и СМИ. Машинное обучение, анализ больших данных и блокчейн рассматриваются как своего рода лекарство или даже протез для слабеющего социального доверия. Во-вторых, существует возможность появления «сильного» искусственного интеллекта, который, в отличие от других технологий, не только в массовом сознании, но и среди экспертов наделяется характеристиками субъекта, представляется как сила, способная со временем подчинить себе человека (Turchin, Denkenberger, 2018). Как показывают проведенные нами эмпирические исследования, отношение молодежи к технологиям искусственного интеллекта существенно различается в зависимости от сферы их применения, при этом наибольшие опасения вызывают автономные киберфизические системы, предполагающие вмешательство в человеческое тело и в процессы принятия решений (Нестик, 2018).

Одна из причин тревоги по поводу развития искусственного интеллекта связана с так называемой проблемой «черного ящика»: не только политики и обыватели, но и сами разработчики не могут в точности объяснить логику, лежащую в основе тех или иных заключений, сделанных самообучающейся нейросетью (Knight, 2017). Влияние таких алгоритмов на общество трудно оценить, так как их коды защищены коммерческой тайной, а истинные цели часто не ясны.

Искусственный интеллект, интернет вещей и анализ больших данных являются ключевой частью того пакета цифровых технологий, которые лежат в основе автоматизации, «платформенной экономики» и сдвига границ отраслей. По мнению экспертов PriceWaterhouseCoupers, влияние этих технологий на общество не будет мгновенным, и будет нарастать в виде трех волн автоматизации. Первая волна завершится к середине 2020-х гг., она охватила прежде всего финансовый, IT и телекоммуникационный сектор и затрагивает в основном легко автоматизируемые операции с доступными данными. Вторая волна к концу 2020-х будет связана с оснащением людей-операторов новыми физическими и когнитивными возможностями: охватит производство, хранение и доставку, а также сферу розничных продаж. Наконец, третья волна к середине 2030-х гг. будет связан с появлением автономных систем (например, транспортных), где принятие решений в меняющейся обстановке будет доверено искусственному интеллекту. Эти изменения по-разному ощущаются людьми в зависимости от страны проживания и профессии, например, ожидается, что в Юго-Восточной Азии, Северной Европе и России влияние автоматизации затронет меньше рабочих мест по сравнению с Восточной Европой и США (Parlett et al., 2018).

В отличие от европейских стран и США, *в российском массовом сознании последствия автоматизации труда пока недооцениваются.* Как показал опрос россиян, проведенный ВЦИОМ по репрезентативной выборке в декабре 2017 г., 74% убеждены, что в обозримом будущем их рабочее место не смогут занять роботы (Роботизация работы..., 2017). При этом 73% вообще никогда не задумывались об этой проблеме. Большинство (62%) считают тенденцию к замене людей на рабочих местах роботами и алгоритмами неправильной, причем наиболее категорично это мнение отстаивает

именно молодежь, а не старшее поколение (так считают 70% в группе 18-24 лет по сравнению с 55% в группе 45-59 лет).

Внедрение технологий «слабого», специализированного искусственного интеллекта в повседневную жизнь ставит перед психологической наукой и практикой целый ряд проблем, актуальность которых будет нарастать в ближайшие годы. Анализ этих проблем позволяет сформулировать *несколько перспективных направлений социально-психологических исследований*.

Чрезвычайно актуальным сегодня является исследование *последствий использования алгоритмов для когнитивного и эмоционального развития личности*. Например, остается не вполне ясным, как распределение когнитивных задач между ИИ и человеком повлияет на развитие интеллекта и когнитивный стиль. Например, как изменится роль эмоций в человеческом познании? Повысит ли использование систем распознавания лиц эмоциональный интеллект человека? С другой стороны, нужно разобраться в том, как особенности мышления самих разработчиков и пользователей самообучающихся алгоритмов влияют на окружающий нас, все более программируемый мир. Как будет развиваться ИИ в культурах с холистическим и аналитическим мышлением?

Влияние культурных различий на разработку и подходы к использованию ИИ остается пока не изученным. Между тем, значимость этой проблемы определяется не только растущим влиянием машинного обучения на интеллект интернет-пользователей, но и в связи с разворачивающейся конкуренцией между Китаем, Россией, США и Европой в области создания ИИ. По данным агентства CB Insights, в 2017 г. доля Китая в общемировом финансировании стартапов по разработке ИИ составила 48%. Использование ИИ в системах стратегической безопасности и кибероружия требует учета культурных и психологических особенностей взаимодействия человека с искусственным интеллектом. Если *влияние культурных особенностей обучающих выборок*, а также кросс-культурных различий самих разработчиков и заказчиков ИИ на работу таких систем подтвердится, то возникает еще один вопрос: как эти различия повлияют на взаимодействие между двумя и более конкурирующими системами ИИ?

Развитие систем с использованием искусственного интеллекта окажет влияние не только на когнитивные процессы, но и на целый ряд личностных феноменов: *Я-концепцию, самоотношение и способы самопрезентации, стратегии коупинга, временную перспективу* и др. Например, расширятся возможности для *конструирования своей идентичности и целенаправленного управления самопрезентацией*. Развитие интернета вещей, персональных помощников и возможностей для тонкой настройки окружающего личность цифрового мира при помощи самообучающихся алгоритмов приведет к формированию *расширенного образа Я*, включающего в себя более отчетливое представление о том, как нас воспринимают окружающие, каково наше физическое и эмоциональное состояние. При этом уже сегодня у пользователей социальных сетей появляется возможность в режиме реального времени *сравнивать себя с другими людьми по гораздо большему числу физических, психологических и социальных параметров*. Появится больше оснований для чувства депривации и несправедливости. Создание различных социальных рейтингов на основе обрабатываемых алгоритмами цифровых следов может привести как к обострению чувствительности к социальному сравнению, так и к десенсибилизации, безразличию, особенно если сравнение оказывается не в нашу пользу. Требуются специальные исследования того, как эти изменения скажутся на первичной и вторичной социализации личности.

Возможность анализа цифровых следов личности, накопленных за десятилетия, с помощью ИИ *расширит временную перспективу в прошлое и будущее*. Эффекты автобиографической памяти, искажения при прогнозировании человеком своих эмоциональных реакций и поступков, эффект дисконтирования будущего – все это будет корректироваться ИИ на основе нашего реального поведения в прошлом, а также больших данных о поведении других людей. Последствия этих изменений для личности уже сегодня можно моделировать на основе лабораторных экспериментов и анализа Big Data.

Однако, искусственный интеллект как инструмент повышения осознанности будет востребован далеко не всеми. Более вероятен спрос на те его функции, которые связаны с *когнитивным упрощением действительности*. Развитие цифровых технологий, в том числе полномасштабное внедрение машинного обучения в повседневную жизнь, углубляет *культурный разрыв между теми, кто готов к неопределенности и выбору, а теми, кто стремится избежать необходимости что-либо выбирать*. Искусственный интеллект дает возможность личности переложить ответственность за свои действия на обезличенный алгоритм и его разработчиков. Это уже происходит в сфере таргетированной интернет-рекламы и новостей, где персонализация контента помещает человека в «пузырь» его собственных интересов, отменяя необходимость самостоятельно искать информацию.

Более того, алгоритмы превращаются в *«архитектуру выбора»*, подталкивающую нас к решениям, которые должны повысить качество нашей жизни (Талер, Санстейн, 2017). Даже если в основе такого цифрового патернализма будут либеральные ценности, - что кажется маловероятным в культурах с вертикальным коллективизмом, - использование алгоритмов, корректирующих несовершенство человеческой природы ради благих целей, может способствовать *снижению осознанности и рефлексивности общества*.

В этой связи нельзя не упомянуть о растущей актуальности исследований, направленных на поиск психологических механизмов, которые делают личность уязвимой в *отношении информационных компаний в социальных медиа, опирающихся на технологии ИИ*. Сегодня специально обученные нейросети позволяют создавать вымышленный видеоконтент, неотличимый от настоящего. Созданные искусственным интеллектом видеодвойники политиков или значимых для конкретного человека людей могут говорить заданные тексты, обращаться с призывами, которых никогда не произнесли бы их реальные прототипы. Стало возможно управление такими видеодвойниками в режиме реального времени (Memes That Kill, 2018). Использование ИИ позволяет перевести информационные войны в полностью автоматизированный режим, когда нейросети сами скачивают метаданные «мишеней» и анализируют их психологический профиль по цифровым следам в поиске уязвимостей, затем генерируют искусственный видеоконтент с учетом этих психологических профилей, организуют армию ботов для его вброса в социальные сети, таргетируют сообщения для тех пользователей, которые с наибольшей вероятностью перешлют эту информацию своим друзьям, а затем проводят автоматизированную оценку разрушительного воздействия информационной кампании на общество страны-противника.

Сегодня вновь приобретают актуальность исследования конформности и подчинения, однако, в роли авторитетного другого будут выступать не экспериментаторы, а киберфизические системы, искусственный интеллект или специалисты по большим данным, психологически бесконечно далекие для обывателя. Чрезвычайно важно изучить, *как все большая «искусственность» управляемой*

нейросетями повседневной жизни повлияет на фундаментальные психологические феномены – объяснение человеком своих успехов и неудач, веру в способность влиять на свое будущее, убеждение в справедливости мира, доверие к социальным институтам.

Перечисленные нами проблемы станут обостряться по мере того, как автоматизация будет приводить к потере все большего числа рабочих мест, особенно в массовых профессиях – среди продавцов, водителей и грузчиков, бухгалтеров, юристов, программистов. Потеряв работу из-за внедрения технологий искусственного интеллекта, они все равно будут вынуждены этими технологиями пользоваться. *Какие требования будут предъявлять к искусственному интеллекту люди, вынужденные менять профессиональную идентичность?* Каковы социально-психологические последствия появления в обществе большого количества «лишних людей»?

Целый ряд важных направлений исследований можно выделить в связи с влиянием ИИ на *межличностные отношения и социальные группы*. Применение машинного обучения уже сегодня влияет на формирование персонального социального капитала и межличностное сравнение в социальных сетях, подсказывая нам людей, похожих на нас. Как повлияют персональные помощники на процессы каузальной атрибуции? Будем ли мы по-прежнему более склонны объяснять поведение других людей их личностными качествами, а не обстоятельствами? Внимание исследователей сосредоточено на том, как люди взаимодействуют в мультиагентных человеко-машинных системах, в том числе с социальными роботами. Особенно перспективными в этом направлении представляются модели «межличностного» восприятия роботов (Kotov, 2017), а также исследования психологии взаимодействия людей с роевым интеллектом (Карпов, 2018). Вместе с тем, недостаточно внимания уделяется тому, какое влияние слабый (специализированный) искусственный интеллект в качестве интеллектуального агента может оказывать на групповую динамику, как он участвует в групповой рефлексии, формировании ситуативной осознанности и ментальных моделей. Прежде всего это касается использования *машинного обучения в системах поддержки группового принятия решений*. Примером могут служить нейросети, которые по обмену сообщениями в корпоративных чатах дают не только оценку эмоционального состояния и лояльности участников той или иной команды, но и прогноз эффективности проектных групп. Как рекомендации основанных на ИИ экспертных систем будут влиять на принятие кадровых решений, ролевые ожидания участников, межличностное восприятие и внутригрупповое доверие? В каких случаях совместного принятия решений такая система должна быть наделена чертами виртуальной личности, действовать как «член команды», а в каких – полностью обезличена?

Развитие ИИ тесно связано с рынком больших данных, с *борьбой за доступ к обучающим выборкам*. Создание совместных баз данных, а также открытых платформ для обучения нейросетей типа Azure, потребует разработки социально-психологических технологий формирования не только межличностного, но и межгруппового доверия. Новый импульс получают исследования межгрупповых отношений в цифровой экономике, доверия клиентов к организациям, совместимости разных корпоративных культур обращения с ИИ.

Отдельной и крайне мало изученной областью является *социальная психология разработчиков ИИ и робототехников* (Голиков, 2018). Усложнение технологий приводит не к ослаблению, а к усилению роли человеческого фактора как причины крупных катастроф. Как психологические характеристики команды разработчиков влияют на создаваемые ими нейросети? Как групповая рефлексивность, коллективные

эмоциональные состояния и способы разрешения конфликтов с заинтересованными сторонами проекта влияют на способность разработчиков вовремя обнаружить ошибки и оценить последствия некорректной работы алгоритма? Как в среде специалистов по большим данным и робототехников формируются нравственные нормы и представления о конечных пользователях? Как эти нормы и представления влияют на создаваемые ими алгоритмы?

Совершенно очевидно, что использование нейросетей в финансовых операциях и кредитном скоринге, рекламе, формировании новостного контента, работе государственных служб и системе здравоохранения открывает новую страницу для *юридической психологии*. С одной стороны, все более актуальными становятся исследования социально-психологической специфики киберпреступлений с использованием машинного обучения, а также готовности граждан обращаться к услугам хакеров для взлома или обхода значимых для них алгоритмов. Анализ Big Data открывает здесь новые возможности не только для участников теневой экономики, но и для психологов, их изучающих. С другой стороны, важно разобраться в том, как применение искусственного интеллекта повлияет на правовое сознание молодежи, на стратегии оправдания теневого поведения и экстремизма. Кроме того, появление общедоступных алгоритмов в сфере обработки обращений граждан и юридического консультирования может изменить способы мобилизации права в российском обществе. Наконец, специального изучения требуют психологические проблемы, которые возникают у работников органов защиты правопорядка при внедрении различных автоматизированных систем выявления и прогнозирования преступлений в условиях дефицита ресурсов для борьбы с этими правонарушениями.

Литература:

Роботизация работы: возможность или опасность? ВЦИОМ. №3538. 4 Декабря 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116605>.

Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Memes That Kill: The Future of Information Warfare // CBInsights Research Briefs. May 3, 2018. URL: <https://www.cbinsights.com/research/future-of-information-warfare>.

Голиков Ю.Я. Неопределенность и риски традиционных и новых областей высоких технологий и актуальные психологические проблемы их развития // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 8. Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. Москва, 2018. С. 11-29.

Нестик Т.А. Социально-психологические аспекты отношения человека к новым технологиям // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 8 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 50-73.

Карпов В.Э. От роевой робототехники к социуму роботов // Искусственный интеллект: проблемы и пути решения – 2018. Материалы конференции. М., 2018. С. 122-130.

Kotov A. A computational model of consciousness for artificial emotional agents // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. V.10. N.3. P. 57-73.

Turchin A., Denkenberger D. Classification of global catastrophic risks connected with artificial intelligence // ИИ & Society. 2018. P. 1-17. URL: <https://doi.org/10.1007/s00146-018-0845-5>.

Knight W. The Dark Secret at the Heart of AI // MIT Technology Review. 11 April 2017. URL: <https://www.technologyreview.com/s/604087/the-dark-secret-at-the-heart-of-ai/>.

Parlett N., Foyster R., Ho P. Will robots really steal our jobs? An international analysis of the potential long term impact of automation [Эл. ресурс]. PwC, 2018. URL: https://www.pwc.com/ru/ru/kiadvanyok/assets/pdf/impact_of_automation_on_jobs.pdf

Сведения об авторе.

Нестик Тимофей Александрович, д.психол.н., профессор РАН, Зав. лабораторией социальной и экономической психологии Институт психологии РАН, Москва, neстик@gmail.com

INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES INTO EVERYDAY LIFE: PERSPECTIVES OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Nestik T. A.,

Institute of psychology, RAS, Moscow

Keywords: artificial intelligence, machine learning, awareness, group decision making, causal attribution, social trust, tolerance for uncertainty, choice architecture.

Summary: The article discusses the problems posed by the introduction of technologies of "weak" or specialized, artificial intelligence in everyday life for psychological science and practice. Attention is drawn to the study of the implications of using algorithms for cognitive and emotional development; the impact of cultural differences on the development and approaches to the use of AI; the possibilities opened by the AI for increasing awareness and mindfulness, for constructing identity, self-image and temporal perspective, for impression management; the influence of the world programmability on causal attribution processes and trust in social institutions; the implications of machine learning in group decision support systems; the impact of AI on the legal consciousness and legal mobilization. The psychological problems associated with the emergence of "redundant people" who have lost their jobs during the automation process are recognized as particularly acute. The author draws attention to the likelihood of reduced awareness and reflexivity of society under the influence of the digital "choice architecture", as well as the widening of the cultural gap between those who are ready for uncertainty and choice, and those who are trying to avoid having to choose something, shifting the responsibility to algorithms.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О ПРИЧИНАХ ПУБЛИКАЦИИ СЕЛФИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Никитина Е.А.

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва

Ключевые слова: селфи, социальные сети, самооценка, самопрезентация, социальные связи.

Аннотация. В работе рассмотрены современные представления о причинах и особенностях размещения личных фотографий (селфи) в социальных сетях. На российской выборке подтверждено, что основными мотивами юношей и девушек являются повышение самооценки, поддержание социальных связей, сохранение и обмен информацией. Выявлены значимые расхождения между представлениями студентов о своих и чужих причинах публикации селфи. Респонденты указывают, что размещают фотографии в большей мере для себя самих, используя социальные сети в качестве архива, а также для общения. Большая роль в оценке мотивов ровесников приписывается привлечению к себе интереса окружающих и следованию групповым нормам. Значимых различий в ответах юношей и девушек, а также респондентов с различным уровнем сетевой активности обнаружено не было.

Термин селфи вошел в нашу жизнь относительно недавно, но уже в 2013 г. был назван «словом года» оксфордским словарем. Селфи определяется как фотографический автопортрет или портрет себя с партнером или с другими людьми, сделанный с помощью фотокамеры или камеры смартфона, направленной на себя с вытянутой руки, либо полученный с использованием зеркала и опубликованный в социальных сетях (Sorokowski et al., 2015).

Феномен публикации селфи активно изучается в последнее время. Имплицированное представление о том, что увлечение селфи – явление негативное, нездоровое – по-видимому, разделяется и учеными, и широкой публикой. Запрос в Google «психология селфи» выдает на первой странице: «селфи как симптом», «селфимания как болезнь 21 века», «селфи как диагноз», «Are Selfies a Sign of Narcissism and Psychopathy?», «'Selfitis' - the obsessive need to post selfies - is a genuine mental disorder» и т.д. Угрозы, связанные с увлечением селфи, включают в себя возможность формирования зависимости, негативные переживания, связанные со сравнением себя с нереалистичными образами других, рискованное поведение для получения все более и более интересных фотографий, и т.д. Однако такой односторонний подход вряд ли может объяснить реальные причины огромной популярности данного явления, связанного и с рядом положительных эффектов, например, удовольствием от процесса фотографирования и удовлетворением от его результата, поддержанием контактов и получением социальной поддержки, расширением возможностей самопрезентации и примериванием на себя новых образов.

Селфи соединяет в себе 3 процесса – фотографирование, как запечатление себя, размещение фотографий в сети, т.е. превращение их в доступные широкому кругу известных и неизвестных автору зрителей, а также получение и просмотр оценок и комментариев.

Исследования показали, к основным причинам, побуждающим людей делать свои фотографии и выкладывать их в социальные сети, относятся следующие мотивы (Sung et al., 2016):

- желание повысить свою самооценку,
- общение,
- передача и сохранение информации,
- развлечение.

Частично эти мотивы совпадают с традиционной фотографией, с одной стороны, и с презентацией и обменом текстовой информацией в социальных сетях (например, в Живом Журнале). Однако появление современных технических возможностей –

смартфонов, оснащенных качественной передней фотокамерой, имеющих практически у каждого молодого и не очень человека и позволяющих без малейших сложностей заснять себя в любой момент и опубликовать полученный кадр в сети, существенно изменило ситуацию. Эпизодический обмен фотографиями и информацией между друзьями и родственниками меньше, чем за 10 лет перешел в новое качество. По данным Дж. Ли и И. Сунга (Lee & Sung, 2016) владельцы смартфонов ежедневно делают 93 миллиона селфи, всего в 2014 году в социальных сетях было размещено около 880 миллиардов фотографий, причем 30 % из них опубликованы подростками.

К настоящему времени проведен ряд интересных исследований, направленных на выявление мотивации или специфики сетевой активности респондентов. Чаще всего испытуемым предлагается выразить меру своего согласия с рядом высказываний о причинах, по которым они делают селфи (например, Sung et al., 2016), либо делается акцент на особенности их поведения, например, Selfitis Behavior Scale (Balakrishnan & Griffiths, 2018). Выявлены демографические и личностные характеристики, коррелирующие с более или менее активным размещением фотографий в сети. Показано, что люди, самооценка которых в большей степени основывается на мнении окружающих, чаще выкладывают свои фотографии в сеть (Stefanone et al., 2011). Для респондентов мужского пола обнаружены (Fox & Rooney, 2015) значимые положительные корреляции между чертами «темной триады» (нарциссизмом, макиавеллизмом и психотизмом) и количеством выложенных в сеть фотографий, а также частотой использования фоторедакторов для улучшения своей внешности. В социологическом исследовании Т.М. Нетусовой (2015) выделены специфические атрибуты фотографических автопортретов, используемые их авторами для самопрезентации – одежда и аксессуары, статусные предметы, атрибуты спорта и экстрима и др., продемонстрированы особенности их использования мужчинами и женщинами.

В статистических отчетах социальных сетей часто указывается, что размещение собственных фотографий наиболее распространено среди подростков и молодежи, однако данных о возможных содержательных мотивационных отличиях публикации селфи людьми разного возраста пока нет. Не исследованными остаются и возможные несовпадения между представлениями молодежи о том, почему выкладывают в сеть свои фотографии они сами и их сверстники.

В нашем исследовании приняли участие студенты психологических специальностей московских вузов в возрасте от 18 до 25 лет. В первой части работы респондентам следовало по 7-бальной шкале оценить степень своего согласия с рядом высказываний относительно возможных причин публикации селфи в социальных сетях, например, «Это форма общения. Так я не чувствую себя одинокой/одиноким», «Для себя. Чтобы потом вспомнить важные/приятные для меня моменты», «Так принято. Я не хочу быть "белой вороной"», «Это архив для членов семьи, для детей. Это современные аналоги старых фотоальбомов».

Во второй части студентам следовало предположить, в какой мере с приведенными высказываниями могли бы согласиться их ровесники.

При сравнении полученных ответов обнаружено, что по большинству высказываний (20 из 22) респонденты полагали, что их ровесники готовы в большей степени согласиться с названными причинами размещения фотографий в сети, чем они сами. Только по 2 высказываниям, акцентирующими приватность частной жизни, например, «Мои фотографии могут видеть только друзья. Чужих моя частная жизнь не касается!» собственные оценки были выше. Наши респонденты указывают, что они сами

размещают свои фотографии в сети в большей степени для себя: «Чтобы потом вспомнить важные/приятные для меня моменты» или «Мне самой/самому интересно видеть, как я меняюсь».

В то же время они предполагают, что для их сверстников значимо более важной является мотивация привлечения к себе интереса окружающих («Мне нравится себя чувствовать в центре внимания») и следования групповым нормам («Все так делают»). Значимых различий в ответах молодых людей и девушек с различным уровнем сетевой активности обнаружено не было.

Из 22 утверждений опросника корреляция между представлениями о своих и чужих причинах публикации селфи была выявлена лишь по четырем из них. Интересно, что наши респонденты одинаково соглашались (или не соглашались) с высказыванием: «Так быстрее, чем описывать словами, где, когда и с кем я была/был». Именно этот пункт опросника вызвал наибольшее количество крайних ответов («полностью согласен» - 27% и «полностью не согласен» - 40 %) относительно своей мотивации, при оценке причин публикации селфи сверстниками такой полярности не обнаружено. В связи с этим интересно было бы в дальнейшем включить в исследование анализ реальных профилей респондентов в социальных сетях и сопоставить доли фотографий с разным содержанием, а также текстовых публикаций авторов с их ответами по шкалам опросника.

Литература

Нетусова Т.М. Автопортрет как особая форма визуальной самопрезентации: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 169–171.

Balakrishnan J., Griffiths M.D. An exploratory study of "selfitis" and the development of the Selfitis Behavior Scale // International Journal of Mental Health and Addiction. 2018. V. 16. Is. 3. P. 722–736.

Fox J., Rooney M.C. The Dark Triad and trait self-objectification as predictors of men's use and self-presentation behaviors on social networking sites // Personality & Individual Differences. 2015. V. 76. P. 161-165.

Kim E., Lee J.A., Sung Y., Choi S.M. Predicting selfie-posting behavior on social networking sites: An extension of theory of planned behavior // Computers in Human Behavior. 2016. V. 62. P. 116-123. doi: 10.1016/j.chb.2016.03.078.

Lee J.A., Sung Y. Hide-and-seek: Narcissism and selfie-related behavior // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2016. 19, 347–351. doi: 10.1089/cyber.2015.0486/

Stefanone M.A., Lackaff D., Rosen D. Contingencies of Self-Worth and Social-Networking-Site Behavior // Cyberpsychology, behavior, and social networking. 2011. V. 14. N. 1-2. P. 41-49. DOI: 10.1089/cyber.2010.0049.

Sorokowski P., Sorokowska A., Oleszkiewicz A., Frackowiak T., Huk A., Pisanski K. Selfie posting behaviors are associated with narcissism among men // Personality and Individual Differences. 2015. V. 85. P. 123-127. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2015.05.004>

Sung Y., Lee J.-A., Kim E., Choi S.M. Why we post selfies: Understanding motivations for posting pictures of oneself // Personality and Individual Differences. 2016. V. 97. P. 260-265. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.03.032/>

STUDENTS' REPRESENTATIONS ON THE REASONS OF SELF'S PUBLICATION IN SOCIAL NETWORKS

Nikitina E.A.

Institute of Psychology RAS, Moscow

Keywords: selfie, social media, self-esteem, self-presentation, social communications

Abstract. The results of modern investigations of the reasons and features of the personal photographs placement in social media (selfies) are considered. We confirm on the Russian sample that the main motivations of young men and women are rising of self-esteem, maintenance of social ties, storage and exchange of information. Significant discrepancies between the students' ideas about their own and other people's reasons for publication of selfies have been revealed. Respondents indicate that they place photographs more for themselves, using social networks as an archive, as well as for communication. While assessing their peer's motives the main role is attributed to attracting the interest of others and following group norms. No significant differences in the responses of young men and women, as well as respondents with different levels of network activity were found.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Ключевые слова: виртуальная реальность, семиосфера, интернетизация, потребности, удовлетворение потребностей, интериоризация, экстериоризация.

Аннотация: За счет широкомасштабной интернетизации сетевые технологии стали практически повсеместным явлением, объединив между собой людей разнообразного психологического склада. Виртуальная реальность, как информационное тождество актуальной реальности в виде семиосферы (по терминологии Ю.М. Лотмана), обладает значительной притягательной силой, суть которой лежит в удовлетворении потребностей человека. Это способствует ускоренному росту числа интернет-пользователей, что видно по объему генерации больших данных. Относительно гуманистической теории иерархии потребностей А. Маслоу показано, что виртуальная реальность наполнена интернет-сервисами для удовлетворения всех актуализированных нужд: физиологических, в информационной безопасности, социальных, в уважении и признании, в самоактуализации. Овладевая орудиями в виде информации различного рода, в процессах экстериоризации и интериоризации (с позиций культурно-деятельностного подхода Л.С. Выготского) человек максимально расширяет границы для удовлетворения личностных потребностей.

Интернет, как один из самых глобальных всемирных проектов, является источником широкомасштабной технологической революции и оказывает на личность глубокое и системное воздействие. Опосредованно объединенные между собой, множество людей получают возможность вовлекаться во всевозможные виды

деятельности с позиции их информационного эквивалента. На этой основе повсеместно преобразуются и развиваются новые интересы, ценности, смысловые образования, формы поведения, групповые отношения и виртуальные сообщества, сопутствующие слоганы, символы; расширяются границы для удовлетворения потребностей.

Подобная специфичность может быть рассмотрена с позиций культурно-деятельностного подхода, восходящего к идеям Л.С. Выготского, и структурно-семиотической теории Ю.М. Лотмана. Таким образом, с точки зрения психологии Интернет представляет собой современный этап информационного опосредствования деятельности через смысловое, языковое пространство - семиосферу. Овладевая орудиями в виде информации различного рода, в процессах экстерииоризации и интериоризации человек обретает новое средство удовлетворения своих дефицитарных потребностей (Кузнецова и Чудова, 2011).

Каждый вид деятельности соответствует некоторой человеческой потребности или множеству таких потребностей. Считается, что любому человеку присущ определенный набор базовых потребностей. По А. Маслоу это потребности: физиологические, в безопасности, социальные, в уважении и признании, в самоактуализации. Они связаны с наличием у человека чувства неудовлетворённости, когда организму недостает того, что требуется. Без их удовлетворения невозможно существование и развитие человека.

Именно удовлетворение потребностей можно рассматривать как причину тотальной интернетизации общества, которую можно проследить по статистическим показателям постоянного роста аудитории всемирной сети, а также по непрерывной динамике генерации больших данных (англ. big data).

В виртуальной реальности имеется множество средств, которые дают возможность удовлетворить актуализированные нужды. В группе физиологических потребностей обычно рассматривают только классические примеры – пищевые и сексуальные. Способ снятия пищевого напряжения посредством киберпространства заключил в себя фактор, сконцентрированный на предвкушении удовольствия, который по причине крайней легкости в реализации набирает в последнее время значительную популярность. Указанная потребность насыщается либо путем онлайн-покупки желаемых продуктов питания, либо опосредованно через интернет-вещи. Сексуальное влечение удовлетворяется в Интернете вследствие виртуального секса (киберсекса) или мастурбацией на порнографические изображения и действия. Массовое распространение этого явления в социуме объясняется сетевой анонимностью, которая раскрепощает и ликвидирует наложенные ограничения слоем «Я» и «Сверх-Я», описанных З. Фрейдом (Wood, 2011). Возможная девиантность или адекватность киберсекса относительно взрослых еще не доказана, однако лонгитюдные исследования показывают, что цифровой секс – это нормальная составляющая развития подростков (Temple, 2014).

Виртуальным аналогом реальной безопасности стала безопасность информационная, в которой главную роль играют системы защит в двух вариантах – технологическом и психологическом. По причине того, что идеальной защиты не существует, каждая из них имеет потенциальную вероятность быть взломанной, кроме того, на нее может быть оказано влияние, результатом которого окажется утечка конфиденциальных данных. Если первый вариант эксплуатируется путем хакинга, то второй – методом социальной инженерии (Mitnick, 2011), имеющим прямое отношение к психологической науке.

В киберсреде следует также защищаться и от воздействия других факторов: пропаганды, популяризации вредного и нелегального контента, троллинга,

кибербуллинга и т. д., что оказывает сильнейшее давление на психику человека, влекущее за собой тяжелые последствия вплоть до суицида. Умение защититься от упомянутых факторов удовлетворяет потребность в безопасности.

Социальные потребности удовлетворяются в информационном пространстве через социальные медиа, где между людьми поддерживается коммуникация в различных ее видах – аудио, видео, текст, графика. Результаты проведенных исследований не раз демонстрировали, что такой способ общения в основном не отличается от общения в реальной жизни и дает ряд средств компенсации как вербалики, так и невербалики, сохраняя при этом определенный спектр эмоционального компонента взаимодействия с объективной возможностью найти полноценную поддержку, понимание и доверие (Garas, 2012).

Такая привлекательная особенность и огромная аудитория Интернета способствовали формированию плотных и тесных связей, что даже снизило показатели теории шести рукопожатий С. Милгрэма и Д. Трэверса (Backstrom, 2012). Это, в свою очередь, сказалось на качестве сотрудничества миллиардов интернет-пользователей, их взаимопомощи, мобилизации, координации, привязанности, любви и т.д.

Степень потребностей уважения анализируется с нескольких позиций. Прежде всего, это потребность в уважении со стороны других, которая в киберпространстве возмещается или фрустрируется различными оценочными механизмами (лайками, просмотрами, комментариями и т. п.) (Tamir, 2012). Другой тип потребности в уважении, а именно необходимость в чувстве компетентности и личных достижений, представлен в виде возможности удаленного личностного и профессионального развития, что является побочным следствием процесса самоактуализации.

В Интернете, который обеспечивает доступ к самой большой информационной базе данных в мире, при должной мета-мотивации, потребность в самоактуализации находит свою хотя бы частичную реализацию в случае самообучения и комплексного онлайн-обучения, а также полностью, что достижимо в случае занятий, всецело иммерсированных в интернет-среде. По такому принципу, например, построен один из малоизученных видов деятельности – онлайн-волонтерство.

На добровольной, времязатратной и безвозмездной основе между людьми реализуется принцип распределенности поведения (Войскунский, 2016), что выражается в практическом применении личных знаний, умений и навыков, синергичным образом вносящих вклад как в глобальные ценности информационного общества, так и в отдельных случаях в пользу субъектов, нуждающихся в прямой помощи или в виртуальном поощрении, просвещении. Повсеместное распространение Интернета приводит к тому, что виртуальное волонтерство развивается достаточно быстро и все большее количество людей начинает заниматься благотворительной деятельностью, причем распространение информационных технологий и сетевых проектов увеличивает гибкость и количество возможностей проявить себя в интересах других.

Ярким примером цифрового волонтерства относительно удовлетворения потребности в самоактуализации является многолетняя активность составителей энциклопедии Wikipedia на базе гипертекстовых wiki-технологий. Краудсорсинг как основа данного сетевого ресурса, а также мотивационно-смысловые образования «википедистов» (как они сами себя именуют) побуждают исследователей провозглашать, что в данном случае имеет место развитие новых форм «сетевого мышления» или «коллективного интеллекта» (Войскунский и Игнатъев, 2013). За время своего существования википедисты внедрили много новых тенденций в организацию знаний: среди них независимость, свобода и общедоступность, мобильность,

компактность, глобальность, быстрота обновления информации, непрерывность в расширении круга тем, охват всевозможных альтернативных точек зрения и другие. Разработаны также многочисленные формальные процедуры согласования личного вклада волонтеров-экспертов в подготовку энциклопедических статей, устранение возможных противоречий.

Причины участия в Википедии пока недостаточно изучены. Некоторые научные работы показывают, что главным мотиватором может быть получение индивидуального удовольствия от распространения знаний, что в дальнейшем придает смысл личным достижениям (Lai и Yang, 2014). Данные результаты можно интерпретировать через призму концепции функциональной автономии Г. Олпорта: то, что начинается как один мотив, затем перерастает в другой, который исторически продолжает изначальный мотив, но функционально независим от него.

Таким образом, канонизировав новые ценности информационного общества, отрефлексированного смысловым содержанием, киберволонтеры, как катализаторы виртуального просоциального поведения, стихийным образом интериоризируя огромный массив информации, попадающей в интернет, структурируют знания и приводят их в лаконичную, конспективную систему для удобства их усвоения. Все это позволяет достигнуть максимального результата в компиляции знаний, как высшей ценности человечества.

Литература:

Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36-49.

Войскунский А.Е., Игнатьев М.Б. Перспективы развития сетевого интеллекта // Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека / Под ред. Б.Б. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 263-283.

Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Психология жителей Интернета. - Москва: ЛКИ, 2011.

Backstrom L. et al. Four degrees of separation //Proceedings of the 4th Annual ACM Web Science Conference. – ACM, 2012. – С. 33-42.

Garas A. et al. Emotional persistence in online chatting communities //Scientific Reports. – 2012. – Т. 2. – С. 402.

Lai C. Y., Yang H. L. The reasons why people continue editing Wikipedia content—task value confirmation perspective //Behaviour & Information Technology. – 2014. – Т. 33. – №. 12. – С. 1371-1382.

Mitnick K. Ghost in the Wires: My Adventures as the World's Most Wanted Hacker. – Hachette UK, 2011.

Tamir D. I., Mitchell J. P. Disclosing information about the self is intrinsically rewarding //Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2012. – Т. 109. – №. 21. – С. 8038-8043.

Temple J. R., Choi H. J. Longitudinal association between teen sexting and sexual behavior //Pediatrics. – 2014. – Т. 134. – №. 5. – С. e1287-e1292.

Wood H. The internet and its role in the escalation of sexually compulsive behaviour //Psychoanalytic Psychotherapy. – 2011. – Т. 25. – №. 2. – С. 127-142.

Сведения об авторах

Брызгалин Евгений Алексеевич — аспирант кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Эл. адрес: r0ld@mail.ru

Войскунский Александр Евгеньевич — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Эл. адрес: vae-msu@mail.ru

SATISFACTION OF NEEDS THROUGH VIRTUAL REALITY

Bryzgalin E.A., Voiskounsky A.E.

Moscow Lomonosov State University

Keywords: virtual reality, semiosphere, internetization, needs, satisfaction of needs, interiorization, exteriorization

Abstract: Due to large-scale Internetization, network technologies have become almost universal phenomenon, uniting together people of diverse psychological backgrounds. Virtual reality, as the information identity of the actual reality in the form of the semiosphere (in the terminology of Yu. M. Lotman), has a significant attractive power, the essence of which lies in the satisfaction of human needs. This contributes to an accelerated growth in the number of Internet users, as can be seen from the generation of big data. Concerning the humanistic theory of Maslow's hierarchy of needs, it is shown that virtual reality is filled with Internet services to meet all actualized needs: physiological, in information security, social, in respect and recognition, in self-actualization. Mastering tools in the form of information of various kinds, in the processes of exteriorization and internalization (from the standpoint of the cultural and activity approach of L.S. Vygotsky), a person maximally extends the boundaries to meet personal needs.

МАССМЕДИА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВОЗДЕЙСТВИЕ КИНО НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗРИТЕЛЯ

Кубрак Т.А.

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва

Ключевые слова: психологическое воздействие кино, психологическое воздействие массмедиа, психология кино.

Аннотация: В условиях глобализации информационного пространства и медиатизации современного общества кино остается влиятельным массмедиа, воздействующим на картину мира, ценности, мотивы, стереотипы, поведение зрителей и т.д. Данное исследование посвящено актуальной проблеме влияния кинофильмов на молодежную аудиторию. Определено, что сразу после просмотра фильма, повествующего о пожилых людях, у молодых людей изменились представления об их мотивационно-регулятивных, когнитивных и эмоциональных особенностях. Однако направленность этих изменений, в целом, выявила отрицательное влияние фильма на восприятие пожилых людей.

Определено, что наблюдаемые непосредственно после просмотра фильма изменения представлений преимущественно не сохранились во времени. Обнаружено, что фильм оказал большее влияние на женщин, чем на мужчин. Исследование продемонстрировало необходимость учета различных факторов для прогнозирования результатов воздействия кино.

Глобализация информационного пространства и активная медиатизация современной жизни остро ставят в настоящее время проблему психологических механизмов функционирования медиадискурса. Создаваемая массмедиа картина мира все больше определяет видение людьми окружающей действительности и приобретает значение второй реальности (Журавлев, Павлова, 2012; Латынов, 2013). В этих условиях обращенные к психологии запросы концентрируются на вопросах роли медийного дискурса в жизни человека и общества, последствиях его воздействия.

Значимость эти вопросы приобретают и при исследовании такого влиятельного массмедиа, как кино (Кубрак, 2016; Харрис, 2002 и др.), которое является также одним из самых распространенных видов досуга. Открываются новые кинозалы, растет их посещаемость, расширяются возможности и частота интернет-просмотров, стремительно увеличивается интерес к сериалам. В связи со значимостью кино определяются приоритетные темы госфинансирования, возникают широкие общественные дискуссии (например, вокруг проката фильмов «Матильда», «Смерть Сталина»); становится актуальной и проблема информационно-психологической безопасности и противодействия ее угрозам (Кубрак, 2016). Все это демонстрирует важную роль, которую кино играет в современном обществе.

Сегодня фильмы транслируют образы и ценности, меняют нормы и стереотипы, задают правила и модели поведения. Это могут быть образы профессий, гендерные и этнические стереотипы, семейные нормы и ценности, жизненные сценарии и др. (Behm-Morawitz, Mastro, 2008; Frank, 2002; и мн. др.). На основании вышедших фильмов можно говорить о том, что беспокоит общество в то или иное время, и каковы пути решения проблем. Еще точнее отражают и быстрее реагируют на значимые события современные сериалы; они могут исследовать сложные проблемные ситуации, имея больше возможностей для развития сюжетных линий и проработки различных точек зрения. Фильмы позволяют лучше понять доминирующие в обществе в настоящий момент установки и убеждения, кроме того, осознавать и формировать национальную идентичность и отношения с «другими» (Dodds, 2008; и др.).

При изучении воздействия кино множество работ посвящено проблемам его негативного влияния, при этом потенциал кино в отношении позитивного воздействия изучен и используется еще недостаточно. Так, например, фильмы могут менять ранее сформировавшиеся отрицательные установки: изучение телефильмов выявило наличие стереотипов в изображении пожилых людей и инвалидов как социальных аутсайдеров, однако дальнейшее адекватное отображение существующих предубеждений вызвало рост интереса к проблемам пожилых и инвалидов, повышение толерантности к ним в обществе. Фильмы о ВИЧ способствовали более сострадательному отношению к ВИЧ-инфицированным больным, а сериалы с участием трансгендеров – более позитивному отношению к последним; просмотр сериалов, повествующих о важности донорства, помогал принимать решение о собственном донорстве (Morgan, Movius et al., 2009; и др.). Эксперименты продемонстрировали возможности использования кино для формирования этнической толерантности.

Проведенное нами *экспериментальное исследование* предполагало получение новых данных, относящихся к механизмам и эффектам воздействия фильмов.

Цель исследования состояла в выявлении изменений в представлениях молодежи после просмотра фильма. С учетом всех ограничений и возможностей для реализации целей эксперимента, а также возрастающего внимания к проблеме старости при доминировании негативных стереотипов, связанных с ней, предметом исследования стали представления о пожилых людях. Для показа респондентам был выбран фильм, «Отель «Мэриголд»: Лучший из экзотических» (Великобритания, США, ОАЭ, 2011), главными героями которого являются пожилые люди. Предполагалось, что фильм, в котором с определенной долей юмора показаны различные истории, случившиеся с пожилыми героями, повлияет и на представления молодежи о пожилых людях, позволит по-новому взглянуть на них, увидеть, например, что возраст не является помехой для продолжения полноценной жизни и даже, наоборот, открывает новые перспективы. На основании этого была выдвинута *гипотеза*: существует связь между просмотром позитивного фильма о пожилых людях и изменениями представлений о них у зрителей в положительную сторону.

Достижение поставленной цели предполагало выполнение следующих *задач*: выявление представлений зрителей до просмотра фильма, сразу и через две недели просмотра; определение устойчивости изменения представлений во времени; выявление факторов эффективности воздействия кино.

В исследовании приняли участие 40 человек (10 мужчин и 30 женщин).

Для выявления представлений о пожилых людях использовалась *психосемантическая методика*, включающая 25 оценочных шкал (Лемиш, 2013).

Исследование проводилось *в три этапа*. Вначале респонденты заполняли предложенную методику, после чего они смотрели выбранный для исследования фильм и сразу после его показа повторно заполняли методику, а также отмечали, насколько им понравился просмотренный фильм. Через 2 недели респонденты собирались вновь и в третий раз осуществляли оценку исследуемых объектов с помощью психосемантической методики.

В результате проведенного экспериментального исследования выявлено влияние кино на представления зрителей.

Обнаруживаются значимые различия оценок респондентами пожилых людей до и после просмотра фильма (критерий Вилкоксона). Сразу после показа у молодых людей изменились представления о мотивационно-регулятивных, когнитивных и эмоциональных особенностях пожилых людей (по 12 из 25 шкал). Однако направленность этих изменений оказалась не соответствующей ожидаемой, несмотря на то, что почти все респонденты оценили фильм как привлекательный. Представлялось, например, что фильм, в котором рассказывается о пожилых людях, открывающих для себя в жизни «второе» дыхание и готовых к переменам, должен повлиять и на их оценку как людей более открытых, способных к изменениям. Однако после просмотра кино пожилые люди, наоборот, стали оцениваться как менее склонные к познанию чего-то нового.

Такое в целом «отрицательное» влияние кино может объясняться различными причинами: от возраста респондентов до специфики самого фильма. Возможно, образ пожилых людей еще в целом недостаточно сформирован у большинства участников исследования, а просмотренное кино обнажило многие отрицательные стороны жизни пожилых людей, которые респондентами не до конца осознавались. Или причина в том, что тема старости в целом вызывает у молодежи отторжение, а ее актуализация его только усиливает. Кроме того, дополнительными факторами подобного эффекта

воздействия могли явиться и характеристики самого фильма. Комедийность жанра могла оказать противоположное действие – молодые люди по-своему восприняли стремление пожилых героев придать своей жизни новые смыслы, увидели тщетность и комедийность этих попыток. Также могли сказаться и культурные различия создателей фильма и его зрителей.

Таким образом, вопросы прогнозирования конкретных эффектов воздействия требуют дальнейшего изучения.

Полученные данные о значимых различиях оценок на трех этапах исследования (до просмотра фильма, сразу после просмотра и через 2 недели после) продемонстрировали в целом устойчивость ранее сформированных представлений (еще до просмотра фильма). Обнаруженные у респондентов сразу после показа фильма эффекты его воздействия определились через две недели лишь выборочно (только по 4 шкалам), по большинству же шкал значимых изменений выявлено не было. Таким образом, наблюдаемые непосредственно после просмотра фильма изменения представлений преимущественно не сохранились во времени. Единичный просмотр фильма, в целом, не оказал значимого влияния на представления зрителей.

Для реализации цели исследования также ставилась задача определения факторов, связанных с эффективностью воздействия фильма. Это предполагало проведение анализа соотношения пола респондентов, степени их «увлеченности» кинематографом (частоты просмотра фильмов), а также привлекательности увиденного фильма с оценками, данными ими пожилым людям до и после просмотра фильма.

Оказалось, что пол респондента связан с влиянием кино. После просмотра фильма различия между мужчинами и женщинами в оценке пожилых людей увеличились (критерий Манна–Уитни, $p < 0.05$). При этом женщины продемонстрировали большую восприимчивость к влиянию кино: количество шкал, по которым изменились их представления, оказалось почти в 4 раза больше, чем у мужчин (критерий Вилкоксона, $p < 0.05$). Для показателя частоты просмотра фильмов соотношения с изменениями оценок до и после показа не выявлено. Не удалось определить связь привлекательности данного фильма с эффективностью его воздействия в связи с его общей позитивной оценкой почти всеми респондентами.

Результаты проведенного исследования демонстрируют необходимость учета и понимания всех факторов в изменяющихся условиях глобализации и медиатизации современного мира для достижения желаемых психологических эффектов массмедийного воздействия.

Литература

Журавлев А.Л., Павлова Н.Д. Предисловие // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.5-8.

Кубрак Т.А. Проблема информационно-психологической безопасности в кинодискурсе // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.01.2018).

Кубрак Т.А. Специфика психологического воздействия кинодискурса // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.202–222.

Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Лемми В.В. Представления студентов, обучающихся по специальности «социальная работа», о пожилых и старых людях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 158. С. 36-48.

Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

Behm-Morawitz E., Mastro D. Mean girls? The influence of gender portrayals in teen movies on emerging adults' gender-based attitudes and beliefs // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2008. Vol. 85. P. 131–146.

Dodds K. Hollywood and the Popular Geopolitics of the War on Terror // Third World Quarterly. 2008. Vol. 29. No.8. P.1621-1637.

Frank S. D. Lab Coats in the Dream Factory: Science and Scientists in Hollywood, Ph.D., University of Southern California, 2002.

Morgan S.E., Movius L., Cody M.J. The power of narratives: The effects of entertainment television organ donation storylines on the attitudes, knowledge, and behaviors of donors and nondonors // Journal of Communication. 2009. Vol. 59. No. 1. P.135-151.

Сведения об авторах.

Кубрак Тина Анатольевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской Академии наук (Москва, Россия). E-mail: kubrak.tina@gmail.com

MASSMEDIA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: INFLUENCE OF MOVIE ON THE VIEWERS' REPRESENTATIONS

Tina A. Kubrak

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow

Key words: psychological impact of the films, psychological impact of mass media

Abstract: In the context of the globalization cinema, as the influential media, have effects on audience's motivation, values, stereotypes, activities and mental representations of reality. The current study is devoted to the actual problem of the influence of movies on the youth audience. The viewers scaled seniors' personal traits before, right after and two weeks later after the watching. The film affected negatively on the representations of the seniors. Representations became more negative after the movie, but that effect was not a long-term for the majority of scales. The gender differences right after the movie became more distinct and women revealed higher sensitivity. The current issue demonstrated the importance of complex approach toward the predicting influence of cinema.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РИСКОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ⁴

Пазухина С.В., Филиппова С.А.

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», Тула

Ключевые слова: информационная среда, факторы риска, прогноз, сензитивность, резистентность

Аннотация. В статье представлен подход к прогнозированию рисков негативного влияния на ребенка информационной среды, в основе которого лежат культурно-историческая концепция психического развития, рассматривающая жизнь человека в биологическом «натуральном» и социальном «идеальном» измерениях, биопсихосоциальная модель развития психических расстройств и нарушений, утверждающая, что психическое состояние человека – результат взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов, нарративный подход, предоставляющий человеку свободу в пространстве его собственной жизни, а также антропоцентрический принцип исследования человека как активного субъекта в структуре изучаемых явлений. Рассмотрена возможность применения пятифакторной модели личности, концепции чувствительности к поощрению и наказанию, концепции жизнестойкости в прогнозировании и определении характера рисков наступления негативных последствий взаимодействия детей и подростков с информационной средой.

Одним из направлений решения проблемы защиты детей от негативного влияния информационной среды является повышение психолого-педагогической компетентности лиц, несущих ответственность за здоровье и развитие детей; первостепенное значение имеет решение вопросов превентивной профилактики наступления негативных последствий взаимодействия личности со средой, развитие резистентности личности к вредному воздействию.

Анализ эмпирических данных отечественных и зарубежных ученых и специалистов-практиков показывает, что последствиями, возникающими у детей и подростков в результате негативного воздействия информационной среды могут быть:

- нервно-психическое истощение вследствие информационной перегрузки,
- психологическая травма,
- искажение темпов и логики когнитивного, нравственного развития, развития личности, формирования моральных норм, формирования учебных навыков и связанных с ними навыков работы с информацией,
- возникновение аддикций (игровой, сетевой, шопоголизм пр.) и девиаций (антисоциальное, асоциальное, аутодеструктивное поведение),
- снижение качества жизни вследствие влияния мошеннической, манипулятивной, лженаучной информации,

⁴ Исследование выполнено в рамках выполнения проекта РФФИ № 17-16-71004 а (р)

- формирование нереалистичных представлений о мире, отношениях, внешности людей, ценностях и пр. Данные исследований указывают на неоднозначность последствий информационного воздействия на детей, поскольку сама по себе «вредная информация» является не источником, а триггером в формировании негативных последствий.

В случае же возникновения негативных последствий взаимодействия человека с информационной средой, общей для всех вышеперечисленных состояний является проблема нарушения или снижения возможностей адаптации человека в окружающей среде. Деадаптивное состояние – ведущее проявление нарушений психической деятельности, основной показатель психологического неблагополучия. Прогнозируя последствия воздействия той или иной информации, стоит учитывать не только характеристики самой информации, но и генетические, психофизиологические, личностные особенности ее реципиента, пол, возраст, жизненный опыт, уровень психической зрелости, текущее состояние здоровья на момент информационного воздействия, а также характер социального окружения, возможность доступа к помощи ближайшего социального окружения и специалистов.

Как показано у Л.Н. Собчик, склонность индивида к возникновению того или иного варианта деадаптации (невротического, асоциального или соматического типа) обусловлена эмоционально-динамическим паттерном личности, который также формирует «...индивидуально очерченный стиль восприятия и переработки внешней информации» (Собчик, 2005). Автор указывает на существенную разницу в формировании вариантов деадаптивных реакций индивидов с разными типами ВНД, различным характером проявления ведущих тенденций в зависимости от наличия/отсутствия акцентуаций, невротических, невротоподобных, психопатологических состояний, что подтверждается клиническими исследованиями. Обнаружено, например, что аутоагрессии (суицидальным рискам) более подвержены лица с циклоидной, эмоционально-лабильной, эпилептоидной, истероидной акцентуациями (Юрьева, 2006).

В зависимости от того, насколько сбалансированы или наоборот, акцентуированы ведущие тенденции (факторы большой пятерки) возникает предрасположенность к тем или иным деадаптивным состояниям. Так к деадаптациям невротического типа (страхам, стрессовым, фобическим реакциям) более склонны личности с выраженной сензитивностью, интроверсией и лабильностью. К социально-поведенческим (асоциальным) деадаптациям более склонны личности с выраженной спонтанностью (импульсивностью) и агрессивностью. В отношении лиц с различной структурой личности одно и то же информационное воздействие будет более или менее травматичным и приводить к разным деадаптивным состояниям.

В исследовании В.Б. Кузнецовой, Е.Р. Слободской (Кузнецова, Слободская, 2010) показаны возможности диагностики индивидуально-типологических особенностей детей от дошкольного до подросткового возраста. Разработанный ими опросник измеряет чувствительность к вознаграждению/наказанию. Эмпирические данные показали, что система подкрепления связана с поведенческими и эмоциональными проблемами. Чувствительность к вознаграждению положительно коррелирует с экстраверсией, является фактором риска экстернатальных проблем (проблем с поведением и гиперактивности, предрасполагает к возникновению аддикций), а чувствительность к наказанию – отрицательно коррелирует с экстраверсией, является фактором риска интернатальных проблем (нейротизма, проблем со сверстниками).

Стоит указать на ряд детерминант формирования дезадаптивных поведенческих и личностных особенностей, лежащих за пределами возможностей психолого-педагогической коррекции и терапии. К ним относятся генетические и психофизиологические факторы, воздействие которых трудно подтвердить или исключить, не используя специальных медицинских процедур и исследований, а также корректировать немедикаментозно.

Современные исследования в области генетики, нейропсихологии и нейрофизиологии подтверждают, что нарушения метаболизма нейромедиаторов в коре головного мозга, являются причиной тревожности, депрессии, агрессивности, суицидальных рисков (Bondy, Erfurth et., 2000); выявлены гены, отвечающие за предрасположенность к развитию этих состояний (Носкова, 2006). Риск формирования зависимости (игровой, химической) обусловлен недостаточной активностью работы дорсальной части фронтотемпоральной коры головного мозга: нарушениями метаболизма дофамина, вызывающими проблемы с самоконтролем (Buckholtz, Treadway, et., 2010). Обнаружено, что дети с нормальной функцией префронтальной коры (отвечающей за самоконтроль и рациональное поведение) менее предрасположены к негативному влиянию телепередач и рекламы (Wills, Gibbons, et, 2010). Влияние на возникновение дезадаптивных состояний также оказывают эпигенетические механизмы регуляции работы генов (Swartz, Hariri, et., 2011)

Восприятие информации на разных этапах психического развития зависит от сформированности познавательных психических процессов, развития сознания и самосознания, личностных особенностей, жизненного опыта, сформированности защитных механизмов психики, мировоззренческих установок. Согласно концепции В.В. Ковалева о возрастных особенностях реагирования на различные вредности, уровни нервно-психического реагирования детей и подростков дифференцируются следующим образом: 1) сомато-вегетативный (0-3 года); 2) психомоторный (4-10 лет); 3) аффективный (7-12 лет); 4) эмоционально-идеаторный (12-16 лет) (Ковалев, 1995). Для каждого из этих уровней характерны свои преимущественные «возрастные» симптомы.

Таким образом, основную группу риска по сензитивности к негативному информационному воздействию составляют лица с неблагоприятным психическим статусом (психопатологиями, невротами, акцентуациями). Склонность к возникновению шоковых травм, тревожных, фобических реакций под воздействием негативно окрашенной информации или же – к воздействию информации, стимулирующей гиперпотребление, асоциальное, деструктивное поведение, – обусловлено индивидуально-типологическими особенностями личности. Семейное неблагополучие создает незащищенную предрасположенность и уязвимость ребенка к негативному воздействию любого рода. Современные средства диагностики позволяют выявлять потенциальные риски негативного воздействия на детей и подростков информационной среды.

Литература

Ковалев В. В. Психиатрия детского возраста. 2-е изд. М.: Медицина, 1995.

Кузнецова, В.Б. Опросник для изучения чувствительности к наказанию и вознаграждению у детей / В.Б. Кузнецова, Е.Р. Слободская // Психологический журнал / Ред. А.Л. Журавлев. 2010. Том 31, № 2 март-апрель 2010. с. 104-113.

Носкова Т.Г. и др. Роль гена переносчика серотонина в развитии униполярной депрессии // Материалы Международной конференции «Генетика в России и мире». М., 2006.

Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2005.

Юрьева Л. Н. Клиническая суицидология: Монография. Днепропетровск: Пороги, 2006.

Bondy B., Erfurth A., de Jonge S., Kruger M., Meyer H. Possible association of the short allele of the serotonin transporter promoter gene polymorphism (5-HTTLPR) with violent suicide // *Molecular Psychiatry*. 2000 Mar; 5 (2): 193-5.

Buckholtz J.W., Treadway M.T., Cowan R.L., Woodward N.D., Li R., Ansarri M.S., Baldwin R.M., Schwartzman A.N., Shelby E.S., Smith C.E., Kessler R.M., Zald D.H. Dopaminergic network differences in human impulsivity // *Science*. 2010 Jul 30; 329 (5991): 532.

Kimbrel N.A., Nelson-Grey R.O., Mitchell J.T. Reinforcement Sensitivity and Maternal Style as Predictors of Psychopathology // *Pers. Individ. Dif.* 2007. V. 42. № 6. P. 1139-1149.

Swartz J.R., Hariri A.R., Williamson D.E. An epigenetic mechanism links socioeconomic status to changes in depression-related brain function in high-risk adolescents // *Molecular Psychiatry*. 2011. V. 22. P. 209–214.

Сведения об авторах:

Пазухина Светлана Вячеславовна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула, e-mail: pazuhina@mail.ru

Филиппова Светлана Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула, e-mail: wega-04@mail.ru

THE INFLUENCE OF THE “HARMFUL” INFORMATION TO THE CHILDREN AND TEENS: PROGNOSIS OF THE RISKS

Pazuhina Svetlana V., Filippova Svetlana A.

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula

Key words: information, factor of risk, prognosis, sensitivity, resistance

Abstract. The aim of the article is to identify the likely predictors of psychological disorders risks of children and teens from the “harmful” information influence. The theoretical models (cultural-historical conception, multifactor model of mental disorders, 5-factor model of person, concept of hardness, etc.) are use as a base of the classification models to assess the risk of some type of psychological disorder.

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ОЦЕНКА РАБОТЫ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Улановская И.М., Ривина И.В.

Психологический институт РАО, Москва

Ключевые слова – метапредметные результаты начального образования, диагностика, компьютерный пакет методик, образовательная среда школы, эффективность работы школы.

Аннотация. В статье описаны авторские методики, вошедшие в диагностический пакет, позволяющий оценить сформированность метапредметных результатов учащихся на выходе из начальной школы. Этот инструментарий разработан сотрудниками Психологического института РАО. Статистический анализ на большой выборке испытуемых показал, что разработанные методы являются надежным инструментом для дифференцированной количественной и качественной оценки сформированности всех 16 метапредметных компетенций, сформулированных в новом Стандарте начального образования. Представлены принципы, положенные в основу разработки компьютерной версии диагностического пакета. Каждая методика нацелена на диагностику той или иной компетенции, а также на проверку и подтверждение результатов, полученных по другим методикам пакета. Рассмотрен практический пример многократного использования компьютерного инструментария для решения конкретных задач школ.

В новом образовательном Стандарте начального образования (Министерство образования и науки РФ, приказ от 6 октября 2009, №373) сформулированы требования, никогда ранее не присутствовавшие в наших образовательных документах. В этих требованиях впервые зафиксировано одно из важнейших положений культурно-исторического подхода Л.С.Выготского к проблеме соотношения обучения и развития. Согласно Стандарту важнейшим результатом обучения в начальной школе должны стать сформированные метапредметные компетенции. Метапредметные результаты являются индикатором когнитивного, социального и деятельностного развития младшего школьника. Таким образом, они переносят акцент с педагогических результатов, каковыми являются знания, умения, навыки, на результаты психологические, интерпретируемые в категориях развития. Поэтому логично, что для оценки эффективности работы школы должны применяться инструменты, позволяющие выявить и качественно оценить сформированность метапредметных компетенций.

Ниже мы коротко опишем этапы разработки инструментария и приведем примеры его использования для оценки результатов начального общего образования.

В 2011-2012 г.г. в связи с внедрением нового образовательного Стандарта коллективом сотрудников Психологического института РАО по заказу МГППУ был разработан пакет методов для оценки сформированности всех 16 метапредметных результатов, сформулированных в тексте документа, у выпускников начальной школы. Методики были апробированы на 43 школах г. Москвы (более 2000 детей). Результаты этой апробации были подвергнуты всестороннему статистическому анализу. Была доказана валидность и надежность большинства методов. Это значит, что разработанные методы являются надежным инструментом для дифференцированной количественной и качественной оценки сформированности всего набора метапредметных компетенций. Однако, проведение метапредметной диагностики с использованием разработанного

пакета занимало много учебного времени, требовало большого объема раздаточного материала, обучения ведущих диагностику, технического сопровождения и длительного обчета и статистического анализа результатов. Поэтому было принято решение создать на базе апробированных методик компактный компьютерный инструмент, доступный для проведения любой школе при наличии сети интернет.

Понятно, что не все метапредметные компетенции можно оценить компьютерными методами. Так, компетенции, входящие в группу социальных метапредметных результатов, не могут быть оценены в ходе индивидуальной работы ребенка по решению компьютерного теста (Поливанова, Ривина, Улановская, 2013). Поэтому мы вынуждены были ограничить диагностические задачи оценкой тех метапредметных результатов, которые можно выявить в индивидуальной работе ребенка. При этом мы старались создать такой диагностический инструментарий, чтобы посредством минимального числа тестов получить как можно более богатую и содержательную характеристику сформированности большинства метапредметных компетенций.

В разработанный нами пакет вошли следующие методики:

Методика «Перестановки». Автор - А.З.Зак.

Методика «Задания из математики». Разработана С.Ф.Горбовым, О.В.Савельевой и Н.Л.Табачниковой.

Методика «Календарь». Разработана Г.А.Цукерман и О.Л.Обуховой.

Методика «Детские задачи». Разработана Г.А.Цукерман, С.Ф.Горбовым, О.В.Савельевой и Н.Л.Табачниковой.

Методика «Подсказки». Автор Е.В.Чудинова.

Методика «Составление текста» разработана З.Н.Новлянской.

Пакет составлен таким образом, чтобы любой ребенок смог сразу приступить к выполнению заданий, т.е. он не предъявляет никаких особых требований к владению компьютерными технологиями. К каждой методике прилагается подробная инструкция и при необходимости тренажер для освоения способа работы. Также нами разработаны ключи для автоматизированной обработки результатов диагностики в показателях, соответствующих содержанию основных метапредметных компетенций.

Коротко опишем целевое назначение отдельных методик и процедур.

Методика «Перестановки»

Методика «Перестановки» позволяет различить способ, который использует ребенок для решения проблем поискового характера (Давыдов, 2000). При эмпирическом способе существенные и несущественные отношения в условиях задачи не различаются, ее решение реализуется путем проб и ошибок, способ либо вообще не осознается, либо в нем осознается лишь конкретный состав операций и он целиком не планируется. При теоретическом способе существенные отношения в условиях задачи вычленяются, решение планируется целиком и осуществляется без проб и ошибок, в успешном способе решения осознаются не только конкретные операции, но, главное, его связь с существенными отношениями. В этом случае решение задачи включает теоретическую часть (когда содержание задачи исследуется с помощью особых познавательных действий) и практическую (когда реально достигается конкретный результат). Обобщенный подход к решению задач включает содержательный анализ, познавательную рефлексию и содержательное планирование (Зак, 1984, 2007).

Методика «Задания из математики»

Методика позволяет оценить следующие метапредметные результаты:

Освоение способов решения проблем поискового характера (выход за пределы наличной ситуации, преодоление визуальных стереотипов),

Овладение логическими действиями сравнения, анализа, синтеза, обобщения, классификации по родовидовым признакам, установления аналогий и причинно-следственных связей;

Выделение закономерностей (умение учитывать несколько признаков);

Умение воспользоваться подсказкой (как один из показателей умения учиться) для решения задач;

Умение использовать знаково-символические средства представления информации для создания моделей изучаемых объектов и процессов (например, переводить и совмещать текст и образно-графический язык (диаграммы, чертежи), построить модель, преобразовать модель под новую задачу);

Овладение базовыми предметными и межпредметными понятиями.

Методика «Календарь»

Методика представляет собой информационный текст, в соответствии с содержанием которого ребенок должен ответить на вопросы и выполнить различные действия (Цукерман, Обухова, 2012). Текст подобран таким образом, чтобы позволить оценить способность ребенка:

восстановить ту картину реальности, которая стоит за текстом (воспроизводящее понимание);

обобщить информацию, заключенную в текстовом сообщении (рефлексивное понимание), т.е. а) использовать авторскую фактологию и логику для реконструкции идей, не упомянутых в тексте, но основанных на прочитанном, т.е. ответить на вопрос: *что будет, если...*, и б) интерпретировать информацию;

сформулировать и обосновать свое мнение (творческое понимание).

Методика «Составление текста»

Детям предлагается набор из 9 частей простого и короткого текста (предложения или части предложений). Задача для ребенка: «Восстанови из перепутанных частей текст. Пронумеруй кусочки текста так, чтобы получился связный рассказ, и чтобы он соответствовал названию. Учти, что среди перепутанных частей есть две неподходящие, которые следует исключить». Части текста подобраны так, что, в принципе они все могут подойти к содержанию. Поэтому для правильного выполнения задания необходимо вычлнить содержательную задачу, «закодированную» в названии. Таким образом, методика позволяет оценить не только способность ребенка создать связный текст, но и решить поставленную коммуникативную задачу.

Методика «Детские задачи»

Умение учиться – главный метапредметный результат эффективной работы начальной школы.

Для оценки рефлексивной составляющей умения учиться в нашем пакете используется методика «Детские задачи». Предметом диагностики в ней является умение

отличать решаемую задачу от недоопределенной и задавать вопрос о недостающих условиях действия, т.е. отделять известное от неизвестного (Цукерман 2003,2010).

Методика «Подсказки»

Умение пользоваться подсказкой является характеризует поисковую составляющую умения учиться. Методика строится на материале задач, понятийное содержание которых неизвестно младшим школьникам, но материал которых относительно освоен в житейском опыте.

Методика состоит из двух частей. Первая часть выявляет исходный уровень владения предложенным материалом. Во второй части ребенку предлагается подсказка/помощь (в виде фрагмента текста, описывающего необходимый способ действия, схематических рисунков-образцов решений и пр.), и новые задачи на применение нового знания.

Анализ результатов работы детей позволяет выявить и оценить:

умение обнаружить, каких знаний недостает для решения задачи, и воспользоваться справочной информацией для построения способа действия;

умение реконструировать способ действия (по описанию хода решения задачи и образцу решения; по описанию хода решения задачи и схематическому рисунку);

умение использовать модель как средство решения задачи;

умение переводить и совмещать текстовый и образно-графический языки;

умение преобразовать модель под новые условия задачи.

Выделим общие принципы, положенные в основу создания компьютерного пакета методик диагностики метапредметных результатов начального школьного образования.

Материалом, на котором строится методика, должен быть либо внепредметный материал (как в методике «Перестановки»), либо предметный материал, который точно не изучался в программе начальной школы (как в методике «Подсказки» или «Календарь»), либо очень простой предметный материал, надежно освоенный абсолютным большинством учащихся к концу четвертого класса (как в методиках «Детские задачи», «Задания из математики» и др.).

Методики моделируют учебную ситуацию, т.е. они построены таким образом, чтобы ребенок не просто дал готовый ответ, но продемонстрировал способ своей работы, различил внешне сходные условия, построил или перестроил модель, и т.п.

Во всех методиках предусмотрена возможность для ребенка вернуться к предыдущему заданию, внести исправления, потренироваться. В методиках «Художественные тексты» и «Календарь» тексты доступны ребенку на всех этапах работы (они всегда представлены на экране). Таким образом, сама организация работы дополнительно обеспечивает ребенку возможность сосредоточиться именно на содержании задания и снимает возможное влияние проблем с запоминанием или скоростью чтения и т.п. на результат работы.

Каждая методика позволяет оценить и качественно описать сформированность той или иной метапредметной компетенции, но дополнительно – подтвердить или уточнить те метапредметные результаты, которые диагностируются другими методиками, включенными в пакет. Это позволяет за относительно короткое время (3 урока) получить более полную и надежную оценку основных метапредметных результатов начальной школы.

Пакет может использоваться многократно на одном контингенте учащихся, т.к. а) учащиеся не имеют информации о правильности решения и б) содержательно задачи требуют выстраивания развернутой поисковой деятельности, которую можно реализовывать по-разному.

Обработка результатов диагностики проводится в автоматизированном режиме, что делает ее более надежной и объективной. Ответы на открытые вопросы анализируются экспертами по Руководству, в котором четко описаны критерии оценки. Эти оценки вносятся в общую базу данных и анализируются по разработанным алгоритмам вместе с оценками, полученными в автоматическом режиме.

Для работы с компьютерным пакетом разработан специальный режим, учитывающий принятые гигиенические требования (динамические паузы, перемены).

В рамках исследовательского проекта МГПУ нами было проведено обследование 15 московских школ с использованием компьютерного пакета диагностики метапредметных результатов начального образования. Полученные данные позволили дать каждой школе характеристику сформированности отдельных метапредметных результатов, выделить сильные и слабые стороны в работе начальной школы. На основе этих данных педагогические коллективы самостоятельно разработали коррекционные программы и внедряли их в учебный процесс на этапе перехода в основную школу. Через год мы повторно провели диагностику с использованием того же компьютерного пакета. Такая исследовательская процедура позволила:

- выявить динамику развития метапредметных компетенций на этапе перехода в основную школу;
- оценить эффективность коррекционных программ, разработанных школами;
- выделить факторы образовательной среды конкретной школы, позитивно и негативно влияющие на развитие метапредметных компетенций учащихся (Высоцкая, 2017; Высоцкая, 2017) .

Литература

Высоцкая Е.В., Улановская И.М, Янишевская М.А. Образовательная среда школы и качество метапредметного результата: проблемы формирования/ в кн. Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики: сб.материалов II Междунар.науч.-практ.конф. 20-22 апреля 2017 г. / – Калуга: АКФ «Политоп», 2017. С.с.104-118

Высоцкая Е.В., Улановская И.М ,Янишевская М.А. К вопросу об оценке и коррекции метапредметного образовательного результата в школе / в кн. Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики: сб.материалов II Междунар.науч.-практ.конф. 20-22 апреля 2017 г. / – Калуга: АКФ «Политоп», 2017. С.с.464-472

Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении / В. В.Давыдов - М.: Педагогика, 2000.

Зак А. З. Развитие теоретического мышления у младших школьников / А. З. Зак. - М.: Педагогика, 1984. – 12, 3 п.л. – 2300 экз.

Зак А. З. Диагностика различий в мышлении младших школьников/ Зак А. З.- М.: Генезис, 2007. - 20 п.л. - 1000 экз.

Поливанова, Н.И., Ривина, И.В., Улановская, И.М. Выявление умения учащихся начальной школы действовать совместно в условиях социо-когнитивного конфликта /

Н.И.Поливанова, И.В.Ривина, И.М.Улановская. // Психологическая наука и образование. – 2013. - №4.

Цукерман Г.А. Становление субъекта учебной деятельности (2003).

Цукерман Г.А., Венгер А.Л. Развитие учебной самостоятельности. М.:ОИРО, 2010.- ISBN 978-5-9900252-7-1

Цукерман Г.А., Обухова О.Л. Понимание информационных текстов: что меняется за пять лет обучения? Вопросы психологии, №2, 2012.

Сведения об авторах.

Улановская Ирина Михайловна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, iulanovskaya@mail.ru

Ривина Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, irinarivina@mail.ru

COMPUTER DIAGNOSTIC SET AND EVALUATION OF THE ELEMENTARY SCHOOL ACHIEVEMENTS

Ulanovskaya I., Rivina I.

Psychological Institute Russian academy of education

Key words: meta-subject results of primary education, diagnostics, computer package of methods, school educational environment, school performance

Abstract: The article describes the author's methods, which are included in the diagnostic set. They allow to assess the formation of the meta-subject results of junior school graduates. This tool was developed by the staff of the Psychological Institute of RAE. Statistical analysis on a large sample of subjects showed that the methods developed are a reliable tool for differentiated quantitative and qualitative assessment of the formation of all 16 meta-subject competencies formulated in the new Standard of Primary Education.

The principles underlying the development of a computer version of the diagnostic package are presented. Each technique is aimed at diagnosing one or another competence, as well as checking and confirming the results obtained by other methods of the package. A practical example of repeated use of computer set for solving specific problems of school education environment is considered.

СИСТЕМА ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ИНДИКАТОРОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ ИНТЕРНЕТ ЗАНЯТОГО МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА⁵

Аринушкина Н.С.

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Саратов

Ключевые слова: модель личности, интернет-занятость, фриланс, виртуальная среда.

Аннотация: В статье представлен анализ понятийного пространства интернет-занятости. Изучены психологические индикаторы, которые отражают систему структурных компонентов психики и социально-психологических феноменов, отвечающих за внешние условия ее функционирования. Рассматривая систему операциональных показателей, опираясь на структурно-функциональное представление о строении личности, представлены базовые, общие или врожденные черты, отражающиеся в индивидуально-типологических свойствах, элементы анализа поведенческих стратегий, ценностных ориентаций и систем убеждений, которые позволят описать эмоционально-мотивационный и поведенческий блоки.

С начала разработки компьютеров и создания простейших сетевых пакетов в США и Великобритании стало возможным появление новых форм взаимодействия, коммуникации и общения людей. Распространение интернет-протоколов, видеосвязи, социальных сетей позволило перейти от непосредственной передачи информации к дистанционной. Современные молодые специалисты переходят от традиционных форм профессиональной самореализации к альтернативным - виртуальным формам, воплощая свои профессиональные умения в рамках удаленной дистанционной работы, либо сочетая их со штатными видами.

С возникновением новых форм коммуникации появились новые способы презентации человека в разнообразных социальных, профессиональных группах. Особые приемы дистанционного взаимодействия людей заставили обратиться ученых к анализу личностных особенностей и социально-психологических характеристик групп и сообществ в виртуальном киберпространстве.

В своей работе «Текущая современность» Z. Bauman описывает современность как время ненадежности, неуверенности и отсутствия безопасности, поэтому появление интернета воссоздает в сознании человека безопасный мир виртуальных отношений (Бауман, 2008). В качестве необходимых свойств личности современного специалиста в виртуальном пространстве он выделяет «гибкость». Это качество характеризует такого человека как готового действовать в ситуации неопределенности, мобильности и неясности последствий.

С 1990-х годов в США начинает издаваться международный журнал «CyberPsychology&Behavior», на страницах которого анализируются вопросы киберпсихологии. В начале статьи были посвящены перспективам взаимодействия человека в сети интернет на основе когнитивного моделирования, сейчас особый акцент

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00560 «Исследование психологических основ интернет-занятости молодежи: концептуализация, измерение, модель»

в серии выпусков уделяется проблемам интеграции роботов в реальное пространство, создание пространства доверия, уравнение в правах человека и робота, изучение расстройств питания в виртуальной реальности, цифровой зависимости и т.д.

Американская научная психологическая школа сфокусировала своё внимание на создании типологий интернет сообществ и исследовании типов личности представителей. В качестве интересующих характеристик были выделены: общие интересы участников, общность этнических, культурных традиций и языковых систем, анонимность, виртуальная идентичность. При этом виртуальная идентичность конструируется самим участником, отсутствие формальной регламентации групповых норм.

Позже были описаны сообщества, в основе которых лежали не стихийные механизмы, а целевые, они регламентировали время существования и механизмы функционирования в данных сообществах.

В.Е.Лепский, А.Г. Рапуто в монографии проводили анализ подобных виртуальных сообществ, они были описаны как «целевые сообщества» (Лепский, Рапуто А.Г., 1999). Члены данных виртуальных сообществ имели четкую регламентацию ролей, были ориентированы на выполнение общего единого задания, деятельности, чаще всего они выступали носителями высоко развитых коммуникативных навыков, позволяли, несмотря на дистанцию между соучастниками договориться.

В рамках последующих исследований социально-психологических особенностей участников интернет-сообществ зарубежом, например Z.L. Berge утверждал, что данные виртуальные группы обладают композицией, структурой и внутригрупповыми процессами, которые ничуть не отличаются от реальных малых групп, члены которых лично взаимодействуют друг с другом (Berge, 1996).

В результате расширения и универсализации участия в киберсообществах, интернет пространстве, ученые обратились к исследованию универсальных индивидуальных и социально-психологических характеристик личности. Так, M.F. Paulsen определяет следующие психологические характеристики эффективного специалиста в виртуальном пространстве – интеллектуальная гибкость, активность нервной системы, экстравертированность, общительность, умение концентрироваться на графическом материале, собранность, референтность внутренним правилам сообщества, индивидуальный стиль общения, логичность, интеллектуальная развитость, инициативность, социальная компетентность, объективность и самокритичность (Paulsen, 1995).

В работах J. Suler дается описательный контекстный анализ личностных характеристик участников кибервзаимодействия. Условия виртуального общения диктуют для участника такого интеракционирования ограниченность в восприятии информации с позиции многообразия сенсорных переживаний. Это является недостатком при установлении контакта, с одной стороны, достоинством – для удержания дистанции и отсутствия желания в реальных контактах, с другой стороны. Размытая или спутанная идентичность, анонимность участников взаимодействия также имеют как положительные стороны, позволяющие справиться личности со своими страхами и комплексами, заменив индивидуальный арсенал конструктивными способами самопрезентации, с другой стороны носят негативный характер, поскольку не вполне можно оценить искренность, набор актуальных социальных ролей человека и стратегий взаимодействия с ним. Коммуникативные навыки выступают одной из основных фундаментальных характеристик личности в виртуальном пространстве, по мнению J.Suler. Письменная речь и способы влияния и убеждения на собеседников

являются основным средством самовыражения и описания личностных особенностей и поведенческих стратегий (Suler, 1998).

Начиная с 2000 годов в России актуализируется исследовательский интерес, направленный на изучение феноменов киберпространства, киберсоциализации, интренет-взаимодействия, интернет зависимости, виртуальной идентичности. Р.И.Зекерьяев выделяет первичные факторы, влияющие на формирование виртуального образа в интернет – пространстве: «нормативность, гендерная принадлежность, агрессивность» (Зекерьяев, 2017). Нормативность представлена как характеристика эмоционально-волевой сферы, позволяющая смоделировать поведение человека в диапазонах ответственность-безответственность, принятие-отрицание правил и норм поведения. Гендерная принадлежность даёт возможность описать склонность к маскулинным или фемининным поведенческим паттернам, которые в совокупности выстраивают виртуальную идентичность. Агрессивность позволяет описать поведенческие стратегии в аспектах восприятия информации, ее обработки, негативных аспектах обратной связи. В итоге, Р.И.Зекерьяев в рамках проведенных исследований предложил трехуровневую структуру виртуальной личности, элементами которой стали социальная и личностная направленность и стратегии поведения (конструктивные, агрессивные).

Т.М. Хусяинов в статье, посвященной психологическим особенностям самозанятых интернет-работников, отмечает, что они отличаются высокой мотивацией, структурированностью, профессиональностью, высокой степенью свободы (Хусяинов, 2017). В исследованиях А.Е. Войскунского, А.С. Евдокименко, Н.Ю. Федуниной осуществлён анализ феномена «сетевой идентичности» (Войскунский, 2013). В рамках традиционной концепции становления идентичности, ее формирование начинается в раннем возрасте и проходит ряд метаморфоз в результате психосоциального развития личности. Сетевая идентичность носит конструктивный характер, но конструируется она в рамках конкретного сообщества другими людьми, а не конкретно носителем идентичности.

Э.А.Игнатьева, Н. В.Софронова, исследуя молодежь в возрасте 16-20 лет, описывали специфику коммуникативного взаимодействия в системе интернет. Ими были выделены следующие типы взаимодействия: деловой, социально-направленный и зависимый стили. Установлено, что в результате виртуального взаимодействия, собеседниками обоюдно выстраивается психологический портрет, вырабатываются эффективные стратегии реагирования и переработки информации. Все эти показатели помогают объективно оценить сложившуюся ситуацию, репрезентативно себя представить в глазах собеседника (Игнатьева, 2014).

Начиная с 2004 года, в рамках исследований, проводимых с целью изучения психологических особенностей личности под влиянием высокой сетевой активности, Н.В. Чудова, предприняла попытку описания психологического портрета личности. Ею было проведено лонгитюдное исследование, в рамках которого установлено, что наблюдается снижение агрессивности участников интернет пространства, предположительно связываемое с уменьшением чувствительности к нарушениям границ в межличностном взаимодействии. Происходит снижение конформизма, важности поиска одобрения социума, а формирование самооценки выстраивается не на основании ожиданий окружения. Происходит повышение рационализации, как в суждениях, так и в используемых стратегиях поведения. Автор отмечает, что исследуемые тенденции являются как с одной стороны положительными во влиянии на человека, так и носят негативный характер.

В рамках анализа зарубежных квалификационных характеристик работников с признаками неустойчивой занятости, И.В. Новикова описывает разнообразные квалификационные навыки, такие как когнитивные навыки, навыки развития, многофункциональные навыки, связанные с готовностью действовать в ситуациях трудового взаимодействия, социальные и технические навыки. Критикуя размытость требований к персоналу с неустойчивой занятостью, автор отмечает, что в целом, существует три основные группы навыков. Общая группа вмещает в себя базовые требования к грамотности, понимание и доступное изложение текстов на родном языке, готовность и способность использовать цифровые средства, компьютерную грамотность. Группа когнитивных навыков описывается как навыки интеллектуального уровня, характеризующие работника готового к обучению, способного критично относиться к материалу и информации, получаемой извне. Третья группа – психологические навыки, являющиеся условием включения и эффективного функционирования работника в виртуальной среде – стрессоустойчивость, адаптивность к изменяющимся условиям, разным партнерам по общению (Новикова, 2017).

С целью описания психологической модели личности интернет занятого специалиста необходимо обратиться к динамическим и функциональным теориям личности, которые позволят определить и обосновать сочетание устойчивых личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности.

Согласно существующему методологическому заделу в рамках зарубежных и отечественных исследований, можно выделить следующую схему понятийного описания психологической модели личности интернет занятого специалиста исходящую из понимания «личности», которая представляется как динамическая система, в которую включены как элементы психофизического содержания, так и поведенческие, социально сформированные элементы, проявляющиеся в результате социализации индивида.

В схему анализа можно включить следующие понятийно-категориальные группы: психические свойства, процессы, направленность личности, личностные черты, способности, структурно-динамические показатели личности изменяемые во времени, в результате процессов развития, социализации, профессионализации.

В рамках многофакторной теории личности Р. Кеттела, личность представлена как сложная иерархизированная система, обладающая аспектами дифференциации черт в зависимости от наличной ситуации, в которую она попадает. В рамках теоретических представлений и выдвинутой модели, выделяются исходные и поверхностные черты. Исходные черты являются доминирующими, отражают постоянные стратегии реагирования согласно типичным ситуациям. Поверхностные черты не типичны, могут проявиться, но не установлено в каких ситуациях.

Исходные черты представлены двумя типами, описывающие природу их функционирования: первый тип – конституциональный, объединяет такие черты, являющиеся биологически и физиологически обусловленными, второй тип – черты, сформированные окружающей средой, как социальной, так и физическим пространством существования индивида.

Способность является одной из значимых черт, описывающих ресурсы в достижении цели личности. Общие и специальные высшие интеллектуальные, конструктивно-технические, музыкальные способности выступают важной составляющей структуры личности любого специалиста в аспекте преломления его реализации как профессионала. Темперамент важен для анализа в аспекте раскрытия динамических сторон личности, особых условий, в результате которых мы можем дать заключение об эмоциональной и стилистической основе его поведения. В контексте

теории Р.Кеттела, можно говорить наличие индивидуальных и специфических черт, которые отражают специфику или универсальность личности. В рамках данной дихотомии рассматриваются общие и уникальные черты.

В рамках теории личности, разработанной К.К. Платоновым, возможно, проанализировать структуру содержательных элементов личности и межфункциональные связи между ними. К.К. Платонов исходит из представления структуры личности исключительно в динамическом аспекте, учитывая при этом как временные условия, так и внешние и внутренние факторы, влияющие на динамику личностных свойств. В рамках системно-структурного анализа личность представляется целостным элементом анализа, а в качестве составных элементов выступают устойчивые психические свойства.

Первым уровнем личностных свойств выступают социально обусловленные черты личности, они представлены в характеристиках направленности личности, ценностях и морально-нравственных качествах. В рамках этой подструктуры анализируются убеждения, мировоззрения, идеалы, интересы, желания. Эти элементы формируются в результате проживания собственного опыта с ориентацией на будущее.

На втором уровне, К.К. Платоновым описана подструктура личности, которая характеризуется наличием знаниями, умениями, навыками, включает в себя как социально приобретенные элементы, в результате реального переживания опыта в процессе онтогенеза, так и в результате врожденных процессов. На третьем уровне располагаются индивидуально-психологические особенности психических процессов. Данные характеристик качественно представляют особые формы отражения действительности, проявляются в воле, чувствах, мышлении, эмоциях, памяти.

Четвертая подструктура носит характеристики биопсихических свойств, имеет врожденный характер. К ней относят темперамент, половозрастные свойства. В основе подобного подхода лежит описание двух детерминант психического развития – социально обусловленных начал, врожденных аспектов.

Выделенные элементы сгруппированы по способу формирования, одни формируются в результате воспитания, другие через обучение, третьи посредством упражнения и тренировки. Каждый из представленных элементов структуры обладает индивидуальным своеобразием и характеризуется каузальным соподчинением, что способствует формированию целостной системной модели - личности.

Руководствуясь компетентностным подходом (Н.В. Агеева, Д.Л. Котов) можно выделить группы компетенций, которые отражают содержание личностных особенностей. К ним относятся: психологические компетенции (требования готовности личности к взаимодействию, самопознанию, готовности к регуляции и организации своей деятельности, инструментальные компетентности), арсенал умений, позволяющий дистанционно и эффективно, в срок работать с информацией, людьми.

Реализуя комплексный подход к проектированию психологической модели личности важно обратиться к профессиографированию, в рамках которого можем привлечь для описания модели не только психологические свойства и особенности личности, заключенные в психограмме, но и представить содержательную сторону профессиональной деятельности интернет занятого специалиста.

В рамках профессиографического подхода В.А. Бодрова, А.К. Марковой, анализируются личностные, психологические характеристики специалиста, психофизические аспекты – свойства высшей нервной деятельности, темпераментные аспекты, сила и слабость нервной системы, стрессоустойчивость, саморегуляция;

социально-психологические аспекты – Я-концепция, ценности и интересы, ожидания, стратегии поведения и совладания в стрессовых ситуациях и т.д.; производственно-технические характеристики – требования предъявляемые профессией к личности специалиста.

Традиционно в профессиографировании применяется задачно-личностный подход, в рамках которого четко описываются требования к результатам труда, исходя из этих требований, описывается идеальный образ, свойства и черты личности специалиста. В целом для дальнейшего проектирования психологической модели необходимо использование стандартов, нормативных требований, предъявляемых к личности и деятельности специалиста дистанционной занятости.

Рассматривая систему операциональных показателей, которую возможно измерить, необходимо опираться на структурно-функциональное представление о строении личности. В качестве квантифицированных индикаторов психологической модели личности интернет занятого специалиста на первый план выходят базовые, общие или врожденные черты, отражающиеся в индивидуально-типологических свойствах, представленные например, экстравертированностью - интровертированностью, открытостью - закрытостью, активностью-пассивностью и т.п. Эти квантифицированные индикаторы описывают черты, которые должны дать детальный анализ особенностей функционирования психических процессов, которые в рамках некоторых форм занятости выступают неотъемлемыми свойствами, профессионально важными качествами и способностями.

Далее в описываемую модель личности необходимо включить элементы анализа поведенческих стратегий, ценностных ориентаций и систем убеждений, которые позволят описать эмоционально-мотивационный и поведенческий блоки. В-третьих, неотъемлемым компонентом в модели являются знания, умения и навыки, выступающие обязательной составляющей функционирования личности, репрезентирующие проявление структурных компонентов личности в рамках конкретных условий профессиональной деятельности, ситуаций взаимодействия, анализа ограничений и возможных деформаций специалиста.

Таким образом, в рамках представленного обзора исследований, посвященных проблемам взаимодействия в виртуальном или сетевом пространстве, представлена понятийно-категориальная схема описания психологической модели личности интернет занятого специалиста. Согласно разнообразным теоретическим основаниям и психологическим подходам, психологическое моделирование личности интернет занятого специалиста, реализовано в системе структурных компонентов психики и социально-психологических феноменов, отвечающих за внешние условия ее функционирования.

Литература

Бауман З. Текущая современность / Пер с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. №2. С. 98–121

Зекерьяев Р.И. Виртуальная личность интернет-пользователя как психологический феномен // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 1 (7). С. 72-78.

Игнатьева Э.А., Софронова Н. В. Психологические особенности взаимодействия людей в информационном обществе: Монография. М: Спутник+, 2014. 158 с.

Лепский В.Е. Моделирование и поддержка сообществ в Интернет. М.: Институт психологии РАН, 1999. 96 с.

Новикова И.В. Выявление навыков работников, готовых на занятость с признаками неустойчивости (по данным интернет-платформы headhunter) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 232-249.

Хусяинов Т.М. Идентичность самозанятых интернет-работников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 127–131

Berge Z.L. The Roles of the Moderation in Scholarly Discussion Groups 1992.. - Режим доступа: URL:<http://star.ucc.nau.edu/~mauri/moderators.html> (обращение к ресурсу 15.04.2018 г.)

Paulsen M. Moderating Educational Computer Conferences, 1995. - Режим доступа: URL:<http://star.ucc.nau.edu/~mauri/moderators.html> (обращение к ресурсу 15.04.2018 г.)

Suler J. The basic psychological features of cyberspace // J. Suler The Psychology of Cyberspace. - Режим доступа: URL: <http://www.rider.edu/~suler/psycyber/basicfeat.html> (обращение к ресурсу 15.04.2018 г.)

Сведения об авторе

Аринушкина Наталья Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология и прикладная социология», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Arinushkina@yandex.ru

SYSTEM OF OPERATIONAL INDICATORS AND INDICATORS OF THE PSYCHOLOGICAL MODEL OF THE PERSONALITY OF THE INTERNET OF THE EMPLOYED YOUNG SPECIALIST

Arinushkina N.S.

Saratov State Technical University behalf of Gagarin Yu.A., Saratov

Keywords: personality model, Internet employment, freelance, virtual environment

Abstract: The article presents an analysis of the conceptual space of Internet employment. Psychological indicators that reflect the system of structural components of the psyche and socio-psychological phenomena responsible for the external conditions of its functioning are studied. Considering the system of operational indicators, relying on the structural and functional conception of the structure of the personality, basic, general or innate traits reflected in individual-typological properties, elements of the analysis of behavioral strategies, value orientations and belief systems that will describe the emotional-motivational and behavioral blocks.

ПСИХОЛОГИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Богачева Н.В.

Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
(Сеченовский университет), Москва

Ключевые слова: компьютерная игра, геймеры, зависимость от видеоигр, компьютерные игры и агрессия, когнитивные функции.

Аннотация. В статье приводится краткий обзор актуального состояния основных проблем современной киберпсихологии компьютерной игры и подчеркивается противоречивый статус данного предмета исследования. В настоящее время в изучении компьютерной игровой деятельности наметились изменения, в частности: получила официальное признание ВОЗ зависимость от компьютерных игр; нейропсихологические исследования отчасти опровергли распространенные данные о влиянии игрового насилия на жесткость и снижение эмпатии у компьютерных игроков в реальной жизни, также критике подвергаются и исследования развивающих возможностей компьютерной игровой деятельности. Текущий уровень развития науки не позволяет сделать однозначные выводы о том, являются ли компьютерные игры фактором риска или источником развития, а дальнейшее развитие этой проблематики возможно в том числе с опорой на объяснительные принципы отечественной психологии.

Компьютеры и интернет играют важную роль в повседневной жизни современного человека, проникают во все сферы деятельности и радикально их преобразуют. При этом однако, необходимо помнить, что информационные технологии выступают новым орудием выполнения тех или иных действий, но именно человек формирует содержание интернета, социальных сетей, компьютерных игр и т.д. Включенность в деятельность, опосредствованную информационными технологиями, однако, также может влиять на психику и личность человека, что формирует потребность в ее психологическом осмыслении и задает повестку для такой отрасли психологии как киберпсихология. А.Е. Войскунский определяет ее как «отрасль психологии, объединяющую (и отвечающую за) методологию, теорию и практику исследования видов, способов и принципов применения людьми социальных сервисов Интернета» (Войскунский, 2013, с. 88) и указывает на ее тесную взаимосвязь с другими направлениями психологии. В свою очередь, представления, сформулированные в других областях психологии, могут (и должны) выступать как объяснительные принципы того, как деятельность в виртуальном пространстве соотносится с реальностью и влияет на психику человека. В отечественной психологии таким объяснительным принципом может служить теория знакового опосредствования Л.С. Выготского, позволяющая рассматривать компьютеры как систему знаков, преобразующую человеческую деятельность, личность и психические процессы. Освоение и использование технологий подразумевает что устоявшиеся формы деятельности начинают реализовываться с помощью новых средств (Войскунский, 2013). Так, игровая деятельность ребенка на компьютере отличается от игры с игрушками; общение в интернете имеет иное строение, чем лицом к лицу и т.д. Наряду с развитием психологических функций, переопосредствование и усложнение деятельности за счет введения новых знаковых систем может вести к формированию психологической

специфики, которую необходимо учитывать, особенно учитывая ранее знакомство с компьютерами нового поколения пользователей.

Игровая деятельность, опосредствованная компьютерами и интернетом, является одним из предметов киберпсихологического исследования, вызывающим, вероятно, наибольшее количество споров и противоречий. К настоящему времени видеоигры стали одной из популярнейших форм досуга среди детей и взрослых: по данным статистики, в компьютерные игры активно играют более 60% американцев⁶ и более 30% россиян⁷, среди детей и подростков процент увлеченных игроков в компьютерные игры (т.н. «геймеров») составляет более 90% в США⁸ и более 70% в нашей стране⁹, а самый ранний возраст игры в видеоигры, учитываемый опросами, составляет 2 года. Психологические исследования показывают разнообразие (и зачастую – противоречивость) воздействия, которое компьютерные игры оказывают (либо, вопреки ожиданиям и теоретическим предпосылкам, не оказывают) на психику детей и взрослых (Богачева, 2017). Анализ основных направлений и результатов изучения игроков в компьютерные игры предпринимался и ранее, однако высокая скорость развития новых технологий, и новые данные исследований, в том числе – нейропсихологических, а также изменения в официальном статусе некоторых проблемных областей киберпсихологии игры требуют повторного обращения к данной проблематике.

Так, в этом году зависимость от компьютерных игр впервые получила официальное признание ВОЗ и вошла в МКБ-11¹⁰. Ранее зависимость от компьютерных игр зачастую рассматривалась как частная форма интернет-зависимости, а высокая мотивационная привлекательность и снижение контроля за игровым поведением зачастую связывалось только с компьютерными играми, опосредствованными интернетом, но не играми один на один с компьютером (Griffiths, 2009). Актуальная трактовка зависимости от компьютерных игр подразумевает возможность ее формирования в связи с играми любого типа, а диагностическими критериями выступают нарушение контроля за собственным игровым поведением, повышение приоритета игры по сравнению с другими формами деятельности, а также продолжение игры даже после наступления негативных последствий. *Таким образом, проблема статуса компьютерной игровой зависимости как психологического заболевания получила свое решение, однако в этой связи актуальность приобретает проблема ее диагностики* (большинство используемых в настоящее время методик направлены на диагностику интернет-зависимости, напр. Малыгин и др., 2011).

⁶ http://www.theesa.com/wp-content/uploads/2018/05/EF2018_FINAL.pdf (дата обращения 30.09.2018)

⁷

http://www.gamer.ru/system/attached_images/images/000/667/182/original/layout_infographic_fromgdcbooklet_rus.jpg (дата обращения 30.09.2018)

⁸ <https://www.cnet.com/news/91-percent-of-kids-are-gamers-research-says> (дата обращения 30.09.2018)

⁹

<http://momri.org/2016/newsaboutmomri/vesti-ru-igrovye-predpochtenija-samyh-malenkih-gejmerov-rezultaty-issledovaniya-instituta-sovremennyh-media-momri/> (дата обращения 30.09.2018)

¹⁰ <https://icd.who.int/> (дата обращения 30.09.2018)

Наряду с риском развития зависимого поведения, часто рассматривается и проблема связи жестоких компьютерных игр с агрессией в реальной жизни. Резолюция¹¹ Американской психологической ассоциации гласит, что агрессивные компьютерные игры ведут к появлению агрессивных мыслей, чувств и поведения у детей, подростков и взрослых. Исследования научной группы К. Андерсона показывают не только развитие у предпочитающих жестокие игры геймеров толерантного отношения к жесткости, появление враждебных мыслей, снижение эмпатии и альтруизма, но также рост импульсивности, снижение саморегуляции, ухудшение школьной успеваемости (Gentile et al., 2012). Связи игр и агрессии рассматриваются авторами как двусторонние и ведущие как к кратковременным, так и долгосрочным изменениям. В то же время, фМРТ исследования показывают, что для уровня активности зон головного мозга, связанных с эмпатией, отсутствуют долгосрочные эффекты от игры в жестокие компьютерные игры (Kühn et al., 2011). Ряд авторов также указывают на низкую экологическую валидность исследования группы К. Андерсона, недоучет средовых и социальных факторов и психологических особенностей геймеров. Так, без внимания остается повышенная агрессивность мальчиков-подростков, обусловленная гормональными изменениями, а также достаточный уровень осознанности и понимания того, что каковы последствия переноса игровых действий в реальность. При такой трактовке, жестокие игры, напротив, могут способствовать фактическому снижению агрессивного поведения за счет перенаправления импульсов в социально приемлемое русло (Olson, Kutner, 2015). Также, такие негативные последствия жестоких игр, как снижение контроля и саморегуляции, успеваемости могут быть признаками игровой зависимости, а не прямым следствием игрового насилия. *Таким образом, несмотря на устоявшиеся представления о связи жестоких компьютерных игр с агрессивным поведением геймеров, эта проблема, по всей видимости, более многогранна и нуждается в дальнейшем изучение.*

Более 70% родителей в России рассматривают компьютерные игры как источник негативных последствий для детей⁴. Аналогичный процент родителей в США³, напротив, ссылаются на развивающий характер компьютерных игр. Практически не вызывают критики исследования роста пространственных способностей у геймеров, при этом наибольший развивающий эффект показан для игроков с более низкими начальными показателями пространственного мышления (это относится и к межполовым различиям) (Greenfield, 2009). Эмпирические данные свидетельствуют и о том, что геймеры превосходят не играющих в компьютерные игры людей по большинству показателей зрительного внимания, менее подвержены эффекту мигания внимания, обладают большим объемом рабочей памяти, быстрее, но также точно решают зрительные задачи на принятие решений в ситуации неопределенности, лучше справляются с задачами на переключение (Bavelier et al., 2011). Данные исследования, однако, не всегда воспроизводятся другим исследовательским группам, что ставит под сомнение прямую связь между продуктивностью компьютерных игроков в задачах на зрительное внимание и рабочую память с их опытом игры в компьютерные игры¹². Так, большую роль в высокой продуктивности геймеров в задачах такого типа могут играть факторы мотивации или предрасположенность людей с развитым зрительным вниманием к увлечению видеоиграми. Неоднозначно трактуется и способность игроков к переключению между задачами и мультитаскингу (многозадачности): с одной стороны, быстрое переключение требует развитого когнитивного контроля, гибкости и

¹¹ <http://www.apa.org/about/policy/violent-video-games.aspx> (дата обращения 30.09.2018)

¹² <http://psychfiledrawer.org/topics/view.php?t=brain-training--far-transfer-effects-643-763> (дата обращения 30.09.2018)

селективности внимания, большого объема рабочей памяти. С другой, многозадачность связывают с отвлекаемостью и снижением глубины переработки информации (Greenfield, 2009). Неоднозначен и вклад компьютерной игровой деятельности в развитие мышления: наряду с возможностью развития стратегического и логического мышления за счет выявления игровых правил и закономерностей, большой объем информации, получаемый с помощью информационных технологий потенциально снижает рефлексивность (Greenfield, 2009), ведет к неравномерному развитию образного и понятийно-логического мышления. К неоднозначным результатам приводят и попытки создания обучающих игр и компьютерных программ для детей и взрослых⁷. Таким образом, проблема когнитивного развития в компьютерной игре также остается нерешенным в настоящее время. Совершенствование исследовательских процедур и учет большего числа переменных показывают, что связи между вниманием, рабочей памятью, когнитивным контролем и игровым опытом опосредуются множеством дополнительных факторов, что делает невозможным однозначный вывод о вреде или пользе компьютерных игр для когнитивных функций.

Заключение: Большинство исследований геймеров и компьютерных игр выполняются в рамках когнитивной психологии, однако теории Л.С. Выготского и О.К. Тихомирова также предоставляют возможности для осмысления психологических последствий информатизации, что в частности, приводит к росту интереса к ним и среди зарубежных авторов (Файола и др., 2016). Так, положения о развитии ВПФ, роль взрослого в формировании зоны ближайшего развития и становлении зрелых форм деятельности позволяют рассматривать компьютеризацию всех сфер жизни с позиции изменения орудийного состава деятельности, а также ограниченную замену взрослого программой (Войскунский, 2013), что неизбежно приведет к дальнейшим психологическим изменениям.

Литературы

Богачева Н.В. Проблема установления причинно-следственных связей в киберпсихологии в контексте психологических особенностей игроков в компьютерные игры // Государство и граждане в электронной среде. 2017. № 1. С. 315-327 URL:<http://openbooks.ifmo.ru/ru/file/6586/6586.pdf> (дата обращения 30.09.2018).

Войскунский А.Е. Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 4. С. 88-90.

Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: Учебное пособие /сост. В.Л. Малыгин и др. М.: МГМСУ, 2011.

Bavelier D. et al. Brains on video games // Nature Reviews Neuroscience. 2011. Vol. 12. P. 763-768.

Файола Э. и др. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147–162.

Gentile D.A. et al. Video game playing, attention problems, and impulsiveness: evidence of bidirectional causality // Psychology of Popular Media Culture. 2012. № 1. P. 62-70.

Greenfield P.M. Technology and Informal Education: What Is Taught, What Is Learned // Science. 2009. Vol. 323. P. 69-714.

Griffiths M. Online computer gaming: Advice for parents and teachers // Education and Health. 2009. Vol. 27, № 1. P. 3–6.

Kühn S. et al. The neural basis of video gaming // *Translational Psychiatry*. 2011. Vol. 1. URL: <http://www.nature.com/tp/journal/v1/n11/full/tp201153a.html> (дата обращения: 30.09.2018).

Olson C.K., Kutner L. Viewpoints and flashpoints in the study of video game violence and aggression // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2015. Т. 12, № 1. С. 13-28.

Сведения об авторе

Богачева Н.В. кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики и медицинской психологии, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, bogacheva.nataly@gmail.com

VIDEO GAME PSYCHOLOGY: THE MAIN PROBLEMS AND SOLUTION PERSPECTIVES

Bogacheva N.V.

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow

Keywords: video games, computer gamers, video game addiction, computer games & aggression, cognitive functions

Abstract. The article gives a brief overview of the current state of the main problems of modern video games cyberpsychology and emphasizes the contradictory status of this research subject. Currently, the study of video gaming has evolved, in particular: WHO officially recognized video game addiction; neuropsychological studies partially refuted the widespread ideas on the impact of video game violence on the rigidity and the reduction of empathy in computer gamers in real life. The studies of the developing capabilities of video games are also criticized. The current level of scientific development does not allow making unambiguous conclusions about whether computer video games are a risk factor or a source of development, and further research of this problem is possible, including the support by the explanatory principles of Soviet & Russian psychology.

ГЕРОИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ (НА ПРИМЕРЕ КИНЕМАТОГРАФА)

Орестова В.Р., Ткаченко Д.П.

Российский государственный гуманитарный университет, Институт психологии
им.Л.С.Выготского, Москва

Ключевые слова: транзитивность, современность, идентичность, идентификация, кино, супергерой, характеристики супергероя.

Аннотация. Рассматриваются трудности идентификации молодого поколения в условиях транзитивности общества. Поднимается вопрос о значении кинематографа в

современной культуре. Предлагается анализ кино как стратегии совладания и поиска идентичности. Анализируются причины популярности среди зрителей супергеройской тематики. Приводятся данные исследования, направленного на выявление представлений зрителей о супергероях. Раскрывается связь предпочитаемых в супергерое качества с возрастом знакомства с супергеройской культурой. Приводятся данные и различия предпочтений между мужчинами и женщинами при оценке персонажа. Анализируются три наиболее предпочитаемых персонажа с позиции ключевых качеств, присущих их образу. Дается заключение об особенностях восприятия супергероя современным зрителем.

Сохранение внутренней целостности современного человека затрудняется вызовами транзитивного общества, выражающимися во множественности социокультурных контекстов, постоянной изменчивости окружающего мира и неопределенности путей развития (Марцинковская Т.Д., 2015). Представители молодого поколения сталкиваются с необходимостью конструирования собственной идентичности, в ситуации неопределенности, основываясь на множественности и размытости ценностных ориентиров. Именно поэтому фокус внимания современных исследователей смещается на те пространства и системы, в рамках которых реализуются эти процессы.

Сегодня пика популярности достигли такие направления как исследования процессов виртуального и информационного пространства (Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д., 2016, Белинская Е.П., 2016, Белинская Е.П., Марцинковская, Т.Д., 2018; Войскунский А.Е., 2013, Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А., 2018 и др.), при этом изучение роли массовой культуры (на примере кинематографа) в становлении идентичности личности в отечественной науке представлено преимущественно в теоретическом ключе. Однако мир кинематографа не менее притягателен для современных молодых людей, которые являются одной из самых многочисленных групп посетителей кинотеатров, а также активно используют различные Интернет-сервисы по скачиванию фильмов и сериалов.

Таким образом, кино, выступая в качестве одного из ключевых источников информационного воздействия, способствует трансформации представлений о реальности, формированию установок, ценностей, поведенческих и ролевых моделей. Предпочтение и просмотр фильмов и сериалов определенной направленности и содержания можно рассматривать с точки зрения специфической стратегии совладания, посредством идентификации зрителя с персонажами и переживания в метафорическом плане собственных трудностей через экранный нарратив. В пространстве кино существует многообразие неограниченных возможностей для «игры идентичностей», в рамках которой возможно своеобразное ролевое экспериментирование с идентичностью, проживание другой жизни, приближение к идеальному Я и даже получение суперспособностей.

По статистике, сегодня наиболее популярными среди молодежи являются фильмы про супергероев, причем их популярность только растет. Если лет 20 назад любовь к подобного рода контенту была уделом преимущественно детей и великовозрастных гиков (фанатов), то сегодня эти фильмы стали частью массовой культуры. Так за 2017 год крупнейшие киностудии выпустили порядка 10 фильмов о супергероях в то время, как в 1980 году было выпущено всего 2 фильма (<https://www.finder.com/superhero-statistics>). И это статистика только тех фильмов, которые выходят на широкий экран, без учета ТВ-сериалов и анимационных фильмов. Для понимания масштабов популярности супергеройской тематики среди зрителей кинотеатров, стоит сказать, что в 2017 году

киноиндустрия заработала 2 164 миллиона долларов США на фильмах по мотивам комиксов (<https://www.statista.com/statistics/311931/superhero-movies-box-office-revenue/>).

Популярность супергеройской темы обусловлена не только технологичностью, яркостью спецэффектов и мощной рекламой фильмов. Робин С. Розенберг, изучающая культуру супергероев, считает, что комиксы и фильмы про супергероев – это нечто вроде мифов Древней Греции, архетипических историй, адаптированных под современность. Они раскрывают вечные человеческие дилеммы, разрешение которых всегда происходит на пике человеческих (или сверхчеловеческих) возможностей, посредством исключительных действий. При этом супергерой, обладающий человеческими недостатками, никогда не проигрывает (либо его проигрыш неизбежно приводит к безоговорочной победе). Это главное условие в мире супергероев – зритель не увидит его падения, если только оно не перед грандиозным взлетом. Кроме того, здесь процесс идентификации себя с персонажем упрощается за счет повествования от первого лица. Стоит ли говорить, что идея наличия уникальной сверхспособности и множественной идентичности, за которой скрывается подлинная индивидуальность, облаченная в эффектный костюм, да еще и с привкусом спасения мира, становится необыкновенно привлекательной для современного человека, переживающего мощнейший кризис идентичности и поиска смысла (Robin S. Rosenberg PhD, 2013).

Исходя из этого, мы провели небольшой опрос среди 237 интернет-пользователей, который был направлен на выявление основной тенденции в восприятии фигуры супергероя среди зрителей. В нашу выборку попали респонденты от 10 до 46 лет включительно, причем большую часть составили представители от 18 до 30 лет (194 чел.). Несмотря на то, что среди наших респондентов только у 8% были дети, почти 94% опрошенных заявили о том, что смотрят различный контент, посвященный супергеройской тематике. При этом, больше половины респондентов (56%) познакомились с культурой супергероев в детстве, а 37% - в подростковом возрасте. Как выяснилось, респонденты, впервые познакомившиеся с супергеройской культурой в детстве в большей мере, чем познакомившиеся в подростковом и взрослом возрасте, отмечают в супергероях ответственность и гибкость. Интересно, что именно эти качества с точки зрения транзитивности являются необходимым условием успешной социализации и адаптации к изменчивому обществу.

Сравнение мужчин и женщин показало статистические различия в оценке качеств супергероя. Так женщины в большей мере, чем мужчины обращают внимание на внешнюю привлекательность, в то время как мужская часть публики продемонстрировала более широкий и разнообразный спектр качеств: гениальность, хорошее чувство юмора, эмоциональная чувствительность, жертвенность (альтруизм), гибкость/находчивость. Мы, отталкиваясь от традиционных и архаичных представлений о маскулинности и образе сильного и отважного супергероя, ожидали получить что-то, вроде силы, крутости, неуязвимости. При оценке же антигеройских характеристик для мужчин наиболее критичной оказалась зависть. Судя по всему, для современных мужчин наличие гениальности, гибкости, хорошего чувства юмора и эмоциональной чувствительности в сочетании с жертвенностью – именно тот набор, который делает героя не только наиболее адаптивным в транзитивном мире (где одной силой сыт не будешь), но и наиболее достижимым для идентификации с ним. Важно понимать, что массовая культура предлагает более адаптированный вариант персонажей традиционных комиксов под запрос изменившегося социума. Наличие доступных простому смертному качеств, которые, тем не менее, не делают супергероя уязвимым, а наделяют его индивидуальностью и человечностью сегодня привлекают больше, чем сила и суперспособности.

Стоит сказать, что образ супергероя с определенными предпочитаемыми характеристиками воплощается в конкретных супергероях. Несмотря на наибольшую популярность фильмов по комиксам Marvel (Марвел), самым предпочитаемым персонажем среди респондентов оказался бэтмен (компании DC (ДиСи)) (18%). На втором (14%) и третьем (12%) местах оказались Железный человек и Человек паук.

Был проведен сравнительный анализ оцениваемых характеристик трех наиболее популярных среди респондентов супергероев: Бэтмена, Железного человека и Человека-паука. В результате получены следующие статистически значимые результаты:

Бэтмен отличается высоким самоконтролем. Так как он является наиболее популярным персонажем среди наших респондентов, мы рискнули предположить, что способность управлять своими состояниями и в любой, даже самой стрессогенной ситуации, сохранять самообладание является одной из наиболее востребованных среди современных людей. В мире, где скорость процессов и обилие информации приводят к различного рода эмоциональным нарушениям и срывам, способность выдерживать такого рода нагрузку неизбежно будет высоко цениться и вызывать восхищение.

Железный человек лидирует в разнообразии качеств, выделяющих его среди остальных персонажей супергеройской вселенной. Гениальность, внешняя привлекательность, хорошее чувство юмора, креативность – все это очень напоминает необходимый набор качеств современного успешного человека, способного справиться с любыми социальными и творческими задачами. Судя по всему, в транзитивном мире подобного рода характеристики позволят не просто занять свою социальную нишу, но, в случае необходимости, быстро и безболезненно ее сменить. Неудивительно, что Железный человек так интересен многим зрителям.

Человек паук выделяется своей отзывчивостью и человеколюбием, чувством долга и наличием суперспособностей (действительно, ни Бэтмен, ни Железный человек не могут похвастаться наличием суперсилы, а лишь обладанием умело сконструированных супергероических гаджетов). Помимо этого, по своей крутости Человек паук очень сильно уступает двум другим супергероям. Это и неудивительно, Питер Паркер – простой старшеклассник, изгой в своем окружении – лично практически не меняется после обретения сверхспособности, поэтому под маской загадочного Человека паука скрывается все тот же робкий и неуклюжий в социальном плане паренек. Однако, стоит отметить, что, судя по оценке респондентов, Человек паук привлекателен именно своими качествами «хорошего парня», способного жертвовать собой и заботиться о социуме, который неоднократно его отвергал и обращался с ним жестоко.

Интересно, что в наиболее популярные и оцениваемые характеристики предпочитаемых героев не вошли такие как Честность, Верность, Жертвенность (альтруизм), Ответственность, Щедрость, Чувство долга. По сути, это те качества, которые всегда подчеркивались и утрировались в большинстве супергеройских историй. В этом смысле, супергерои – это классический портрет высококонравного защитника человечества, часто политизированный и загнанный в нормативные рамки конкретной культуры. Однако образ такого супергероя, судя по всему, не близок современному зрителю, пытающемуся разглядеть за супергеройским величием простые человеческие качества, проявляющиеся в ситуациях повышенной опасности и сверхчеловеческих возможностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что архетипичный образ героя, как такового, не привязан к наличию суперспособностей и неуязвимости. Несмотря на то, что современные супергерои обладают сложными, сверхтехнологичными средствами

усиления собственной мощи, зрители, в большей степени, ориентируются на их «несуперчеловеческие» составляющие. Возможно, это связано с тем, что эмоциональная чувствительность, внешняя привлекательность и хорошее чувство юмора – это более достижимые и эффективные для успешной социализации в современном транзитивном мире качества, нежели наличие рентгеновского зрения или пуленепробиваемой кожи. В этом плане нам представляются довольно перспективными исследования того, как личные истории суперлюдей со всеми их трагедиями, страхами и слабостями отражают истории развития и социализации зрителей, тем самым, позволяя увидеть позитивное разрешение тех или иных противоречий и трудностей, наполняющих жизнь простого человека.

Литература

Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростка в информационном пространстве / Психологические исследования, 2016. № 9(46), <http://psystudy.ru>

Белинская Е.П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. №2. С.31 - 40

Войскунский А.Е. Перспективы становления психологии Интернета.

Психологический журнал, 2013, 34(3), 110–118.

Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность. В кн.: Р.В. Ершова (Ред.), Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015, 8(42), 1. <http://psystudy.ru>

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2018.

Robin S. Rosenberg PhD. Our Superheroes, Ourselves, Oxford University Press, 2013

Сведения об авторах

Орестова Василиса Руслановна. Доктор психологических наук, заведующая кафедры психологии личности института психологии им. Выготского Л.С., Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993, Москва, Россия. E-mail: v.r.orestova@gmail.com.

Ткаченко Дарья Павловна. Аспирант, преподаватель, кафедра психологии личности, Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия. E-mail: bigbro-littlebro@yandex.ru

HEROES OF MASS CULTURE IN PRESENTATIONS OF MODERN TEENAGERS AND YOUTH (ON THE EXAMPLE OF CINEMATOGRAPH)

Orestova Vasilisa R., Tkachenko Darya P.

Vygotsky Institute for Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow

Key words: transitivity, modernity, identity, identification, cinema, superhero, superhero characteristics.

Abstract. Difficulties of identification of young generation in the conditions of transitivity of society are considered. The question of the importance of cinema in modern culture is raised. The analysis of cinema as a strategy of coping and search of identity is offered. The reasons of popularity among the audience of the superhero theme are analyzed. The data of the research aimed at revealing viewers' ideas about superheroes are presented. The connection of the qualities preferred in the superhero with the age of acquaintance with the superhero culture is revealed. The data and differences in preferences between men and women in the evaluation of the character. Three most preferred characters from the position of the key qualities inherent in their image are analyzed. Provides a conclusion about the peculiarities of perception of a superhero a modern audience.

КИБЕРБУЛЛИНГ: КОНФЛИКТ СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ СЦЕНАРИЕВ РАЗНОГО УРОВНЯ¹³

Маховская О.И.

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва

Ключевые слова: социо-культурные инструменты, сценарии, кибербуллинг, нарциссизм, травма, защитные механизмы, архетип.

Аннотация. Кибербуллинг рассматривается как результат столкновения культурно-исторических инструментов (сценариев) разного уровня. Статья посвящена анализу приемов, психологических механизмов воздействия, а также социальным и психологическим последствиям кибербуллинга. Последствия публичного оскорбления могут быть описаны в терминах нарциссического расстройства. Нарциссизм рассматривается как социальная эпидемия, архетипического происхождения. Указаны некоторые наиболее очевидные способы психологической защиты от публичных оскорблений.

Нарциссизм – способ ложной презентации в сети

В условиях сетевой публичности некоторые формы поведения, которые описывались в терминах клинической психологии, быстро распространяются, нормализуются, и даже идеализируются. Цель этой статьи – на основании многолетнего опыта экспертизы сетевых проектов, анализа и включенного наблюдения, обозначить и соотнести главные характеристики сетевого поведения у молодых – нарциссизм и агрессивность.

Нарциссизм принял характер социальной эпидемии и стал важным образом жизни. Выросла и актуальность психологической защиты и предупреждения последствий сетевой агрессии (Маховская, Марченко, 2016). Нарциссизм с самого начала рассматривался как способ индивидуального формирования патологической личности даже Юнгом, автором теории коллективного бессознательного. Инструмент

¹³ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №. 18-013-00754.

формирования нарциссизма – архетипы, точнее, скрытые коллективные сценарии, как уточнил Э.Берн, последователь Юнга, автор транзакционного анализа. Сценарии в отечественном литературоведении (Ю.Лотман) и психологии (Маховская, 2010) рассматриваются как культурные инструменты, которые могут не только осознаваться, но и моделироваться, как индивидуально, так и извне. Многочисленные данные показывают, что с помощью СМИ моделируется много негативных эффектов среди детей и подростков из семей с низкими критичностью и ценностью образования и т.д. . Формирование нарциссического расстройства личности может определяться сценариями разного уровня, снизу, со стороны коллективного бессознательного, и сверху, со стороны социальных представлений, стереотипов, идеологий, и совсем конкретно – через сценарии видеоигр, чатов, форумов, социальных сетей.

В силу своей неопределенности опосредованное дистантное общение является гигантской проективной методикой. Интернет создает такую систему зеркальных отражений, которая позволяет проникнуть в самые глубины человеческой психики, вплоть до архетипических сценариев, провоцирующих неуправляемую агрессию участников открытого общения. Агрессия пропорциональна глубине нарциссической травмы. Произошло радикальное изменение представлений об интимности, интимность стала публичной, а вместе с ней, процессы, которые протекали скрыто, за кадром, стоили большого напряжения, сдерживались стыдом и чувством вины, стали объектом групповой манипуляции и контроля. (Маховская, 2010)

Разновидности сетевой агрессии

Оптимистические взгляды на роль сетевого общения среди молодых, уверенность, что оно помогает справиться с одиночеством и является источником формирования новых положительных идентичностей (Gray, 2011) сопровождается тревожными данными о росте сетевой агрессии (Barlett, Gentile, Nanyang, 2014), указывается, что девушки ведут себя даже агрессивней, быстрее распространяя компрометирующую информацию (Barlett, Coyne, 2014) . Унижения, преследования, агрессия в сети получили уже устойчивые названия – cyber bullying (в отношении детей и подростков) и cyber harassment (в отношении взрослых). Многие отрицательные феномены личного общения проявляются в сети: с одной стороны, стремление выглядеть в лучшем свете (выстраивание флюидной или идеальной идентичности), нарциссизм, «поддакивание» и систематическое «лайкание» постов в референтной группе с подтверждением групповой идентичности, с другой стороны, агрессивность, попытки разрушать коммуникацию или манипулировать ее участниками, преследование и оскорбления в адрес «чужаков», прямые угрозы, демонстрация деструктивных или манипулятивных наклонностей, приемов, которые по праву относят к «кибербуллингу» (Solove, 2007, Маховская, 2010). Выросла и актуальность психологической защиты и предупреждения последствий сетевой агрессии (McWilliams, 1992; Twenge and Campbell, 2010).

Понятие кибербуллинга ввел норвежский психолог Ольвеус в 1993 году, определив его как систематическое преследование, создающее неравенство власти и силы (Olweus, 1993).

Кибербуллинг, под которым понимают совокупность способов разрушения коммуникации и оспаривания идентичностей других людей, а по форме - систематическую травлю, провоцирование и терроризирование отдельных участников или групп, насчитывает более десятка форм. Среди них – флейминг (оскорбления с переходом на личности), кибермоббинг (преследование, осуществляемое группой людей), троллинг (подстрекательство к агрессивному поведению), гриферство (помехи в

видеоиграх), секстинг (публикация материалов интимного содержания), video-recording of assaults/happy slapping and hopping (нападение группы подростков на сверстника, которого они выбрали в качестве жертвы, с последующим размещением записи в сети, чтобы усилить у жертвы чувство стыда и страх отвержения). Разновидностью кибербуллинга является outing and trickery, под которым прежде понимали разоблачение гомосексуалистов, а потом - публикацию любой конфиденциальной информации гомосексуального характера. Еще один популярный метод оскорбления в сети носит название impersonalization, когда от имени самого участника распространяется информация или суждения, которые его компрометируют (Willard,2007; Бочавер, Хломов 2014).

Психологические последствия публичных атак

Несмотря на распространенность явления, остаются малоизученными его психологические последствия как для жертв, так и для преследователей, инициаторов и исполнителей агрессивных демаршей в сети. В отличие от простого, в лицо, оскорбления, и даже в отличие от скандальных публикаций в традиционных СМИ, сетевая агрессия остается анонимной, неопределенной по намерениям, непредсказуемой по последствиям. Преследователь (агрессор) остается относительно неуязвимым. Анонимность источника агрессии повышает тревожность жертвы кибербуллинга. Когда жертва не знает, кто именно и сколько человек ведет войну, ей трудно предсказать и предупредить последствия. Анонимность затрудняет наказание агрессора и приводит к его растормаживанию (disinhibition), когда он уже не может остановиться (Kowalskietall, 2011).

Сетевая публичность стимулирует нарциссизм. Ему более подвержены дети, у которых пока не сложились защитные механизмы, спасающие формирующееся, но пока слабое Я от агрессивных атак и интервенций. Виртуальный мир по определению исключает телесный контакт, спонтанную обратную связь. Сетевой код поведения включает вуайеризм. Большинство участников сетевого взаимодействия – только наблюдатели и критики. Зависть, характерные для детского нарциссизма с его беспомощностью, одно из чувств, которые связывают тайных наблюдателей со «звездами». «Вначале я была ее фанаткой, но потом я поняла, что это за ужасный человек!» (из сообщений на Фейсбуке). Презрение, скрытая, накапливаемая агрессия публики по отношению к «звездам» - защитная реакция от чужой известности, а по сути от своей безвестности, понимания слабости своего Я, непреодоленного страха индивидуализации, одновременно желая и страха прожить особенную, яркую жизнь. Сетевая агрессия возникает и нарастает как снежный ком в результате отсроченного пассивно-агрессивного типа реагирования людей с низкой самооценкой. До поры до времени они только наблюдают, пока «зачинщик» не начнет открыто так называемый «холивар», горячую, чаще бесплодную полемику, цель которой –повышение статуса своей группы, утверждение ее авторитета и власти за счет агрессивного осуждения «изгоя».

Цель кибербуллинга – довести жертву до крайнего отрицательного возбуждения, спровоцировать гипертрофированную реакцию не только со стороны жертвы, но со стороны ее референтной группы, вызвать чувство стыда и унижения, деморализовать жертву, разрушить ее репутацию. Кибербуллинг эксплуатирует социальные страхи и потребность в привязанности. Исключение из значимой группы (exclusion/ostracism) может переживаться как социальная смерть и вызывать длительную депрессию у жертвы, и даже приводить к реальным суицидам, как мы видим это в случаях с подростками. Жертва и агрессор могут меняться местами, создавая созависимые связи,

по типу реальных, с признаками привязанности, влюбленности, ненависти, но это только проективные, ложные связи, разоблачение которых – особая работа.

Социальные сети позволяют моделировать и структурировать социальное окружение. Социологи делят социальные связи на «сильные» (любовь, дружба, ненависть, зависть, ревность) и «слабые» (френды, фолловеры, подписчики). Именно «слабые» связи интенсифицируются в сети. Почему происходит такое парадоксальное развитие событий? Может, потому что «слабые» связи предполагают меньше ответственности и более общие критерии выбора партнера (стиль, интересы, реакции на важные события, убеждения)? Слабые неопределенные связи, мы считаем, создают почву для воображения и иллюзий, приводят к инфантильному регрессу, детскому нарциссизму.

Нарочитое игнорирование и обрывание контактов переживается так же, как изоляция в реальной жизни, и в ряде случаев снижает самооценку (Filipkowski, Smyth, 2012), или, говоря языком психоанализа, наносит травму отвержения. Эксперименты показали, что исключение из сообщества (бан) снижает самооценку участника, делает более конформным в суждениях, толкает вступать в тематически связанные группы, чтобы реабилитироваться (Williamsetall, 2000). Эффект публичного осмеяния, наказания, оскорбления усиливается многократно по сравнению с частным face-to-face оскорблением. «Как через сильную линзу усиливается солнечный луч, который может прожечь дотла. К боли оскорбления добавляется горячий стыд перед другими» (из сообщений на Фейсбуке).

Умение совладать со стыдом и унижением приходит к нам в детстве по мере его сепарации от матери. Совладав со стыдом, человек обретает чувство реальности и ограниченности своих возможностей (Kernberg, 1995). И, напротив, отказавшись от стыда и унижения, человек подчиняется иллюзии грандиозности, которую испытывают дети в результате гиперпроекции на родителя. Сеть с ее безграничными возможностями символически заменяет потакающую мать. «Я здесь словно купаюсь в теплой ванной, комфорт и солнце» (из сообщений на Фейсбуке).

Социальное признание по-прежнему важная составляющая самочувствия человека, и он готов бороться за свою репутацию. «Самая страшная война идет за известность. Это не «лайки» ставят, это аплодисменты, которые могут перейти в овации, а могут разочаровать скудостью» (из сообщений на Фейсбуке). Насколько глубоко мы травмируемся в Сети, носят ли «отказы» поверхностный характер, или задевают более глубокие структуры личности, разрушая привычные защиты? Исследования показывают, что наиболее уязвимыми оказываются участники с нарциссическим расстройством или акцентуацией. Они активны в сети, чаще всего и являются «звездами», и вместе с тем нетерпимы по отношению к критике. Они не просто агрессивно реагируют на критические оценки, а начинают мстить или преследовать своих обидчиков. Однако их месть носит упорядоченный целевой характер, чаще всего нарциссы аккуратно избегают конфликтов с остальными участниками сетевого общения, чтобы не потерять поклонников, в которых так нуждаются (Bushman, V. J., & Baumeister, 1998).

Кибербуллинг и архетипические сценарии

В сети складывается психоаналитическая ситуация особого рода: в ответ на агрессию актуализируется индивидуальное бессознательное, мобилируются сознательные и рациональные психологические защиты жертвы агрессии. Но сетевая агрессия провоцирует и коллективные процессы, бурные обсуждения, похожие по

своему накалу и иррациональности на всплески коллективного бессознательного. Событие может возникнуть вокруг сообщения одного персонажа. В это время он напоминает мифологического героя, которого преследует рок, как в древнегреческой трагедии. Хор, сетевое многоголосье, усиливает героя, столкнувшегося с непреодолимым злом, и подталкивает к роковым поступкам. Очень часто дискуссии в сети подчиняются фатальному сценарию, в котором участник обречен. «Я не успел и квакнуть, как налетели тролли с оскорблениями. В тот момент я понял, что песенка моя спета, и придется надолго уходить из социальных сетей, пока не забудут. В таких ситуациях лучше самоустраниться, то есть попросту сбежать!» (из сообщений на Фейсбуке).

Исторические аналогии, которые объясняют сценарии и последствия публичного истязания, можно обнаружить в истории публичных казней. Побие́ние ка́мнями (лат. lapidatio — «забрасывание камнями, лапидация», от лат. lapis, lapidis — «камень») — вид смертной казни, применявшийся ещё древними иудеями и мусульманами, и до сих пор сохранившейся в шести мусульманских странах. Сходное наказание в имперских армиях Европы, когда солдата пропускали через шеренгу шпицрутенгов. Медленная публичная смерть, когда любой может бросить в тебя камень или хлестнуть розгой. Распятие на кресте относится к тому же роду наказаний. Психологический смысл публичной «казни» в сети – в социальной смерти, приговору жить во враждебном окружении, где каждый тебе скажет «Нет!», то есть ежедневно и многократно будет наноситься *травма отвержения*. Отвержение в реальных детско-родительских отношениях, пожизненный отказ в любви, приводит к ранним детским побегам, членовредительству, наркомании и даже суицидам. Фильм «Нелюбовь» (2017) Андрея Звягинцева, российского режиссера с международным признанием, о пропавшем бесследно подростке, от которого в процессе развода отказались все члены семьи, напоминает о психологической тяжести таких акций для детей. Агрессором, наносящим травму нелюбви, отвержения, может быть и родитель, и брат, и сестра, и аноним в сети.

Общение на Фейсбуке включает сходные наказания: появление оскорбительного поста, под которым поставят сотни «лайков», подтверждающих справедливость наказания; «бан» – отказ даже видеть у себя в ленте; троллинг, откровенная дезинформация, за которую придется оправдываться. «Бан - это немножко как смерть, когда банят тебя. Когда банишь ты, это немножко как убийство. Заканчивать большое дело или уезжать из хорошего места или прощаться с друзьями — это тоже как небольшая смерть» (из сообщений на Фейсбуке).

Любое агрессивное действие в сети вызывает очень сильную отрицательную, многократно, как эхо, повторенную реакцию. Сравнение «как эхо» напоминает мифологического Нарцисса и его спутницу Эхо, которая не нашла другого способа быть рядом с возлюбленным, кроме как вторить ему. Только вместо шлейфа подтверждающих восторгов, губительное эхо толпы, череда «избиений», которые обозначают не триумф, а восхождение на эшафот, с каждым «ударом» приближающие смерть идеального Я, схлопывание перспективы социального признания («Ты никогда не будешь знаменит!»), и приговор инфантильному Я («Ты никогда не будешь счастлив!»). Вместо нарциссического подтверждения, насыщения, усиления, жертва публичного переживает унижение. Ее идеальное Я обесценивается, получает «тысячу ударов плетью» по идентичности.

Сетевого агрессора все чаще называют троллем. Тролль или иной анонимный участник, который до поры до времени наблюдает за происходящим в сети, отмечая слабые места и накапливая «компромат» в расчете разрушить репутацию потенциальной

жертвы, которая вызывает зависть. Он ненавидит и хотел бы устранить своего соперника, как Сальери Моцарта, и ищет только способ, как остаться при этом безнаказанным. Преследователь (агрессор) и жертва связаны завистью. Как считают психоаналитики, агрессор и жертва по-разному прошли развилку амбивалентной индивидуации. Один идентифицировался с родительской агрессией, другой -- с родительской грандиозностью (Hotchkiss, 2003). Троль рассчитывает на то, что агрессивных завистников гораздо больше, чем фанатов, достаточно только их возбудить. Точно так, Нарцисс, потенциальная жертва, за счет той же гиперпроекции любящего родителя на свое окружение, живет в уверенности, что все просто обожают его. И тот, и другой не преодолели свой эгоцентризм, не нарастили психологические защиты, остались уязвимыми.

Классический психоанализ определяет глубину публичной инфантильной травмы через понятие Самости - неосознанной, бесконечной и связанной напрямую с архетипами, субстанции, которая потому и не поддается однозначной интерпретации, что должна быть неприкосновенной. Самость – это предзаданная от рождения индивидуальность. Это самый главный архетип целостности Я, недоступен для осознания и понимания, тождественен Богу, трансцендентен. Самость обладает невероятной силой, и является источником энергии, что провоцирует даже зрелую личность регрессировать на стадию детского всемогущества (Kernberg, 1995). Регресс к Самости переживается как триумф и сопровождается физиологическим подъемом. Селфомания, когда человек с нарастающей частотой публикует в сети свои фото в разных ракурсах, не в силах остановиться, готовность проводить часы в сети, рассматривая или размещая фотографии, ревнивое отношение к количеству просмотров и «лайков» характерны для стадии вторичного детского нарциссизма, когда ребенок, едва разорвав пути симбиоза с матерью, этого рая для двоих, открывает в себе способность привлечь внимание и других людей.

Самость изначально обладает грандиозно-эксгибиционистской природой, и как первостихия, подстрекаемая божественными креациями, стремится к самореализации. Первыми фигурами внутреннего театра личности, которые являют миру грандиозное Я, оказываются герои мужского и женского пола, первогерои, которые представляют разные стороны Анимы и Анимуса, женского и мужского начала. Отношения между мужским и женским началом отражают общую противоречивость Самости, которая, с одной стороны, подобно мужчине-герою стремится к актуализации, индивидуации, с другой, подобно женщине-героине – старается защититься от насилия, всеми способами избежать его. Если мужское и женское начало не эмансипируются, индивид навсегда остается прикованным к Самости, подобно Уробосу, мифическому змею, заглотившему свой собственный хвост, подобно Нарциссу, который боится встретиться со своим изображением, чтобы не умереть, но встретившись с ним, принимает за девушку и уже не может отвести глаз (Schawartz-Salant, 1986). Очевидно, в сети фиксируются все фазы развития личности – от первичного нарциссизма к формированию Анимы и Анимуса, их сепарации - к созданию групп не только по интересам, но и по признаку пола и возраста, а далее - к тематическому единству участников разных полов.

Психологическая защита от кибербуллинга

По сути кибербуллинг, дискредитация – это нарушение, насильственная, против воли человека, ломка психологических и социальных защит, к которым относится хорошая репутация и идеальное Я. Некоторые люди склонны «забывать», *вытеснять или отрицать* неприятности, и со временем даже и не вспоминают неприятные события, несмотря на огромное количество очевидцев их падения. Так Хиллари Клинтон вовсе не

погибла как публичная фигура после мучительного именно для нее скандала с Моникой Левински, растиражированного СМИ, напротив, ее карьера только расцвела.

Звезды шоу-бизнеса, а политики сегодня к ним относятся, очень часто переживают *нарциссическое расщепление* – такое противопоставление идеального и реального Я, при которых все ресурсы телесного, земного Я подчинены грандиозному медиа-проекту, демонстрации публике своих необычных способностей, красоты, сексуальности, креативности. Задача такого человека не только убедить, но и постоянно напоминать публике о своей значительности, влиятельности, всемогуществе, исключительности, принадлежности к миру избранных. Демонстрация сверхчеловеческих способностей, неотразимости, богатства отнимает все силы и время. При этом закулисная жизнь «звезды» может быть монотонной и скучной, и проходить в полном уединении и аскезе (Scarborough, Bailenson, 2014).

Когда пытаются нанести урон репутации такого человека, он может испытать *нарциссический гнев*, и выбрать изоляцию в качестве образа жизни. Это хорошо показано в фильме «Гражданин Кейн» (1941), прототипом героя которого был медиамагнат Херст. Огромный дом, в котором проходят последние пятнадцать лет медиамагната, знаменитый Ксанаду, панорама которого открывает и венчает собой фильм, всего лишь башня из слоновой кости, самозаточение, чтобы избежать любых проникновений, нападков, стать невидимым и неуязвимым для широкой публики. При таком перераспределении физических и психологических ресурсов и возникает расщепление Я, с последующими пресыщением удовольствиями и отказом от потребностей физического Я, снижением чувствительности, *десензибилизацией*. Известно высказывание Фрейда: «Депрессия – это замороженный страх». Но точно такой же путь проходят современные подростки, стремясь «отморозиться», скрыть от других чувства, намерения и страхи. Неотреагированная через публичный гнев и возмущение эмоция остается травмой и содержит в себе судорожную готовность к действию, разрешение на которое отсрочено и ждет своего агрессивного продолжения. Застывший в глазах ужас создает особую оптику у таких клиентов. Их глаза кажутся стеклянными, взгляд расфокусирован, его трудно поймать. Они как бы не хотят больше видеть реальность, которая несет в себе столько боли. К таким же сенсорным последствиям относится и глухота, потеря вкуса и резкое обеднение тактильных переживаний, так, что человеку кажется, что он уже ничего не чувствует и даже умер. Чтобы вернуть чувствительность некоторые подростки занимаются членовредительством, делают порезы на теле, жесткие тату, увеличивают дозу алкоголя или наркотиков, то есть пытаются реанимировать привычное ощущение жизни, чтобы «вруться» в нее снова. Но те, кто идет до конца, начинают думать о суициде.

В предельном выражении образ, маска отделяется от человека, превращается в отдельный, несовпадающий по характеристикам и даже биографии, персонаж – симулякр. Теория симулякров Бодрийера напоминает нам, что для обывателя политические звезды на самом деле нечто вроде световых инсталляций, в их представлении они никогда не испытывают боли, унижения, как простые люди. Публика редко видит слезы и растерянность в их глазах, они ведь полубоги, наделенные особыми привилегиями и свойствами. Люди нуждаются в неуязвимых и всепобеждающих героях, объясняя успех избранных мистическими причинами, невероятной удачей, случаем рождения, божественным даром, игрой судьбы, которая благоволит не ко всем (Vaudrillard, 1994). Маска, сетевой образ, симулякр могут моделироваться СМИ вплоть до демонстрации противоположных свойств и даже предъявления публике двойников. Таким образом, ложное нарциссическое Я становится объектом специального производства.

Пользователи самостоятельно пытаются моделировать техно-Я (Technoself), занимаясь самопрезентацией, сохраняя, по возможности, анонимность, и используя несколько идентичностей (Luppicini, 2013; Dunn, 2013). Однако, сколько нужно человеку идентичностей, чтобы почувствовать себя уверенным и защищенным, происходит ли при этом нарциссическое расщепление или насыщение, насколько маска отличается от реального человека, остается малоизученным. Ясно одно: способы защиты против публичных оскорблений должны носить такой же публичный характер.

Литература:

Бочавер А.А., Хломов К.Д., Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий, Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2014. Т. 11. № 3. С. 178–191.

Маховская О.И. Коммуникативный опыт личности/ Москва: Издательство «ИП РАН», 2010, 249 с.

Маховская О.И. Марченко Ф.О. Влияние образовательных онлайн ресурсов и телевидения на жизнеспособность детей из различных социальных групп//Жизнеспособность человека. Индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты, Монография, Москва: Изд-во "Институт психологии РАН", 2016, с.228-243.

Barlett C. P., Gentile D. A, Nanyang Ch., Technological University, Predicting Cyberbullying From Anonymity . Psychology of Popular Media Culture, 2014, Vol. 5, No. 2, 171–180.

Baudrillard J. Simulacra and Simulation (The Body, In Theory: Histories of Cultural Materialism), University of Michigan Press; 14th Printing edition.1994.

Bushman, B. J., & Baumeister, R. F. Threatened egotism, narcissism, self-esteem, and direct and displaced aggression: Does self-love or self-hate lead to violence? Journal of Personality and Social Psychology, 75, 1998, 219–229.

Dunn R.A. Identity theories and technology // Handbook of research on Technoself: Identity in a technological society / Ed. by R. Luppicini. Hershey, PA: IGI Global, 2013. Vol. 1. P. 26—44.

Filipkowski K.B., Smyth J.M. Plugged in but not connected: Individuals' views of and responses to online and in-person exclusion // Computers in Human Behavior. 2012. Vol. 28. P. 1241—1253

Gray Nicola J., The Adolescence of the Web—From Turbulence to Enlightenment Journal of Adolescents health, February, 2011, Volume 48, Issue 2, Pages 117–118.

Hotchkiss, S. Why Is It Always About You? : The Seven Deadly Sins of Narcissism, 2003.*Kernberg O.*, Borderline Conditions and Pathological Narcissism (The Master Work Series), 1995.

Kowalski R. M., Limber S. P., Agatston P. W. Cyberbullying: Bullying in the Digital Age/ Chichester: Willey-Blackwell, Edition 2, 2011.

Luppicini R. The Emerging field of Technoself studies (TSS) // Handbook of research on Technoself: Identity in a technological society / Ed. by R. Luppicini. Hershey, PA: IGI Global, 2013. Vol. 1. P. 1—25

McWilliams W., Christ and Narcissus: Prayer in a Self-Centered World, 1992.

Olweus D. Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes. Social Withdrawal, Inhibition, and Shyness in Childhood. New York, Psychology Press, 1993, pp. 315-341.

Scarborough J.K., Bailenson J.N. Avatar Psychology // The Oxford handbook of virtuality / Ed. by M. Grimshaw. New York, NY: Oxford Univ. Press, 2014. P. 129—144

Solove D.J. The Future of reputation: Gossip, rumor and privacy on the Internet. New Haven, CT & London: Yale Univ. Press, 2007.

Twenge J.M. and Campbell W. K. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement, Personality Psychology: Understanding Yourself and Others, The Handbook of Narcissism and Narcissistic Personality Disorder: Theoretical Approaches, Empirical Findings, and Treatments, 2010.

Willard N. Cyber bullying and cyberthreats: Responding to a challenge of online social cruelty, threats, and distress. Champaign, Research Press, 2007.

Сведения об авторе.

Маховская Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, olyam@inbox.ru

CYBER BULLING: CONFLICT OF SOCIAL-CULTURAL SCRIPTS OF DIFFERENT LEVELS

Makhovskaya Olga

The Institute of Psychology, RAS, Moscow

Key words: cyber bullying, social-cultural scripts, narcissism, trauma, defense mechanisms, archetypes

Abstract. Cyberbullying is seen as a result of conflict between cultural and historical tools (scripts) of different levels. This article includes analysis of social and psychological effects of cyberbullying, online insults. The depth of injury is greater than previously assumed in studies on destruction of important social relationships and the reputation of a person. The consequences of public insults can be described in terms of the narcissistic trauma of rejection. Narcissism is considered as a social epidemic derived from archetypes. Some of the most obvious ways of psychological protection against public insults were described.

ПЕРЕЖИВАНИЕ КУЛЬТУРЫ (КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Драгунская Л.С.

Институт психологии имени Л.С. Выготского «Российский государственный гуманитарный университет», Москва

Ключевые слова: культура, межчеловеческие отношения, представления Фрейда о культуре, психоаналитическая культурология.

Аннотация. Работа посвящена исследованию идентичности в культурно-историческом аспекте.

Культура – это, без сомнения, самый многозначный концепт во всем спектре метафизических дискурсов. Культуру невозможно определить даже через указание на ситуацию, когда ее нет, поскольку она есть всегда – если только мы не переходим на уровень просторечия. Было бы непозволительной тратой времени и сил перечислять и обсуждать различные трактовки термина «культура». Еще менее продуктивно было бы заняться исследованием некоего исходного, и поэтому якобы истинного смыслового ядра данного понятия, исходя из семантики латинского глагола «colo» (возделывать, почитать) и его причастий «cultus» (поклонение) и «cultura» (то, что должно быть возделано). Доказательство такой непродуктивности привести нетрудно: например, вряд ли кто станет спорить, что Греция – колыбель европейской культуры. Но оба греческих слова, которые можно приблизительно перевести новоевропейским словом «культура», имеют несколько иное значение. Одно из них означает «воспитание ребенка», а другое «цивилизованность», а в первоначальном значении – «хорошие манеры городского жителя».

У нас есть вполне определенная цель – представить и обсудить некоторые модели психоаналитической культурологии. Поэтому мы будем рассматривать культуру в несколько более узком и уточненном смысле. «Термин “культура” обозначает всю сумму достижений и установлений, отличающих нашу жизнь от жизни наших предков из животного мира, и служащих двум целям: защите человека от природы и урегулированию отношений между людьми» - пишет Фрейд в «Недовольстве культурой». Нас особенно интересует последняя часть данного тезиса, а именно «урегулирование отношений между людьми».

На первый взгляд может показаться, что Фрейд в первую очередь здесь говорит об институтах, регулирующих межчеловеческие отношения – то есть о законах писанных и неписанных, о нормах, обычаях, ритуалах и принуждающих санкциях, а также об институтах во втором смысле слова – об организациях, ответственных за воспроизводство норм и карающих за их нарушение. Это, как мы увидим в дальнейшем, в ходе рассмотрения частных приложений психоаналитической теории к теории общества, не совсем неверное впечатление.

Однако сейчас нас интересует другой аспект, более глубокий и более общий одновременно. Отношения между людьми, сколь бы сложны или, напротив, сколь бы элементарны они ни были, не сводятся к чистой институциональности, к тому, что может быть описано в терминах права или обычая, нормы и санкции. И дело отнюдь не в том, что реальность отношений между людьми богаче и разнообразнее любых максимально подробно прописанных правил и норм. И даже не в том, что существует своего рода «повседневная институциональность», которая осуществляется в отношениях между людьми и, разумеется, в проекциях и фантазиях, которые, как показал Фрейд в «Толковании сновидений» (и Кардинер в «Психологических границах общества») также осуществляются по собственным, вполне определенным правилам.

Дело прежде всего в том, что в вышеуказанной метафорической «повседневной институциональности» императивная сила норм и правил возникает отнюдь не из некоей внешней силы, внешнего действующего лица (законодателя и правоохранителя). Она вырастает из некоей эмоциональной напряженности, которая всегда возникает в любых отношениях между любыми людьми, будь эти люди и их отношения реальными, фантазийными, спроецированными и т.п.

В свою очередь, сама эта напряженность возникает из-за того, что данные отношения всегда в той или иной мере – причем чаще в большей, чем в меньшей мере – инцестуозны (инцесто-подобны), но реализуются в условиях общекультурного запрета

на инцест. Ясно, что столь драматичное сочетание драйва и запрета вполне естественно вызывает эмоциональное напряжение, обуславливает основу того, что принято называть «переживанием».

Другими словами, реально существующие институты общества (законы, нормы, обычаи, санкции, специфика учреждений) базируются на метафорической «повседневной институциональности», которая, в свою очередь, базируется на весьма элементарном, первоначальном общекультурном запрете – запрете на инцест.

Запрет на инцест, лежащий в основе норм, запретов и санкций культуры, является одновременно и элементарным, и весьма сложным феноменом.

Элементарен запрет на инцест потому, что он не допускает никаких произвольных толкований или изъятий. Сексуальная связь с кровными родственниками является запретной.

Сложен же он по двум причинам.

Во-первых, между собственно инцестом, как он описан и запрещен в ветхозаветных текстах, пара-инцестными (инцестуозными) отношениями, а также отношениями взаимной симпатии, привязанности, дружбы, заботы и т.п. существует весьма подвижная и нечеткая граница. Особенно это касается того фланга упомянутого континуума, где привязанность и дружба балансируют на грани инцестуозности.

Вторая причина заключается в том, что наша культура, культура конца XX и начала XXI века в настоящее время, судя по многим признакам, проходит этап расшатывания этого запрета. Так, повышенное и сочувственное внимание к гомосексуализму (который является одной из манифестаций инцеста) достоверно об этом свидетельствует.

Итак, запрет на инцест и, забегая вперед, некоторое неодобрение или, как минимум, амбивалентное отношение к инцестуозности – имеет бесчисленные дериваты и варианты. Если сам запрет на инцест весьма элементарен, и его исчерпывающее изложение укладывается буквально в несколько страниц ветхозаветных книг «Левит» и «Второзаконие» - то проекции и интерпретации этого запрета, особенно в смысле инцестуозности, то есть инцесто-подобного переживания и поведения, и составляют всю психологическую ткань культуры, понимаемой как «урегулирование отношений между людьми».

Эмоциональное напряжение, выливающееся в попытку выразить «запрещенный инцест» (или «тягостную инцестуозность») в объективированном чувстве, в мысли или в пока еще эфемерной норме с неясной исторической судьбой – и является ПЕРЕЖИВАНИЕМ как базовым феноменом культуры.

Примечание № 1. О переживании

Переживание как специфическая культурная ценность, как признак высоко дифференцированной душевной жизни, которая ценна сама по себе (да и сам термин «переживание») появилось сравнительно недавно – в начале XIX века в одном из частных писем Гегеля, (Г. Гадамер, «Истина и метод»), широко распространилось к концу XIX века, а в конце XX века стало уже ценностью социальной и едва ли не политической, противопоставленной сменявшим друг друга ценностям созидания, накопления и потребления (Г. Шульце, “Erlebnisgesellschaft” (общество переживания)) .

Переживание – это манифестация (осуществление, само-обнаружение) интрапсихической реальности, каковая реальность, в свою очередь, соткана из конфликтов, так или иначе связанных с запретом на инцест.

Переживание занимает необходимое место в цепочке развития культуры вообще и в динамике каждого человеческого побуждения в частности, то есть в цепочке, ведущей от драйва к институту. Надо подчеркнуть, что запрет является внешним по отношению к драйву, но внутренним по отношению к переживанию. Драйв (и сексуальный драйв в том числе) не может породить из самого себя запрет на себя самого.

Отказаться от этого ограничения (от признания того, что элементарное запрещаемое не может быть столь же элементарным запрещающим) – значит отказаться от фундаментальной дуальности научной методологии, которая принципиально разделяет означающее и означаемое, субъект и объект, и, далее, «я» и «другого», сознательное и бессознательное, Эрос и Танатос.

Таким образом, запрет на тот или иной драйв исходит извне (откуда именно – особая и всякий раз частная проблема «археологии желания»). Однако запрет, реализовавшись и обусловив эмоциональное напряжение, стал составной частью переживания. Собственно, переживание есть чаще всего переживание запрета, который может быть осознанным, но чаще всего является бессознательным. Другими словами, запрет не осознается, но переживается.

Примечание № 2. Термин «Переживание» у Зигмунда Фрейда.

О специфичности переживания именно как встречи драйва и запрета, как «переживания невозможности» говорил Фрейд («О психоанализе», лекции 1909, «По ту сторону принципа удовольствия», 1921). Отметим, что само слово «переживание» (“Erlebnis”) как термин не встречается в словарях по психоанализу. Возможно, впрочем, это связано с тем, что по терминологии Фрейда не существует фундаментальных и тщательных исследований, подобных работам Пауля Наторпа и А.Ф. Лосева по терминологии Платона (во всяком случае, нам такие работы не известны; а большой словарь, выпущенный как приложение к «Standard Edition», является, разумеется, английским). Ситуация усугубляется тем, что сам термин «переживание» во всей полноте его психологического и культурного смысла является скорее русско-немецким, чем англо-французским. По психологической и культурной наполненности “Erlebnis” гораздо ближе к «переживанию», чем к “experience” – в частности, в силу языковой конгруэнтности немецкого и русского слов “er – leben” и «пере – жить». В то время как “experience” обозначает «опыт, испытание».

Очевидно, не удовлетворяясь семантикой “experience”, известный американский психоаналитик немецко-швейцарского происхождения Леон Вурмсер в собственном переводе с немецкого на английский своей статьи «Мысли психоаналитика об иудейском мистицизме» (2003) в одном из частных контекстов переводит “Erlebnis” как “being”, то есть «бытие».

Так или иначе, в подтверждение нашего понимания переживания (в рамках психоаналитической культурологии) приведем следующие фрагменты из Фрейда (римская цифра означает главу, арабская – абзац):

«При всех этих переживаниях дело было в том, что возникало какое-либо желание, которое стояло в резком противоречии с другими желаниями индивидуума, желание, которое было несовместимо с этическими или эстетическими взглядами личности» («О психоанализе», II, 8).

«Маленький ребенок всегда видит во сне исполнение желаний, которые возникли накануне днем и не нашли себе удовлетворения. Детские сны не нуждаются ни в каком толковании; чтобы найти их простое объяснение, нужно только осведомиться о переживаниях ребенка в день перед сновидением» («О психоанализе», III, 13).

В этом тексте Фрейд весьма часто пишет о «травматических переживаниях», так что прилагательное «травматический» начинает играть роль своего рода постоянного эпитета при слове «переживание».

В более поздней работе Фрейд пишет: «Уход (то есть уход из комнаты – Л.Д.) матери не может быть для ребенка приятным или хотя бы безразличным. Как же согласуется с принципом удовольствия то, что это мучительное переживание ребенок повторяет в виде игры?» И далее: «он... был поражен переживанием...» («По ту сторону принципа удовольствия, II, 8 – 9).

Далее, в той же работе, Фрейд пишет и о «приятных переживаниях», которые связаны с отсутствием запрета, и также могут служить предметом навязчивого повторения.

Таким образом, ясно, что переживание – это психическое состояние, возникающее при неудовлетворенности желания (каковая, в свою очередь, возникает вследствие того или иного запрета). Упоминание «приятных переживаний» не представляет методологических затруднений, поскольку «приятное переживание» является своего рода устранением помех для исполнения желания – то есть альтернативой «мучительному переживанию».

Итак, именно такое представление о переживании свойственно работам Фрейда 1910-х – 20-х годов.

При этом переживание (а именно переживание запрета) может быть весьма многослойным. Культура знает немало случаев запрета не только на желания как таковые, но и на переживания (на греховные мысли). Запретные переживания – это всегда переживания запретного. Но здесь часто не бывает видно дна: за рефлексивно запретным лежит нереклексивно запретное. И так далее до бессознательного пра-запрета, вербализация которого столь же обыденна, сколь и неэффективна для снятия культурных напряжений, поскольку пра-конфликт (тот самый, согласно Фрейду, «величайший ущерб любовной жизни человека») вряд ли может быть разрешен дискурсивно или технологически. Хотя в последнее время попытки элементарных правовых и даже технологических решений предпринимаются все более и более активно.

Если мы – пусть весьма отвлеченно – представим себе культуру как некое пространство переживаний, характерное для исторического «здесь и сейчас» (а переживания, как мы только что говорили, чаще всего суть переживания запрета) – то, наверное, будет правомерно говорить о своего рода «переживании культуры». То есть о переживании, наиболее полно характеризующем драйвы и запреты именно данной культуры. О переживании, определяющем характер институтов, да и просто характер поведения людей. Ясно, скажем, что большая или меньшая инцестуозность в переживании культуры отражается на всех уровнях, определяя специфику, повседневной жизни, обычаев, права, художественных текстов и т.п.

Говоря о переживании культуры, необходимо сделать некоторые уточнения. В самом словосочетании «переживание культуры» коренится некоторая, лингвистически обусловленная, двусмысленность. Это не частая, но и не исключительная языковая ситуация, когда грамматическая конструкция вызывает двойное толкование. Это отмечали еще древнеримские языковеды. Например, что означает словосочетание «страх

народа» - кто-то страшится народа или народ кого-то страшится? Таким образом, правомерен вопрос, кто является объектом, а кто субъектом в переживании культуры.

Надо полагать, что в случае культуры это противоречие снимается. Разумеется, человек переживает культуру. Культуру, более или менее объективированную в бессознательном или в сознании, в «я» или в «сверх-я», а тем более выраженную в тех или иных институтах и текстах. Культуру, которую можно представить себе в виде уже отмеченной выше цепочки запретов – от «пра-запрета» до норм и правил сегодняшнего дня. Вместе с тем и культура сама по себе является своего рода «мета-субъектом», интегрирующим массу феноменов – как психологических, так и социальных. Этот «мета-субъект» порождает определенные – для каждого этапа развития культуры в ее «здесь и сейчас» - способы переживания, характерные как для отдельного субъекта, так и для окультуренного сообщества в целом. Культура «переживает» реальность, которую она объемлет и окультуривает.

При этом речь, опять же, не идет о статистическом феномене, о некоем стандарте переживаний «усредненного человека» по отношению к «усредненному запрету», или «усредненного сообщества» по отношению к «усредненному вне-культурному феномену». Построение такой статистики чисто формально возможно (хотя и предполагает чрезвычайно громоздкую процедуру исследования), но в содержательном плане бессмысленно. Дело не только об уникальности каждого человека как субъекта переживания. Дело еще и в том, что ментальные и институциональные запреты, нормы и правила весьма прихотливо распределены по культурным сообществам. Продолжая известную метафору Фрейда из «Недовольства культурой» («однажды кто-нибудь отважится на изучение патологии культурных сообществ»), приходится признать, что каждое культурное сообщество (внутри общества) обладает своей собственной, уникальной «патологией», и даже если мы сумеем типологизировать конкретные запреты и столь же конкретные переживания этих запретов – в результате мы получим нечто подобное «средней температуре больных по госпиталю в целом».

И, однако, несмотря на чрезвычайную диверсифицированность эмоциональностей и переживаний, несмотря на чрезвычайное разнообразие конкретных культурных запретов внутри одного, исторически, локально и политически определенного сообщества (проще говоря, внутри одной страны, одной нации), некое общее «переживание культуры» все же существует. Несмотря на популярное и, в общем-то, справедливое мнение, что русский и немецкий интеллектуалы более похожи друг на друга, чем немецкий интеллектуал и немецкий же крестьянин – русская и немецкая культура существуют как отдельные явления. И дело, наверное, не только в языке, истории и облике городов и деревень.

Дело, скорее всего, в том, какие именно трансформации запрета на инцест, выраженные в специфических феноменах квази-инцестного (или, как мы будем говорить далее, инцестуозного) поведения, а также какие формы ухода от инцестуозности, в данном обществе являются господствующими. «Похоже, каждая цивилизация вырабатывает свою теорию инцеста и его противников» (Цирульник). Каждая локальная культура, кроме того, вырабатывает свои собственные механизмы избегания инцеста (например, в некоторых греческих деревнях брат и сестра не могут пить из одной чашки).

Господствующие феномены инцестуозного поведения, а также господствующие форумы ухода от инцеста и инцестуозности – ни в коем случае не значит «количественно (то есть в конечном итоге статистически) преобладающие». Господствующие – значит, маркированные как наиболее приемлемые, принадлежащие элите и воспроизводимые элитой, которая признана в качестве таковой. В роли элиты – то есть в роли образца и

транслятора – может выступать и другое социальное сообщество, которое признается неким культурным эталоном. Это может быть университетское сообщество, верхушка среднего класса, творческое сообщество, бизнес-элита и т.п.; в эпоху революции таким эталоном может стать наименее окультуренная группа, например, «пролетариат и беднейшее крестьянство». Кстати, сам выбор «эталонного сообщества» весьма важен при изучении переживания культуры.

Таким образом, переживание культуры является не только ощущаемой данностью, но и предметом исследования, итогом анализа культурных запретов и отношения к ним. Результат такого исследования может дать ответ на вопрос о дальнейшей судьбе данной культуры в контексте развития культуры если не всего человечества, то его европейского ареала.

Вопрос о том, что первично в переживании культуры – желания или запреты, люди, взятые в своей условной отдельности, или институты, взятые в своей условной имперсональности, – является неразрешимым и не вполне корректным. Прежде всего, потому, что, как только что сказано, и отдельность человека, и «внечеловечность» института (нормы) являются очень большой условностью и абстракцией. Кроме того, несмотря на все более или менее успешные или теоретически эффективные историко-психологические реконструкции, несмотря на ощутимое давление культурного прошлого (часто навязываемого текстами) – несмотря на все это, переживание культуры – как и сама культура – осуществляется здесь и сейчас, в данное время и в данном месте. Поэтому вряд ли следует подменять синхронию диахронией.

Так или иначе, переживание культуры порождено человеком и порождает человека – речь идет, разумеется, о человеке данной культуры.

Литература

Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. - М., 1992. - 293 с.

Фрейд З. Психоанализ: Введение в психоанализ, Толкование сновидений, О сновидениях. - Издательство: "АСТ, Астрель" , 2011, 960 стр.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. – М., - Издательство «Фолио», 2013

Сведения об авторе

Драгунская Людмила Самуиловна, кандидат медицинский наук, доцент кафедры психологии личности РГГУ, Москва.

EXPERIENCE OF CULTURE (CULTURAL AND HISTORICAL ASPECT)

Dragunskaya L.S.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky "Russian State Humanitarian University", Moscow

Keywords: culture, interhuman relations, Freud's ideas of culture, psychoanalytic cultural science, institutionality

Abstract. Work is devoted to an identity research in cultural and historical aspect.

Culture is, undoubtedly, the most multiple-valued concept in all range of metaphysical discourses. Culture cannot be defined even through the instruction on a situation when it is absent as it is always – if only we do not move to a popular speech level.

РАЗДЕЛ II. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ И ТРАНЗИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Марцинковская Т.Д.

Институт психологии имени Л.С. Выготского «Российский государственный гуманитарный университет», Москва

Ключевые слова: транзитивное общество, переживания, личное пространство.

Аннотация. Рассматриваются изменения в содержании и структуре идентичности, происходящие в настоящее время в связи с социальными трансформациями, характерными для транзитивного и виртуального пространства. Показываются собственно психологические составляющие современного пространства, его объективных и субъективных составляющих. Раскрываются изменения идентичности в виртуальном и транзитивном пространстве.

В настоящее время представления об изменчивости (транзитивности) социального пространства является достаточно общим местом. Однако, понимание того, каким образом эти изменения сказываются на личности, содержании и структуре ее идентичности, процессе ее социализации все еще остается туманным. Множественность контекстов при анализе трансформаций идентичности определяется границами ее постоянства и изменчивости в ситуациях текучей и жесткой транзитивности и в ситуации разных вариантов взаимодействия с виртуальным пространством – он-лайн и офф-лайн. Представления людей о себе в мире, соединяющем в себе как устойчивость повседневности, так и постоянную изменчивость разных контекстов проживания этой повседневности, являются одним из важнейших факторов их совладания со сложностями и конфликтами повседневной жизни.

Можно предположить, что разные этапы развития транзитивного пространства и его разные аспекты взаимосвязаны с разными этапами развития виртуального пространства и его различными аспектами – как психологическими, так и социокультурными и технологическими (Бауман, 2008, Кастельс, 2000). Раскрытие закономерностей, которые определяют эту взаимосвязь и взаимовлияние даст возможность выявить и важнейшие психологические факторы, влияющие на социализацию и становление идентичности современных людей, живущих одновременно в обоих этих пространствах. Именно этот аспект исследования представляется особенно значимым, особенно в контексте современных социальных, культурных и технологических трансформаций.

Происходящие изменения приводят к необходимости пересмотра понятий идентичность и социализация и к разработке новой методологии и нового инструментария для исследования их содержания (Марцинковская 2014, 2015)

Говоря об особенностях идентичности в транзитивном, постоянно изменяющемся мире, необходимо подчеркнуть, что трансформации процесса социализации, разведение процесса и результата (социализированности) приводит к изменению соотношения персональной и социальной идентичности. Поэтому в современной ситуации общения развивается феномен *нарративной идентичности*, проявляющийся в том, что в межличностных контактах увеличивается процент рассказов о себе, а не предъявления себя в действии, в том числе и групповом (Андреева, 2012). Этот факт непосредственно отражается и в игре идентичностей – возможности попробовать себя в разных масках, разных ролях. Это часто повышает осознанность ролей и себя в них. При этом сетевые сообщества, с одной стороны, дают возможность гибкой и позитивной социализации, с другой - помогают найти разные варианты «игры» со своей идентичностью.

При нахождении-создании группы идентичности (как реальной, так и, особенно, виртуальной) происходит самоподтверждение выдуманных (или появившихся в «игре») личностных характеристик, а традиционная связка «категоризация – самокатегоризация» трансформируется в «самомониторинг – самоподтверждение».

Важным моментом является тот факт, что в ситуации изменений и неопределенности, целостность идентичности связывается с культурой, а не с преемственностью жизненных циклов. Это актуализирует понятия лингвистической и социокультурной идентичности.

Соединение двух линий развития – социализации и индивидуализации, приводит в современной ситуации к появлению разных вариантов социального пространства, в котором реализуются разнообразные варианты межгрупповых и межличностных отношений, сочетания культуры и субкультур, реализуется и формируется новый баланс персональной и социальной идентичностей.

Литература

Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гг.)

Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008

Кастельс М. [Castells M.] Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 1.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015. 8(42), 1.

Сведения об авторе

Марцинковская Татьяна Давидовна, доктор психологических наук, профессор, директор института психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия, заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования,

ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; заведующая лабораторией психологии личности, Московский государственный областной университет, ул. Радио, д. 10А, 105005 Москва, Россия. E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

IDENTITY IN VIRTUAL AND TRANSITIVE SPACE

Martsinkovskaya T.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky "Russian State Humanitarian University", Moscow

Keywords: transitive society, emotional experiences, personal space.

Abstract. Changes in socialization process, in identity content and structure, caused by social transformations, which are character for transitive society, are considered. Psychological components of modern social space, its objective and subjective components are shown. The changes which occur in identity in virtual and transitive space are revealed.

СЕТЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: УПРАВЛЯЕМАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ИЛИ ПОДЛИННОЕ Я?¹⁴

Белинская Е.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва

Ключевые слова: информационное общество, виртуальное взаимодействие, сетевая идентичность, виртуальная самопрезентация.

Аннотация. Проблема сетевой идентичности рассматривается в контексте процесса информационной социализации. Подчеркивается, что одной из важнейших граней социализации личности в пространстве интернет-коммуникации является процесс соотнесения реальной и виртуальной идентичностей в едином образе Я. Выделяются основные особенности актуального состояния проблемного поля исследований идентичности, среди которых – постоянное расширение изучаемой феноменологии, наличие определенных «точек согласия» между исследователями и все большее внимание к процессам ориентировки человека в информационных потоках. Подчеркиваются специфические особенности «цифрового поколения», определяющие возрастно-цифровую стратификацию современного общества и задающие определенные ограничения эмпирическим исследованиям виртуальной идентичности. Отмечается, что последнее десятилетие изучение идентичности в интернет-коммуникации характеризуется все большим содержательным сдвигом – от акцентирования отличий виртуальной идентичности пользователя от его реальных идентификаций к поиску общих оснований виртуальных и социальных идентификаций. Излагаются основные результаты эмпирического исследования, продемонстрировавшего взаимосвязь

¹⁴ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 16-06-00161 «Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации».

соотнесения виртуальной и реальной идентичностей представителей «цифрового поколения» с характерными для них стилями идентификаций.

Новые информационные технологии, являясь сегодня одним из важнейших факторов экономического, политического и социального развития мира, несомненно «встраиваются» и в процесс социализации личности. Неслучайным является все большее распространение в научном дискурсе термина информационной социализации (Аянян, Марцинковская, 2016; Белинская, 2013), служащего для обозначения новых закономерностей социального самоконструирования человека в ситуации постоянных социальных изменений и вызовов полимодальной неопределенности. Представляется, что одной из важнейших граней проблемы социализации личности в пространстве интернет-коммуникации является проблема соотнесения реальной и виртуальной идентичностей современного человека, - ведь сегодня динамика сферы самосознания во многом определяется процессами виртуальной самопрезентации, постоянно идущими в социальных сетях и составляющими неотъемлемую грань повседневности.

Представляется, что при всем своеобразии и возможной новизне феноменологии виртуального самоконструирования (как с точки зрения внутренних идентификационных процессов личности, так и с более «внешних» позиций – понимания его как управляемой самопрезентации), стоит учитывать общее актуальное состояние проблемного поля исследований идентичности в целом. Его особенности видятся нам в следующем. Во-первых, последние два десятилетия неопровержимо свидетельствуют о постоянном расширении проблематики идентичности в целом: «идентичность без границ» как метафора внутреннего состояния Я современного человека становится уже совсем не метафорической ее характеристикой. Во-вторых, в данной проблематике сегодня уже сформировались определенные «точки согласия» между исследователями. Среди них можно выделить несколько: 1) представление о детерминации кризиса идентификационных структур личности условиями современного социального пространства; 2) все большее включение данного понятия в круг других психологических концептов, исходно с ним не связанных; 3) сдвиг от изучения структурных составляющих идентичности к анализу ее процессуальных характеристик (Белинская, 2018). В-третьих, при известном «размывании» традиционных дихотомий в анализе Я (дифференциация vs интеграция, константность vs изменчивость, активность vs зависимость) сегодня идентичность все чаще понимается как следствие тех или иных стратегий ориентировки в потоке информации (Емелин, Рассказова, Тхостов, 2016). Подчеркнем, что вышеуказанные характеристики проблематики идентичности не только сохраняются, но и усиливаются при ее «переносе» в пространство виртуального взаимодействия.

Но исследования виртуальной идентичности имеют, естественно, и свои специфические особенности. В их основе лежат, прежде всего, объективные обстоятельства, связанные с вступлением в активную социальную жизнь так называемого «цифрового поколения»: наличие возрастно-цифровой стратификации как социального факта задает определенные ограничения любому эмпирическому исследованию виртуальной идентичности. Каковы же особенности российских юных пользователей – подлинных представителей «цифровой эпохи»?

Прежде всего отметим, что по ряду исследований (см., например, Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова, 2013) для них характерно представление о виртуальном взаимодействии и, как следствие, о собственной самопрезентации в социальных сетях как о факте, неотделимом от реальной практики повседневности: если еще десять-пятнадцать лет назад интернет-коммуникация выступала как принципиально

«другое пространство», то сегодня с точки зрения большинства пользователей реальная и виртуальная жизнь «неотделимы друг от друга», что и неудивительно - более 90% российских пользователей в возрасте 18 – 24 лет заходят в Сеть каждый день, являясь пользователями ВКонтакте. Субъективным «водоразделом» для них между виртуальным миром и реальностью является лишь характер табуированных для широкого обсуждения тем: так, в виртуальном взаимодействии в отличие от реального в большей степени допустимым становятся темы собственных политических и религиозных предпочтений, а в реальной коммуникации – проблемы в межличностных отношениях (с родителями и сверстниками противоположного пола). Интересно, что для юных пользователей характерна высокая степень осознанности потенциальных рисков виртуальной коммуникации, - возможно, в силу достаточно частого столкновения с ними: так, по самоотчетам каждый третий уже сталкивался в социальных сетях с негативной информацией (жесткое порно, сцены насилия, убийства), со взломом профиля, кражей персональных данных и секстингом, а каждый второй - с кибербуллинг. Интересно, что столь негативный опыт практически не сказывается на чувствах, сопровождающих виртуальное взаимодействие: как и их зарубежные сверстники, российские «дети цифры» в качестве ведущих эмоциональных состояний своей виртуальной жизни отмечают интерес, радость и удовольствие, что не исключает, тем не менее, периодически чувства зависти и одиночества. Возможно, именно это практическое неразличение цифровым поколением реального и виртуального миров задает снижение влияния на их идентичность специфики культуры сетевого взаимодействия: так, если десятилетие назад многие юные считали интернет-коммуникацию местом «развития», «самопознания», «игры со своим Я», то сегодняшние их сверстники уже не считают, что стали лучше понимать себя благодаря социальным сетям или же могут быть в виртуальном взаимодействии более открытыми.

Специфичной является и динамика проблематики виртуальной идентичности за последнее десятилетие. Так, на своем старте исследователи акцентировали отличия виртуальной идентичности пользователя от его реальных идентификаций: повсеместно подчеркивались альтернативность виртуальных Я-образов пользователя его представлениям о Я-реальном, множественность и изменчивость виртуальных идентичностей. Объяснения этой феноменологии варьировали в довольно широком диапазоне – от утверждения тезиса о неизбежной редукции в виртуальности человека к текстам как неким семиотическим манифестациям до констатации расширенных возможностей самопрезентации как источника личностной компенсаторики. Сегодня ситуация изменилась. Прежде всего, согласно исследовательским данным, оказалось, что в своей массе пользователи социальных сетей предоставляют о себе достоверную информацию, стремясь не столько к «самоконструированию в виртуальности», сколько к демонстрации «себя настоящего» через легко проверяемую социо-ролевую информацию и личные фотографии (Zhao et al., 2008; Hinz et al., 2010). Соответственно, фокус исследовательского интереса сместился к поиску общих оснований виртуальных и социальных идентификаций. В итоге уже достаточно утвердившимся стал тезис о том, что социальные сети являются на данный момент эффективным ресурсом для выражения реальной идентичности пользователя: в сетевой коммуникации человек конструирует не саму идентичность, а своего рода ее «виртуальную оболочку», являющуюся проекцией реальной идентичности (Back et al., 2010). И в этом смысле «игры с идентичностью» в виртуальном пространстве, вызывавшие исследовательский энтузиазм еще пятнадцать лет назад, скорее всего, закончились. Актуальный исследовательский вопрос заключается отныне не в том, *что* именно из всего многообразия Я проецирует пользователь в виртуальное взаимодействие, а в том, *как* он это делает. Иными словами, -

при всех декларациях слияния виртуальности и реальности насколько мы еще способны рефлексировать их «разрывы»?

Представляется, что актуальное уменьшение различий между виртуальной и реальной идентичностями касается в основном структурно-содержательных характеристик, в то время как их динамические особенности могут быть различными. Наиболее релевантной, с нашей точки зрения, теоретической основой для эмпирической проверки данного предположения является модель идентичности М. Берзонски (Berzonsky, 2008), отражающая как структурные, так и динамические особенности идентификации.

В ходе проведенного эмпирического исследования на выборке в 100 человек пользователей ВКонтакте (медиана возраста = 22,3 года), в ходе которого использовался опросник М.Берзонски, заполняемый дважды – с позиции «Я реальное» и «Я в социальной сети», были выявлены различные соотношения сетевой и реальной идентичности для пользователей с разными идентификационными стилями (см. подробнее в: Белинская, 2016). Так, для пользователей с *информационным* стилем идентичности содержание образов «Я-реальное» и «Я-виртуальное» практически совпадало, причем в обоих случаях в них преобладали позитивные самохарактеристики. При этом и в случае реального, и в случае виртуального взаимодействия они сохраняли свой стиль идентичности. Иными словами, для них виртуальная коммуникация образует единое пространство с реальностью, являясь источником самоподтверждения. В свою очередь, пользователи с *нормативным* стилем идентичности демонстрировали наибольшие различия между образами «Я-реальное» и «Я-виртуальное», причем «Я-виртуальное» оценивалось ими преимущественно негативно. В виртуальном взаимодействии они становились значимо менее нормативными и имели более диффузные представления о себе, то есть на них виртуальная коммуникация влияла сильнее, не образуя единого пространства с реальностью и оставаясь источником самоконструирования. Наконец, пользователи с *диффузным* стилем идентичности также демонстрировали значимое расхождение образов «Я-реальное» и «Я-виртуальное», однако «Я-виртуальное» оценивалось ими преимущественно позитивно, и, соответственно, для них виртуальное пространство являлось источником самоусиления. Подчеркнем, что пользователи с нормативным и диффузными стилями идентичности составляли абсолютное большинство выборки, несмотря на свою очевидную принадлежность к «цифровому поколению». И тем самым можно утверждать, что этих пользователей при всех субъективно отмечаемых ими пересечениях и даже слияниях реальности и виртуальности создание своего виртуального Я продолжает, скорее, оставаться одним из вариантов самопрезентации, нежели способом манифестации своего подлинного Я.

Литература

Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростка в информационном пространстве / Психологические исследования, 2016. № 9(46), <http://psystudy.ru>

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования, 2013, 6(30), <http://psystudy.ru>

Белинская Е.П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. №2. С.31 - 40

Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. «Психология. Педагогика». Серия 16, 2018. - том 8, № 1, с. 6-15

Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Информационные технологии в структуре идентичности человека: возможности и ограничения рисуночной методики // Психологические исследования, 2016, No. 9(45), 2. <http://psystudy.ru>

Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернета, 2013.

Back M.D., Stopfer J. M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S.C., Egloff1 B., Gosling S.D. Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization // Psychological Science, 2010. № 3 P. 372–374

Berzonsky M. Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes // Personality and Individual Differences. 2008. V.44, p. 645–655

Hinz O., Spann M., Hann I. Prestige goods and social status in virtual worlds [Online]. International Conference on Information Systems 2010 (ICIS 2010), St. Louis, Missouri, 2010, December 12-15. Vol. 190. URL: <https://goo.gl/Kami7Y>

Zhao S., Grasmuck S., Martin, J. Identity construction on Facebook: Digital empowerment in anchored relationships // Computers in Human Behavior. 2008. Vol. 24(5). P. 1816-1836.

Сведения об авторе

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор, МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, elena.belinskaya@list.ru

NETWORK IDENTITY: MANAGED SELF-PRESENTATION OR GENUINE SELF?

Belinskaya E. P.

Moscow State Lomonossov University, Moscow

Keywords: information society, virtual interaction, network identity, virtual self-presentation

Abstract: The problem of network identity is considered in the context of the process of information socialization. It is emphasized that one of the most important facets of socialization of the individual in the space of Internet communication is the process of correlation of real and virtual identities in a single image of the Self. The main features of the current state of the problem field of identity research, including the constant expansion of the studied phenomenology, the presence of certain "points of agreement" between researchers and increasing attention to the processes of human orientation in information flows are Highlighted. The specific features of the "digital generation" determining the age-digital stratification of modern society and setting certain limits to empirical research of virtual identity are emphasized. It is noted that the last decade of the study of identity in Internet communication is characterized by an increasing shift in content-from the emphasis on the differences between the virtual identity of the user from his real identities to the search for common grounds of virtual

and social identities. The article presents the main results of an empirical study that demonstrated the relationship between the virtual and real identities of representatives of the "digital generation" with their characteristic identity styles.

РЕАЛЬНАЯ И ВИРТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Аянян А.Н.

ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва

Ключевые слова: идентичность, сетевая идентичность, информационное пространство, Интернет, подростки.

Аннотация. Рассматривается актуальность исследования идентичности в контексте современного информационного пространства. Представлены результаты современных исследований реальной, виртуальной и сетевой идентичности. Приводятся данные эмпирического исследования, в котором выделяется категория «информационных» самоописаний и стирание граней между самоописаниями реальной и сетевой идентичностей. Обосновывается высокий развивающий потенциал современного информационного пространства сети Интернет, которое рассматривается как инструмент конструирования различных аспектов идентичности пользователей. Отмечается изменчивость трендов в сети Интернет, быстрое появление новых информационных продуктов и снижение востребованности предыдущих.

Изучение становления реальной, виртуальной и сетевой идентичности в контексте современного информационного пространства является одним из перспективных и актуальных тенденций в психологической науке. Самореализация в цифровом пространстве «предполагает более жесткую ответственность и индивидуализацию за выбор стратегии поведения и общения» (Белинская, 2018). Современное информационное пространство и, в частности, сеть Интернет, позволяет пользователям, с одной стороны, получить больше возможностей и вариаций, с другой стороны, создает значительные трудности в отношении самоопределения и конструирования представлений о себе.

По мнению А.Е. Войскунского и др. «задачи, связанные с психологией идентичности в Интернете, в условиях виртуальной реальности, в особенности в блогосфере и в социальных сетях, становятся чрезвычайно актуальными для современной психологии» (Войскунский, 2013; с.99). Актуальные исследования виртуальной идентичности, подразумевающей использование специального оборудования и систем конструирования виртуальной реальности, в полной мере не раскрывают всех видов активности личности, появившихся с сетью Интернет. Таким образом, понятие сетевой идентичности в большей мере позволяет раскрыть усилия индивида по выбору и творческому конструированию своего образа посредством возможностей различных платформ сети Интернет, нежели понятие виртуальной идентичности. Изучение сетевой идентичности позволяет отследить тенденции самоопределения в современном информационном пространстве. Кроме того, «официальные» сетевые идентичности достаточно часто соответствуют реальным идентичностям; при этом для альтернативных идентичностей попросту заводятся

специальные страницы в социальных сетях, и такого рода альтернативных страниц может быть более одной» (Войскунский, 2013; с.103).

Пространство сети Интернет обладает высоким потенциалом к развитию и характеризуется технологичностью, анонимностью общения, доступностью обращения к информационным ресурсам, возможностью для «игры с идентичностью». Как реальный, так и сетевой партнер играет роль своеобразного экрана, позволяющего спроецировать некоторые части собственного Я, что позволяет решить две задачи: «перестать бояться других и достичь нового уровня интеграции собственной личности» (Кузнецова, 2008; с.177).

Активное использование социальных сетей современной молодежью оказывает влияние на формирование индивидуального, субъективного пространства, которое начинает доминировать в общей картине мира. По мнению Н.А. Голубевой социальные сети позволяют:

- снимать или существенно снижать как личностные, так и социальные коммуникативные барьеры;
- расширять картину мира и выстраивать разные варианты представления о реальности;
- получать «виртуальный опыт» и принимать решение о необходимости перевода полученного опыта в реальный;
- соответствовать современному темпу жизни;
- «проживать» много разных жизней (Голубева, 2018).

Эмпирическое исследование Н.С. Козловой показало «что те, у кого активно происходит процесс формирования виртуальной идентичности, характеризуются достаточно широким диапазоном видов активности в интернет-среде, которые в целом и обеспечивают ее возникновение» (Козлова, 2015; с. 119). Респонденты с выраженной виртуальной идентичностью искали в сети Интернет людей со схожими взглядами, единомышленников, входили и активно участвовали в деятельности в различных группах и сообществах, проходили опросы по различной тематике. По мнению автора итогом подобной сетевой активности как раз является «возникновение чувства причастности, общности, единства с другими, то есть та база, на которой и образуется идентичность» (Козлова, 2015; с. 119). Представители данной группы участников исследования проявляли интерес и к другим возможностям Интернета (доступ к мультимедийным ресурсам, он-лайн магазинам и покупкам, решению деловых и рабочих вопросов). Автор заключает, что для респондентов с виртуальной идентичностью свойственно рациональное и многофункциональное использование Интернета (развлечение, решение практических задач как в бытовой, так и в профессиональной области). Отмечается так же, что респонденты с виртуальной идентичностью рассматривают Интернет как источник удовлетворения потребности в социальных связях и дружбе. Исследователь акцентирует внимание на том, что ориентация на «социальные нужды» способствует укреплению виртуальной идентичности и может привести к превышению ее значимости в сравнении с реальной. В целом участники исследования с выраженной виртуальной идентичностью отмечают позитивное влияние Интернета на их жизнь, при этом некоторые отмечали, что увеличение длительности и частоты пребывания в Интернете чревато возникновением проблем в семье. Участники исследования отметили удовлетворение ввиду реализации социальных потребностей, общения, рационального использования полезных ресурсов и возможностей Интернета.

Проведенное нами в 2014 и 2017 году исследование реальной идентичности подростков и молодежи показало, что среди участников исследования распространено использование характеристик, которые возможно отнести к сетевой или виртуальной идентичности респондентов. В исследовании приняли участие старшеклассники, проживающие в Москве (n=96) и Краснодарском крае (n=63), и студенты первого курса одного из московских ВУЗов (n=56). Респондентам были предложены методики «Кто Я» и «Я в прошлом. Я в настоящем. Я в будущем». Анализ результатов исследования показал, что в ответах подростков и молодых людей фигурируют «информационные» самоописания (Аянян, 2016; Аянян, 2018), выделенные автором в отдельную категорию. К «информационным» самоописаниям мы отнесли слова и выражения, относящиеся к информационному пространству и цифровым технологиям, виртуальному пространству. Среди подростков, проживающих в Москве «информационные» самоописания, встречаются чаще, нежели у подростков из Краснодарского края, вероятно, ввиду того что на момент проведения исследования проникновение Интернета в регионы значительно отставало от Москвы. Кроме того, у студентов процент «информационных» самоописаний выше, чем среди подростков. Исследование вскрыло быструю смену трендов в сети Интернет – за три года как появились и стали популярными новые информационные продукты, так и снизилась востребованность других. Новые и усовершенствованные информационные продукты открывают множество возможностей для своих пользователей (например, в Инстаграм и других социальных сетях можно создать сториз – ограниченные во времени публикации, кроме того, можно выборочно сохранять важные и востребованные по мнению владельца аккаунта сториз – «вечные» сториз. Отдельное внимание заслуживает функция запуска прямого эфира, когда к трансляции может подключиться большое количество слушателей, вести диалог в чате и даже присоединиться к эфиру в формате телемоста.

Информационное пространство сети Интернет, безусловно, выступает в качестве плацдарма конструирования различных аспектов своей идентичности среди пользователей. В сети пользователи получают возможность вступать в условно безопасное и контролируемое взаимодействие, по крайней мере на физическом уровне, коммуницировать, получать необходимую информацию и обратную связь от участников взаимодействия. Все это, на наш взгляд, способствует вариативному и успешному решению задач социализации и индивидуализации подрастающего поколения.

Литература

Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростков в информационном пространстве // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 46. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.09.2018).

Аянян А.Н. Феномен «информационных» самоописаний в представлениях о себе у современных подростков и молодежи // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под ред. Р.В. Ершова. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 32-35.

Белинская Е.П., Гавриченко О.В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.09.2018).

Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.

Голубева Н.А. Современные технологии общения подростков и молодежи в цифровом обществе // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под ред. Р.В. Ершова. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 106-110.

Козлова Н.С. Реальная и виртуальная идентичность // Социум и власть. 2015 Т. 52. №2. С. 118-121.

Кузнецова Ю.М., Чудова Н. В. Психология жителей Интернета. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

CONSTRUCTION OF REAL AND NETWORK IDENTITY OF ADOLESCENTS IN THE MODERN INFORMATION SPACE

Ayanyan A.N.

Research Associate, Psychological Institute of RAE, Moscow

Key words: identity, network identity, information space, Internet, adolescents

Abstract. The relevance of identity research in the context of the modern information space is considered. The results of modern studies of real, virtual and network identity are presented. The data of empirical research are given, in which the category of "information" self-descriptions and the erasure of faces between self-descriptions of real and network identities are distinguished. The high developing potential of the modern information space of the Internet is justified, which is considered as a tool for designing various aspects of user identity. There is a change in trends in the Internet, the rapid emergence of new information products and a decrease in the demand for the previous ones.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ЧАСТЬ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЕЖИ

Бусыгина Н.Р., Аблов О.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва

Ключевые слова: социальные сети, смысл, метод тематических сетей, онлайн-исследования, повседневность.

Аннотация. В исследованиях последних лет тезис об альтернативности виртуального и реального миров был переосмыслен. Сегодня виртуальное пространство рассматривается как неотъемлемая часть жизненного мира современных людей. В исследованиях наблюдается своеобразный поворот к изучению смыслов, которыми наделяется «жизнь в виртуальном пространстве» самими пользователями. Особенно показательно в этом отношении масштабное этнографическое исследование Д. Миллера и коллег. Проведенное нами качественное эмпирическое исследование было нацелено на изучение того, какое место занимают социальные сети в повседневной жизни российской молодежи. Данные собирались при помощи полуструктурированного интервью, в качестве респондентов выступили 27 молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. В

анализе интервью использовался метод тематических сетей, позволивший выделить и описать четыре глобальные темы, в совокупности представляющие основные смыслы общения в социальных сетях у молодежи: возможность «держать руку на пульсе событий», «саморежиссура» и самовыражение в сети, чувство свободы и принудительность социальных сетей.

Одной из характерных особенностей исследований виртуального взаимодействия, проводившихся в 1990-2000-е годы, был акцент на различиях виртуального и реального общения, виртуальной и реальной идентичности. Виртуальные Я-образы интерпретировались либо как компенсация – выражение идеализированного Я или его вытесненных аспектов, либо как поиск – стремление и возможность получения нового опыта (Белинская, Франтова, 2017). В более позднее время, однако, тезис об альтернативности социального и виртуального миров был переосмыслен. Сегодня виртуальное пространство рассматривается как неотъемлемая часть повседневной реальности современного человека (Королева, 2016). Соответственно меняется стилистика, концептуальный аппарат и интерпретативные рамки исследований «субъекта в сети», происходит своеобразный поворот к исследованию смыслов, которыми наделяется «жизнь в виртуальном пространстве» самими пользователями.

Показательным в этом отношении стало масштабное этнографическое исследование Д. Миллера и коллег (Miller et al., 2016), проводившееся в течение 15 месяцев в девяти странах мира и направленное на изучение смыслов использования социальных сетей представителями разных культур и этносов. Исследование продемонстрировало, что современные люди настолько глубоко погружены в социальные медиа, что нередко то, что им представляется наиболее важным в эмоциональном плане, они проживают именно онлайн. Д. Миллер показывает, как коммуникация в социальных сетях становится ответом на культурные запреты, полем конструирования новых культурных ритуалов и смыслов, маркером социальных изменений.

Наше эмпирическое исследование было нацелено на изучение того, какое место занимают социальные сети в повседневной жизни российской молодежи: как молодые люди воспринимают свое общение в социальных сетях, какие смыслы ему приписывают, как и для каких целей они их используют. В исследовании приняли участие 15 мужчин и 12 женщин в возрасте от 18 до 25 лет. В выборку вошли молодые люди, считающие себя активными пользователями сети, у которых есть аккаунты в двух и более социальных сетях (Twitter, Facebook, Instagram, Telegram, ВКонтакте). С респондентами проводилось полуструктурированное интервью, в процессе которого их расспрашивали об опыте общения в социальных сетях. Интервью записывались на диктофон и затем расшифровывались. В анализе интервью использовался метод тематических сетей (Attride-Stirling, 2001), позволяющий перейти от первичной организации материала – базовых тем – к их объединению в организующие темы и затем в глобальные. Результатом исследования стало выделение и насыщенное описание нескольких глобальных тем, в совокупности представляющих основные смыслы общения в социальных сетях у молодежи.

Социальные сети, по выражению одного из респондентов, позволяют «держать руку на пульсе событий». Респонденты говорят о том, что благодаря социальным сетям они имеют возможность чувствовать свою включенность в социальную жизнь, постоянно поддерживать свою связь с миром. Речь идет как о включенности в жизнь своих знакомых, друзей, родных, так и о возможной включенности в социальные и политические события. «Благодаря фэйсбуку я знаю, чем живут друзья – те, с которыми

оффлайн я давно не виделась, да бывает и так, что виделась, но не успела расспросить, – привет! – привет! и все, а в фэйсбук заглянешь, и все знаешь, у кого что», – рассказывает одна из респонденток. Просмотр онлайн-трансляций, ленты новостей дает возможность быстро сориентироваться в том, что происходит в мире или в собственном городе/районе, какие намечаются события политической или культурной жизни – все это оказывается очень значимым для молодых людей.

«Саморежиссура» и самовыражение в сети – следующая глобальная тема, звучащая в интервью. Социальные сети позволяют выразить свое мнение по интересующему вопросу, написать пост о наболевшем или просто важном – и его прочитают. Сети – это, помимо всего прочего, аудитория, которая как-то отнесется к высказанному. Респонденты подчеркивают, что высказывание – это всегда риск оказаться в зоне негативных оценок и даже травли, но у пользователя есть способы защиты: выбор, для кого именно высказываться, кого включать в список друзей, кого банить и т.п. Кроме того, социальные сети, по выражению одного из респондентов, дают возможность «проживать привлекательного себя» – конструировать желаемый Я-образ, активно режиссировать историю своего героя (себя самого).

С социальными сетями молодые люди связывают свое чувство свободы: «делаю, что хочу, смотрю, что хочу». Случается так, что молодой человек перестает получать то, ради чего он использовал социальную сеть, что влечет за собой расширение используемых ресурсов сети и «текучку» из одной сети в другую.

Однако неверно думать, что социальные сети имеют для молодых людей только положительный смысл. Респонденты говорят о принудительности сетей: казалось бы, у человека есть выбор, когда, как и какой сетью пользоваться, есть возможность в любой момент отключиться, «быть оффлайн», однако само присутствие в социальных сетях (наличие аккаунтов) как будто «привязывает» человека к сети – «надо отметить, иначе такое чувство, что тебя типа и нет вообще». «Отмечаться в сети» (фотографиями, собственными текстами или хотя бы репостом чужого контента) становится своеобразным императивом, что порой приводит к чувству переполненности онлайн-коммуникацией, ощущению, что социальные сети отнимают чересчур много времени и сил.

Литература:

Белинская Е.П., Франтова Д.К. Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия «Психология». 2017. №3. С. 22–37

Королева Д.О. Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 55–61

Attride-Stirling J. Thematic networks: an analytic tool for qualitative research // Qualitative Research. 2001. Vol. 1. No. 3. P. 385–405

Miller D. et al. How the World Changed Social Media. London: UCL Press, 2016 URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/1474805/1/How-the-World-Changed-Social-Media.pdf>

Сведения об авторах

Бусыгина Наталия Петровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии МГППУ, boussyguina@yandex.ru

Аблов Олег Игоревич, выпускник магистерской программы по консультативной психологии МГППУ

SOCIAL NETWORKS AS A PART OF YOUNG PEOPLE'S LIFE WORLD

Busygina N.P., Ablov O.I.

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow

Key words: social networks, meaning, thematic networks, digital studies, everyday life

Abstract. In recent studies, the thesis about the alternatives of the virtual and real worlds has been rethought. Today the virtual space is considered as an integral part of the life world of modern people. It can be observed a turn to the study of meanings given to "life in virtual space" by the users. An example is a significant ethnographic study of D. Miller and colleagues. The aim of our qualitative empirical research was to study the place of social networks in the everyday life of young people in Russia. As a method of data collection, a semi-structured interview with 27 young people aged 18–25 years was used. Interview was analyzed using the thematic network method. Four global themes representing the main meanings of communication in social networks among young people were identified and described: "keeping an eye on the pulse of events", self-direction and self-expression, sense of freedom, compulsory force of social network

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Фленина Т.А.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

Ключевые слова: сетевая идентичность, Интернет, информационная среда, киберпсихология, идентичность личности, российская молодежь.

Аннотация. В статье приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного при помощи онлайн-анкетирования с целью определения различий в группах юношей и девушек, использующих Интернет. Юноши и девушки различаются по показателям самоотношения, ценностей и идентичности. Полученные результаты могут быть полезными для психологов, преподавателей, а также могут быть использованы для совершенствования технологий обучения, учащихся высших и средних образовательных учреждений.

Современные научные исследования (Войскунский, 2010; Асмолов, 2009; Белинская, 2006; Королева и др., 2006; Теркл, 2012) свидетельствуют о том, что контент

популярных ресурсов глобальной сети Интернет оказывает влияние на взаимодействие человека с миром, задавая определенные направления в восприятии информации, что оказывает непосредственное влияние на предпочтения, ценности пользователя и, как следствие, на формирование всей личности в целом. Получается, что не только человек, включаясь в сетевое взаимодействие, как творец, меняет его содержание, но и контент Сети приносит свое влияние на психику человека.

Так, на основании проведенного ранее диссертационного исследования мы изучали смысловую структуру сетевой идентичности, т.е. сконцентрировались на самом феномене, его структурных компонентах. Мы выявили, что существуют 2 уровня выраженности сетевой идентичности: выраженный и слабовыраженный, описали их особенности (Фленина, 2016). В настоящем исследовании мы ставим своей целью выявление гендерных различий в характеристиках личности современных молодых людей, использующий Интернет.

Проведение исследования пользователей сети Интернет проходило в ходе добровольного онлайн-анкетирования, разработанного с помощью Google Forms. Таким образом, в исследовании принял участие 231 человек, которые относятся к периоду позднего юношеского возраста (18–24 года), из них 133 девушки и 98 юношей, учащиеся высших учебных заведений Российской Федерации.

В настоящем исследовании использованы стандартные методики, апробированные в психологической диагностической практике:

1. Биографический опросник (BIV).
2. Тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев).
3. Ценностный опросник (ЦО) С. Шварца.
4. Опросник «Аспекты идентичности».
5. Авторская анкета исследования общения в Интернете.

Далее, на основании результатов проведенных методик мы провели однофакторный дисперсионный анализ ANOVA с целью определения значимых различий у молодых людей и девушек. Полученные данные выявили некоторые статистически значимые различия юношей и девушек пользователей сети Интернет в показателях вышеуказанных методик.

Так, нами были получены статистически значимые различия по показателям методик: опросник «Аспекты идентичности», тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев), ценностный опросник (ЦО) С. Шварца. Интересно, что юноши и девушки, использующие Интернет, не имеют различий в показателях биографического опросника, а, значит, информация о биографии, о ситуации окружающей среды, актуальное психическое состояние, особенности семейной ситуации, воспитания у всех испытуемых похожи.

Рассмотрим подробнее полученные данные. Различия по показателю «реляционная» ($f=5,7$; $p=0,02$), который направлен на оценку значимости межличностных отношений («Мои отношения с близкими мне людьми» или «Моя готовность быть заботливым партнером в близких отношениях») говорят о том, что девушкам более значимыми оказываются заботливые, участливые, и глубокие отношения, нежели молодым людям. Эти данные соответствуют психологии юношей и девушек данного возраста. Далее мы видим, что основные различия по полу касаются аспектов самоотношения: S – интегральное «Я» ($f=16,9$; $p=0,0001$), самоинтерес ($f=15,2$;

$p=0,001$), самопонимание ($f=9,3$; $p=0,002$), ожидаемое отношение от других ($f=7,4$; $p=0,006$), аутосимпатия ($f=5,7$; $p=0,02$), самоуважение ($f=4,1$; $p=0,04$). Полученные значимые различия говорят о том, что девушки, использующие Интернет, в большей степени верят в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценивают свои возможности, контролируют собственную жизнь и понимают сами себя, чем молодые люди. Девушки более внутренне «за» себя, за свою личность и ждут положительного отношения к себе от окружающих, чем молодые люди.

Что касается ценностей, которые разделяют юноши и девушки, использующие Интернет, то важность сохранения традиций ($f=4,2$; $p=0,04$), ценность стабильности общества, почитания родителей и старших сильнее поддерживаются среди девушек. Остальные ценности схожи как у молодых людей, так и девушек. Мы можем предположить, что различия в описанных личностных особенностях испытуемых связаны с тем, что большая включенность в интернет-пространство позволяет использовать его как ресурс в формировании ценностных ориентаций и отношении к себе. В этой связи логично предположить, что именно контент Сети будет определять ценности, разделяемые интернет-сообществом. Это создает некоторые опасности в возможном деструктивном влиянии на личность при условии недостаточно сформированной реальной личности.

Отсутствие статистически значимых различий у юношей и девушек пользователей сети Интернет по остальным методикам говорит о том, что такие базовые составляющие, как пол, принадлежность к семье, расе, особенности семейной ситуации и др. стираются в процессе интернет-взаимодействия, что соотносится с теоретическими выводами многих авторов (Казнова, 2011; Борзова, 2012; Труфанова, 2008; Шичанина, 2009). Таким образом, общие интересы и ценности являются более сильным стимулом к объединению людей, нежели демографические категории. Это стоит учитывать при работе с людьми, чрезмерно увлекающимися компьютерными играми, разработке практических рекомендаций и психологическом консультировании. Так, активное Интернет общение и взаимодействие связано с «отмиранием» основных идентификаторов: гендер, пол, раса, уровень дохода и т. д. Авторы указывают на то, что такое снижение социальных ограничений, фрагментарная представленность собеседника в Сети, могут привести к развитию таких качеств личности, как размытость своего «Я», безответственность, стереотипное восприятие, поверхностное переживание эмоций и в дальнейшем отчужденность, неспособность к последовательному мышлению, пространственную и временную дезориентации.

В результате эмпирического исследования мы выявили статистически значимые различия юношей и девушек пользователей сети Интернет в показателях самоотношения, ценностей и идентичности. Полученные результаты могут быть полезными для психологов, преподавателей, а также могут быть использованы для совершенствования технологий обучения, учащихся высших и средних образовательных учреждений.

Литература:

Асмолов А.Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире / А.Г. Асмолов, Г.А. Асмолов // Вопросы психологии. – 2009. – № 3. – С. 15.

Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Белинская Елена Павловна. – М., 2006. – 479 с.

Борзова А.В. «Идентификация» личности: постгуманистические перспективы / А.В. Борзова // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2012. – № 1. – С. 93–101.

Войскунский А.Е. Психология и Интернет. – М.: Акрополь, 2010. – 439 с.

Казнова Н.Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Казнова Наталья Николаевна. – Пермь, 2011. – 238 с.

Манеров В.Х., Королева Н.Н., Богдановская И.М., Проект Ю.Л. Мирообразование и личностные феномены Интернет-коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006.

Труфанова Е.О. Идентичность и Я / Е.О. Труфанова // Вопросы философии. – 2008. № 6. – С. 95–105.

Фленина Т.А. Смысловая структура сетевой идентичности личности современной молодежи: дис. ... канд. психол. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 168 с.

Шичанина Ю.В. Самоидентификация: Интернет-формат // Философские науки. – 2009. № 10. – С. 45.

Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. – Basic Books, 2012. – 384 p.

Сведения об авторах

Фленина Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, начальник отдела организации и сопровождения научно-исследовательской деятельности, t.belogubets@gmail.com.

RESEARCH OF INTERNET USERS CHARACTERISTICS

Flenina T.A.

Herzen State Pedagogical University of Russia, St.Petersburg

Key words: online identity, Internet, information environment, cyber psychology, identity of the individual, Russian youth

Abstract: the online questionnaire was taken in the study to determine the differences of Internet users (groups of young men and women). Boys and girls differ in terms of self-relationship, values and identity. The results obtained can be useful for psychologists, teachers, and also can be used to improve teaching technologies, students of higher and secondary educational institutions.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.С.ВЫГОТСКОГО¹⁵

Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Шаехов З.Д.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Ключевые слова: культурно-историческая психология, психологическое благополучие, ориентация на социальное доминирование, социальные верования, культура, цифровое поколение.

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования психологического благополучия у представителей цифрового поколения – подростков, рожденных в 2000-е годы. Рассмотрены подходы к пониманию психологического благополучия. С позиций концепции Л.С.Выготского предлагается анализировать изучаемый феномен как переживание. В качестве факторов психологического благополучия выделяются знаковые системы культуры (параметры культуры) и социума (ориентация на социальное доминирование и социальные верования).

В современной экономической и социальной ситуации развития нашего общества особое значение приобретает качество жизни человека, его психологическое благополучие. Эта проблема касается всех возрастных групп людей, но особый смысл она приобретает, когда речь идет о поколении молодых людей, находящихся на пороге вступления во взрослую жизнь.

Дети, родившиеся в начале XXI века, оказались в особых условиях, когда, с одной стороны, они воспитываются в традициях постсоветских ценностей, с другой – на них оказывает влияние новая социальная обстановка, широкая доступность информации, новые ценности и нормы. Их можно отнести к *цифровому поколению*, так как бурно развивающиеся информационные технологии стали средой для их социализации с самого начала. Сегодня Интернет рассматривается и с точки зрения предоставляемых возможностей (преодоление изоляции и одиночества; анонимность, которая позволяет создать пространство непредвзятого общения и взаимодействия; доступ к знаниям и др.), и с точки зрения опасностей (нарушение безопасности; кибербуллинг; стресс от переизбытка поступающей информации и др.). Поэтому вопрос о том, предоставляет ли информационное общество условия для роста или для снижения психологического благополучия подрастающего поколения, остается открытым.

Отечественные авторы отмечают, что психологическое благополучие – это устойчивое свойство, в котором преобладают положительные эмоции, присутствуют крепкие взаимоотношения, вовлеченность субъекта в процесс жизнедеятельности, осознание осмысленности жизни и позитивная самомотивация (Водяха, 2013). Психологическое благополучие отражает внутреннюю целостность человека, степень принятия им самого себя.

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-013-01206 «Социокультурные и гендерные факторы психологического благополучия поколения XXI века».

Надо сказать, что о психологическом благополучии, как об объекте научного исследования, заговорили с 50-х годов XX века. Основной отправной точкой в изучении данного феномена послужила позитивная психология, в рамках которой ученые предложили сосредоточить внимание на потенциале и ресурсах индивида, его позитивном функционировании. Психологи данного направления высказали идею о том, что для полноценного, счастливого и благополучного функционирования личности недостаточно избавить его от симптомов и проблем, необходимо работать над факторами благополучной жизни и деятельности, подробно изучая именно данную сферу (Аргайл, 2007).

Установлено, что в формировании психологического благополучия принимают участие когнитивная и эмоциональная стороны самопринятия, то есть оценка самим субъектом степени удовлетворенности определенными сторонами своей жизни и актуальное эмоциональное настроение.

Взяв общие структурные элементы теорий о позитивном функционировании личности, К. Рифф (Ryff, Keyes, 1995) выделила шесть составляющих психологического благополучия:

позитивное отношение к себе и своей прошлой жизни (*самопринятие – Self-Acceptance*);

наличие целей и занятий, придающих жизни смысл (*цели в жизни – Purpose in Life*);

способность выполнять требования повседневной жизни (*компетентность – Environmental Mastery*);

чувство непрекращающегося развития и самореализации (*личностный рост – Personal Growth*);

отношения с другими, пронизанные заботой и доверием (*позитивные отношения с другими – Positive Relations with Others*);

способность следовать собственным убеждениям (*автономность – Autonomy*).

В целом, благополучие может быть оценено объективно, как степень удовлетворения разного уровня потребностей людей и соответствия определенным социальным критериям и стандартам, или же субъективно, через личные оценки и мнения самих субъектов. И в том, и в другом случае для понимания всех составляющих благополучия необходим учет социальной ситуации развития личности, своеобразных для каждого возрастного периода отношений между человеком и окружающей его социальной действительностью (Фоломеева, Серегина, 2004). Возможности для подобного анализа и предоставлены культурно-исторической концепцией.

Как известно, суть психологических взглядов Л.С. Выготского составляет положение о культурно-исторической природе собственно человеческих форм психических функций, названных им высшими психическими функциями. Они образуются прижизненно в результате овладения внешними средствами культурного поведения и мышления, которые были названы *знаками*. Знак становится посредником между человеком и культурой. Идея *опосредствования*, высказанная Л.С.Выготским, дает понимание поведения людей не просто как непосредственной реакции на окружающие стимулы, но представляет поведение испытывающим влияние со стороны используемых в культуре знаковых систем. Необходимость изучения культурно-заданных эталонов, знаковых систем, предоставляемых данной культурой,

дает ключ к пониманию закономерностей восприятия своего благополучия, удовлетворенности своей жизнью.

Так, например, шкала «автономность» в модели К.Рифф предполагает независимость от социальных норм и мнения окружающих как важную составляющую психологического благополучия. Однако, очевидно, что общества различаются в своем отношении к автономности – в коллективистических культурах знаковые системы выстроены вокруг ориентации на группу, поэтому выбор в пользу собственного мнения вместо социальных норм и мнения близких будет скорее осуждаться, а индивидуалистические – высоко ценят и поощряют способность человека следовать своим личным убеждениям. И учет подобных культурно-заданных норм позволяет заметить, что у коллективистов меньшая независимость не будет приводить к снижению психологического благополучия.

Связь культуры с личностью Л.С.Выготский обозначает через особую опосредствованность – *переживание*, которое и позволяет преодолеть разобщенность человека и культуры, выступая особым динамическим аспектом их взаимодействия (Баянова, 2007, с.172). «В переживании дана, с одной стороны, среда в ее отношении ко мне, с другой – особенность моей личности» (Выготский, 1984, с.383). Знак как основная составляющая культуры у Л.С.Выготского начинает свое движение к личности, приобретая свое значение и, в конечном счете, становится определенным смыслом для личности – личностным смыслом, понятием, которое в продолжение культурно-исторических традиций рассматривает в своей теории деятельности А.Н.Леонтьев.

Возвращаясь к проблеме благополучия, можно констатировать тот факт, что именно культура, с одной стороны, определяет те нормы, стандарты и правила жизни человека, которые могут быть рассмотрены, как некоторые знаковые системы, задающие развитие личности. С другой стороны, становясь значимыми для человека, приобретая личностный смысл, они посредством переживаний, эмоционального опыта человека могут быть оценены им как соответствующие или не соответствующие своему собственному положению, своим достижениям, успешности или не успешности своего поведения и, следовательно, приносящие или не приносящие удовлетворение. В данном случае именно переживание «как единица социальной ситуации помогает ее осознанию и, в качестве смысла ситуации для данного человека, влияет на его развитие» (Марцинковская, 2015, с.84). Таким образом, благополучие человека изначально определяется особенностями культуры и социума, а потом становится его субъективным переживанием, которое в свою очередь является «важнейшим психологическим содержанием его жизни: отсутствие этого содержания приводит к обесцениванию жизни человека» (Божович, 2008, с.365).

Мы полагаем, что переживаемые особенности культуры могут быть операционализированы как различные её параметры – например, изучавшиеся Г.Хофстеде, коллективизм/индивидуализм, маскулинность/феминность и другие. А особенности социума мы предлагаем рассматривать через призму теории социального доминирования Джима Сиданиуса и Фелисии Пратто. Авторы исходят из идеи, что все современные общества имеют иерархизированную структуру и проводят достаточно явные границы между высоко- и низкостатусными группами. Однако люди и общества могут различаться по тому, насколько они поддерживают подобный порядок и считают его правильным, то есть они будут обладать разной степенью *ориентации на социальное доминирование*. И хотя этот показатель описывается как индивидуальный очевидно, что

он формируется различными социальными мифами и идеологиями, поддерживается существующими социальными институтами (по: Гулевич, 2018).

Проявлением влияния широкого социального контекста могут быть системы представлений о мире и людях в этом мире, которые называют *социальными верованиями* (Гулевич, Аникеенок, Безменова, 2014). Например, люди могут верить в «опасный мир», переживая его как хаотичный и непредсказуемый, наполненный угрозами существующему социальному порядку. Или верить в «конкурентный мир», переживаемый как состязание, в котором важно выиграть любой ценой, потому что другие люди движимы единственной целью – «обыграть» меня. Социальные верования позволяют идеологиям и мифам звучать убедительно и подталкивать к стремлению доминировать и поддерживать существующую иерархическую систему.

Исследования позволяют сделать вывод, что ориентация на социальное доминирование является хорошим предиктором для различных форм политических, гражданских и социально-ориентированных установок и действий, что делает её исследование особенно актуальным для изучения подрастающего поколения. В свою очередь именно эти аспекты поведения направлены на поддержание или изменение социального порядка и могут способствовать повышению или понижению психологического благополучия цифрового поколения.

Литература:

Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс, 2007.

Баянова Л.Ф. Феномен культуры в истории психологии. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2007.

Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб: Питер, 2008.

Водяха С.А. Предикторы психологического благополучия студентов // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 70-74.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т.4. М.:Педагогика, 1984.

Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. М.: Юрайт, 2018.

Гулевич О.А., Аникеенок О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж.Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. №2. С. 68–89.

Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.

Фоломеева Т.В., Серегина И.С. Социальные представления о благополучии // Мир психологии. 2004. №3. С.122-133.

Ryff C.D., Keyes C.L. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. № 4. P.719-727.

PSYCHOLOGICAL WELBEING OF DIGITAL NATIVE: PROSPECTS OF RESEARCH APPLYING LEV VYGOTSKY CULTURAL HISTORICAL THEORY

Tikhomandritskaya O., Malysheva N., Shaekhov Z.

Lomonosov Moscow State University

Keywords: cultural historical psychology, psychological well-being, social dominance orientation, social beliefs, culture, digital native

Abstract. The article proves the relevance of the study of psychological well-being in the representatives of the digital native – adolescents, who was born in the 2000s. Approaches to understanding psychological well-being are considered. From Lev Vygotsky cultural historical theory perspective we propose to analyze psychological well-being as an experience. Signs of culture (parameters of culture) and society (orientation to social dominance and social beliefs) are singled out as factors of psychological well-being.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ¹⁶

Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н.

Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Ключевые слова: культурная память, социальные представления, праздник, социальная сеть, большие данные, тематическое моделирование.

Аннотация. В статье рассматриваются предварительные результаты исследования трансляции культурной памяти о четырех праздниках с помощью анализа публикаций в социальной сети. В ходе анализа 13,8 тыс. публикаций в дни праздников репрезентативной выборки 2,2 тыс. пользователей «ВКонтакте» старше 14 лет были автоматический выделены темы документов методом LDA. Помимо тем, связанных с особенностями потребительского поведения, была выявлена специфичная тема публикаций в дни всех праздников у пользователей старше 39 лет – поздравительные открытки – наиболее доступный и привычный для старшего поколения элемент праздничного ритуала. Опыт проведенного исследования иллюстрирует преимущества и ограничения автоматизированного анализа больших текстовых данных в социальной психологии.

Исследования культурной памяти являются современным трендом в гуманитарном знании, что не мешает самому понятию оставаться дискутируемым. Также как и термин «коллективная память» широко используется, общее понимание того, что он означает, только начинает формироваться (Wertsch, Roediger, 2008). Тем не менее, даже противники данного концепта не подвергают сомнению социальную обусловленность культурной памяти и ее изменчивость. Осознание того факта, что представления о прошлом постоянно трансформируются и включены в непрерывные социальные изменения, стимулирует исследователей изучать связь образа прошлого с настоящим состоянием общества (Васильев, 2015).

Социальная обусловленность и связь с культурной, исторической и общественной установкой находит свое подтверждение в социокультурном подходе к пониманию памяти, который опирается на идеи опосредованности высших психических функций

¹⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества»)

человека орудиями и знаками Л.С. Выготского и диалогической ориентацией речи и языка М.М. Бахтина. Память базируется на коммуникации людей, общих ритуалах, символах и историях, воспоминания, припоминание, как и забывание связаны с другими людьми. «Существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» (Хальбвакс, 2007, с.29). Культурные традиции и стереотипы определяют контекст восприятия прошлого в рамках конкретного сообщества. Особенностью современного западного общества стала посттрадиционность, но не в смысле исчезновения традиции, а в смысле ее абсолютной рефлексивности. Традиция перестала быть машинальной и стала дискурсивной рефлексивной. Культура «в себе» стала культурой «для себя» ¹¹²¹ Потребителей культурной памяти принимают, отвергают или трансформируют то, что предлагают им культурные традиции и творцы коллективной памяти [Васильев, 2011]. Социальные сети представляют собой естественную «площадку», арену, на которой разворачиваются эти процессы.

Объектом нашего исследования выступили социальные представления о празднике, транслируемые пользователями социальной сети «ВКонтакте». Феномен праздника играет важную роль в культуре разных народов и давно привлекает внимание антропологов, культурологов, социологов и психологов. Праздник можно рассматривать как средство социального управления (О.Конт), анализировать его символическое содержание (Э.Дюркгейм, М.Мид, М.Мосс), связанные с ним мифы и ритуалы (Э.Б.Тайлор, В.Тэрнер), либо противопоставлять повседневному поведению (П.Бергер, Т.Лукман, Дж.Мид).

Предметом нашего исследования стало содержание представлений о праздниках «Новый год», «8 марта», «23 февраля» и «9 мая» у разных демографических групп россиян. Различия в представлениях о праздниках у представителей разных поколений в рамках культуры одной страны на наш взгляд могут выступать зеркалом достаточно глобальных социальных изменений, которые затрагивают все сферы общественных отношений (Карпова, 2008).

В качестве метода исследования был выбран анализ электронных текстовых документов – публичных записей пользователей социальной сети «ВКонтакте». Используемый нами подход к сбору и анализу документов для исследования сравнительно недавно вошел в арсенал современной социальной психологии, поэтому подробнее остановимся на его описании.

По данным Mediascope – компании, которая является основным измерителем потребления телевидения, интернета и других медиа в России – на начало 2018 года 73% россиян пользовались интернетом каждый месяц или чаще. При этом 43% городского населения России в возрасте с 12 до 64 лет пользовались социальной сетью «ВКонтакте» каждый день. Таким образом, дневная аудитория самой популярной социальной сети лишь на 1% меньше дневной аудитории поисковой системы Яндекс (44%), а значит достаточно хорошо репрезентирует российских пользователей интернета.

Выборка нашего исследования была сформирована по методике Web Sensus (Чекмышев, Яшунский, 2014), которая позволяет проводить простой случайный отбор пользователей «ВКонтакте» по возрасту и городу проживания. С учетом размера аудитории этой социальной сети можно говорить, о том, что наша выборка репрезентирует население старше 14 лет в 18 крупнейших городах России. Всего случайным образом было отобрано 2 200 пользователей, которые имели общедоступный профиль и оставались активными (посещали социальную сеть) в марте 2018 года.

Через официальный программный интерфейс социальной сети (API) с помощью разработанного для задач исследования приложения на языке Python было получено 13 800 публичных текстовых записей, сделанных в интервале двух суток до и двух суток после праздничной даты (1 января, 23 февраля, 8 марта, 9 мая) с января 2010 по март 2018 года включительно. Каждая запись была дополнена общедоступными данными из профиля ее автора – возраст, пол, город проживания и др. Текст каждой записи был очищен от наиболее часто употребляемых слов русского языка и знаков пунктуации. Все слова были приведены к леммам (словарным формам) с помощью пакета PyMorphy2. Подобная предварительная обработка текстов позволила подготовить документы к автоматическому анализу с помощью тематического моделирования методом Латентного размещения Дирихле – LDA (Nikolenko и др., 2015).

Методы тематического моделирования и, в частности, LDA относятся к той группе методов машинного обучения, которые позволяют классифицировать текстовые документы «без учителя» – то есть без предоставленных заранее образцов документов, которые уже были распределены по темам экспертом-учителем. Модель LDA обучается на основании матрицы частотности слов в выборке документов. При этом грамматика и порядок слов в тексте как правило игнорируются. В задачи исследователя, применяющего данный метод анализа документов, входит подбор оптимального количества тем, которые будут выделяться алгоритмом, на основании интерпретируемости списков ключевые слов для каждой из тем.

Для каждого из четырех праздников нами была построена отдельная модель LDA из девяти тем. При этом от 5 до 7 тем, которые были автоматически распознаны каждой моделью, отражают различную рекламную информацию: продажа праздничных тортов, маникюр и другие услуги. С одной стороны, подобные сообщения можно классифицировать как «спам» и исключить из анализа. Тем не менее, на наш взгляд, это может отражать активизацию потребительского поведения в период праздников (например, подготовка праздничного стола, внешнего облика) и требует отдельного изучения.

При анализе возрастной специфики тем записей в социальной сети нами была выделена одна тема, по которой наиболее стабильно прослеживаются различия между поколениями в отношении всех четырех праздников. Эта тема представлена следующими ключевыми словами для каждого праздника, отсортированными по степени важности определения для темы: «Новый год» - «открытка новый картинка красивый поздравление здесь смотреть зима привет лошадь счастье петух коза удача собака овца незаменимый пожелание нажать успех», «9 мая» - «победа май картинка открытка днём красивый друг день хотеть великий узнать небо мирный переходить ссылка голова ответить праздник думать сделать», «8 марта» - «открытка март картинка красивый самый хороший женский день рф огромные сегодня праздник солнце радость ваш цвета цвести какой нога свет», «23 февраля» - «картинка открытка февраль красивый защитник отечество день масленица праздник рубль очень место уровень нужный чародей онлайн выручать ресурс редкий мужской». В каждой из выделенных тем присутствует слово «картинка», «открытка» или оба этих слова. Записи из этой темы обычно содержат сопровождающую их графическую иллюстрацию – изображение с поздравлениями.

Тема «поздравительной открытки» оказалась наиболее специфичной для пользователей социальной сети старше 39 лет и практически не встречается у более молодых пользователей. Этот факт может свидетельствовать об изменении роли поздравительной открытки как элемента праздничных ритуалов. С самого начала массового выпуска бумажных открыток в послевоенном СССР и до настоящего момента

поздравительная открытка является наиболее доступным подарком, который может себе позволить каждый. Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к изменению формата открыток, но их важность для старшего поколения россиян сохранилась.

Наше исследование показало, что методы тематического моделирования позволяют понять и визуализировать специфику культурных традиций и ее рефлексии в разных социальных группах (в частности, возрастных), наблюдать трансформацию культурной памяти, динамику представлений о прошлом и их включенность в конструирование образа настоящего.

Литература:

Васильев А.Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций / Человек и культура. 2015. Апрель.

Карпова Г. Праздник в контексте социальных изменений: традиции и власть // Саратов: Научная книга, ЦСПГИ, 2008.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

Чекмышев О.А., Яшунский А.Д. Извлечение и использование данных из электронных социальных сетей // Препринты ИПМ им. М.В.Келдыша. 2014. № 62, с. 16.

Nikolenko S., Koltcov S., Koltsova O. Topic modelling for qualitative studies // Journal of Information Science 2015. Vol 43, Issue 1, pp. 88-102.

Wertsch, J.V., & Roediger, H.L. (2008) Collective Memory: Conceptual foundation and theoretical approach. *Memory*, 16(3), 318–326.

Mediascope Web Index. 2018, 7. [электронный ресурс] – URL: <http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information>

Сведения об авторах

Фоломеева Татьяна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, tfolomeeva@gmail.com

Винокуров Федор Никитич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, fediav@mail.ru

THE STUDY OF TRANSLATION OF CULTURAL MEMORY IN SOCIAL NETWORKS: POSSIBILITIES OF THE METHOD

Folomeeva T.V., Vinokurov F.N.

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Key words: cultural memory, social representations, праздник, social media, big data, topic modelling

Annotation. The article discusses the preliminary results of studying the translation of cultural memory about four Russian holidays on social media. The automatic analysis of 13 800 posts on holiday dates published by a representative sample of 2 200 VK users older than 14 years involved topic modelling with LDA. The resulting topics were mostly connected with consumer behavior on holidays, but one topic was found to be specific for authors older than 39 years – greeting cards – the most affordable and familiar element of a festive ritual. Our research illustrates the advantages and limitations of automated analysis of textual big data in social psychology.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА «ГЛУБИННОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ» ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Хорошилов Д.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Ключевые слова: медиатизация, повседневность, социальное познание, образ социального мира, эстетическая парадигма в психологии.

Аннотация. В настоящих тезисах аргументируется теоретическое положение, согласно которому классическая концепция социального познания как конструирования образа социального мира требует существенного дополнения и пересмотра с точки зрения феномена глубинной медиатизации повседневности. Новая концепция медиатизации в социологической теории устанавливает взаимосвязь между изменениями медиа и социальными изменениями. Стало возможным говорить о медиа-конструировании образа мира. В процессе медиатизации, по-видимому, складывается новый язык социального познания, где доминирующим средством репрезентации становится не слово, а замкнутая на себе визуальность, которая может быть проанализирована в оптиках эстетической парадигмы (начиная от Н.В. Гоголя и заканчивая сериалом «Черное зеркало»). Основным эффектом медиатизации повседневности заключается в следующем: любое персональное высказывание переносится пользователями в широкий виртуальный контекст («лайк», «шер», «репост»), где личность пользователя становится визуальным знаком для обозначения уже не самого себя, а процессов и состояний массового сознания и поведения (как в случаях уголовных дел за репосты и публичных разоблачений в харасменте).

В современном обществе, где доминирующим кодом репрезентации становится уже не слово или понятие, а чистая визуальность, замкнутая на самой себе и не предполагающая вербальных конструкций (основной принцип Инстаграма – картинка без комментария), анализ повседневности требует включения медиа как источника порождения и циркуляции образов, а классическая концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана нуждается в дополнении понятием медиатизации (Thompson, 1995), благодаря чему сегодня принято говорить о *медиа-конструировании социального мира* (Couldry, Hepp, 2017). Приставка «глубинная» к процессу медиатизации указывает на взаимосвязь между изменениями технологий и социокультурными изменениями, которые выходят за пределы физического пространства и времени в виртуальные жизненные миры, артикулированные через медиакommunikation (Ним, 2017).

Глубинная медиатизация социальной реальности заключается в том, что образ мира выходит за пределы частного мира человека и все чаще складывается из представлений и переживаний, все менее специфичных для него лично, но рассчитанных равно на всех: опыт замещается переживанием, а нарративность, повествование – информацией (Черных, 2015). Психологические исследования скорее дескриптивны в изучении феномена медиатизации социального познания как высшей психической функции, преобразованной виртуальными технологиями (Рассказова, Емелин Тхостов, 2015; Солдатова, Нестик, Рассказова, 2017), но следует обратить внимание на тот момент, что медиа – не просто культурный инструмент, это новый язык социальной репрезентации реальности. Сказанное позволяет рассмотреть феномен медиатизации в оптиках эстетической парадигмы и психологии повседневности.

Эстетическая парадигма в психологии повседневности – исследовательский тренд, который реализует идеалы трансдисциплинарности (устранения дисциплинарных границ и смешение различных концепций) в изучении репрезентаций повседневной жизни общества, «кристаллизуемых» в символических формах культуры, науки и искусства. Методологией эстетической парадигмы в психологии выступает сравнительный анализ различных языков конструирования образа социального мира, например, языков психологических понятий, образов современного искусства (Марцинковская, 2018) и визуальности медиа. В эстетике повседневности скрываются латентные изменения социального познания, «пропускаемые» традиционными научными теориями и методами (Хорошилов, Машков, 2017).

Эстетическая парадигма в исследовании медиатизации повседневности восходит к Н.В. Гоголю, который дал следующее определение современных ему медиа-технологий: чтение журналов и газет – «страшное царство слов вместо дел» и «стремление к новости», которое поглощает все время и не оставляет места для практической жизни («Рим», 1842). Когда Ж. Бодрийяр рассуждает об исчезновении социального, то он фактически повторяет гоголевское изумление пустыми знаками. Интерактивность и моделирование – принципы виртуального и медиа-искусства – стали элементами жизненного стиля XXI столетия.

В популярном сериале «Черное зеркало» воссоздаются медиатизированные формы повседневности, которые иной раз производят фантазмагорическое впечатление: например, социальный капитал личности оценивается с помощью специальных приложений, при этом без высокого рейтинга невозможно снять хорошую квартиру или купить билет на самолет; в интернете разыгрывается анонимное шоу – общественное мнение «приговаривает» людей к физической смерти, а впоследствии за счет технологий массового контроля и поражения умирают участники голосования, наивно считавшие свои «дислайки» безнаказанными. На этом фоне подглядывание за частной жизнью через взлом скайпа и шантаж кажутся вполне невинным развлечением.

Эстетико-психологический анализ медиатизации повседневной жизни от Гоголя до «Черного зеркала» уводит от дескриптивных характеристик медиа-конструирования образа мира к эпистемологической проблеме соотношения индивидуального и социального, ибо медиа становится новым культурным знаком или, точнее, знаковой системой, снимающей это условное и роковое для истории социальной психологии разделение. Основной *эффект глубинной медиатизации повседневности* заключается в следующем. При максимальной интеракции и индивидуализации виртуального медиа-пространства профиль пользователя становится визуальным знаком не его личности, а макропроцессов и состояний массового сознания и поведения, об участии в которых он может даже и не догадываться, пока его не обвинят в харасменте или репосте

экстремистских материалов (разновидности тотальной и чистой визуальности, значение которой нельзя дискурсивно эксплицировать). Устранение старых оппозиций воображаемого / реального, частного / публичного в медиатизированной повседневности дает право пользователям размещать любые персональные представления, переживания и идентичности в глобальном виртуальном контексте без ведома их автора (за счет стратегий «лайк», «шер», «репост»), вследствие чего личность человека превращается в «отчужденный» визуальный образ – структурный элемент социальных представлений. Это открывает методологические перспективы анализа единичного «виртуального» случая (например, с помощью нетнографии) как репрезентанта латентных и неартикулированных в публичном дискурсе социальных изменений и проблем.

Литература:

Марцинковская Т.Д. Язык искусства и язык науки: парадоксы сближения // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 59. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.09.2018).

Ним Е.Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 3. С. 8–25.

Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. М.: Акрополь, 2015.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.

Хорошилов Д.А., Машков Д.С. «Социальное воображаемое» в психологической структуре повседневности // Психологические исследования. 2017. Т.10, №56. С.6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.09.2018).

Черных А. Ритуалы и мифы медиа. М.: Центр гуманитарных инициатив, Гнозис, 2015.

Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press, 2017.

Thompson J. B. The media and modernity: a social theory of the media. Stanford: Stanford University Press, 1995.

Сведения об авторе

Хорошилов Дмитрий Александрович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, d.khoroshilov@gmail.com

AESTHETIC PARADIGM IN RESEARCH OF «DEEP MEDIATIZATION» OF EVERYDAY LIFE

Dmitry Khoroshilov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Keywords: deep mediatization, everyday life, social cognition, image of the social world, aesthetic paradigm in psychology

Abstract: The paper presents the theoretical position: the classical concept of social cognition as the construction of the image of the social world requires a substantial addition and revision from the point of view of the phenomenon of the deep mediatization of everyday life. A new concept of mediatization in sociological theory establishes the relationship between media changes and social changes. It becomes possible to talk about the image of the world, that is media-constructed. In the process of mediatization arises a new language of social cognition. In the new language the word is not the dominant way of representation anymore, but a self-contained visuality. This visuality can be analyzed in the optics of the aesthetic paradigm (from N. Gogol to "The Black Mirror" series). The main effect of the deep mediatization of everyday life is the following: any personal statement is transferred by users to a wide virtual context ("like", "share", "repost"), where the user's identity becomes a visual sign that reflects not himself but processes and states of mass consciousness (social representations) and collective behavior (as in criminal cases for reposts and public exposures in the harassment).

ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: НАУЧНЫЕ И ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ¹⁷

Гришина Н.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Ключевые слова: изменение, психология изменений, концепция возможных Я, обыденные представления, имплицитная концепция изменений

Аннотация. Ряд направлений современной психологии объединены общим интересом к психологии изменений, что требует осмысления проблематики изменений и самого концепта изменения. Масштабные эмпирические исследования в социальных науках, посвященные формированию современного типа личности, подтверждают возможность личностных изменений через столкновение с новым опытом. Один из современных трендов в изучении изменений человека – это проблема возможного человека и проблема возможного для человека. На готовность человека к изменениям оказывают влияние его имплицитная концепция изменчивости человека. Исследование имплицитных представлений людей о возможностях изменения показало, что их обыденные представления ограничивают жизненные изменения изменениями объективных обстоятельств жизни человека в основных сферах жизнедеятельности, а изменения человека рассматривают как вынужденную реакцию на эти изменения. Представления обыденного сознания входят в противоречие с представлениями научной психологии, акцентирующей внимание на активности самого человека в процессах изменений.

Тема изменений человека в изменяющемся мире за последнее десятилетие стала одной из самых обсуждаемых в гуманитарной и психологической литературе. Проблемы транзитивного общества, цифрового мира, существования человека в условиях неопределенной и сложной реальности становятся частью проблемного поля новой области психологии - *психологии изменений*. Осмысление содержания и характера процессов изменений личности, поиск методологических решений, позволяющих

¹⁷ Работа поддержана грантом РФФИ № 18-013-00703

проведение корректных эмпирических исследований, требуют в том числе и разработку самого концепта изменения.

Понятие изменения широко используется в современной литературе, хотя и не имеет терминологически определенного статуса. Фактически оно начинает приобретать самостоятельное значение именно в связи с обсуждением тенденций изменения современной реальности. Понятие «изменение» оказалось наиболее релевантным для описания феноменологии и процессов, в которые вовлечен человек, существующий в постоянно и непредсказуемо изменяющейся среде с характерной для нее ненаправленностью перемен.

В классической психологии проблема изменений, в основном, обсуждалась как проблема «изменяемости – неизменности» личности, как вопрос о том, насколько способен индивид меняться в течение жизни. Как известно, в разных подходах в психологии личности представлены различные точки зрения по этому вопросу.

Помимо разных позиций, занимаемых учеными, возникает и ряд теоретических проблем. Что имеется в виду под психологическими изменениями? Какова должна быть исследовательская методология, релевантная изучению изменений человека, каким образом сами эти изменения могут быть измерены? И наконец, как соотносить изменения современного мира с его вызовами к культуре, сообществам, отдельным людям с изменениями отдельного человека? (Гришина, 2018).

Мир меняется, если меняются люди

Теоретическое обсуждение детерминант изменений социальных сообществ традиционно было в центре внимания социологических теорий. Предпринимались и попытки эмпирических описаний происходящих процессов социальных изменений.

Одно из самых значительных исследований, посвященных изменениям людей в меняющемся мире, было предпринято группой социологов во главе с Алексом Инкелсом в 60-е годы XX века (Inkeles, Smith, 1974). Авторы исследования обозначили в качестве важнейшей задачи социальной психологии объяснение того, каким образом люди двигаются от традиционности к современности, к современному типу личности.

Исходной теоретической позицией, положенной в основу исследования, стала убежденность ученых в том, что люди становятся современными через новый опыт, с которым они сталкиваются и благодаря которому они могут переживать существенные личностные изменения, иногда настолько глубокие, что позволяют рассматривать их как трансформации личности.

Масштабные эмпирические исследования подтвердили существование современного типа личности, который, на основании данных своего исследования, авторы описали в следующих основных категориях: активная позиция в отношении собственной информированности и интереса к событиям в обществе; чувство персональной эффективности как убежденности в своей способности влиять на ход своей жизни и жизнь своего сообщества; активные усилия по улучшению собственной жизни и жизни своей семьи; способность занимать независимую и автономную позицию по отношению к традиционным источникам влияния при принятии жизненно значимых решений; открытость новому опыту и идеям, техническим инновациям и социальным нововведениям.

Авторы исследования настойчиво подчеркивают, что люди могут меняться, меняться достаточно фундаментально, независимо от того, в каких традиционных

условиях им приходилось расти. Решающим является тот опыт, с которым человек сталкивается в жизни.

Важнейший вывод, который был сделан на основе результатов исследования, - социальное развитие, в том числе достижение необходимого уровня жизни людей, требует трансформации в самой природе человека, трансформации, которая является как результатом процесса развития, так и средством дальнейшего роста и развития. Изменения в установках и ценностях людей являются одним из важнейших условий эффективного функционирования социальных институтов.

Психология: человек в мире возможностей

В психологии изменения человека традиционно изучались в возрастном аспекте как процессы развития и описывались скорее как изменения отдельных процессов и характеристик. Несмотря на накопленный психологией большой объем эмпирических данных, отражающих различные аспекты индивидуальной вариативности человека, не прекращаются теоретические дискуссии относительно соотношения изменяющегося и неизменного в структуре личности. Сохраняет свое влияние и традиционная парадигма психологии личности, фокусирующая внимание на устойчивости основных личностных структур во времени (Journal of Personality, 2018); соответственно проблема изменений личности также раскрывается как изменение ее отдельных характеристик.

Один из современных трендов в изучении изменений человека – это *проблема возможного человека и проблема возможного для человека*.

Эта тема имеет свою историю в психологии. Как известно, еще У. Джеймс предлагал различать «потенциальное Я», «настоящее Я» и «Я прошлое»; в концепции К. Роджерса существуют понятия актуального Я и идеального Я и др. Противоречия реального и идеального Я рассматриваются как задающие внутреннюю динамику развития человека, как источник возможных изменений человека. Стоит отметить, что для большинства традиционных подходов в психологии личности характерна локализация, «вписывание» источников изменений во внутренние структуры личности.

Методологически принципиальный шаг был сделан в концепции жизненного пространства К. Левина, в которой изменения человека рассматриваются через соотнесение с контекстом его существования и в которой существенное место занимает проблема *возможного*. Психологическое жизненное пространство характеризуется Левином как множество возможных событий. Любое изменение жизненной ситуации означает, что события, которые прежде были «невозможны» (или «возможны»), теперь являются «возможными» (или «невозможными»).

Тема возможностей человека, «возможного человека» вызывает все более активный интерес современных исследователей, что в немалой степени связано с усилением внимания к динамичным, процессуальным аспектам личности. В современной психологии личности, все дальше уходящей от ее трактовки как устойчивой конфигурации черт, в центре внимания оказываются процессы самодетерминации, свободного выбора, саморазвития и жизнестворчества. Понимание жизненного пространства современного человека как пространства его возможностей приводит к акценту внимания исследователей на способности человека к самодетерминации, его свободному выбору, который по сути и означает «превращение возможности в действительность» (Леонтьев, 2011, с. 23). Предпринимаются попытки обсуждения изменений личности и в связи с социальными изменениями в обществе (Белинская, Дубовская, 2009).

Одним из подходов в развитии темы возможностей человека является *концепция возможных Я*.

Феномен возможных Я впервые был описан в зарубежной психологии более 30 лет назад. С тех пор по данной тематике выполнены сотни исследований, хотя в отечественной психологии посвященные ей публикации единичны. Исследования Я-концепции как организованной системы когнитивных обобщений индивида относительно самого себя достаточно многочисленны и разнообразны, однако область возможных Я как самостоятельный объект исследования привлекает внимание благодаря работе Х. Маркус и П. Нуриус, опубликованной в 1986 году (Markus, Nurius, 1986). Именно с их именами, а также их последователей, и связана концепция возможных Я.

Возможные Я представляют те Я, которыми человек может стать, хотел бы стать или боится стать. Авторы придают концепту возможных Я фундаментальное значение в личностном функционировании. Возможные Я представляют собой когнитивные репрезентации отдаленных целей, ожиданий, мотивов, страхов, угроз. Предполагается, что индивид будет стремиться достичь позитивно оцениваемых (желаемых) возможных Я и избежать других, негативно оцениваемых (вызывающих опасения) возможных Я. Именно мотивационный потенциал феноменов возможных Я, которые выполняют регулятивные функции, обеспечивает интерес исследователей к данной тематике.

Понятие «возможного Я» позволяет описывать процессы саморазвития личности, ее самоизменения через оценку человеком себя прошлого, настоящего и возможного будущего. В психологической литературе приводятся данные, позволяющие рассматривать представления человека относительно возможности или невозможности самоизменений и изменений собственной жизненной ситуации в качестве значимого фактора, обуславливающих его готовность к изменениям. В ряде исследований показано, что вера личности в возможность собственных изменений связана с большей успешностью в преодолении трудностей в различных сферах жизни, а также с более выраженными личностными изменениями, фиксируемыми в лонгитуде (Dweck, 1999; 2008; Robins, Nofle, 2005). Таким образом, представления людей относительно принципиальной возможности изменений человека и изменений себя играют важную роль в его реальных изменениях.

Имплицитная концепция изменчивости

Имплицитная концепция изменчивости стала предметом проводимых нами исследований. В результате независимо проведенных двух серий интервью (общая численность их участников – 88 человек) были получены данные, отражающие представления людей о жизненных изменениях, их причинах, возможности/невозможности личностных изменений и т.д.

Основные результаты сводятся к следующему.

В свободных описаниях жизненные изменения относились участниками исследования к двум основным сферам жизни – сфере близких (семейных) отношений и сфере профессиональной (трудовой) деятельности. Кроме этого, части респондентов предлагались проективные ситуации, предполагавшие объяснение происшедших с человеком позитивных и негативных изменений. Используемые ими объяснительные модели сводились исключительно к позитивным и соответственно негативным изменениям в семейной или профессиональной сфере, что подтверждает доминирующую локализацию событий-изменений в этих сферах.

Те или иные изменения относятся респондентами к существенным жизненным изменениям, если (1) происходящие события порождают осознаваемые изменения, (2) сопровождаются интенсивными эмоциональными переживаниями или (3) связаны с необходимостью принятия важных жизненных решений, часто в противопоставлении обстоятельствам или позиции окружающих.

Практически все участники исследования считают, что человек способен изменить свою жизнь, однако лишь половина из них верит, что для этого достаточно желания и стремления человека, остальные ответы указывают на ограничивающее влияние прошлого опыта и существующих обязательств или необходимость соответствующих психологических или материальных ресурсов.

Самоизменения, по мнению участников исследования, могут быть следствием (1) осознания их необходимости, ощущения, что «так больше жить нельзя»; (2) целенаправленной работы над собой (часто со ссылкой на необходимость преодоления прошлых ошибок); (3) столкновения с ситуациями-вызовами, требующими самоизменений (например, рождение ребенка, смена работы и др.).

В обыденных представлениях участников исследования события (или процесс) личностных изменений описываются как реакция человека на сложившиеся обстоятельства, т.е. поведение человека интерпретируется как реактивное или вынужденное, как отклик на сложившиеся (чаще всего негативные) обстоятельства. Упоминания событий внутренней, духовной жизни, относящихся к области личностных изменений, которые могут интерпретироваться как самоизменения, единичны.

Нашла подтверждение гипотеза о связи представлений о принципиальной возможности кардинальных изменений в жизни и в самом человеке (имплицитной концепции изменений человека) и возможности персональных изменений (самоизменений) ($p < 0,05$).

Имплицитные представления людей о жизненных изменениях отличаются вариативностью, связанной с допускаемой степенью их возможности или невозможности. Интересно, что для лиц, имплицитная концепция изменений которых основывается на признании возможности лишь частичных изменений, было характерно указание и на частичный характер желаемых для себя изменений (например, получение образования или приобретение каких-то навыков и знаний) и на изменение своих отдельных черт (напр., повышение уверенности, стойкости, сдержанности) ($p < 0,05$).

Убежденность в возможности начать свою жизнь с чистого листа связана с ситуациями саморазвития в жизни человека: чем больше человек в принципе верит в возможность изменений, тем большее место в его жизни занимают ситуации самоизменений (чтение литературы, посещение специальных занятий и т.д.) ($p < 0,05$). При этом ситуации саморазвития с большей вероятностью имеют место в жизни более молодых людей ($p < 0,1$).

Были получены данные о некоторых факторах, оказывающих влияние на имплицитные представления человека о возможности изменений и самоизменений. Ожидаемое влияние на представления людей о возможности жизненных изменений и самоизменений оказывает возрастной фактор: с возрастом увеличивается объем высказываний, указывающих на ограничения, связанные с обязательствами перед близкими людьми ($p < 0,05$). Некоторые различия были получены по гендерному основанию: оказалось, что мужчины чаще, чем женщины склонны считать, что кто-то из людей может кардинально изменить свою жизнь, начать с чистого листа, а кто-то нет ($p < 0,05$).

Анализ представлений людей о своей жизни, жизненных изменениях, возможных или невозможных развитиях их жизненного сценария дает богатый материал для понимания их концепций в отношении как собственной жизни, так и вообще жизненного процесса. Так, М.О. Аванесян разрабатывается понятие альтернативной жизненной истории, отражающее нереализованные или отвергнутые человеком возможности изменения своей жизненной ситуации или – шире – жизненного сценария (Аванесян, 2018).

Выводы

Используемое в современной науке понятие изменений отражает реальную феноменологию и процессы, в которые вовлечен индивид. Этой тематике психология начинает уделять все большее внимание, при этом увеличивается число исследований, в которых личностные изменения рассматриваются не столько как следствие определенных событий или изменений социальных ролей, но как результат активности самой личности, ее саморазвития и самоизменений. Необходимость «ответа» индивида на вызовы изменяющегося мира очевидна, но вопрос о том, насколько сам человек готов к изменениям своей жизненной ситуации, повседневного поведения, собственной личности, зачастую остается за пределами внимания исследователей. Результаты изучения имплицитных представлений человека о возможности изменений в жизни людей показывают, что эти представления сводятся к трактовке жизненных изменений как изменения объективных обстоятельств в жизни человека, требующих ответной (часто вынужденной) реакции человека; при этом необходимость собственных изменений, самоизменений слабо рефлексирована индивидом. В целом, полученные результаты свидетельствуют о необходимости более глубокого изучения имплицитных концепций, связанных с представлениями людей о возможности или невозможности собственных изменений, которые могут рассматриваться как значимый фактор, опосредующий активность человека, его жизненные планы и жизненные выборы.

Сведения об авторе.

Гришина Наталия Владимировна, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, grinat07@gmail.com

CHANGES IN PERSONALITY: SCIENTIFIC AND COMMON REPRESENTATIONS

Grishina N.V.

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Keywords: change, psychology of changes, concept of possible I, ordinary ideas, implicit concept of changes

Abstract. A number of areas of modern psychology are united by a common interest in the psychology of change, which requires an understanding of the problems of change and the very concept of change. Large-scale empirical research in the social sciences, dedicated to the formation of the modern type of personality, confirms the possibility of personal change through a collision with new experience. One of the modern trends in the study of human change is the problem of a possible person and the problem of the possible for a person. A person's willingness to change is influenced by his implicit concept of human variability. The

study of implicit ideas of people about the possibilities of change showed that their everyday ideas limit life changes to changes in the objective circumstances of a person's life in the main areas of life, and people's changes are viewed as a forced reaction to these changes. Representations of everyday consciousness are in contradiction with the ideas of scientific psychology, which focuses on the activity of the person himself in the processes of change.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ ПРЕБЫВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Сильченко Д.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет
социальных наук, Москва

Ключевые слова: экзистенциальные мотивации, социальные сети, вовлеченность в социальные сети, пользователи, мотивация

Аннотация. В настоящей работе рассматривается проблема экзистенциальных мотиваций нахождения человека в социальных сетях. Автором приводятся данные, полученные в ранее проведенных исследованиях. Описываются выделенные уровни вовлеченности в социальные сети, а также основы концепции четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле, на базе которой строится разрабатываемый тест экзистенциальных мотиваций использования социальных сетей. В статье продемонстрированы примеры утверждений, которые будут включены в опросник. По мнению авторов данный тест, после его валидации, в дальнейшем может быть использован как хороший количественный инструмент для понимания пребывания человека в социальных сетях, а также оценки степени риска возникновения чрезмерного вовлечения в социальные сети.

С каждым годом в современном обществе социальные сети становятся всё более популярными среди пользователей, число которых так же увеличивается день ото дня. Так, например, на июнь 2017 года в социальной сети Facebook насчитывалось 2,07 миллиарда активных пользователей (2017). Этот факт привлекает интерес ученых к феномену нахождения человека в социальных сетях, к проблеме мотивации пользователей.

В данном исследовании мы предпринимаем попытку рассмотрения концепции четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле в приложении к пониманию опыта пребывания пользователей в социальных сетях

Мир дает человеку огромное море возможностей, одна из которых – обращаться к социальным сетям или же нет. Каждый день человек обращается к модусу «я могу» и принимает те или иные решения. А Лэнгле в своей концепции описывает фундаментальные мотивации (ФМ) личности, которые необходимо осуществить, для того чтобы реализовать экзистенцию, достичь исполненности жизни. Способность человека принимать свободные решения является основой фундаментальных мотиваций. Диалогический обмен человека с миром позволяет возникнуть мотивации. Согласно теории А. Лэнгле в мире присутствуют четыре данности бытия, а именно:

Мир, в котором есть условия и возможности;

Жизнь, включающая в себя отношения и чувств;

Бытие человека самим собой;

Смысл, как внесение себя в более широкий контекст (Лэнгле, 2005, 2006).

На наш взгляд, концепция четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле может быть хорошо применима для построения теста экзистенциальных мотиваций использования человеком социальных сетей.

В ходе предыдущего исследования нами были выявлены три уровня вовлеченности пользователей (низкий, средний, высокий) по следующим критериям:

количество времени, которое пользователь ежедневно посвящает сайтам социальных сетей;

отношение близких (семья, друзья, романтический партнер) к опыту пребывания данного пользователя в социальных сетях (позитивное/нейтральное/обеспокоенное/негативное);

отношение самого пользователя к собственному опыту нахождения в социальных сетях.

Количественный этап исследования (с использованием следующих методик:

шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖ). Адаптация (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин) методики SWLS (Satisfaction with Life Scale) Э. Динера и др. (Осин, Леонтьев, 2008); шкала общей оценки счастья (ШООС). Адаптация (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин) методики «Subjective Happiness Scale» С. Любомирски (Осин, Леонтьев, 2008); опросник субъективного отчуждения (ОСОТЧ) — адаптация (Е.Н. Осин) теста отчуждения С. Мадди и др. (Осин, 2007)) обнаружил, что пользователи высокого уровня вовлеченности демонстрируют значимо более низкий уровень аутентичности, чем пользователи группы низкого уровня вовлеченности.

Настоящее исследование направлено на разработку теста экзистенциальных мотиваций использования социальных сетей в соотношении с выделенными нами ранее уровнями вовлеченности пользователей. На актуальном этапе данной работы идет формирование утверждений, которые будут использованы в рамках опросника. Ниже представлены примеры утверждений, соответствующих каждой из предпосылок четырех фундаментальных мотиваций.

Первая ФМ. Содержание мотивации: Возможности бытия-в-мире.

Предпосылки реализации мотиваций:

Пространство

Я чувствую, что активность других пользователей в социальных сетях ограничивает и сковывает меня

Благодаря социальным сетям я чувствую больше свободы

Защищенность

В социальных сетях я чувствую, что мне ничто не угрожает

Когда у меня случаются неприятности и проблемы, мне легче пережить их, находясь в соцсетях

Опора

Что бы ни случилось в моей реальной жизни, в социальных сетях я всегда найду поддержку

Когда я захожу в соцсети, я чувствую твердую почву под ногами

Вторая ФМ. Содержание мотивации: Ценность жизни.

Предпосылки реализации мотиваций:

Соотнесенность

В социальных сетях я охотно эмоционально открываюсь другим людям

Благодаря социальным сетям я могу забыть о проблемах реальной жизни

Время

Когда я нахожусь в социальных сетях, время словно изменяет свой ход

В социальных сетях я нахожусь в постоянной спешке и суете

Близость

Я предпочитаю не взаимодействовать с другими людьми в социальных сетях

Мне нравится чувствовать общность с другими пользователями социальных сетей

Третья ФМ. Содержание мотивации: Самоценность.

Предпосылки реализации мотиваций:

Справедливое отношение

В социальных сетях я ориентируюсь на то, что считаю правильным

Другие пользователи социальных сетей справедливы ко мне

Заинтересованное внимание

В социальных сетях мало людей, которые искренне интересуются мной

Мне интересно наблюдать за чужой жизнью в социальных сетях

Признание ценности

Благодаря социальным сетям, я чувствую, что я не один в этом мире

Я открыто высказываю свою точку зрения в социальных сетях

Четвертая ФМ. Содержание мотивации: Смысл.

Предпосылки реализации мотиваций:

Включенность во взаимосвязи

Я не чувствую себя включенным в сообщество пользователей социальных сетей

Социальные сети помогают найти важные для меня ориентиры

Поле деятельности

В социальных сетях для меня открывается широкое поле возможностей

Я чувствую потребность постоянно находиться в социальных сетях

Ценность в будущем

Я чувствую, что готов сделать в социальных сетях что-то хорошее

Я не вижу своего будущего без социальных сетей

На основании ранее проведенных нами исследований мы предполагаем, что пользователи с выраженным высоким уровнем вовлеченности используют социальные сети в качестве Опоры (1ФМ). В свою очередь пользователи с низким уровнем вовлеченности ориентируются в большей степени на более широкий жизненный контекст, используют социальные сети как инструмент для достижения целей и решения задач, а следовательно, для них более выражен Смысл (4 ФМ). Эти и другие предположения будут подвергнуты проверке в ходе актуального исследования.

Мы надеемся, что после валидации данный тест может стать хорошим количественным инструментом для оценки степени риска перехода пользователем от низкого и среднего уровня вовлеченности к высокому и возможного возникновения зависимости от социальных сетей.

Литература:

- Лэнгле, А. Person.* Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2005.
- Лэнгле, А.* Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М.: Генезис, 2006.
- Осин Е.Н.* Смыслоутрата как переживание отчуждения: Структура и диагностика: Дис... .. канд. психол. наук. М.: МГУ, 2007.
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН; Российское общество социологов, 2008.
- Facebook Reports Second Quarter 2017 Results (2017) Available at: <https://investor.fb.com/investor-news/press-release-details/2017/Facebook-Reports-Second-Quarter-2017-Results/> (accessed 29 September 2017)

Сведения об авторе

Сильченко Дарья Валерьевна, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет социальных наук, Москва, daria.silchenko@yandex.ru

EXISTENTIAL MOTIVATIONS OF BEING IN SOCIAL NETWORKS

Silchenko D.V.

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

Keywords: existential motivations, social networks, involvement in social networks, social networking sites users, motivation

Annotation. In this paper we consider the problem of existential motivations of person's being in social networks. The author presents the data obtained in previous studies. The article describes the levels of involvement in social networks and the concept of the four fundamental motivations by A.Laengle. This concept is the basis for developing the test of existential motivations of being in social networks. The article demonstrates examples of statements that will be included in the questionnaire. According to the authors, this test, after its validation, can

be further used as a good quantitative tool for understanding a person's being in social networks and assessing the risk of excessive involvement in social networks.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Гавриченко О.В.

Институт психологии имени Л.С. Выготского «Российский государственный гуманитарный университет», Москва

Ключевые слова: самопрезентации, реальное и виртуальное пространство, Инстаграм, популярные отечественные исполнители.

Аннотация. Новые технологии, изменяют образ жизни современного человека и оказывают влияние на его идентичность и возможность самопрезентации. Персональная страница в сети является отображением картины мира данного пользователя. Представлены результаты исследования самопрезентации в сети Instagram представителей творческих профессий: популярных отечественных исполнителей. Выявлено, что для группы пользователей, в которую входят популярные отечественные исполнители, не характерно стремление к персонификации самопрезентаций, т.к. их подписчики точно знают, на какого исполнителя они хотят подписаться. Популярным исполнителям в сети Instagram в большей степени присуще презентация сферы своей профессиональной деятельности и всего, что с ней так или иначе связано.

В настоящее время мы можем говорить о том, что жизнь человека в условиях современной цивилизации изменилась благодаря появлению не просто новой техники, а за счет того, что люди становятся частью нового технологического пространства. Новые технологии стремительно входят в нашу жизнь и их влияние на человека становится глобальным (Марцинковская, 2015). Интернет изменяет процесс передачи и получения информации, меняет коммуникативный опыт человека и возможности самопрезентации через виртуальное пространство (Голубева, Марцинковская, 2011). Развитие новых информационных технологий кардинально меняет образ жизни современного человека, и оказывает влияние на становление идентичности и самопрезентации людей. На сегодняшний день мы можем наблюдать сближение виртуального и реального пространства. Результаты психологических исследований виртуального пространства фиксируют данные о том, что особенности визуальной самопрезентации в социальных сетях могут служить индикатором объективного социального статуса пользователя (Белинская, Гавриченко 2018).

Согласно данным опроса, проведенного «Всероссийским центром изучения общественного мнения» в феврале 2018 года наиболее популярным средством доступа к Интернету, является мобильный телефон/смартфон – его назвали в качестве обычного устройства 52% пользователей Интернета. Доступ к Интернету через мобильный телефон максимален среди ежедневных пользователей Instagram (92%) и ВКонтакте (84%), для остальных сетей – около 70%.

Скорость распространение информации через Интернет, мобильность канала и доступность данных миллионам пользователей делают сеть Instagram привлекательной для популярных отечественных исполнителей, которые с помощью своей страницы и

постов могут быстро и самостоятельно самопрезентовать события своей профессиональной и личной жизни.

Выборку исследования составили страницы популярных российских исполнителей в сети Instagram. Это 3577 фотографий (n=3.577) Изучались посты за первое полугодие 2018 года с января по июнь включительно. Общее число страниц в Instagram - 42. Из них: 21 человек – это представители отечественного шоу-бизнеса, находящиеся в данный момент на пике своей известности и 21 человек – это те исполнители, чья востребованность на сегодняшний день прошла свой пик и в данный момент количество концертов и упоминаний в СМИ у них гораздо меньше, чем у представителей первой группы.

Изучение постов в сети Instagram методом контент-анализа. Единица анализа – фотография, размещенная пользователем на своей странице в Instagram. Фотография включает себя содержание и текстовой комментарий. Применялся качественный и количественный анализ. В процедуре подсчетов результатов контент-анализа использовалась формула вычисления «удельного веса» смысловых категорий А.Н. Алексеева (Алексеева, 1970). Для обработки данных использовалась программа MicrosoftExcel2010

В ходе исследования нами были получены следующие результаты. По категории «Работа» данные распределились следующим образом. В первой и второй группе у представителей отечественного шоу-бизнеса на первом месте фотографии и видео материалы в Instagram, связанные с категорией «Работа» - 50% от общей выборки. В данную категорию входят посты в Instagram связанных с выступлениями, съемками клипа, записями песен, участие в телевизионных программах и радио эфиры. Однако, в первой группе это количество чуть больше - 57%; у второй группы 43%. Возможно, это связано как раз со снижением востребованности данных исполнителей у публики.

На втором месте по значимости в общей выборки участников исследования находятся категория «Друзья», которая составляет 23% от числа всех проанализированных постов. В категорию «Друзья» входят фотографии на ленте Instagram связанные с новостями и информацией о жизни коллег по сцене, призывами поддержать их клип, посещение презентаций своих коллег, положительная оценка новой песни и видеоролика к ней, отзыв о концерте и т.д. В таких фотографиях «Друзей» есть, как правило, текстовой комментарий, в котором автор поста напрямую говорит о том, что на фото или видео его друг, творчество которого ему нравится, он уважает данного артиста и признает его талант. У первой группы популярных исполнители категория «Друзья» составляет 52%, а у второй 48%.

Третье место нашего контент-анализа занимает категория «Отдых». В нее вошли фото и видео материалы о том, как и где отечественные исполнители проводят свой отдых: это как правило различные путешествия, не связанные с гастрольной деятельностью, отдых на природе и на море. Всего данная категория в Instagram представлена в 14.8%. Однако, если рассматривать данные контент-анализа по 2 группам, то мы можем увидеть, что у более востребованных исполнителей категории «Отдых» соответствующим 64% постов, а у артистов «второго эшелона» это всего лишь 36%.

Четвертое место по количеству постов в Instagram исполнителей у нас занимает категория «Личное» в общей выборке этого всего лишь 12.2 %

К ней относится информация, связанная с семьей известного артиста, и домашними животными. При этом у популярных артистов таких постов значительно меньше – 17%, а вот у менее востребованных исполнителей их намного больше 83%.

Видимо, информацией о своей личной жизни вторая группа артистов старается компенсировать отсутствие других новостей о своей творческой деятельности.

Процентные соотношения подтверждаются данные полученными по формуле А.Н. Алексеева, с помощью которой был вычислен «удельный вес» (УВ) каждой из смысловых категорий в контент-анализе.

Общий УВ категорий: А «Работа» 0.5; В «Друзья» 0.23; С «Отдых» 0.15; D «Личное» 0.12.

Группа I УВ категории: А «Работа» 0.29; В «Друзья» 0.12; С «Отдых» 0.09; D «Личное» 0.002

Группа II УВ категории: А «Работа» 0.21; В «Друзья» 0.11; С «Отдых» 0.06; D «Личное» 0.10

При этом в процессе качественной обработки данных контент-анализа Instagram известных исполнителей выяснились дополнительные интересные особенности их страниц в интернете.

Внимание артистов первой группы пользователей сети Instagram к траурным событиям, происходившим на территории России. Это, прежде всего, пожар и гибель людей в кемеровском торговом центре «Зимняя вишня». Эта катастрофа унесла из жизни весной 2018 года 60 человек, большинство из них — это дети. Слова соболезнования и поддержки на своих страницах в Instagram по поводу случившегося выразили популярные исполнители в двух группах в соотношении 25/15, разместив у себя на страницах посты траурного содержания. Они также отметили и крушение самолета АН-148 в подмосковном районе Раменское в феврале 2018. Об этом упоминали в своих постах участники и первой и второй группы примерно в равном соотношении 6 /5. Обе группы исполнителей также размещают у себя на страницы в Instagram посты связанные с уходом из жизни очень известных и популярных артистов театра и эстрады: Олега Табакова; Михаила Державина; Олега Анофриева и Людмилы Сенченой. В своих комментариях звезды отдают дань таланту данных людей.

И наконец, в отдельную категорию попадают смешные фото и видео, связанные с забавными случаями из жизни людей и животных. Как правило, такие посты собирают много лайков и веселых комментариев, а также репостов.

Выводы: Целью самопрезентации популярных исполнителей в сети Instagram является создание позитивного виртуального образа и повышения своего виртуального статуса.

В содержании самопрезентаций у отечественных исполнителей ведущим является текст, иллюстрированный фотографиями.

Самопрезентации связанные с профессиональной деятельностью у исполнителей занимают первое место в их информационном ленте новостей в сети Instagram.

Популярные исполнители помимо информации связанной с профессиональной и личной жизнью, с помощью своей странице в Instagram реагируют на разного рода события происходящие в стране, и выражают в сети свое отношение к данным событиям.

Для представителей отечественного шоу-бизнеса проблема персонификации не является ведущей, так как их подписчики точно знают, на Instagram какого исполнителя они хотят подписаться.

Литература:

Алексеев А.Н. Опыт измерения удельного веса категорий содержания на страницах газеты. В кн.: Проблемы контент-анализа в социологии: материалы Сибирского социологического семинара. Новосибирск: Сиб. отд-ние АН СССР, 1970. С. 41–47.

Белинская Е.П., Гавриченко О.В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2018. Т. 11 N 60. URL: <http://psystudy.ru>

Голубева Н.А., Марцинковская, Т.Д. Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 6(20). URL: <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. <http://psystudy.ru>

Сведения об авторе

Гавриченко Оксана Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии личности, институт психологии имени Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия. E-mail: Oksana-danshina@rambler.ru

THE SELF-PRESENTATION ON THE INTERNET OF REPRESENTATIVES OF CREATIVE PROFESSIONS

Gavrichenko O.V.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky "Russian State Humanitarian University", Moscow

Keywords: self-presentations, real and virtual postranstvo, Instagram, popular domestic performers.

Abstract. New technologies, change a way of life of the modern person and exert impact on his identity and possibilities of the self-presentation. The personal page in network is display of a picture of the world of this user. Results of a research of the self-presentation are presented to Instagram networks of representatives of creative professions: popular domestic performers. It is revealed that the aspiration to personification of the self-presentations since their subscribers precisely know for what performer they want to subscribe isn't characteristic of group of users which popular domestic performers enter. In popular performers in Instagram network it is more inherent the presentation of the sphere of the professional activity and everything that is with her anyway coherently.

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСЛЕДИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Борисова Н.В.

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва

Ключевые слова: цифровое общество, С.Л. Рубинштейн, парадигма, личность, субъект, онтология человеческого бытия, этика.

Аннотация. Рассматривается актуальность философско-психологического наследия С.Л. Рубинштейна, посвященного поиску и раскрытию «человеческого в человеке». Фундаментальное положение онтологии человеческого бытия, на которую опирается Рубинштейн: человек является частью Вселенной и его существование основывается на познании бытия и осуществлении его незыблемых законов. Основной задачей общества является создание предпосылок нравственной жизни – таких условий, которые будут способствовать формированию этического субъекта с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти. Утверждается, что для современного общества познание бытия ограничивается чувственным, внешним, а значит поверхностным восприятием предметов и явлений. Как следствие общество испытывает дефицит смыслов, потерю целостного чувства жизни и способности переживать бытие как Единство.

С.Л. Рубинштейна интересовал не «исторически конкретный человек с признаками особенного, отвечающего конкретному обществу», но человек обладающий «признаками всеобщности как в плане сознания, познания, так и действия», формирующими основу «онтологии» человека, фундаментальных принципов его существования (Рубинштейн, 2012, с. 63). Уникальность концепции Рубинштейна – поиск «человеческого в человеке». А это те духовно-нравственные феномены, которые в неизменной связи с универсальными ценностями определяют нравственную жизнь личности, его духовную историю.

И именно в настоящий момент эти вопросы требуют предельно серьезного осмысления (подробнее см.: Воловикова, Журавлев, 2018; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; и др.). Современный мир претерпевает глобальные преобразования вследствие развития новых технологий. Социально-политические трансформации с ключевым словом «*цифровая*» (революция, эпоха, экономика, личность и т.п.) создают новую реальность, новую этику и новый взгляд на человека. Проекты с внедрением технических, бионических, генно-инженерных разработок, виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта не только будут усиливать степень своего влияния на условия труда и жизни человека, но и направлены на изменение его самого, его мировоззренческих, ценностных и этических установок. Изменения носят парадигмальный характер, т.к. затрагивают все виды человеческой деятельности, в том числе науку в целом и психологическую науку в частности, в которой школа Рубинштейна занимает одну из ключевых позиций. Е.Е. Соколова в статье «Диалектическая логика С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева и логические основания “сетевой парадигмы” современной психологии» (Соколова, 2012) указывает, что часть современных методологов психологической науки рассматривают постмодернистскую парадигму, также называемую «сетевой», как наиболее перспективную. Так как методологические установки постмодернизма связаны со «смещением интереса от универсальных законов – к уникальным событиям, от

эмпирических фактов и правил – к поиску смыслов и интерпретации фактов в изменяющихся ситуативных контекстах» (Гусельцева, 2012, с. 53-54), важность обретают «субъективность, ситуативность и относительность истины» (Соколова, 2012). С точки зрения Соколовой, мышление антиномиями является шагом назад от диалектики, поскольку в истории развития философской и научной мысли первое было «снято» последней. Т.В. Корнилова (Корнилова, 2009, с. 115) отмечает, что системное видение мира требует гораздо больше «методологических усилий», нежели простое принятие множественности методологических позиций.

В связи с подобными прогнозами вспомним, что заслуги Рубинштейна велики не только как крупного ученого, внесшего значительный вклад в развитие психологии, но и, по мнению А.Н. Ждан, как ученого, «научная и педагогическая деятельность которого способствовала сохранению самой психологии как таковой в 20-30-х гг. XX в. в ситуации прямых выступлений или скрывавшихся под лозунгом перестройки психологической науки косвенных тенденций, объективно направленных на ликвидацию психологии и замещение ее механистическими, поведенческими и педологическими концепциями» (Ждан, 2000, с. 76).

Социально-политические процессы, свидетелями которых мы являемся, носят другой характер, но они требуют самого пристального внимания, особенно со стороны психологов. Предложенный ученым путь постижения «человеческого в человеке» дает возможность не только отстоять сущностное в человеке, но и очертить границы, вторжение за которые нарушает целостность личности.

Фундаментальное положение онтологии человеческого бытия, на которую опирается Рубинштейн: человек является частью Вселенной и его существование основывается на познании бытия и осуществлении его незыблемых законов. Рубинштейн вводит понятие - *«нравственное законодательство»*. Полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через этику. Основная онтологическая задача субъекта полностью соответствует основной этической задаче. Базовое положение, которое отстаивает ученый: этическое является законом, так как имеет в силу объективности своего содержания форму общеобязательного положения. «Всем своим идейным содержанием, всей системой понятий и принципов, которые этика разворачивает, она отвечает на один вопрос, на сократовский вопрос: что такое человек?» (Рубинштейн, 2012, с. 166).

Познание как открытие бытия - не только деятельность сознания, а в силу участия в нем практики - способ существования человека по отношению к бытию. Необходимо различать объективное, трансцендентное бытие и субъективно познавательное, имманентное - бытие не в чистом, а в осложненном привходящими обстоятельствами виде. Основное свойство бытия, сущего в мире, в котором есть человек, заключается в том, чтобы являться человеку в чувственной данности, быть данным в ощущении. Чувственная данность, первое в сущем, что открывается познанию, выступает как поверхностный, внешний план глубинных слоев сущего. «Непосредственная чувственность бытия - это факт, данность существования с едва лишь наметившейся качественной определенностью, с еще не раскрытой сущностью» (Рубинштейн, 2012, с. 28). Далее включается опосредованное познание процессом мышления, но мышлением познание принципиально не исчерпывает сущего. Проблема бытия и его познания связана с проблемой человека как субъекта действия. Отношение субъекта к «объективной реальности» - это не идеальное познавательное отношение, но и практическое действие. Человек всегда находится в сфере сущего, непрерывно совершается «общение» взаимопроникновение и сопротивление посредством действий и

регуляции этих действий сознанием. «Существовать - это страдать и действовать, воздействовать и подвергаться воздействиям, участвовать в бесконечном процессе взаимодействия как процессе самоопределения» (Рубинштейн, 2012, с. 27).

Действие, которое своим содержанием имеет этическое содержание общеобязательной значимости, т.е. определяется нравственным законом, Рубинштейн называет деянием. «Закон делает деяние деянием, не личность и не Я» (Рубинштейн, 2012, с. 169). Ошибкой является понимание субъекта как виновника и творца своих деяний, а деяний как проявлений или манифестаций субъекта. При таком подходе этическое содержание деяний, которое есть само этическое содержание нравственных законов, не входит в состав и построение содержания нравственного субъекта. Концепция нравственности оказывается бессодержательно-формалистичной, а субъект, который является источником своих деяний и для которого деяния только манифестации уже готовой сущности, лишен этического содержания. И потому он - не этический субъект, а лишь некоторое психологическое образование.

Лишь в этических деяниях этический субъект определяется и осуществляется. И если принцип автономии – в первую очередь определяет отношение субъекта и закона, то отношение субъекта и деяния Рубинштейн определяет через принцип самоопределения. Каждое деяние есть новое начало, новый источник, порождающий этический субъект. Поэтому нравственное совершенство есть задача, которую субъект в каждом деянии должен разрешить вновь. «Эта бесконечная задача, как само время, означает бесконечный процесс, который может быть субъективно прерван, но не может быть объективно закончен» (Рубинштейн, 2012, с. 172).

Для Рубинштейна основной задачей общества является создание необходимых предпосылок нравственной жизни – таких условий, которые будут способствовать формированию человека «большого плана» с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти.

Современное общество характеризуют как «общество потребления», в котором интеллектуальное, духовно-нравственное развитие человека не является приоритетным, а система ценностей и установок основана на потреблении материальных благ. основополагающим понятием современности, заявляет отечественный композитор, писатель В.И. Мартынов, является имидж. «Имидж - это и есть абсолютная поверхность <...> не имеющая никакого внутреннего содержания <...> смысла, ибо имидж и смысл есть взаимоисключающие понятия» (Мартынов, 2017, с. 277). Престижными стали профессии дизайнера, кутюрье или куафера. «Мы живем в мире имиджмейкеров, где уже нет места ни поэтам, ни художникам, ни композиторам, стремящимся передать внутренний смысл и создающих произведения, наполненные великим содержанием. Великое является реальностью человека переживающего, в то время как для человека манипулирующего все это превращается просто в фикцию» (Там же, с. 277).

Дефицит смыслов – диагноз современной цивилизации, потерявшей целостное чувство жизни, способность переживать бытие как Единство. Для современного общества познание бытия ограничивается чувственным, внешним, а значит, согласно Рубинштейну, поверхностным восприятием предметов и явлений. Поглощение человека предметным миром, возможно, никогда прежде не имело такого тотального характера. «Человек манипулирующий» или «человек потребляющий» не только не может реализовать свою подлинную сущность, но скорее находится в оппозиции к ней. «Человек, отчужденный от природы, от жизни Вселенной, от игры ее стихийных сил, не способный соотнести себя с ними, не способный перед лицом этих сил найти свое место

и утвердить свое человеческое достоинство, - это маленький человек» (Рубинштейн, 2012, с. 124).

Литература:

Воловикова М.И., Журавлев А.Л. Характеристики нравственной элиты и современные представления о порядочном человеке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Выпуск 1 (25). С. 44-48.

Гусельцева М.С. Парадигмы в психологии: историко-методологический анализ // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 34-56.

Ждан А.Н. Историческая роль С.Л. Рубинштейна в идейной борьбе в период перестройки теоретических основ психологической науки (20 -е - 30-е годы) // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С. 75-85.

Корнилова Т.В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии? // Прогресс в психологии: Критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 111-125.

Мартынов В.И. Зона opus posth, или Рождение новой реальности. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2017.

Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.

Соколова Е.Е. Диалектическая логика С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева и логические основания «сетевой парадигмы» современной психологии // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 380-403.

Сведения об авторах

Борисова Наталья Владимировна. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1; e-mail: borisova07@bk.ru

DIGITAL SOCIETY THROUGH THE PRISM OF HERITAGE OF S.L. RUBENSTEIN

N.V. Borisova

FSFES Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow

Keywords: digital society, S.L. Rubenstein, paradigm, personality, subject, ontology of human life, ethics

Abstract. The relevance of philosophical and psychological heritage of S.L. Rubenstein devoted to search and disclosure "human in the person" is considered. The fundamental provision of ontology of human life on which Rubenstein relies: the person is a part of the Universe and his existence is based on knowledge of life and implementation of his firm laws. The main objective of society is creation of prerequisites of moral life – such conditions which will promote formation of the ethical subject with the full-fledged relation to life, other person,

the nature, life and death. It is claimed that for modern society knowledge of life is limited to sensual, external, so superficial perception of objects and phenomena. As a result society has deficiency of meanings, loss of complete feeling of life and ability to endure life as Unity.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Арсеев И.И.

Институт психологии имени Л.С. Выготского «Российский государственный гуманитарный университет», Москва

Ключевые слова: тип личности, функции сознания, идентичность, виртуальное пространство, социальные сети, самопрезентация.

Аннотация. В статье рассматривается идея Карла Густава Юнга о четырех функциях сознания как основе для определения типа личности. Акцент делается на возможности выявления ведущей функции через анализ текстовых и графических материалов, представленных на личных страничках пользователей социальных сетей и в их комментариях. Излагается описание соотношения функций сознания между собой и подчеркивается практическая значимость данной типологии и разработанных на ее основе диагностических методик. Представлено содержательное описание каждой функции, включающее в себя ее направленность, связанные с ней характерологические особенности, метафоры, а также примеры элементов самопрезентации личности с данной функцией как ведущей в виртуальном пространстве.

Наша жизнь во многом строится на "четверицах" - четыре времени года, четыре стихии, четыре стороны света, четыре основных темперамента. Карл Густав Юнг считал, что и сознание человека функционирует посредством четырех процессов: мышления, чувства, ощущения и интуиции. У каждого человека они развиты в разной степени и обусловлены его индивидуальными особенностями. Соотношение функций сознания в сочетании с базовой установкой личности (обращенность вовне или внутрь) дает основу для типологии, которая в дальнейшем разрабатывалась учениками и последователями Юнга и стала основой для ряда психодиагностических методик и системы терапевтического воздействия.

Функции сознания - это призма, через которую мы воспринимаем мир; это язык нашей личности, на котором мы общаемся с другими и с помощью которого легче всего их понимаем. Имея представление о соотношении этих функций в собственной психике и в психике Другого, мы можем повысить личную эффективность и улучшить взаимодействие с окружающими. Функции сознания распределяются по двум парам - рациональные (мышление и чувство) и иррациональные (ощущение и интуиция); обычно одна из них является ведущей - она лучше развита и чаще используется. Другая функция в той же паре, скорее всего, является наименее развитой и принадлежащей бессознательному. Остальные две функции носят вспомогательный характер, определяя специфику работы ведущей функции и нашего восприятия мира. Зная свою ведущую и подавленную функции, мы можем определить направление своего роста, поскольку наш потенциал скрывается именно в том, что нам хуже всего удастся.

Обретение идентичности, которое происходит в контакте с другими людьми, подразумевает и разворачивание собственных типологических особенностей, индивидуального соотношения функций сознания, определяющего, в том числе, специфику самопрезентации человека - как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

Поскольку в современном мире значительная доля коммуникаций приходится как раз на виртуальную реальность, имеет смысл исследовать диагностический потенциал тех материалов, через которые пользователи Сети обозначают там свое присутствие и формируют определенный образ, опосредующий их отношения с другими людьми.

Соответственно, рассматривая подробно каждую из функций сознания, можно соотносить ее с определенным стилем самопрезентации в виртуальном пространстве - имеются ввиду, в первую очередь, социальные сети - для того, чтобы заложить основы для разработки диагностической процедуры, позволяющей по данным материалам делать предположения об основах личностной типологии пользователей интернета, что в свою очередь даст возможность для организации более эффективного взаимодействия, для разработки терапевтических и развивающих методик, а также для организации исследований роли интернета в жизни современного человека.

Мышление. Это функция, позволяющая нам определить полученный опыт и отнести его к той или иной категории. Мышление дает воспринимаемым объектам имена и определяет их существенные свойства; оно отвечает на вопрос "Что это?". Это значит, что ему, вероятно, лучше даются задачи, требующие анализа, выявления причинно-следственных связей и носящие абстрактный характер. Функцию мышления можно сравнить с Мудрым Старцем, живущим в башне из слоновой кости, который обзревает все королевство и записывает свои наблюдения в большую книгу. Он не вмешивается и не дает оценок - только наблюдает и записывает.

Если ведущая функция человека - мышление, то в его самоописании, скорее всего, будут преобладать определения вроде "человек", "мужчина", "мать", "студент", "художник", "специалист" и т.п.

В пространстве социальных сетей человек с ведущим мышлением может размещать ссылки на аналитические статьи, изображения и любую тематическую информацию, отражающую его профессиональные и социальные роли, а также какие-либо схемы, графики и формулы того или иного характера.

В обсуждении каких либо публикаций такой человек, скорее всего, будет придерживаться фактологической критики, выверенных аргументов, ссылок на авторитетные источники в доказательство той или иной точки зрения.

Чувство. Эта функция отвечает за оценку полученного опыта - хорош он или плох, приятен или неприятен, нравится или не нравится. Благодаря чувству мы определяем субъективную ценность и значимость происходящих с нами событий. Оно отвечает на вопрос "Что это для меня значит?".

Значит, сталкиваясь с новым опытом, человек, в первую очередь будет давать ему оценку, определять свое к нему отношение, пристрастно реагировать - или реагировать в принципе, без этапа анализа.

Функция чувства может быть проиллюстрирована образом Странствующего Торговца, который путешествует по миру в поисках ценных товаров и редкостей, которые не только доставят ему эстетическое удовольствие, но и позволят хорошо заработать.

Если ведущая функция - чувство, то в самопрезентации могут преобладать формулировки вроде "Я люблю путешествовать", "Я хороший специалист", "Я верный муж", "Я терпим к окружающим". На своих страничках в интернете человек с ведущим чувством может размещать большое количество музыки, живописных изображений, художественных фотографий, поэзии или, к примеру, цитат различных известных личностей об отношении к жизни, другим людям, самому себе.

В виртуальном общении такой человек может активно включаться в обсуждения какой либо животрепещущей для него точки зрения, проявлять эмоции, защищать свои ценности и идеалы, которые так или иначе оказались затронуты темой разговора.

Ощущение. Эта функция ориентирована на восприятие свойств объектов, их характеристик в текущий момент времени. Ощущение обеспечивает связь с материей и состоянием "здесь и сейчас". Оно отвечает на вопрос "Какое это?".

То есть, новый опыт предстает перед человеком в первую очередь через то, как он воспринимается здесь и сейчас его органами чувств.

Функцию ощущения можно представить в виде Умелого Мастера, который легко и с удовольствием изготавливает различные предметы домашнего обихода, инструменты, транспорт или ухаживает за хозяйством.

Если ведущая функция - ощущение, то самопрезентация может выглядеть примерно таким образом: "Мне 25 лет", "Я занимаюсь спортом", "Я живу в Москве", "У меня есть мотоцикл". А виртуальное пространство может быть в данном случае заполнено фотографиями из путешествий или повседневной жизни, практическими советами, материалами про еду, спорт, материальные блага.

В обсуждениях же такой человек, вероятно, будет указывать на наличие или отсутствие практического смысла в теме беседы, на ее взаимосвязь с повседневной жизнью и с актуальными реалиями своего социокультурного пространства, возможно - на детали обсуждения, его стиль.

Интуиция. Эта функция ориентирована на прошлое и будущее объектов; она позволяет предугадывать ход развития событий, оперирует целостными образами ситуации, дает ответы сразу, без цепочки умозаключений. Вопрос интуиции - "Откуда это и что с этим будет дальше?". Интуиция оперирует метафорами и символами, планами и фантазиями.

Человек с ведущей интуицией воспринимает новый опыт посредством образов, которые сочетают в себе множество значений и возможностей развития ситуации.

Данную функцию можно сравнить с Гадалкой, вглядывающуюся в хрустальный шар, чтобы разгадать смысл возникающих там туманных образов.

Поэтому если она является ведущей функцией, то в самопрезентации могут преобладать такие утверждения: "Я часть мироздания", "Я гость в этом мире", "Я устремлен в будущее", "В моей жизни все взаимосвязано", "Я мечтаю о..." или "В будущем я...".

На своей страничке такой человек может размещать символические изображения и тексты, материалы философского характера, мотивирующие цитаты, свои планы на будущее.

Его общение в виртуальном пространстве может быть наполнено пространственными рассуждениями об абстрактных материях, тайнах и загадках, разного рода историях, содержать далеко идущие выводы или описания различных проектов и идей.

Данные описания представляют собой лишь набросок возможных типологических признаков виртуальной самопрезентации; они требуют дальнейшего уточнения и экспериментальной проверки - в том числе, с помощью существующих на данный момент формализованных тестов, основанных на рассматриваемой типологии. Следует также учитывать, что виртуальная идентичность является иногда воплощением желаемых или подавляемых особенностей личности и поэтому ее типологический анализ может выявить как ведущую функцию, так и ее противоположность, в связи с чем структура анализа виртуального материала опять таки требует дальнейшего уточнения.

Литература

Зеленский В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. М.: «Когито-центр», 2004.

Стайн М. Юнговская карта души. Введение в аналитическую психологию. М.: «Когито-центр», 2014.

Шарп Д. Типы личности: юнговская типологическая модель. М.: «Добросвет», ИД «Городец», 2016.

Юнг К.Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции. М.: «Азбука-классика», 2007.

Сведения об авторе

Арсеев Иннокентий Иварович, старший преподаватель кафедры психологии личности институт психологии имени Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия. E-mail: i.arseev@gmail.com

TYPOLOGICAL FEATURES OF VIRTUAL IDENTITY

Arseev I.I.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky "Russian State Humanitarian University", Moscow

Key words: personality type, functions of consciousness, identity, virtual space, social networks, self-presentation

Annotation: the article is devoted to the idea of four functions of consciousness as a foundation for personality types, which was formulated by Carl Gusrav Jung. It is pointed in the article that there is a possibility to determine a leading function through analysis of texts and images, posted on personal pages of internet-users and in their comments. Interrelation between different functions is described and practical value of this typology is stressed. There is a detailed description of each function, which includes its potential, associated personality traits, metaphors and examples of elements of self-presentation in virtual space

РАЗДЕЛ III. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

СТРУКТУРА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ В СВЯЗИ С СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИЕЙ РАЗВИТИЯ¹⁸

Головей Л.А., Данилова М.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Ключевые слова: подросток, развитие, социальная ситуация, психоэмоциональное благополучие.

Аннотация. В статье рассматривается конструкт психоэмоционального благополучия, объединяющий эмоциональные характеристики (устойчивые эмоциональные состояния), показатели субъективного благополучия, когнитивной оценки удовлетворенности различными аспектами жизни и направленность на саморазвитие. В исследовании участвовали 4 группы подростков в возрасте 14-17 лет: воспитанники детского дома, гимназисты, проживающие в отрыве от семей, подростки из семей (всего 146 человек). Показано, что условия социализации влияют как на уровень психоэмоционального благополучия, так и на его структуру. У подростков-сирот структура наименее интегрирована, в ней ведущую роль играют показатели, связанные с удовлетворением гедонистических потребностей. У подростков, проживающих в семьях, и гимназистов значимое место занимает направленность на саморазвитие.

Проблема качества жизни и психологического благополучия относится к числу актуальных и активно разрабатываемых в современной науке. Ее актуальность повышается в периоды коренных перестроек общества, во время которых наиболее уязвимой частью населения оказываются дети и подростки. В исследованиях выявлено существенное повышение эмоционального неблагополучия и депрессивности почти у трети подростков (Подольский А.И. с соавт., 2011). В то же время по результатам Международного отчета Европейского регионального бюро ВОЗ (2012), посвященного психологическому здоровью подростков, эта возрастная группа в целом удовлетворена жизнью, им свойственна позитивная самооценка и уверенность в себе. Возможно, несовпадение оценок благополучия и психологического самочувствия в разных исследованиях отчасти может быть объяснено сложностью определения категории психологического благополучия (well-being). В исследованиях используются понятия психологического, субъективного, личностного благополучия, удовлетворенности жизнью, качества жизни и другие. Субъективное благополучие отражает преимущественно аффективную целостную оценку удовлетворенности жизнью (Динер

¹⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-06-00307-ОГН

Е., 1984 и др). Под психологическим благополучием понимается позитивное функционирование личности на вершине возможностей своего потенциала, этот конструкт включает автономность, компетентность, жизненные цели, позитивные отношения, самопринятие, личностный рост (Рифф К., Кейс К., 1995). Ряд исследователей предлагают рассматривать в качестве показателя благополучия эмоциональные характеристики (Панкова Н.В., 2011). В клинической психологии для оценки психологического благополучия используются показатели эмоциональной дезадаптации, социальной тревожности (Матюшкина Е.Я., 2016). Мы предлагаем рассматривать психоэмоциональное благополучие как сложный конструкт, объединяющий эмоциональные характеристики (устойчивые эмоциональные состояния), показатели субъективного благополучия, когнитивной оценки удовлетворенности различными аспектами жизни и направленность на саморазвитие (Головей Л.А., Яценко Т.Т., 2016).

Задачей исследования является изучение уровневых показателей и структуры психоэмоционального благополучия подростков, находящихся в разных условиях социализации.

Методы: анкета удовлетворенности разными сферами жизни; шкала субъективного благополучия Э. Динера, шкала психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Жуковской Л.И., Трошихиной Е.Г), шкала личностного роста методики «Индекс стремлений» (Э. Деси и Р. Райан); методика «Оценка психического состояния» (Т.А. Немчин, Н.А. Курганский).

Выборка: 146 подростков в возрасте 14-17 лет, в том числе 30 воспитанников детского дома, 24 учащихся гимназии, живущих в отрыве от семьи в связи с обучением в другом городе, 44 подростка, проживающие в нуклеарных семьях, 48 – в расширенных.

Однофакторный дисперсионный анализ выявил достоверные различия (при $p < ,005$; $,001$) между исследованными группами по общему уровню психологического благополучия, а также по отдельным его показателям. Наиболее высокие показатели психологического благополучия оказались у подростков, проживающих в семьях (64,1 б. в нуклеарных семьях; 65,9 б. - в расширенных), достоверно более низкие - у гимназистов (57,9 б.) и сирот (58,04). Для подростков, обучающихся в отрыве от семьи, характерен более низкий уровень компетентности, они не ощущают контроля над своей жизненной ситуацией. У воспитанников детского дома, наряду с этим, менее выражена ориентация на позитивные отношения и направленность на личностный рост. По уровню субъективного благополучия достоверных различий не выявлено, показатели находятся в пределах нормативных значений, что согласуется с данными авторов, рассматривающих аффективный компонент благополучия в качестве индивидуально устойчивого признака, определяемого совокупностью личностных черт (Динер Е., 1984 и др.). В самооценке удовлетворенности разными сферами жизни наибольшее количество различий получено между подростками, не имеющими семейной поддержки (сироты и временно живущие вдали от родителей) и подростками, проживающими в семьях (различия достоверны при $p < ,005$). Подростки-сироты в меньшей мере удовлетворены учебой, отношениями в семье, материальным положением, гимназисты – питанием, отдыхом, общением, положением в социуме, возможностями для реализации хобби. Показатели доминирующих эмоциональных состояний укладываются в диапазон средних значений (9-14 баллов), за исключением эмоционального тонуса и комфорта. Выявлено снижение эмоционального тонуса и повышение напряжения у гимназистов. Учитывая их низкую удовлетворенность отдыхом, досугом, питанием это может свидетельствовать о несоответствии учебных нагрузок возможностям и условиям

восстановления организма. У подростков-сирот снижение эмоционального тонуса сочетается с более высоким ощущением комфортности. Этот факт можно объяснить искажениями в мотивационной сфере, что подтверждается исследованиями И.Ю. Кулагиной (2009), показавшей, для этой группы подростков характерно доминирование гедонистической и эгоцентрической мотивации. Их базовые потребности в питании, жилище и пр. на данном этапе жизни удовлетворены, и это обеспечивает ощущение комфорта. Возможно, это также является следствием активизации механизмов психологической защиты. Таким образом, очевидна специфика психоэмоционального благополучия подростков в зависимости от условий социализации. Следующие вопросы заключаются в том, взаимосвязаны ли отдельные компоненты изучаемого конструкта и зависит ли его структура от условий жизни. Для ответа на эти вопросы был применен корреляционный анализ, который выявил взаимосвязи в структуре психоэмоционального благополучия, количество и характер которых различаются в исследуемых группах. Наименее интегрированной эта структура оказалась в группе сирот. Субъективное благополучие взаимосвязано лишь с удовлетворенностью материальным положением и досугом. Направленность на личностный рост и оценка достижений в личностном росте не вошла в структуру взаимосвязей. Это еще раз подчеркивает преобладание гедонистической мотивации в условиях лишения родительской заботы. Суммарный показатель психологического благополучия образовал 6 положительных связей: с удовлетворенностью питанием, положением в обществе, общением, школьным коллективом и учебой (все связи при $p < ,001$). Взаимосвязи доминирующих эмоций указывают на то, что повышение психологического благополучия сопровождается повышением интереса и эмоционального тонуса. Более интегрированной является структура психоэмоционального благополучия в группах подростков, имеющих семью. В группе гимназистов все показатели психологического благополучия взаимосвязаны положительными связями с уровнем субъективного благополучия (5 связей при $p < ,001$). С ним, в свою очередь, взаимосвязаны достижения в личностном росте и направленность на личностный рост ($p < ,001$). В общую структуру включены эмоции: повышению удовлетворенности разными сферами жизни соответствуют более высокие уровни психической активации, интереса, эмоционального тонуса, комфортности и более низкий уровень напряженности. Наиболее интегрированной оказалась структура психоэмоционального благополучия в группах подростков, проживающих в семьях. В ней выделилось три взаимосвязанных блока: субъективное благополучие и удовлетворенность разными сферами жизни, психологическое благополучие и самооценка достижений в личностном росте и блок устойчивых эмоциональных состояний. Субъективное благополучие взаимосвязано с общим показателем психологического благополучия, наличием жизненных целей, компетентностью, самопринятием. Для субъективного благополучия наиболее важны удовлетворенность досугом, учебой, отношениями в семье, для психологического - удовлетворенность перспективами, общением, познавательными мероприятиями, на что указывают прямые связи между показателями. Эмоциональные состояния выступают в качестве промежуточного звена, образуя взаимосвязи, как с субъективным, так и с психологическим благополучием. Особое значение имеют эмоциональный тонус, психическая активация, ощущение комфортности. По-видимому, они создают необходимый для поддержания благополучия уровень активации и комфорта. Исследование подтвердило целостность структуры психоэмоционального благополучия и выявило его особенности в разных условиях социализации. Наиболее низкий уровень психологического благополучия и удовлетворенности жизнью обнаружены у подростков, проживающих вне семьи, причем это касается не только сирот, но и одаренных подростков, временно оторванных от жизни в родительской семье. Показано,

что условия социализации влияют не только на уровневые показатели, но и на структуру благополучия. У подростков-сирот структура наименее интегрирована, в ней большая доля принадлежит показателям, связанным с удовлетворением гедонистических потребностей. У подростков, проживающих в семьях, и гимназистов значимое место в структуре психоэмоционального благополучия занимает направленность на личностный рост.

Литература

Головей Л.А., Яценко Т.Т. К вопросу о структуре психоэмоционального благополучия взрослых/ Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие. Материалы IV Международной конференции. Кострома: КГУ им. А.Н.Некрасова. 2016. Т.1. С. 293-295

Кулагина И.Ю. Развитие мотивационной сферы подростков-сирот // Другое детство: Сб. тез. Второй Всероссийской научно-практ. конф. по психологии развития / Ред.: Л.Ф. Обухова, И.А. Корепанова. М., 2009. С. 35-37.

Матюшкина Е.Я. Учебный стресс у студентов при разных формах обучения//Консультативная психология и психотерапия, 2016,№2,с.47-63.(12)

Панкова Н.В. Эмоциональное благополучие и психологическое здоровье подростков из семей группы риска // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 4 (74). С. 148-151.

Подольский А.И., Карabanова О.А., Идобаева О.А. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования // Вестник Московского университета. 2011. № 2. С. 9-19.

Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков. Исследование «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC): международный отчет по материалам обследования 2009/2010 гг.». [Электронный ресурс]. Копенгаген, Европейское региональное бюро ВОЗ, 2012 г. [Политика здравоохранения для детей и подростков, № 6]. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/181551/E96444_part1-Rus.pdf (дата обращения: 19.09.2018).

Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. № 69. P. 719–727.

Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. P. 542–575.

Сведения об авторах.

Головей Лариса Арсеньевна, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра психологии развития и дифференциальной психологии, профессор, зав. кафедрой. Эл.адрес: lgolovey@yandex.ru

Данилова Марина Викторовна, кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра психологии развития и дифференциальной психологии, доцент. Эл.адрес: dan_m@mail.ru

STRUCTURE OF PSYCHOEMOTIONAL WELL-BEING OF ADOLESCENTS IN CONNECTION WITH THE SOCIAL SITUATION OF DEVELOPMENT

Golovey L.A., Danilova M.V.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Keywords: adolescence, development, social situation, psycho-emotional well-being

Abstract. In the article structure of psycho-emotional wellbeing is investigated, combining emotional characteristics (stable emotional states), parameters of subjective wellbeing, cognitive evaluation of different fields of life and intention to self-development. There were 4 groups of adolescents 14-17 in total 146 people in the research: orphans; boarding school children talented, living separately from their families; teenagers, living with families. The research shows that socialization conditions influence as level of psycho-emotional wellbeing as its structure. Orphans has less integrated structure where dominating role plays parameters connected with satisfaction of hedonistic needs. Adolescents living with families and boarding school living without families the key role plays intention to self-development.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ФОРМ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Воробьева К.А.

Институт психологии имени Л.С. Выготского, Российский Государственный университет,
Москва

Ключевые слова: подростковая агрессия, информационное пространство, социальные коммуникации, новые формы девиантного поведения, шоплифлинг, кибербулинг, геронтофобия, кибер-агрессия.

Аннотация: Активное развитие средств массовой коммуникации в корне изменило качественный, функциональный и модальный состав межличностных и социальных коммуникаций. Средства массовой коммуникации выполняют манипулятивно-управленческую функцию, влияя на наши культурные и социально-психологические ценности. Наиболее чувствительной и уязвимой категорией к информационному влиянию оказываются подростки. В статье рассматриваются новые формы девиантного поведения, возникшие в последние годы, которые постоянно увеличиваются в масштабах под влиянием современного информационного пространства. Фактически, изменилась социальная ситуация развития у современных подростков, что в свою очередь, требует от специалистов-практиков смежных наук, таких, как психология, педагогика, медицина значительного пересмотра и обновления имеющегося инструментария по выявлению подростков, склонных к девиации. Это необходимо для построения эффективной профилактической и психокоррекционной работы с подростками «группы риска» и их родителями.

Сегодня российское общество вошло в эпоху становления и динамичного развития новой информационной среды, основанной на широком использовании

электронных средств информационных коммуникаций различного рода. Информационная среда, в свою очередь, является системообразующим фактором жизнедеятельности всего общества, активно влияющим на состояние политической, экономической, культурно-духовной, социальной и других общественных сфер. Меняется весь образ жизни людей, и это, в свою очередь, вносит коррективы в структуру ценностных ориентации и мотиваций поведения личности. С одной стороны, новые информационные технологии способствуют повышению активности, энергии людей, расширяют возможности для развития творческих способностей личности. Но, с другой стороны, нельзя не обращать внимания и на негативное влияние вышеперечисленных факторов на формирование личности, особенно в подростковый период ее развития.

В настоящее время обращает на себя внимание целый ряд тревожных тенденций в поведении подростков. Современный подросток живет в очень непростое время. Напряженная, неустойчивая социальная, экономическая, экологическая, идеологическая обстановка, сложившаяся в настоящее время в нашем обществе, обуславливает рост различных отклонений в личностном развитии и поведении растущих людей.

Динамика развития характера социального взаимодействия, стремительное распространение новых форм коммуникации требует нового понимания нормы поведения и как следствие понимания отклонения от нормы (девиации).

Распространение и популяризация новых деструктивных моделей поведения в подростковой среде при современном уровне развития технических средств коммуникации происходит гораздо быстрее, чем научное и педагогическое сообщество реагирует на эти риски. Только за последние несколько лет появилось множество новых видов поведенческих девиаций: кибербуллинг, шоплифтинг, геронтофобия, кибер-агрессия и др. (Внебрачных, 2012).

Так, кибербуллинг (преследование, издевательство, унижение, оскорбление в социальных сетях и интернет-форумах) превратился в России в серьезную проблему всего за 5 лет (Черенков, 2015).

Другим социально-опасным феноменом является шоплифтинг – демонстрация в социальных сетях похищенных из магазинов товаров, при которой важна сумма похищенного. Тот подросток, который продемонстрирует в соответствующей группе в социальной сети фотографию похищенного на наибольшую сумму, повышает свой статус в этой группе, получает «уважение» и симпатию среди участников, выражающуюся в комментариях и «лайках». Это явление приобретает угрожающий масштаб (Черенков, 2015).

В последнее время широкое распространение получил еще один феномен так называемый секстинг, представляющий собой пересылку личных фотографий, сообщений интимного, зачастую непристойного содержания. С самого момента появления секстинг стал причиной юридических дискуссий и темой психологических и социологических исследований (Внебрачных, 2012).

Еще одна новая форма девиантного поведения среди молодежи геронтофобия – форма дискриминации, выражающаяся в неприязни к пожилым людям или боязнь собственного старения. Геронтофобия является тревожным психическим расстройством, которое характеризуется ненормальным, иррациональным и интенсивным страхом пожилых людей или собственной старости (нежелание выглядеть некрасивым, боязнь одиночества).

Кибер-агрессия имеет множество форм, основными из которых являются троллинг, кибермоббинг и астротурфинг (Внебрачных, 2012)

В наиболее общем виде явление троллинга характеризуется как процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки путём нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия. Троллинг, как агрессивная манипуляция ставит своей целью порождение ответной негативной реакции конкретной аудитории – от одного или нескольких пользователей до целых сетевых сообществ. Наибольшей опасностью в данной ситуации является несознательный перенос негативных эмоций «жертвы» тролля из виртуального мира, и последующее нарушение межличностной коммуникации в мире реальном (Heirman, W., Walrave, M., 2011).

Следующей формой кибер-агрессии является кибермоббинг, под которым понимают намеренные оскорбления, угрозы, диффамации и сообщение другим компрометирующих данных с помощью современных средств коммуникации, как правило, в течение продолжительного периода времени. В отличие от троллинга, где агрессия варьируется от скрытых провокаций до откровенных оскорблений, кибермоббинг выражается явно антисоциальными, насильственными действиями. Кибермоббинг является проблемой, грозящей психическому, эмоциональному, а иногда и физическому здоровью пользователей интернета. Результатом действий агрессора в данном случае может служить широкий диапазон последствий от избегания социальных контактов в реальной жизни до возникновения депрессивных состояний и суицидальных намерений (Gable R., Snakenborg J., Van Acker R., 2011).

Еще одной формой кибер-агрессии является астротурфинг, подразумевающий использование специального программного обеспечения либо специально нанятых и оплачиваемых пользователей для искусственного управления общественным мнением. Цели астротурфинга могут быть различны, от политических, экономических, идеологических, вплоть до радикальных и общественно опасных (пропаганда идей расизма, национализма, ксенофобии, насилия). Астротурфинг – это один из распространенных способов ведения информационных войн.

Вышеперечисленные виды кибер-агрессии и других видов девиаций в средствах массовой коммуникации не исчерпывают всех видов девиантного поведения в интернет-среде, однако, их опасность очевидна. Самую большую опасность при использовании интернета представляют анонимность размещения информации, невозможность контроля качества контента, скорость распространения информации. В этой связи, особый интерес представляет анализ как позитивных, так и негативных моделей социального поведения, которые распространяются через средства массовой коммуникации, поскольку это имеет прямое отношение к пониманию содержательного контекста и механизмов социализации.

Литература:

McAfee: исследование «Подростки за компьютером-2014: вопросы защиты личной информации, общения в социальных сетях и кибербуллинга» // Технологии в образовании: новости и события. // URL: <http://educationevents.ru/2014/06/19/mcafee-research-about-internet-safety-for-teens/>

«Онлайн и офлайн: откуда получают информацию россияне». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114345>.

Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. В. 1. С. 48-51.

Воробьева К.А. , Панфилова М.А. Влияние насилия в средствах массовой информации на формирование агрессивных установок личности подростка, Наука и образование, Сохраняя прошлое, создаем будущее, сборник статей XVI международной практической конференции, МЦНС Наука и просвещение, Пенза, 2018. С. 220-223.

Черенков Д.А. Девиантное поведение в социальных сетях: причины, формы, следствие // Nauka-rastudent.ru. – 2015. – No. 07 (19) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://nauka-rastudent.ru/19/2843/>

Gable R., Snakenborg J., Van Acker R. Cyberbullying: Prevention and Intervention to Protect Our Children and Youth // Preventing School Failure, 55(2), 88–95, 2011

Heirman, W., Walrave, M. Cyberbullying: Predicting Victimization and Perpetration / CHILDREN & SOCIETY VOLUME 25, (2011) pp. 59–72.

Сведения об авторе

Воробьева Ксения Андреевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, институт психологии имени Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия. E-mail: kseniaprimavera@mail.ru

MORDEN TRENDS IN THE FORMATION OF NEW FORMS OF DEVIANT BEHAVIOR OF TEENAGERS IN THE INFORMATION SPACE

Vorobyeva K.A.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky, Russian State Humanitarian University, Moscow

Keywords: adolescent aggression, information space, social communications, new forms of deviant behavior, shoplifting, cyber bullying, gerontophobia, cyber aggression.

Abstract: The active development of mass communication media radically changed the qualitative, functional and modal composition of interpersonal and social communications. The mass communication media performs a manipulative and managerial function, influencing our cultural and socio-psychological values. The most sensitive and vulnerable category to informational influence are teenagers. The article considers new forms of deviant behavior that have arisen in recent years, which are constantly increasing in scale under the influence of the modern information space. In fact, the social situation of development of modern teenagers has changed, which in turn requires from hands-on professionals of related sciences such as psychology, pedagogy, medicine, a significant revision and updating of existing tools to identify teenagers prone to deviation. This is necessary for building effective preventive and psycho-corrective work with and teenagers of the "risk group" and their parents.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ К СВЕРСТНИКУ В УСЛОВИЯХ НАРУШЕНИЯ ИМ ШКОЛЬНЫХ НОРМ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Глоба Н.В.

Институт психологии имени Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: эмпатия, нравственное развитие, отношение к сверстнику, задержка психического развития, младший школьный возраст.

Аннотация. Исследование посвящено изучению эмпатии к сверстнику у младших школьников с задержкой психического развития. Использовалась разработанная нами методика диагностики эмпатии к сверстнику в ситуациях, предполагающих нарушение им школьных норм, и ситуациях общения со сверстником, неблагополучие которого не связано с нарушением им школьных норм. Участвовали две группы испытуемых: дети с задержкой психического развития и нормально развивающиеся дети. Показано, что у младших школьников с ЗПР существуют как общие с нормально развивающимися детьми этого возраста, так и некоторые специфические особенности эмпатии. Общим для обеих категорий детей является то, что эмпатия по отношению к сверстнику в младшем школьном возрасте опосредована выполнением им школьных правил: дети демонстрируют менее выраженную эмпатию к сверстнику, нарушающему правила, чем в случае его поведения, соответствующего требованиям школы. Специфика эмпатии детей с ЗПР заключается (1) в наличии содержательных различий в проявлении эмпатии к сверстнику, не выполнившему школьную норму, и сверстнику, неблагополучие которого не связано с нарушением им школьных требований; (2) в отсутствии увеличения эмпатии к сверстнику, нарушившему норму, на протяжении младшего школьного возраста.

Тревожной тенденцией в современном цифровом обществе является снижение гуманности и нравственности в отношениях людей, что представляет собой важную социальную проблему (Прихожан, 2010). Одной из центральных характеристик, определяющих гуманное отношение к другому индивиду, является эмпатия. Практически общепризнанным является положение о том, что развитие эмпатии - одна из важнейших сторон формирования личности, обеспечивающая нравственное развитие (Гаврилова, 1977; Божович, 2008 и др.). В то же время эмпирические исследования проблемы взаимосвязи особенностей эмпатии и нравственного развития немногочисленны (Валантинас, 1988). Особую актуальность эта проблема приобретает в отношении детей с одной из самых распространенных проблем в психическом развитии – задержкой психического развития (Агавелян, 1999; Васильева, 1998 и др.). Наиболее интересным нам представляется анализ данного вопроса применительно к младшему школьному возрасту, который является сензитивным для нравственного развития, становления взаимоотношений с другими людьми, формирования децентрации, моральных чувств (Божович, 2008; Пиаже, 2006 и др.).

Исследование посвящено изучению проявления эмпатии к сверстнику в ситуациях, предполагающих нарушение им школьных норм, требований, правил, и ситуациях общения со сверстником, неблагополучие которого не связано с нарушением им школьных норм.

Отметим, что данный вопрос, являющийся частью более широкой проблемы взаимосвязи особенностей эмпатии и нравственного развития в младшем школьном возрасте, в известной нам литературе не ставился. Вместе с тем, практически все авторы отмечают, что нормально развивающихся младших школьников отличает «нормативно-оценочная ориентация», «нормосообразность», особое отношение к нормам, особенно школьным, представление об их абсолютной значимости, что значительно изменяет их отношение к другим детям. Конкретные исследования, посвященные изучению этого вопроса у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития, отсутствуют.

С целью изучения проявления эмпатии к сверстнику в ситуациях, предполагающих нарушение им школьных норм, требований, правил, и ситуациях общения со сверстником, неблагополучие которого не связано с нарушением им школьных норм, нами была разработана методика изучения эмпатии к сверстнику. Методика относится к числу методик проективного типа. Экспериментальный материал составляют блоки из 9 картинок и описывающих их незаконченных рассказов. Каждый блок представляет некоторую типичную для жизни младшего школьника ситуацию, в которой возможно проявление отклика на проблемы и переживания другого. Для изучения эмпатии к сверстнику используется восемь ситуаций (они составляют основную серию). На картинках изображено несколько персонажей, один из которых (ребенок) оказался в ситуации неблагополучия и испытывает по этому поводу негативные переживания. Черты лица и мимика присутствуют только в изображениях «страдающих» детей. Предъявление рисунка сопровождается рассказом (в устной форме, сформулированным в третьем лице), в котором описывается ситуация и эмоциональное состояние «страдающего» персонажа, провоцирующие проявление отклика на его неблагополучие. Испытуемому предлагается придумать ответные чувства персонажа-ребенка, наблюдающего неблагополучие другого. Процедура проведения соответствует стандартной для методик такого типа. При обработке результатов, прежде всего, проводилась квалификация каждого ответа испытуемого как «эмпатийного», «неэмпатийного» или «неопределенного». Затем на основании суммарных значений количества ответов соответствующего типа в целом по методике каждый испытуемый был отнесен к одной из трех групп: «эмпатийных», «неэмпатийных», «неопределенных». С целью более подробного анализа полученных материалов проводился анализ эмпатийных ответов по содержанию. Конкретно нас интересовала мотивационная обусловленность переживаний.

Участвовали две выборки детей младшего школьного возраста:

1. Дети с задержкой психического развития. При отборе испытуемых этой выборки мы ориентировались на то, что по рекомендации психолого-медико-педагогической комиссии они находились в классах и учреждениях для детей с нарушением данного вида;
2. Нормально развивающиеся школьники. В эту группу вошли учащиеся массовой школы, не имеющие трудностей в обучении и поведении, хронических соматических и психических заболеваний и не проявляющие признаков «минимальных мозговых дисфункций».

Основные результаты исследования:

1. Младшие школьники с ЗПР не отличаются от нормально развивающихся школьников по способности откликаться на неблагополучие сверстника, не зависимо от того, нарушил он школьные нормы или нет. Этот факт противоречит распространенным в литературе представлениям о том, что для детей с задержкой психического развития

характерно снижение способности к сопереживанию и сочувствию (Агавелян, 1999; Васильева, 1998 и др.).

2. Эмпатия по отношению к сверстнику в младшем школьном возрасте опосредована выполнением им школьных правил: дети с ЗПР, так же как и их нормально развивающиеся сверстники, демонстрируют менее выраженную эмпатию к сверстнику, нарушающему правила, чем в случае его поведения, соответствующего требованиям школы. Этот факт, на наш взгляд, может быть объяснен как повышенной значимостью подобных ситуаций в младшем школьном возрасте, приводящей к увеличению сосредоточенности на себе, снижению децентрации; так и тем, что значительную роль в затруднении эмоциональной отзывчивости на неблагополучие сверстника, нарушившего ту или иную школьную норму, играет свойственный большинству младших школьников моральный реализм (Пиаже, 2006). Этот вопрос, на наш взгляд, требует дополнительного изучения.

3. Специфика эмпатии младших школьников с ЗПР заключается в том, что качественные различия по проявлению эмпатии к сверстнику, не выполнившему школьную норму, и сверстнику, неблагополучие которого не связано с нарушением им школьных требований, обнаруживаются только у младших школьников с ЗПР и не выявляются у учащихся массовой школы. Младшие школьники с ЗПР в ситуациях невыполнения, нарушения сверстником школьных правил, требований (по сравнению с «ненормативными» ситуациями) достоверно чаще ориентируются на переживание неблагополучия другого как своего собственного. Можно предположить, что большая вовлеченность «Я» в «нормативных» ситуациях свидетельствует об их большей значимости для младших школьников с ЗПР.

4. Данные, полученные по развитию эмпатии, свидетельствуют о том, что в ситуациях, не предполагающих нарушение сверстником школьных норм, показатели эмпатии младших школьников с ЗПР, так же как и нормально развивающихся школьников относительно стабильны на протяжении всего рассматриваемого возрастного периода. Причем уже в начале младшего школьного возраста проявление эмпатии в таких ситуациях доступно около 2/3 детей обеих выборок.

5. Младшие школьники с ЗПР отличаются от нормально развивающихся школьников по развитию эмпатии к сверстнику, нарушившему норму. У детей с нормальным развитием на протяжении младшего школьного возраста происходит увеличение эмпатии к сверстнику, нарушившему то или иное школьное правило, норму. Этот факт, в целом, соответствует описанным в литературе общевозрастным закономерностям: уменьшение «нормосообразности», абсолютной значимости нравственных норм и увеличение направленности на сверстника к концу младшего школьного возраста, что делает детей более свободными по отношению к школьным правилам. В то время как показатели эмпатии детей с ЗПР в таких ситуациях относительно стабильны на протяжении младшего школьного возраста. Этот факт, по нашему предположению, может свидетельствовать о том, что у младших школьников с ЗПР (по сравнению с нормально развивающимися школьниками) развитие эмпатии идет более медленными темпами.

Таким образом, специфика эмпатии детей с ЗПР к сверстнику заключается (1) в наличии содержательных различий в проявлении эмпатии к сверстнику, не выполнившему школьную норму, и сверстнику, неблагополучие которого не связано с нарушением им школьных требований; (2) в отсутствии увеличения эмпатии к сверстнику, нарушившему норму, на протяжении младшего школьного возраста.

Литература

Агавелян О.К. Социально-перцептивные особенности детей с нарушениями развития. Челябинск: Изд-ль Т. Лурье, 1999.

Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.

Валантинас А.А. Взаимосвязь эмпатии и усвоения нравственных норм детьми младшего школьного возраста: Автореф. дис... канд. психол. наук. Киев, 1988.

Васильева Е.Н. Формирование эмпатии к сверстникам у старших дошкольников с ЗПР// Шестилетние дети: проблемы и исследования. Н.Новгород: НГПУ, 1998.

Гаврилова Т.П. Эмпатия и ее особенности у детей младшего и среднего школьного возраста: Дис... канд. психол. наук. М., 1977

Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка/ пер. с фр. В. Большакова. М.: Академический проект, 2006.

Прихожан А.М. Влияние электронной информационной среды на развитие личности детей младшего школьного возраста [Электронный ресурс]// Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 1(9).URL: <http://psystudy.ru>

Сведения об авторе

Глоба Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии; e-mail: globusnet@mail.ru

FEATURES OF EMPATHY TOWARDS A PEER IN PRIMARY SCHOOL AGE CHILDREN WITH DEVELOPMENTAL DELAYS IN HIS VIOLATION OF SCHOOL RULES

Globa N.V.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky, Russian State University for the Humanities, Moscow

Keywords: empathy, moral development, attitude to another person of the same age, developmental delay, primary school age

Abstract. The goal of the study was to examine empathy to another person of the same age in primary school age children with developmental delay. The method of diagnostics of empathy to the peer in violation and non-violation of school rules developed by us was used. Two groups of pupils participated in the study: children with developmental delays and normally developing children. The results show that children with developmental delays demonstrate some features that are common for normal children as well as empathy features that are characteristic of children with developmental delay. The common feature is empathy towards a peer in primary school age is mediated by the implementation of school rules: children demonstrate a less pronounced empathy towards a peer who violates the rules than in the case of his behavior corresponding to the requirements of the school. The features that are characteristic of children with developmental delay: (1) there are substantial differences in the manifestation of empathy to a peer who hasn't fulfilled the school norm and whose peer's disadvantage is not connected

with the violation of school requirements; (2) there is no increase in empathy for a peer who has violated the norm during primary school age.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Дьячук А.А., Окладникова В.Д.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», Красноярск (Россия)

Ключевые слова: социальный интеллект; пользователи социальных сетей; вовлеченность в социальные сети; социальный интеллект подростков.

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей социального интеллекта подростков, связанных с информационной социализацией, увеличением объема коммуникаций в социальных сетях и их трансформацией в результате использования «компьютерного» языка, расширения возможностей социоролевого экспериментирования, преобладанием вербального компонента. На основании выделенных Е.В.Тихомировой критериев с помощью анкеты были выделены подростки, вовлеченные в социальные сети. Установлено, что социальный интеллект вовлеченных пользователей отличается более высокими способностями к пониманию речи собеседника в контексте ситуации и мотивов поведения другого человека. Выявлено, что у вовлеченных пользователей развитие способности распознавать речь в контексте ситуации связано с развитием прогнозирования событий, а способность определять невербальные сигналы собеседника связана с развитием способности понимать мотивы поведения людей.

Социальные сети становятся частью жизненного пространства все большего количества пользователей. По данным исследовательского холдинга «Ромир» в 2015 г. в «молодёжной аудитории» этот показатель составил 98%. Особенности виртуальной среды приводят к изменению социального развития подростков, трансформации коммуникативных процессов, увеличению управляемой самопрезентации, изменению социоролевого опыта (Белинская, 2014), взаимодействия, в том числе и межпоколенческого (Солдатова, Рассказова, 2016). В связи с чем изменяются и способности восприятия другого, социальных явлений, прогнозирования межличностных ситуаций, формы и средства коммуникации и интеракции, которые являются составляющими социального интеллекта (Чеснокова, Субботский, 2010).

Вслед за Дж. Гилфордом социальный интеллект мы понимаем как систему интеллектуальных способностей, связанную с познанием социальных явлений, обуславливающих процессы прогнозирования межличностных ситуаций, интерпретации информации, а также поведение в обществе, готовность к социальному взаимодействию и принятию решений (Гилфорд, 1965).

В подростковом возрасте складываются субъективные и объективные предпосылки для активного развития социального интеллекта (Панова, 2011), развивается умение предвосхищать поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения, вербального содержания, не всегда учитывая сопровождающие их

невербальные реакции, что может приводить к напряженности в ситуации взаимодействия при неожиданном, нетипичном поведении других людей (Доржиева, 2016). Социальные сети с возможностью ролевого экспериментирования, предъявления разных форм самопрезентации могут выступать ресурсом развития социального интеллекта подростков, понимания разных моделей поведения.

С целью выявления особенностей социального интеллекта подростков, вовлеченных в социальные сети, было проведено эмпирическое исследование подростков (N=86) в возрасте от 13 до 15 лет.

Для выявления вовлеченных в социальные сети пользователей были применены критерии, выделенные в исследовании Е.В. Тихомировой: наличие аккаунтов в двух и более социальных сетях, регистрация в них более года, посещение своей страницы несколько раз в день и не менее пятидесяти друзей (фолловеров) (Тихомирова, 2015). Данные критерии были положены в основу анкеты «Я и социальные сети», на основе которых были выделены 42 вовлеченных и 44 невовлеченных пользователя.

Для вовлеченных в социальные сети пользователей значимыми целями посещения социальных сетей являются общение и просмотр ленты, на своей странице пользователи предпочитают публиковать фотографии, а также записи сообществ, что, возможно, определяет большое количество групп, в которые включен пользователь (среднее количество 208). В друзья предпочитают добавлять друзей, родственников и людей, с которыми, возможно, будет интересно общаться, что может свидетельствовать о значимости расширения социальных контактов, важности поиска друзей, интересных собеседников. Отмечают отсутствие выраженных трудностей в общении, как в непосредственном, так и виртуальном. В ситуации речевой провокации с целью эскалации коммуникативного конфликта в социальной сети (троллинга) испытывают обиду и разочарование в человеке, стараются не обращать внимания на произошедшее, и обращаются за поддержкой к друзьям и родственникам.

Невовлеченные в социальные сети посещают сети для общения, просмотра новостей и поиска информации (среднее количество сообществ 121). На своей странице пользователи предпочитают публиковать фотографии, музыку и записи сообществ. В друзья добавляют знакомых, друзей, родственников, людей, с которыми будет интересно общаться, в меньшей мере, всех желающих. Отмечают, что при непосредственном общении проще общаться, чем в виртуальной среде. В ситуации троллинга испытывают удивление, гнев и страх, при этом стараются не обращать внимание на произошедшее, склонны обращаться за поддержкой к друзьям, реже – к родственникам.

Изучение социального интеллекта осуществлялось с помощью теста «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда, модифицированного опросника социального интеллекта Тромсо для подростков (Наследов, Семенов, 2015).

В целом, в обеих группах преобладает средний уровень развития социального интеллекта. При этом распределение уровней компонентов интеллекта позволяет увидеть, что способность предвидеть последствия поведения в определенной ситуации представлено на низком уровне как у вовлеченных пользователей (61,9%), так и у невовлеченных (56,8%), что говорит о ситуативности поведения, сложности выделения причинно-следственных связей между своими поступками и реакцией окружающих. Способность к чтению невербальных сигналов, выделению существенных признаков в невербальных реакциях представлена на низком и среднем уровне (40,4% и 45,2% соответственно вовлеченных и 43,1% и 52,2% невовлеченных пользователей), что согласуется с результатами исследования В.В. Доржиевой (Доржиева, 2016) и можно рассматривать как возрастные особенности социального интеллекта. В обеих группах

преобладает низкий уровень понимания сложных ситуаций взаимодействия, реконструкции мотивов поведения других людей, изменения смысла ситуации при включении новых участников в коммуникацию (64,2% вовлеченных пользователей и 72,2% невовлеченных), высокий уровень не представлен ни в одной из групп. При этом на высоком уровне представлена способность понимания речи в социальном контексте (38,09% вовлеченных и 22,7% невовлеченных пользователей).

Результаты по методике Тромсо показали, что социальное осознание – восприимчивость к вербальным и невербальным проявлениям других людей, «социальная чувствительность» к их внутреннему миру, оценка своих трудностей во взаимоотношениях – представлена на среднем уровне (42,8% вовлеченных и 54,5% невовлеченных). Социальные навыки – способность вступать в новые социальные ситуации, умение решать социальные задачи, что приводит к лучшей социальной адаптации – также представлены преимущественно на среднем уровне (52,3% вовлеченных и 59,09% невовлеченных пользователей). Высокий уровень по данным шкалам представлен незначительно, но большая доля пользователей с высоким уровнем социальной осознанности и социальных навыков среди вовлеченных в социальные сети.

С помощью критерия Стьюдента были обнаружены значимые различия по субтесту «Вербальная экспрессия» опросника Гилфорда ($t=1,94, p=0,03$). У вовлеченных пользователей значения выше, что характеризует более сформированную способность понимать содержание сообщения в контексте ситуации, социального взаимодействия в силу наличия коммуникативного опыта, применения новых значений для выражения состояния, эмоций, отношения. Тенденция к достоверным различиям ($t=1,62, p=0,053$) выделена по способности к пониманию мотивов поведения (субтест 4 методики Гилфорда), у вовлеченных в социальные сети данная способность выше.

Для выявления структурных характеристик социального интеллекта был проведен корреляционный анализ с помощью коэффициента корреляции Пирсона r отдельно для каждой группы пользователей социальных сетей.

У вовлеченных в социальные сети пользователей-подростков были выделены положительные взаимосвязи между распознаванием речи в контексте ситуации и способностью прогнозировать развитие событий ($r=0,464, p<0,05$), способностью к определению невербальных сигналов и умением понимать мотивы поведения людей ($r=0,460, p<0,05$). Предвосхищение развития событий в социальном взаимодействии, поведения других соотносится с умением понимать значение сообщения, выделять его различные смысловые оттенки в разных ситуациях, при этом интерпретировать мотивы, намерения участников коммуникации по невербальным сигналам, т.е. умение распознавать вербальную и невербальную информацию, позволяет понимать особенности социального взаимодействия, реконструировать причины определенного поведения, предсказывать возможные действия. В связи с тем, что в социальных сетях невербальная информация, сопровождающая сообщение, представлена в виде знаков, символических обозначений, графического языка, статичных изображений и т.п., что затрудняет формирование компонентов социального интеллекта, связанных с невербальными аспектами поведения, дефицит невербальной информации затрудняет построение целостной картины ситуации взаимодействия. Однако коммуникативный опыт, получаемый в социальных сетях, помогает правильно понимать то, что люди говорят друг другу, расширить репертуар ролевого поведения.

В группе невовлеченных в социальные сети пользователей выявлены связи между социальными навыками и умением оценивать поведение других по невербальным проявлениям ($r=0,304, p<0,10$), а также с распознаванием особенностей социального

взаимодействия на основе понимания намерений, мотивов поведения других ($r=0,315$, $p<0,10$), которая связана со способностью реконструировать на основе невербальных сигналов состояний других участников ($r=0,353$, $p<0,10$). В данной группе важную роль в развитии социального интеллекта играет социальный опыт, ориентация в специфике социального взаимодействия, понимание интенций и предвосхищение реакций других участников взаимодействия, т.е. учет целостной ситуации общения. Возможно, неполнота характеристик социального взаимодействия в социальных сетях, либо сложность реконструкции всей ситуации на основе определенных сигналов приводит к меньшей вовлеченности подростков данной группы в социальные сети.

Таким образом, мы выделили следующую специфику социального интеллекта подростков, вовлеченных в социальные сети: во-первых, вовлеченные в социальные сети пользователи имеют более высокие способности к пониманию речи собеседника в контексте ситуации, к пониманию мотивов поведения другого человека по сравнению с невовлеченными пользователями. Во-вторых, большая выраженность вербальной экспрессии, которой отличаются вовлеченные пользователи, связана со способностью предвосхищать действия участников взаимодействия, а более выраженная способность вовлеченных пользователей понимать мотивы поведения других имеет связь развитием способности распознавать невербальные сигналы поведения.

Литература

Белинская Е.П. Информационная социализация в поликультурном пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т.3. Вып. 3(11). С.253–259.

Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта задач // СПб.: Психология мышления, 1965. 456 с.

Доржиева В.В. Об особенностях в развитии социального интеллекта подростков // Материалы международной научно-практической «Вопросы современной педагогики и психологии: свежий взгляд и новые решения» (г. Екатеринбург, 10 марта 2016 г.). Екатеринбург: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 203–205.

Наследов А.Д., Семенов В.Ю. Модификация шкалы социального интеллекта tromsø для российских школьников // Вестник СПбГУ. 2015. №4. С. 5–21.

Панова Н.В. Уровни развития основных компонентов социального интеллекта младших подростков // Интеграция образования. 2011. №2. С. 88–92.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей // Психологический журнал. 2016. Том 37. №6. С. 83–93.

Тихомирова Е.В. Особенности когнитивной оценки включенности в виртуальное сообщество субъектами интернет-общения // Известия Саратовского ун-та. 2015. №1. С. 66–69.

Чеснокова О.Б., Субботский Е.В. Социальный интеллект в условиях сложных социальных систем // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. Т.4. С. 22–29.

Сведения об авторах.

Дьячук Анна Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», доцент кафедры психологии, dzanna@mail.ru

Окладникова Валерия Дмитриевна, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», магистрант I курса психолого-педагогического образования, Sireno13@yandex.ru

FEATURES OF SOCIAL INTELLIGENCE OF TEENAGERS AT ENGAGEMENT OF SOCIAL NETWORK

Diachuk A.A., Okladnikova V.D.

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk (Russia),

Key words: social intelligence; social networks; engagement of social networks; social intelligence of teenagers

Abstract. Changes in the social intelligence of teenagers as a result the increasing spread of «computer» language, changes in their socio-role-playing experience and the predominance of the verbal component in communication are considered in the article. Information socialization, increasing the volume of communication in social networks and their transformation are among these changes. Indicators of E.V. Tikhomirova were presented in the questionnaire, which defined teenagers on engagement of social networks. Social intelligence of the engagement users is characterized by higher abilities to understand the interlocutor's speech in the context of the situation and motives of another person's behavior. It is revealed that the development of the ability to recognize speech in the context of the situation is associated with the development of forecasting events, and the ability to determine non-verbal signals of the interlocutor is associated with the development of the ability to understand the motives of people's behavior.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО НОРМАТИВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Изотова Е.И.

ФГБОУ ВО МПГУ, заведующий кафедрой возрастной психологии, г. Москва

Ключевые слова: социокультурный норматив выражения эмоций, табуирование (ограничение) экспрессии, стимулирование экспрессии, эмоциональные коды.

Аннотация. В статье рассматриваются пути формирования норматива выражения эмоций - табуирование и стимулирование экспрессии как основного эмоционального кода, характерного для определенных социокультурных контекстов социализации личности в детском и подростковом возрастах. Формулируется понятие социокультурного норматива переживания и выражения эмоций, включающего и инструменты оценки его влияния на эмоциональное поведение личности. Описаны различия социокультурных нормативов для культур, имеющих специфику сценариев эмоционального поведения: стимулирующий экспрессивное поведение и табуирующий интенсивное выражение эмоций.

Согласно концептуальным позициям и высказываниям различных исследователей в области этнопсихологии и социальной психологии, существуют культурные различия

эмоциональной реальности личности. Прежде всего, они имеют отношение к стереотипам восприятия и переживания эмоций, их выражению и контролю экспрессии (Мацумото, 2002).

Очевидно, что преобразование выразительных движений человека происходит преимущественно под влиянием среды, так как согласно нейрокультурной теории экспрессии П.Экмана между переживанием эмоции и ее выражением встраивается элемент культурного социального научения и социальных обстоятельств (Ekman, 1978).

Основываясь на положениях данной теории, П.Экман с коллегами предложили концепт культурных правил выражения универсальных эмоций, усваиваемых в раннем возрасте и автоматизирующихся к зрелости. Данный концепт получил эмпирическое обоснование в их дальнейших исследованиях, что подтвердило факт двойного влияния универсальных, биологически врожденных факторов и специфических для данной культуры усвоенных правил в мимическом выражении эмоций.

В рамках когнитивно-аффективных теорий эмоций также рассматривается связь социальных эмоций с символами и обычаями, при этом функция символов – сигнализировать о наличии аффекта, а обычаи являются носителями культурно-обусловленных способов выражения эмоций.

К проблеме культурной обусловленности психики обращался и отечественный исследователь Г.Г.Шпет. С его точки зрения, типичные для данной группы или народа переживания в процессе социализации и аккультурации входят в личные переживания в виде определенных символов или знаков, не всегда осознаваемых ребенком. Именно так Г.Г.Шпет понимал принцип обусловленности психики факторами культуры применительно к эмоциональной сфере личности (Шпет, 1996а).

В отношении индивидуального и коллективного (личность и общество) Г.Г.Шпет определял индивида как коллектив переживаний, где его личные переживания предопределяются всей массой апперцепции, составляющей коллективность переживаний его рода: как современников, так и предков.

Далее, анализируя динамику изменения переживаний людей в зависимости от времени и места проживания, Г.Г.Шпет приходит к выводу о том, что оно складывается из присвоения известных исторических и социальных взаимоотношений и противопоставления их другим народам (Шпет, 1996б).

Для интерпретации понятия «социокультурный норматив» эмоционального поведения мы использовали концептуальные позиции ряда зарубежных исследователей в области социализации эмоций детей, в частности С.Л.Гордона, К.Саарни, П.Л.Харриса, которые отмечают значимую роль запретов и ритуалов (пост, молитва, идеи верования и пр.) относительно овладения чувствами в религиозных культурах.

Еще один акцент на этническом своеобразии эмоционального поведения сделал Н.А.Лойко. В результате своих экспериментальных исследований он пришел к выводу о том, что эмоциональный компонент гораздо дольше сохраняет в себе этническое начало или этническое опосредование. Тем самым процессы восприятия, эмоционального сопереживания и понимания обозначаются разной системой кодирования, тесно связанной с формой жизнедеятельности этноса, его практическим опытом, повсеместным влиянием обучения, глобальными межэтническими контактами (Андреева, 1984).

Важным добавлением к пониманию структуры социокультурного норматива является для нас обозначенное Ю.В.Бромлеем условие возникновения и

функционирования этноса. В его качестве он признает географическую среду, определяющую характер хозяйственной деятельности, содержание и формы материальной и духовной культуры и отражающуюся в самосознании народа (Бромлей, 1983).

Таким образом, в качестве *социокультурного норматива переживания и выражения эмоций (эмоционального поведения)* мы рассматриваем совокупность норм и правил эмоционального отреагирования на различные ситуации и объекты, экспрессивные стереотипы выражения эмоций, в том числе их динамичность и интенсивность, а также комплекс запретов (табуирования) и поощрения к переживанию и выражению эмоций / чувств различной модальности, характерных для этнической группы, проживающей в определенных географических и социокультурных условиях (Изотова, 2017).

Для каждой этнической группы, погруженной в специфическую социокультурную ситуацию, существует характерный для нее норматив эмоционального поведения в сочетании с инструментом контроля за выполнением заложенных в норматив правил и стереотипов.

Так, культуры ориентированные на философию, религию, традиционализм и активно их транслирующие в повседневности демонстрируют высокий социальный контроль и регуляторы поведения, в том числе эмоционального. При этом более выраженное воздействие социокультурного норматива на эмоциональное поведение детей и подростков можно наблюдать в культурных контекстах табуирующих и поощряющих экспрессивное поведение в коммуникации и взаимодействии.

К примеру, основным принципом буддизма выступает причинность (понимание непостоянства, подготовки к реинкарнации, кармы и страданий, создаваемых человеком своим телом, речью и умом). Отсюда гнев рассматривается как мотивация для создания негативной кармы, а развитие сострадания напрямую связано с его преодолением (Гармаева, 2006). Следовательно, в семьях с традиционным для данной культуры укладом, проявление гнева активно табуируется, а проявление эмпатии поощряется

Напротив, культуры стимулирующие эмоциональные проявления (испанцы, греки, итальянцы) воспринимают дозированную экспрессию как осознанное дистанцирование личности, нежелание приобрести статус «принятого» в данной социальной группе. В этом случае, отсутствие надлежащего экспрессивного ответа интерпретируется физической или психологической несостоятельностью.

В обоих случаях социокультурный норматив формирует эмоционально-коммуникативную компетентность личности, специфическую для данного социального пространства. По этой причине он выступает в качестве фактора, определяющего социокультурные особенности эмоциональной социализации.

Литература

Андреева Г.М. (Ред.). Этническая психология: Этнические процессы и образ жизни людей. М.: РУДН, 1984.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Гармаева Т.В. Сравнительный анализ развития эмоций у русских и бурятских детей старшего дошкольного возраста: дис. ... канд. психол. наук. Психологический институт Российской академии образования, Москва, 2006.

Изотова Е.И. Социокультурная вариация модели эмоционального развития в детском и подростковом возрастах. Психологические исследования, 2017, 10(55), 12. <http://psystudy.ru>

Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.

Шнет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Алетейя, 1996а.

Шнет Г.Г. Психология социального бытия. М.: Институт практической психологии, 1996б.

Ekman P. Facial expression. In: A. Siegman, S. Feldstein (Eds.), *Nonverbal Communication and Behavior*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Association, 1977. pp. 97–126.

Сведения об авторе.

Изотова Елена Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой возрастной психологии, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, 119991 Москва, Россия. E-mail: teoretic@mail.ru

TO A PROBLEM OF FORMATION OF THE SOCIOCULTURAL STANDARD OF EXPRESSION OF EMOTIONS AT CHILDREN AND TEENAGERS

Izotova E.I.

Moscow State Pedagogical University, head of the department of Developmental psychology,
Moscow

Keywords: sociocultural standard of expression of emotions, restriction of an expression, stimulation of an expression, emotional codes

Abstract. In article tools of formation of the standard of expression of emotions - restriction and stimulation of an expression as the main emotional code characteristic of certain sociocultural contexts of socialization of the personality at children's and teenage age are considered. The concept of the sociocultural standard of the experience and expression of emotions including and tools of assessment of his influence on emotional behavior of the personality is defined. Distinctions of sociocultural standards for cultures having specifics of scenarios of emotional behavior are designated: stimulating expressional behavior and tabooing intensive expression of emotions.

ОСОБЕННОСТИ ТРЕВОЖНОСТИ И КОПИНГА В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Мусаева Ф.Ц., Федунина Н.Ю.

МГППУ, Москва

Ключевые слова: тревожность, копинг, младшие школьники, стратегии совладания.

Аннотация: В работе рассматриваются особенности тревожности и копинга в младшем школьном возрасте. Использовались методика А.М. Прихожан детский вариант шкалы явной тревожности СМАС и опросник копинг-стратегий И.М. Никольской и Р.М. Грановской, рисунок «Неприятная ситуация и как я с ней справляюсь». Выборку составили 174 ученика 1-4 классов московской школы. Показано, что наиболее высокий процент случаев высокой и критической тревожности наблюдается у учащихся 1-х классов (27,1%). Учителя склонны приуменьшать уровень тревожности учащихся. Выдвигается предположение о недооценке учителями длительности адаптации первоклассников к школе. Второй всплеск тревожности отмечен в четвертом классе. Младшие дети чаще используют копинг-стратегии, связанные с агрессией, эмоциональным отреагированием, игровой деятельностью и стремлением к физиологическому восстановлению (сон, еда). К четвертому классу возрастает частота использования аутоагрессивных стратегий и использования внешних средств (интерес к копинг-объектам).

Повышение темпа жизни, стремительные преобразования социальной, образовательной, информационной сферы, направленность на как можно более раннее развитие интеллектуальных знаний и умений, дефицит игровой деятельности приводит к росту требований и ожиданий от младших школьников, к которым дети зачастую оказываются не готовыми. Неудивительно, что по данным зарубежных коллег тревожные расстройства сегодня являются наиболее распространенными психическими расстройствами среди детей и могут приводить к значительным нарушениям в успеваемости, в отношениях со сверстниками и в семье (Silver et al., 2013). Показано, что дети с высоким уровнем тревожности переживают значимо больше стрессовых ситуаций, а их стратегии совладания со стрессом и фрустрацией чаще оказываются дезадаптивными (Legerstee et al., 2009).

Как меняется уровень тревожности детей на протяжении младшей школы, какие стратегии совладания дети применяют для того, чтобы справиться со стрессом, тревогой, фрустрацией? Эти проблемы рассматривались на выборке московских школьников: 174 ученика (77 (44,7%) мальчиков и 97 (55,7%) девочек). 49 учеников 1 класса, 42 ученика 2 класса, 36 учеников 3-го класса, 47 учеников 4-го класса. Для оценки уровня тревожности использовалась методика А.М. Прихожан детский вариант шкалы явной тревожности СМАС, разработанный для детей 7-12 лет. Копинг-стратегии исследовались с помощью опросника копинг-стратегий (И.М. Никольская, Р.М. Грановская, 2006), рисунок «Неприятная ситуация и как я с ней справляюсь». Обследование проводилось в феврале-марте 2018 года.

Было показано, что наименьший уровень тревоги в данной выборке наблюдается у третьеклассников. 80,5% учащихся попадают в категорию низкой и умеренной тревожности. Несколько ниже процент учеников 2-х классов, чьи показатели относятся к 1-3 группам, а именно 71,4%. Первоклассники и четвероклассники показали менее благополучную картину. В зону низкой и умеренной тревожности попали 54,2% первоклассников и 61,7% четвероклассников. Причем практически треть первоклассников (27,1%) оказались в группе риска по уровню тревожности. Эти данные могут свидетельствовать об остроте протекания кризиса начала школьного возраста, адаптации к школе (даже несмотря на то, что тестирование проводилось в марте месяце, т.е. через полгода после начала учебного процесса). Интересно, что оценка учителями уровня тревожности учеников существенно отличалась от данных самоотчетов школьников. Можно предположить, что может существовать достаточно сильное несоответствие между восприятием уровня тревожности ученика учителем и реальным

положения дел. Возможно, обсуждение с учителем признаков тревожности и способов ее снижения может сделать педагога более чувствительным к состоянию детей, а психологический климат обучения более благоприятным. Преобладающим является представление о низком уровне тревожности у учеников (являющимся необходимым фоном адаптации и продуктивной деятельности, по А.М. Прихожан) (Прихожан, 1995).

Были выявлены значимые различия по ряду копинг-стратегий.

1) Первоклассники больше ориентированы на другого (как в плане «поговорить с другим», так и с точки зрения направления агрессии (большее распространение стратегии «дразню кого-то»), тогда как к четвертому классу возрастает значимость «я» как субъекта совладания. Возможно, одним из следствий этого процесса является также перенос на себя агрессии, рост аутоагрессивного поведения (кусаю губы, грызу ногти и пр.).

2) Формы поведения, связанные с игрой, рисованием, физической активностью от первого к четвертому классу значимо снижаются по частоте использования.

3) От первого к четвертому классу существенно снижается использование импульсивных стратегий отреагирования, таких как драка, насмешки; ненаправленных (схожу с ума, плачу, воплю), а также стратегий, отражающих опору на базовые функции (еда, питье, сон). Однако остается неизменной более или менее легализованная в культуре практика эмоционального отреагирования – бросать, бить, разбивать вещи.

4) Анализ рисунков показал повышение с возрастом интереса к копинг-объектам (игрушкам анти-стресс и прочим объектам, облегчающим совладание со стрессом).

Кроме того, было показано, что в целом дети с повышенной и высокой тревожностью значимо более склонны прибегать к копинг-стратегиям, связанным с базисными телесными потребностями (еда, питье, сон), эмоциональным отреагированием (воплю, плачу, схожу с ума), а также когнитивным стратегиям разговора с собой (возможно, в форме руминации).

Таким образом, были выявлены паттерны изменения уровня тревожности и копинга у детей на протяжении младшего школьного возраста. Отметим, однако, что опросник копинг-стратегий должен быть модернизирован в соответствии с сегодняшней реальностью. Так, в него не входят столь излюбленные стратегии совладания, как игра в компьютер, телефон, использование игрушек «антистресс» и др., о которых часто упоминают испытуемые.

Литература

Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. И.М. Никольская, Р.М. Грановская. – Спб.: Речь, 2006 – С.507.

Прихожан А.М. Детский вариант шкалы явной тревожности (СМАС) // Иностранная психология, 1995, № 8, С. 64 – 67.

Legerstee J.S., Garnefski N., Jellesma F.C., Verhulst F.C., Utens E. Cognitive coping and childhood anxiety disorders. // *European Child & Adolescent Psychiatry* 19, 2009, 2, pp. 143-150.

Silver G., Shapiro T., Milrod B. Treatment of Anxiety in Children and Adolescents: Using the Child and Adolescent Anxiety Psychodynamic Psychotherapy (CAPP) Therapy // *Child Adolesc Psychiatr Clin N Am.* 2013 January; 22(1): 83–96.

Сведения об авторах

Федунина Наталья Юрьевна, к.п.н., ведущий научный сотрудник, МГППУ, Центр экстренной психологической помощи, fm50@list.ru

Мусаева Фариза Цицоевна, магистрант Факультета социальной психологии МГППУ, fm50@list.ru

ANXIETY AND COPING IN ELEMENTARY SCHOOL CHILDREN

Musaeva F.Ts., Fedunina N.Yu.

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow

Keywords: anxiety, coping, elementary school,

Abstract. The paper deals with the patterns of anxiety and coping in elementary school children. The scale of explicit anxiety by A.M. Prihozhan and a questionnaire of coping strategies by Nikolskaya and Granovskaya together with a picture of unpleasant situation and coping were administered in the sample of 174 students of 1-4 grades in Moscow schools. The highest percent of high and critical levels of anxiety was noted in the 1-st grades (27,1%). Teacher had a tendency to underestimate the level of anxiety, that might demonstrate underestimation of duration of the process of adaptation to school. The second rise of anxiety is marked in the 4th grade. Younger children more often use the strategies, connected with aggression, emotional abreaction, play, physical restoration. By the 4th grade there is a significant increase of auto-aggressive ways of coping, and the interest and conscious usage of coping-objects.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ

Хузеева Г.Р., Калинина М.И.

Институт психологии имени Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: социокультурная идентичность, подростки и юноши, транзитивное общество.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования динамики изменений социокультурной идентичности у подростков и юношей. Полученные результаты показывают, что социокультурная идентичность трансформируется в различных направлениях. В структуре социальной идентичности развитие идет в направлении: от осознания своей принадлежности к формальным группам к осознанию принадлежности к значимым группам, связанным с межличностными отношениями и реализацией перспективы будущего. Развитие восприятия ингруппы и аутгруппы идет в направлении от высокой эмоциональной напряженности при восприятии своей и чужой групп к большей эмоциональной стабильности, от ориентации на внешние характеристики к

ориентации на более широкий круг и внутренние характеристики при восприятии других групп.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения динамики процесса развития социокультурной идентичности подростков в условиях транзитивности современного общества. Изменения происходят в содержании социальной идентичности подростков и в восприятии ими социальной действительности.

В своей работе мы опирались на идеи Т.Д. Марцинковской, Е.П. Белинской, Е.М. Дубовской о возможностях и трудностях формирования идентичности в современном транзитивном обществе (Марцинковская, 2015), а также на исследования механизмов межгруппового восприятия Т.Г. Стефаненко (Стефаненко, 1987).

В исследование приняли участие 100 человек. Из них 60 юношей, студентов Московского Государственного Педагогического Университета 20-22 лет и 40 подростков (ГБОУ Школа №121 ЮЗАО) 14-15 лет.

Задачами исследования стало выявление особенностей структуры социокультурной идентичности, значимости групп межличностного общения, а также рассмотрение динамики развития межгруппового восприятия у подростков и юношей.

Особенности структуры социальной идентичности у подростков и юношей (методика «Структура социальной идентичности» (Марцинковская, Дубовская, 2016)

В структуре социальной идентичности у подростков и юношей наиболее значимое место занимает семья, что подтверждает результаты современных исследований о том, что в ситуации нестабильности и изменчивости современного общества возрастает значимость семьи. После семьи, подростки выделяют, как наиболее значимую группу – группу интересов, юноши выделяют половую принадлежность. Данные результаты можно объяснить характером возрастных задач двух возрастных групп.

Наблюдается тенденция того, что у подростков в структуре социальной идентичности более высокую значимость имеют формальные группы. Такие как гражданская, национальная принадлежность, место жительства. При этом у юношей большее значение имеют группы, которые включены в реализацию перспективы будущего, такие как пол, интересы, профессиональная принадлежность.

Методика «Референтные группы» (Марцинковская, Дубовская, 2016)

Структура групп, связанных с межличностными контактами по степени значимости у юношей и подростков не отличается: семья, родственники, друзья. При этом степень выраженности значимости всех групп у юношей выше, чем у подростков. То есть, у юношей отмечается более выраженное чувство общности и принятия групп, связанных с межличностными отношениями.

Особенностью подросткового возраста является принадлежность широкому кругу социальных групп. При этом степень значимости социальных групп с возрастом повышается, а их круг сужается. Происходит более тесное взаимодействие внутри групп, возрастает значимость групп межличностного общения.

Особенности межгруппового восприятия у подростков и юношей (авторская методика «Свои-Чужие» (Марцинковская, Дубовская, 2016).

В описание «своей» этнической группы и подростки и юноши чаще используют положительные характеристики (в среднем 55%). В описание «чужих» этносов у юношей преобладают нейтральные характеристики (55%), тогда как у подростков данный показатель составляет только 33%. Большинство определений подростков имеют либо

отрицательный характер (40% ответов), либо положительный (27%). Восприятие «чужих» групп у подростков отличается более выраженной эмоциональной напряженностью и амбивалентностью, подвижностью, тогда как восприятие «своих» и «чужих» у юношей отличается менее напряженным и более нейтральным характером. При восприятии «чужих» этносов подростки опираются на внешние характеристики (манера поведения, коммуникативные способности), тогда как юноши чаще отмечают более широкий круг характеристик, при этом выделяя в большей степени внутренние характеристики (язык, ценности, традиции). Восприятие межгрупповых отношений у юношей более дифференцировано.

Таким образом, социокультурная идентичность развивается в направлении:

- от осознания своей принадлежности к формальным группам к осознанию принадлежности и значимости групп, связанных с межличностными отношениями;
- от высокой эмоциональной напряженности при восприятии своей и чужой групп к большей эмоциональной стабильности;
- от ориентации на внешние характеристики к ориентации на более широкий круг и внутренние характеристики при восприятии других групп, то есть большей дифференцированности при восприятии этнической принадлежности.

Литература:

Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. - Москва: Смысл, 2015

Социализация в мультикультурном пространстве: Методическое пособие / Т.Д.Марцинковская, Е.М.Дубовская. М.:МПГУ, 2016

Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987

Сведения об авторах.

Хузеева Гузелия Рифкатовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Института психологии им.Л.СВygотского РГГУ, Миусская площадь, д.6, Москва, Россия. E-mail: guzeliya.h@yandex.ru

Калинина Марина Игоревна, магистр психологии, Москва. E-mail: poluboyarova@gmail.com

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF SOCIOCULTURAL IDENTITY IN TEENAGERS AND YOUNG MEN

Huzeeva G.R., Kalinina M.I.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky Russian State Humanitarian University, Moscow

Keywords: sociocultural identity, teenagers and young men, transitive society

Summary: Results of a research of dynamics of changes of sociocultural identity at teenagers and young men are presented in article. The received results show that the sociocultural identity

is transformed in various directions. In structure of social identity development goes in the direction: from understanding of the belonging to formal groups to understanding of belonging to the significant groups connected with the interpersonal relations and realization of prospect of the future. Development of perception of an ingroup and outgroup goes in the direction from high emotional tension at perception personal and others' groups to bigger emotional stability, from orientation to external characteristics to orientation to more wide range and internal characteristics at perception of other groups.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДРОСТКИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Гребенникова О.В.

ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва

Ключевые слова: транзитивное общество, подростки, социализация, толерантность, неопределенность

Аннотация. В настоящее время в самостоятельную жизнь входят подростки, социализация которых происходит в меняющихся условиях транзитивного общества. Наше эмпирическое исследование было направлено на изучение толерантности к неопределенности у современных подростков. Результаты показали, что современные подростки недостаточно адаптивны и уверены в себе, могут терять самообладание в ситуациях, когда не ясна суть происходящего или не ясен исход дела, когда не определены цели и ожидания, что свидетельствует о недостаточной толерантности к неопределенности. Большинство современных подростков в транзитивном обществе констатируют высокие показатели энергичности, повышенного жизненного тонуса; умеют находить выходы из сложных ситуаций, обращаться к новым источникам для решения новых проблем; верят в успех, стремятся фиксироваться не на проблемах, а на возможностях их решения. Предприимчивость в ситуации неопределенности способны проявлять небольшое количество подростков.

Неопределенность современной социальной ситуации связана с трудностями социально-психологической адаптации к постоянно меняющимся условиям, а сама непредсказуемость социальных условий может приводить к усилению эмоциональной напряженности, невротизации детей и подростков, особенно в условиях жестко заданных и контролируемых взрослыми ситуациями (Социализация в мультикультурном пространстве, 2016). В условиях транзитивного общества процесс социализации приобретает принципиальную противоречивость (Дубовская, 2014). Новая ситуация транзитивности характерна для всех поколений, хотя, конечно, наиболее значимой становится для молодежи и подростков. При этом молодыми людьми, детьми транзитивность осознается как естественная ситуация, в которой происходит процесс их взросления и вхождения в окружающий мир (Марцинковская, 2015).

Цель эмпирического исследования: определение толерантности к неопределенности у современных подростков. Диагностический инструментарий: методика определения толерантности к неопределенности (адаптация Н.А. Бажановой и Г.Л. Бардиер). Выборка: подростки 14-16 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях г. Москвы в количестве 60 человек.

По результатам эмпирического исследования, нами были сделаны следующие выводы:

1. Большинство современных подростков в транзитивном обществе констатируют высокие показатели энергичности, повышенного жизненного тонуса; умеют находить выходы из сложных ситуаций, обращаться к новым источникам для решения новых проблем; верят в успех, стремятся фиксироваться не на проблемах, а на возможностях их решения.
2. Предприимчивость у современных подростков занимает средние показатели.
3. Современная ситуация неопределенности показывает, что современные подростки недостаточно адаптивны и уверены в себе, могут терять самообладание в ситуациях, когда не ясна суть происходящего или не ясен исход дела, когда не определены цели и ожидания, что свидетельствует о недостаточной толерантности к неопределенности.

Литература

Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С.7.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С.1.

Социализация в мультикультурном пространстве: Методическое пособие / Т.Д. Марцинковская, Е.М. Дубовская [и др.] – М.: МПГУ, 2016.

Сведения об авторе.

Гребенникова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии подростка Психологического института РАО, г. Москва / grebennikova577@mail.ru

MODERN TEENAGERS IN THE TRANSITIVE SOCIETY: TOLERANCE FOR UNCERTAINTY

Grebennikova O.V.

FGBNU "Psychological Institute of Russian Academy of Education", Moscow

Key words: transitive society, teenagers, socialization, tolerance, uncertainty

Abstract. Currently, an independent life, which includes adolescents, the socialization which occurs in a changing environment of transitional societies. Our empirical research was aimed at the study of tolerance to uncertainty in modern adolescents. The results showed that modern adolescents are not sufficiently adaptive and confident, can lose their temper in situations where the essence of what is happening is not clear or the outcome is not clear, when goals and expectations are not defined, which indicates a lack of tolerance for uncertainty. Most of today's adolescents in a transitive society state high rates of energy, increased vitality; are able to find

ways out of difficult situations, to turn to new sources to solve new problems; believe in success, seek to fix not on the problems, but on the possibilities of their solutions. Entrepreneurship in a situation of uncertainty can show a small number of adolescents.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ В INSTAGRAM

Юрченко Н.И.

Психологический институт РАО, Москва

Ключевые слова: самопрезентация, социальная сеть, Интернет, Instagram, идентичность, подростки.

Аннотация. Описывается потребность самопрезентации в социальных сетях. Отмечается, что самопрезентация в виртуальном пространстве актуализирует позитивную самооценку, а также что презентация в разных социальных сетях может отличаться. В статье мы рассматриваем самопрезентацию подростков в пространстве Instagram. Проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 19 подростков, изучающих английский язык как дополнительный или с помощью репетитора и курсов иностранного языка, или самостоятельно. Мы изучили их профили в Instagram. Выяснили, что наиболее важный и эффективный способ демонстрации желаемого образа Я – это свои собственные фотографии, а также фотографии «Я + кто-то». Соответственно, наиболее выражены личностная (персональная) и групповая идентичности. Анализ постов под фотографиями показал, что чаще всего подростки пишут краткий текст. 38% из этих текстовых постов написаны на английском языке или с использованием некоторых слов или фраз английского языка, что свидетельствует о презентации лингвистической идентичности в сети этой группы подростков.

Современный мир диктует необходимость использования Интернета: в частности, мессенджеров и социальных сетей. Активное их использование ведёт к потребности презентовать себя в виртуальном пространстве. Вне зависимости от того, в каком именно пространстве у индивидуума возникает необходимость себя презентовать, процесс презентации себя всегда осознанный, он демонстрирует желаемый образ Я (Leary et al., 2001; Белинская, Вознесенская, 2016; Белинская, Гавриченко, 2018). По мнению Белинской Е.П. и Гавриченко О.В., «самопрезентация в социальных сетях, как правило, носит более осознанный и разнообразный характер, а ее содержание зависит от социальных норм конкретной социальной сети». Довольно важный аспект самопрезентации – актуализация положительной самооценки (Майерс, 2010). Согласно исследованиям Шерри Тёркл, презентация себя в виртуальном пространстве в большей степени помогает повысить уровень самооценки, нежели презентация в реальной жизни (Turkle, 1997).

Презентуемая информация в разных социальных сетях часто отличается. Например, в социальной сети ВКонтакте можно опубликовать информацию о дате и месте рождения, месте проживания, о семейном положении, образовании, родственных связях и многое другое. На платформе Instagram отсутствуют шаблоны для введения подобных анкетных данных; там пользователь имеет возможность сам решить, какую информацию он хочет о себе предоставить. Вероятно, поэтому Instagram считается

наиболее творческой площадкой. Он предлагает только обязательное введение никнейма, а также дополнительное написание имени пользователя и отрасли его деятельности. Остальная информация юзерами вводится согласно желанию и фантазии. Современные исследователи указывают, что часто по тому, какую социальную сеть предпочитает человек, «можно судить и о его интересах, и о группе идентичности, и, наоборот, можно на основании групповой идентичности предположить направление информационной социализации» (Голубева, Марцинковская, 2011; Гребенникова, Пархоменко, 2013).

Стоит отметить, что именно подростки пользуются Интернетом более активно. Для них наличие выхода во всемирную паутину Интернет из любой точки мира является нормой жизни, а также не представляет никаких трудностей при использовании электронных средств массовой информации, что нельзя сказать о представителях старшего поколения. Именно Интернет у современных подростков является в последние годы основным источником получения информации (Голубева, Марцинковская, 2011).

Важно подчеркнуть, что в настоящее время увеличивается число проявлений нарративной идентичности, так как в межличностных контактах увеличивается процент рассказов о себе, а не предъявления себя в действии, в том числе и групповом (Андреева, 2012). Развитие Интернета и сетевого общения способствует этому увеличению. Возможность активного самоподтверждения и самопрезентации снижают роль борьбы идентичностей и, частично, ухода. При этом сетевые сообщества, с одной стороны, дают возможность гибкой и позитивной социализации, с другой – предлагают варианты «игры» со своей идентичностью, то есть возможности попробовать себя в разных масках, разных ролях, что повышает осознанность и ролевого репертуара, и своего исполнения разных ролей (Марцинковская, Юрченко, 2016).

Среди подростков наибольшей популярностью из ныне существующих виртуальных сетей в последнее время пользуется сервис Instagram. Мы провели небольшое пилотажное исследование, в котором попросили школьников старших классов ответить на некоторые вопросы. Предполагалось, что из участников мы выберем только тех, кто в качестве наиболее часто используемой социальной сети выберет Instagram – ими оказались все респонденты. Из этого числа мы выбрали 8 подростков, изучающих английский язык с репетитором, 5 – обучающихся на курсах английского языка, и 6 – не занимающихся дополнительно никаким иностранным языком, но, по их утверждению, успешно изучающих английский в школе. Так, выборку составили 19 подростков в возрасте от 14 до 18 лет, изучающих английский язык по своему собственному желанию.

Целью пилотажного эмпирического исследования было изучить содержание и форму самопрезентаций подростков в Instagram и определить влияние владения иностранным языком на презентацию в сети.

В ходе исследования были рассмотрены профили респондентов, а именно «шапка» профиля каждого, а также его 12 последних публикаций в Instagram.

Предполагалось, что наиболее важный и действенный способ демонстрации желаемого образа Я – это фотографии, сопровождающиеся коротким текстом и смайлами.

Результаты исследования подтвердили гипотезу. Из 228 всех постов наиболее часто встречаются Я-фотографии – 134 шт. – 59%. При этом 30% составляют фотографии (69 шт.) «Я + кто-то». На 25 снимках (лишь 11%) представлены предметы, пейзажи и др.

Мы также посмотрели тексты, которыми подростки сопровождали вышеупомянутые изображения. Все посты были классифицированы следующим образом: 1) без текста; 2) только эмодзи; 3) краткий текст; 4) длинный текст.

Было выявлено, что длинные тексты во всех двенадцати последних постах встречались только у одной девушки, которая, по её словам, развивает свой профиль и планирует быть блогером. Среди остальных 18 подростков длинный пост встречался дважды – по одному посту у одного пользователя. Только смайлы прикреплены к 15 % фотографий. Под 22% постов вообще нет текста. И 63% постов сопровождаются кратким текстом: описанием фотографии, комментарием свои ощущений или другой информацией. Удивительно, что из этих 63 процентов постов с краткими текстами 38% на английском языке или полностью, или с указанием некоторых слов или фраз.

Примечательно также, что шапки профилей 16 респондентов из 19 были на английском языке.

Выводы

В целом можно констатировать факт, что информация, представленная данной группой респондентов в сети Instagram, персонифицированная. Она направлена в основном на освещение своей собственной личности. Эта личность, как правило, обозначает также своё взаимодействие с другими членами общества. Соответственно, наиболее выражены личностная (персональная) и групповая идентичности.

Результаты, полученные из анализа подписей к постам, показали, что у подростков превалирует нарративная идентичность, при этом в очень краткой форме. Лаконичность речи выражается не только посредством родного языка, но и иностранного (английского), осваиваемого по собственному желанию. Можно сделать вывод, что плодотворное изучение английского языка оказывает влияние не только на его знание как такового, но и на желание презентовать это знание в обществе. Данное пилотажное исследование показало, что подростки, активно изучающие иностранный язык, используют его для самопрезентации в социальной сети Instagram. Его использование позволяет также сказать, что они идентифицируют себя с этим языком, а, значит, здесь можно говорить и о наличии лингвистической идентичности в виртуальном пространстве.

Литература

Белинская Е.П., Гавриченко О.В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html>

Белинская Е.П., Вознесенская В.С. Проблема регуляции социального поведения в теориях информационного общества и реальность сетевого взаимодействия // Психологические исследования. 2016. Т.9, №48. С.5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1307-belinskaya48.html>

Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N6(20). С.2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/579-golubeva-marsinkovskaya20.html>

Гребенникова О.В., Пархоменко А.Н. Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения //

Психологические исследования. 2013. Т.6, №30. С.8. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/855-grebennikova30.html>

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010.

Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И. Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Т.9, №49. С.9. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n49/1332-martsinkovskaya49.html>

Leary M.R., Cottrell C.A., Phillips M. Deconfounding the effects of dominance and social acceptance on self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, 81(5), 898–909.

Сведения об авторах.

Юрченко Наталья Ивановна. Магистр, научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия. E-mail: frau.yurchenko@gmail.com

NEW TRENDS OF SELF-PRESENTATION OF ADOLESCENTS IN INSTAGRAM

Yurchenko N.I.

Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow

Keywords: self-presentation, social network, Internet, Instagram, identity, teenagers

Abstract. The need for self-presentation in social networks is described. It is noted that self-presentation in the virtual space actualizes a positive self-esteem, and also that the presentation in different social networks can differ. In the article, we consider the self-presentation of adolescents in the Instagram space. A pilot study was conducted, in which 19 teenagers studying English as an additional language, either with the help of a tutor and foreign language courses, or independently, took part. We studied their profiles in Instagram. It is found out that the most important and effective way to demonstrate the desired image of the I is their own photos, as well as photos of "I and someone". Accordingly, the personal and group identities are most expressed. Analysis of posts under photographs showed that most often teenagers write a short text. 38% of these text posts are written in English or with using some words or phrases of the English language that indicates the presentation of a linguistic identity in the network of this group of teenagers.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ СВОРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ДИДЖИТАЛ ПРОСТРАНСТВЕ

Голубева Н.А.

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Ключевые слова: виртуальное общение, социальные сети, виртуальное пространство, личное пространство, социальное пространство, современные подростки, современные технологии.

Аннотация. Рассматриваются новые тенденции процесса информационной социализации молодежи, связанные с возрастающим влиянием информации как нового института социализации. Показывается, что специфика информационной социализации определяется как когнитивными особенностями подростков, так и эмоциональными составляющими поиска, переработки и передачи информации, а также новыми языковыми формами, которые появляются в интернете и широко распространяются на другие информационные пространства и сферы общения. Представлены результаты исследования особенностей межличностного и межгруппового общения современной молодежи в диджитал пространстве (N = 76). Показано, что Социальные сети являются одной из важнейших частей картины мира современной молодежи. Социальные сети и диджитал технологии в настоящее время формируют индивидуальное, субъективное пространство современной молодежи, которое начинает доминировать в общей картине мира.

Пространство социализации современного человека заметно трансформировалось, расширилось и усложнилось. Данные трансформации тесно связаны с процессами глобализации, с изменчивостью современной культуры, ценностей, норм. Резкий скачок в развитии диджитал технологий увеличил количество информационных потоков. Вместе с расширением информационного пространства изменился и процесс социализации. Сетевая виртуальная реальность плотно вошла в жизнь современного общества. Высокая плотность диджитал потоков, окружающих современную молодежь, позволяет говорить об информационном стиле жизни мегаполисов [1; 2]. Особо интересным представляется изучение роли сетевого общения в процессе социализации современной молодежи. Направление и содержание информационной социализации можно определить на основании процесса самокатегоризации или групповой идентичности современного пользователя. А о приоритетах и интересах человека, о группе идентичности можно смело судить по выбору наиболее предпочитаемого и значимого источника информации [3].

Мы проводим бесчисленные часы в социальных сетях, которые предоставляют нам невиданные прежде возможности для общения друг с другом. Интернет пространство для современных пользователей открывает новые возможности. Все знания мира стали доступны по одному клику, появился новый канал для самовыражения и реализации творческого подхода. Но с расширением информационных потоков пользователи столкнулись с тем, что действительно стоящая информация тонет в водовороте развлечений и фейковых новостях. Перед пользователями стоит задача научиться ориентироваться в разнообразии информационных потоков, фильтровать не только получаемую информацию, но и новые виртуальные контакты. Именно поэтому, наличие и ведение личного аккаунта становится обязательным условием для современной молодежи. В своих блогах пользователи делятся своими мыслями, отношением к происходящим изменениям в мире.

Следуя основным трендам современного общества, мы решили провести экспресс-опрос среди современной молодежи, чтобы получить срез по использованию социальных сетей.

Нами был разработан экспресс опросник, включающий в себя восемь вопросов.

В экспресс-опросе участвовали 76 респондентов, данных респондентов мы условно разделили на две группы по возрастному признаку: 46 респондентов - (17-19 лет) и 30 респондентов - возраст 28-37 лет

Подводя итоги экспресс - опроса можно выделить основные тренды по использованию социальных сетей современными пользователями.

Наблюдается тенденция поиска информации (в том числе новостей) в социальных Сетях, блогах. Практически все респонденты (89%) указали на то, что социальные медиа являются ведущим каналом получения интересующей их информации. Стоит обратить внимание, что речь не идет о новой информации, а именно о поиске наиболее интересной информации. В то время как ведущие СМИ уходят далеко на второй план, пользователи хотят найти именно ту информацию, которая будет подтверждением уже полученных знаний. Таким образом, социальные медиа представляют собой эхо-камеру. Для пользователей социальные сети становятся каналом, где можно находить подтверждение своим знаниям. Практика эхо-камер в социальных Сетях позволяет говорить о том, что то, что пользователь получает от данных каналов не новую информацию, а ранее полученную информацию в развернутом формате, будь то лекция, видео, прямой эфир, что в свою очередь является подтверждением уже сложившихся убеждений/установок. В отличие от ведущих СМИ, социальные медиа дают пользователем то, что они хотят услышать.

Мы входим в эпоху, когда процветает фриланс, а медиа становятся площадкой для продвижения себя, своего творческого потенциала и своих способностей. На ряду с этим наблюдается снижение интереса к использованию «Вконтакте», «Одноклассники», «Фейсбук» и переход на другие площадки. По 100% мнению пользователей первой возрастной группы (17-19 лет) и 36% второй возрастной группы (28-37 лет) данные социальные сети вышли из моды, теперь это социальные Сети для более старшего поколения, в них сидят мамы, папы, бабушки и дедушки, преподаватели, учителя и т.д. Более молодежная группа переключилась на другие сети, такие как Инстаграмм. Также отмечается некая тенденция к аналоговым технологиям. Растет предпочтение к прочтению печатных книг (65% всей выборки), возврат к виниловым пластинкам (51%).

У пользователей появляется единая учетная запись для всего Интернета, где происходит идентификация с реальным «Я», практически все участники (97%) опроса указали, что используют для личного аккаунта реальные фамилию и имя, и свои фото для аватарки. Пользователи пишут под своими именами, выкладывают информацию о сферах своих интересов, показывают актуальные события своей жизни. Таким образом, социальные сети становятся глобальной базой данных, где можно получить детализированную информацию о каждом отдельном человеке. Развитие информационных технологий открывают для пользователей новые возможности. На использование диджитал технологий в своей повседневной жизни указали 92% выборки. Среди актуальных технологий выделяют браслеты, которые отслеживают самочувствие, новые приложения, которые позволяют добиться спортивных результатов в кратчайшие сроки и самостоятельно. Приложения, позволяющие отслеживать разного рода новинки и т.д.

Остановим свое внимание на Приложениях с использованием потокового видео. Данный вид приложений становится популярным среди молодежной выборки (100%), также растет интерес к использованию потокового видео и у возрастной группы 28-37 лет (40%). На данный момент, можно сказать, что Приложение Снэпчат/ Прямой эфир ориентировано на молодую аудиторию, которая активно пользуется гаджетами и предпочитает обмениваться не просто текстовыми сообщениями, но и смешными картинками, фотографиями, селфи и короткими видео [4].

Важным достоинством Снэпчата является возможность регулировать время существования информации. Обмениваясь фотографиями, сообщениями или видео с

друзьями в Снэпчате, можно не беспокоиться о том, что эта информация сохранится в телефоне, в аккаунте или где-то в сети. Программа разработана таким образом, что фотографию или видео получатель может просматривать не более 10 секунд, после чего они исчезнут. Все пользователи из молодежной группы (100%) ценят именно эту особенность Снэпчата/прямого эфира.

Из отдельных снэпов программа позволяет собрать свою снэп-историю, которую можно просматривать неограниченное количество раз, но только в течение суток, далее история самостоятельно удалится. Именно возможность транслировать в прямом эфире события собственной жизни привлекает внимание современной молодежной аудитории к социальной сети. Кроме этого пользователи указывают на такую функцию как «прозрачность». По мнению пользователей, благодаря камере им приходится стримить свою жизнь 24 часа в сутки. Наблюдается тенденция к прозрачности, пользователи показывают всю свою жизнь другим пользователям в режиме онлайн. Активные пользователи под пристальным вниманием многочисленной аудитории стремятся быть «лучше». Приведем пример ответа активного пользователя сети «Инстаграмм»: «Хочется съесть что-то вкусное, открываешь холодильник, а понимаешь, что нельзя, что за тобой наблюдают, что ты ведешь трансляцию Онлайн. И ты вынужден брать полезную еду и следовать «Правильному питанию».

Т.е. по мнению активных пользователей постоянное наблюдение извне, мгновенная оценка твоих действий (лайки, комментарии) делают тебя «лучше». Ты стараешься лучше питаться, быть активным, посещать мероприятия, делиться опытом, заниматься спортом, вести правильный образ жизни и т.д.

«Прозрачность» становится всеобщим трендом у молодежной аудитории.

Выводы

Полученные данные дают возможность сделать вывод о том, что в современных социальных сетях реализуется не только потребность молодежи в информации и контактах, но и в эмоциональном насыщении этой информации и этих контактов.

Социальные сети - субъективное пространство в представлениях современной молодежи. Социальные сети важны, т.к. снимаются многие барьеры, в том числе и социальные.

В условиях транзитивности все больше места в картине мира играет диджитал пространство, прежде всего социальные сети, блоги. Именно соц. Сети имеют одну из ведущих ролей в формировании картины мира, потому что расширяют картину мира и дают возможность соответствовать современному темпу жизни. Доказательством этого могут служить наше последнее наблюдение-исследование, мы выделяем несколько важных моментов определяющих это: уход от контроля, расширение кругозора/обмен информацией.

Социальные сети являются одной из важнейших частей картины мира современных подростков.

Можно говорить о том, что именно социальные сети в настоящее время формируют индивидуальное, субъективное пространство современной молодежи, которое начинает доминировать в общей картине мира.

Значение социальных сетей связано с несколькими факторами:

- Они помогают снять (или существенно уменьшить) коммуникационные барьеры (и личностные, и социальные)

- Расширяют картину мира, выстраивая разные представления о реальности.
- Помогают получить «виртуальный опыт», и принять решение хочу ли я получить данный опыт в реальности.
- Дают возможность соответствовать современному темпу жизни.
- Позволяют «прожить» много разных жизней.

Литература:

Марцинковская, Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010а. N 3. С. 90–102.

Прихожан, А.М. Информационная безопасность и развитие информационной культуры личности // Мир психологии. 2010. N 3. С. 135–141.

Голубева, Н.А., Марцинковская, Т.Д. Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 6(20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.12.11).

Голубева Н.А., Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. 2018 N 2(12) С.45-60.

Сведения об авторе

Голубева Наталья Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия. E-mail: 9268881525n@gmail.com

PHENOMENOLOGY OF COMMUNICATION OF MODERN YOUTH IN DIDGITAL SPACE

Golubeva Natalya A.

Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow

Key words: virtual communication, social networks, virtual space, personal space, social space, modern teenagers, modern technologies.

Annotation. In this article we study new tendencies of youth's information socialization. These tendencies are connected with increasing influence of information, which became a new institution of socialization. We show that information socialization features are determined by youth's cognitive characteristics, as well as emotional components of search, processing and transmission of information and new language forms, which appear in the web and become widely spread among other information spaces and spheres of communication. We present study results of personal and group communication of modern young generation in «real life» and in virtual space (N = 76). It is shown that social networks have become an important part of a contemporary youth's life. Nowadays social networks form individual, subjective space of young people which begins to dominate perception of a world.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ УСТРОЙСТВ В ДОШКОЛЬНОМ И МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ¹⁹

Батенова Ю.В.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск

Ключевые слова: дошкольник, младший школьник, информационные навыки, информационные технологии, родительская поддержка, интернет, компьютерные игры.

Аннотация. В статье представлены результаты анкетирования, проводившегося среди родителей дошкольников и младших школьников (дети от 3-х до 10 лет) на предмет использования их детьми цифровых устройств, обозначены возможные причины полученных ответов. Анкета представляет собой 10 вопросов, направленных на изучение предпочитаемых видов деятельности с помощью цифровых устройств, основных навыков, которыми владеют дети, количество времени, проводимого за устройствами, а также заинтересованность родителей в информационной грамотности детей и степень контроля за этим процессом. Полученные данные наглядно продемонстрировали всеобщую погруженность в виртуальное пространство современных дошкольников и младших школьников, увлеченность компьютерными играми и другими формами активности с помощью информационных технологий, а также осведомленность в возможностях и программных продуктах не только для своей возрастной категории, но и для взрослых пользователей. Большая часть опрошенных родителей заинтересована в формировании информационных навыков и компетенций своих детей, но при этом не принимают участия в их освоении.

Методы и методика. В анкетировании принимали участие всего 74 человека, из которых приблизительно 7% мужчины и 93% женщины. Возраст родителей от 24 до 42 лет, разного уровня образования. Возраст детей варьируется от 3 до 10 лет, при этом 42% детей – дошкольники в возрасте от 3 до 5 лет. По результатам анкетирования проводилась беседа, в которой родители свободно высказывали свое мнение и делали комментарии.

Результаты и обсуждение. У 100% опрошенных родителей дети пользуются цифровыми устройствами. В качестве основной причины традиционно называется специфика современной жизни в информационном обществе, где не использовать цифровые устройства невозможно.

В ходе анкетирования выяснилось, что больше всего дети пользуются телевизором, а именно 71% (дети всех возрастов). Возможные причины:

- телевизор прост в использовании;
- данное цифровое устройство есть практически во всех семьях;
- большой и красочный экран привлекает ребёнка (этот факт имеет значение для детей младшего дошкольного возраста).

Выявлено, что телефоном, планшетом, компьютером дети пользуются почти в равной степени (64% телефоном, 57% планшетом, 42% компьютером). По мнению

¹⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-013-00743 А

большинства родителей, все устройства не так просты в использовании, кроме того, родители не всегда одобряют пользование данными устройствами по причине информированности о возможных рисках и последствиях (как реальных, так и мнимых). Наконец, самый маленький процент пользования у такого цифрового устройства, как ноутбук. Лишь 21% детей пользуются им. Среди возможных причин называется отсутствие необходимости из-за наличия стационарного компьютера или планшета.

Опрашиваемым был задан вопрос: «Имеет ли Ваш ребенок персональное устройство?». 64% родителей ответили «нет», соответственно 36% ответили «да» (в основном имеют персональное устройство дети старше 5 лет). Среди персональных устройств чаще называется смартфон и планшет, а также игровые приставки. Более того, 74% детей (из 100% опрошенных родителей) имеют доступ в интернет. По мнению и комментариям родителей, это объясняется легкостью и доступностью разнообразной информации в интернете для ребёнка (мультитки, игры, общение, учёба).

Исходя из ответов на вопрос «Сколько времени проводит ребёнок за устройством?», 46% допускают пользование устройством от 1 до 2 часов, 23% пользование до 1 часа, такое же количество процентов допускают пользование больше 2 часов, 15% опрошенных допускают пользование до 30 минут (как правило, младшие дошкольники, 3-4 года). В основном пользуются устройствами от 1 до 2 часов дети 4-6 лет, больше 2 часов дети 7-10 лет.

Основные виды деятельности в цифровом пространстве, это – просмотр мультфильмов и видео, а также однопользовательские и сетевые игры. Кроме того, дети указанной возрастной категории уже умеют скачивать различные программы, более старшие дети используют устройства с целью общения, то есть пользуются социальными сетями (самый младший возраст ребенка, имеющего свою персональную страничку, 5 лет); просмотра новостей; фото- и видео- монтажа. Все это в основном осуществляется с помощью интернета. При этом помощь в освоении этих ресурсов оказывают родители только дошкольников, в младшем школьном возрасте вмешательство родителей минимально.

Следующий вопрос был о навыках использования цифровых устройств, которыми владеют дети. 30% родителей затруднились ответить на данный вопрос. 33% ответили, что никакими навыками дети не владеют. Остальные ответы были такими: голосовой поиск, смотрит и загружает свое видео в YouTube, ставит лайки, включает игры (пользуется интерфейсом), осуществляет звонки, СМС, скачивает игры, музыку и видео, открывает и редактирует фотографии, создает альбомы, записывает свои песни, рисует.

По результатам анкет 7% родителей не контролирует процесс пользования интернетом (детям этих родителей 9-10 лет) и 93% контролирует. Среди них 15% родителей не проверяют содержание страниц своих детей, 85% соответственно проверяют. Это обусловлено беспокойством родителей, поскольку в интернете существует ряд угроз (нежелательная и сомнительная информация, кадры агрессии и насилия, кадры 18+, мошенничество).

В ответах на следующий вопрос было выявлено, что 46% детей осваивают цифровые устройства самостоятельно. Дети лучше ориентируются в цифровых технологиях, так как практически с рождения «погружены» в них. 31% родителей помогает своим детям и 23% не помогает осваивать цифровые технологии.

На вопрос «Хотели бы Вы, чтобы ребёнок больше интересовался информационными технологиями?», 46% опрошенных затруднились с ответом. 31% родителей ответили отрицательно. В качестве возможных причин можно назвать то, что

современные дети достаточно много проводят времени с цифровыми устройствами, в связи с чем родителей беспокоит здоровье их детей и утрата или торможение интеллектуального, познавательного развития (со слов родителей «отупление»). Между тем, 23% ответили положительно. Причины, по которым родители не против стимулировать интерес к информационным технологиям, называют традиционные: от «невозможно запретить детям то, что уже есть без нашего разрешения», «вместо запретов лучше помочь освоить информационное пространство и приобрести важные и необходимые навыки и умения в овладении цифровыми устройствами», до «это влияет на самооценку ребенка» и «сможет и меня чему-нибудь научить и чем-то помочь, если будет разбираться лучше».

На заключительный вопрос о собственном желании родителей знать больше информации о цифровых устройствах и об их использовании, большинство ответили «да» (77%). Главная причина, которую называли сами родители: желание идти в ногу со временем, быть в курсе интернет-жизни детей и, возможно, больше понимать их. 15% ответили «нет», ссылаясь на сложности с пониманием, отсутствием времени и откровенным нежеланием познавать что-то новое. 8% затруднились дать ответ на указанный вопрос.

Выводы. В современном информационном пространстве дети адаптируются гораздо быстрее и ориентируются качественнее. Уже в 3 года ребенок способен самостоятельно пользоваться большинством цифровых устройств.

Родители, в свою очередь, всё чаще позволяют ребенку «окунуться» в мир цифровых технологий, поскольку понимают необходимость в этих знаниях и навыках.

Вышесказанное позволяет утверждать, что родителям и педагогам необходимо удерживать баланс, чтобы дети, с одной стороны, шли в ногу со временем, с другой стороны, не забывали о ценности живого общения, о ценности здоровья.

Таким образом, дети обладают достаточно большим количеством навыков, поскольку они растут и развиваются в век технологий и инноваций. В связи с чем, становится актуальным вопрос о формировании цифровой грамотности и информационной культуры детей младшего возраста в условиях транзитивного общества.

Литература:

Батенова Ю.В. Психолого-педагогические основы моделирования информационного пространства современного дошкольника. Монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГППУ, 2017.

Гусельцева М.С., Изотова Е.И. Позитивная социализация детей и подростков: методология и эмпирика. Монография. М.: Смысл, 2016.

Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015.

Сведения об авторе

Батенова Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры Педагогике и психологии детства, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, juliabatenova@gmail.com

FEATURES OF USE OF DIGITAL DEVICES IN PRESCHOOL AND YOUNGER SCHOOL AGE

Batenova Y.V.

Southern Ural state humanitarian and pedagogical university, Chelyabinsk

Keywords: preschool child, younger school student, information skills, information technologies, parental support, Internet, computer games

Abstract. Results of the questioning which was carried out among parents of preschool children and younger school students are presented in article (children from 3rd to 10 years) regarding use by their children of digital devices, the possible reasons of the received answers are designated. The questionnaire represents 10 questions directed to studying of the preferred kinds of activity by means of digital devices, the main skills which are owned by children, amount of time spent behind devices and also interest of parents in information literacy of children and extent of control of this process. The obtained data visually have shown general absorption in virtual space of modern preschool children and younger school students, enthusiasm for computer games and other forms of activity by means of information technologies and also awareness in opportunities and software products not only for the age category, but also for adult users. The most part of the interviewed parents is interested in formation of information skills and competences of the children, but at the same time don't take part in their development.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Иванова И.В.

Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск

Ключевые слова: цифровое общество, информационная социализация, информационные предпочтения, информационное пространство, источники информации, личностная и социальная идентичность, учащаяся молодежь.

Аннотация: рассматривается возможность исследования информационной социализации на основе изучения информационных предпочтений. Приводятся данные эмпирического исследования когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов информационной социализации учащихся колледжа и студентов. Выявлены предпочтения в источниках интересующей информации (Интернет) и учебной информации (книги, педагоги, Интернет), предпочтения в содержании (люди и их отношения, наука и образование, кино, музыка), направленности (на общение, познание/образование, развлечения), форме получения информации (наглядные образы и видеозаписи), способах передачи информации. Констатируется наибольшее доверие к информации из книг, оценка информации в Интернете чаще как достоверной, удовлетворение в Интернет-среде экзистенциальных, социальных и престижных потребностей. Учащаяся молодежь предпочитает мобильные устройства, активно пользуется Интернет-ресурсами, проводит в сети Интернет более 5 час в сутки,

предпочитает воспринимать информацию в визуальной форме, передавать ее в форме звуковых сообщений. Между студентами и учащимися в компонентах информационной социализации и информационных предпочтениях больше сходства, чем различий.

В настоящее время особый научный и практический интерес приобретают исследования информационных предпочтений и их роли в информационной социализации учащейся молодежи, которая решает задачу самоопределения и конструирования идентичности в условиях современного транзитивного *цифрового общества*.

Проблема информационной социализации в цифровом обществе в условиях транзитивного мира с характерной для него изменчивостью, неопределенностью и множественностью контекстов являются одной из центральных в психологической науке (Марцинковская, 2011, 2012, 2015; Белинская, 2001, 2013; Войскунский, 2016; Авдулова, 2011; Голубева, 2011; Гребенникова, Пархоменко, 2013).

Информационная социализация рассматривается как процесс и результат усвоения и воспроизведения личностью накопленного человечеством опыта по работе с информацией, как восприятие и переработка разных видов информации, нахождение путей и усвоение способов работы с информацией и информационными ресурсами с учетом влияния социально-личностных и индивидуально-личностных характеристик человека (Голубева, Марцинковская, 2011).

Информационное пространство является компонентом общего социокультурного пространства социализации человека, который сформирован конкретными *источниками информации*, составляющими *информационное поле* (Гребенникова, Пархоменко, 2013).

Анализ психологических исследований показывает необходимость разработки проблемы выбора предпочитаемых информационных источников и их влияния на процесс социализации и становления идентичности молодежи.

Т.Д. Марцинковская выделяет пять основных сфер анализа *информационных предпочтений*: источники получения информации, средства коммуникации, временные параметры использования источников информации, доверие и избирательность в отношении информации; и вводит дифференциацию источников информации по таким критериям как степень влияния и доверия к информации, форма представленности информации, принадлежность к определенным информационным группам, содержание информации, целевая направленность информации (Голубева, Марцинковская, 2011).

Рассматривая *информационную социализацию* с позиции идеи «фундаментальной психологической триады» (А.В. Юревич, 2005), то есть единства трех базовых психологических процессов - когнитивных, аффективных и поведенческих, и в контексте *информационных предпочтений* как преимущественного внимания и избирательного отношения к определенным источникам, содержанию и средствам информации, и их применения, становится возможным выделить ее показатели.

Наше исследование было направлено на изучение информационной социализации учащейся молодежи. Ставилась задача выявить когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты информационной социализации и сравнить их у студентов вуза и учащихся колледжа. Эмпирическое исследование проводила А.В. Баженова под нашим руководством в 2017-2018 гг. в г. Благовещенске Амурской области. В качестве методик применялись разработанные нами анкеты, направленные на изучение компонентов информационной социализации на основе выявления в том числе

информационных предпочтений (предпочитаемых источников, средств, содержания, способов и форм представленности информации, доверия к ним, их применении), а также опросник В.А. Плешакова «Диагностика потребностей, удовлетворяемых в Интернет-среде». При разработке анкет мы опирались на публикации исследований, выполненных в лаборатории психологии подростка Т.Д. Марцинковской (Психологический институт РАО) (Голубева, Марцинковская, 2011; Марцинковская, 2012; Гребенникова, Пархоменко, 2013).

Результаты исследования *когнитивного компонента информационной социализации* показали, что вне зависимости от уровня получаемого образования (высшего или среднего профессионального) существует сходство в предпочитаемых средствах информации (мобильные устройства), источниках интересующей информации (Интернет), источниках учебной информации (книги и педагоги), видах информации (обыденная, специальная и личная), содержании наиболее востребованной информации (о людях и их отношениях, наука и образование), целевой направленности (на общение, учебу, развлечения), форме получения информации (в виде наглядных образов и видеозаписи), средствах и способах передачи информации, типах сообщений (устная речь при непосредственном личном контакте и звуковые сообщения при дистантном общении). Различия касаются предпочтений в содержании наиболее интересной информации (о друзьях, близких людях и кино - у студентов и учебно-познавательной и музыке – у учащихся колледжа).

Изучение *эмоционального (эмоционально-мотивационного) компонента* у студентов и учащихся колледжа было выявлено сходство в доверии к источникам информации (прежде всего книгам, а так же педагогам, Интернету, родителям), ценностном отношении к ним, оценке достоверности информации (размещенную в Интернете информацию считают чаще достоверной, чем наоборот), реализации потребностей (экзистенциальных, социальных и престижных) в Интернет-среде, эмоциональной оценке преимуществ и недостатках Интернета. Определенные различия обнаружены в знаке эмоциональной составляющей информации (информация, предпочитаемая учащимися колледжа, имеет более выраженную эмоционально-позитивную окраску).

Изучение *поведенческого компонента* обнаружило у студентов и учащихся колледжа сходство в овладении операционально-технической стороной работы с источниками, средствами поиска, обработки и передачи информации. Все владеют средствами поиска информации (мобильными устройствами), пользуются Интернет-ресурсами для поиска информации в целях общения и познания. Большинство предпочитают пользоваться социальными сетями «Instagram» и «ВКонтакте», создают персональные страницы, проводят в сети Интернет более 5 час в сутки, значительно меньше времени уделяют другим источникам информации. Предпочитают воспринимать информацию в визуальной форме, передавать в форме мгновенных звуковых и текстовых сообщений. Полученную информацию применяют в жизни и деятельности.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что между студентами педагогического университета и учащимися педагогического колледжа в когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах информационной социализации больше сходства, чем различий. Не выявлено значимых различий в предпочитаемых источниках информации, доверии к ним, средствах и формах передачи информации, ее применении.

Информационные предпочтения можно рассматривать как единицу анализа, в которой представлены в единстве индивидуальное и социальное, личность и

информационная среда. Это позволяет считать информационные предпочтения важнейшим фактором информационной социализации, а также изучать их роль в конструировании личностной и социальной идентичности.

Литература:

Авдулова Т.П. Тенденции социализации подростков в контексте информационных предпочтений // Психологические исследования. 2011. № 6(20). С. 8. URL: <http://psystudy.ru>

Войскунский А.Е. Предисловие: Человек в цифровом обществе // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. С. 8-11.

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 5.

Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 260-274.

Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход // Психологические исследования: 2011. № 6 (20). С. 2. URL: <http://psystudy.ru>

Гребенникова О.В., Пархоменко А.Н. Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 8. URL: <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. С. 7. URL: <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru>

Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16-28

Сведения об авторе

Иванова Инесса Витальевна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет» (ул. Ленина, д.104, 675000, Благовещенск, Амурская область, Россия), психолого-педагогический факультет, доцент кафедры психологии, e-mail: ivainvita@gmail.com

INFORMATION PREFERENCE AS A FACTOR SOCIALIZATION OF STUDYING
YOUTH IN A DIGITAL SOCIETY

Ivanova I.V.

Blagoveshchensk state pedagogical University, Blagoveshchensk, Amur oblast

Keywords: digital society, information socialization, information preference, information space, information sources, personal and social identity, students

Abstract: The possibility of research information socialisation on the basis of a study of informational preferences. Data of empirical research of cognitive, emotional and behavioral components of information socialization of College students and students of the University. Revealed preferences in sources of information (Internet) and educational information (books, teachers, Internet) and preferences in the content (people and their relationships, science and education, film, music), orientation (communication, knowledge/education, entertainment), the form of information (visual images and videos), ways of transmitting information. It is stated the greatest trust in information from books, assessment information on the Internet as credible, satisfaction in the online environment existential, social and prestige needs. Students prefer mobile devices that is actively using Internet resources, conducts the Internet more than 5 hours a day, prefer to take in information in visual form, send it in the form of audio messages. Between of College students and students of the University in the components of socialization of information and information preferences more similarities than differences.

РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДОШКОЛЬНИКАМ В УСЛОВИЯХ КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ

Бахадова Е.В.

Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Ключевые слова: дошкольники, родительское отношение, киберсоциализация, киберпространство, гаджеты, различное время, проведенное с гаджетами.

Аннотация: развитие дошкольника в условиях киберсоциализации во многом зависит от позиций и отношения родителя, его медиакомпетенций, которыми он владеет. Представленное исследование дошкольников и их родителей ставит целью изучить особенности родительского отношения в условиях киберсоциализации. С помощью неструктурированного интервью выделено 3 группы детей: дошкольники проводящие максимально много времени в киберпространстве с гаджетами, достаточно много времени и минимальное количество времени с гаджетами. Полученные в исследование данные позволяют утверждать, что родительское отношение к детям, проводящим максимально много время в киберпространстве и имеющим трудности в адаптации и общении со сверстниками, характеризуются сниженным принятием ребенка, склонностью к авторитарной гиперсоциализации, несогласованностью эмоциональных и поведенческих составляющих, неосознанностью своих позиций по отношению к ребенку.

Изучение различных аспектов влияния цифрового пространства на подрастающее поколение сегодня активно возрастает. Это связано с появлением все новых векторов развития цифровых технологий, а так же с появлением нового поколения – поколения «Z». В различных исследованиях отмечают как положительное влияние цифровых технологий, так и проблемные зоны изучения онлайн-безопасности, столкновения с онлайн-рисками. Поколением «Z» называют детей и подростков, родившихся в новом веке, после 2000-2004 годов, вместе с появившимися на свет интернетом, гаджетами,

смартфонами. Это поколение предвосхитили, предвидели в 1991 году американские исследователи Нейл Хоув и Уильям Штраус, представившие миру свою демографически-социально-психологическую теорию о различии ценностей людей разных поколений²⁰. Это дети, развитие и социализация которых происходила и происходит вместе с развитием интернета, в условиях киберсоциализации в киберсреде.

В словаре русского языка приставка «кибер» присваивает слову значение чего-либо, относящегося к эпохе интернета и цифровых технологий.

Понятие киберсреды и киберсоциализации активно стал развивать с 2010 года профессор А.В. Плешаков, где под киберсоциализацией понимается развитие и адаптация ребенка, происходящие в новой технологической среде и с ее помощью²¹.

Киберсреда может сильно трансформировать личностное и психическое развитие ребенка. Дети и подростки, попавшие в зависимость от технологической среды, становятся замкнутыми, агрессивными, погружаясь в реальность виртуальную, теряют интерес к окружающему миру. Дети дошкольного возраста сегодня начинают знакомиться с цифровой средой очень рано. По данным Института современных исследований МЕДИА за 2016 год 43% детей в возрасте до 2 лет уже имели в своей жизни опыт пользования планшетом, а возрасте от 2 до 8 лет эта их количество составляет уже 72%. В ежегодном докладе «Дети. Медиапотребление. 2017» утверждается, что «сохраняется высокий уровень тревожности родителей по отношению к киберсоциализации детей, дефицит родительской осведомленности и медиакомпетенции, в условиях раннего и интенсивного овладения детьми цифровыми устройствами, которое зачастую происходит без участия родителей»²².

Сегодня нет единого взгляда на влияние киберсреды на ребенка, каждый родитель формирует свое мнение о том, что стоит давать ли своему ребенку телефон или планшет, или же нет, а если давать, то ограничивать ли ребенка в возможности пользования данными электронными устройствами или дать ему полную свободу. На вопрос, «почему ребенку дается планшет или телефон, или даже покупается ему свой собственный телефон» мамы и папы в 2015 году давали следующие ответы: 13% родителей говорили о том, что делают это для того, чтобы использовать обучающие игры для ребенка; 17% дают детям телефон для того, чтобы совместно с ребенком смотреть обучающие видеопрограммы, или узнавать о разных явлениях живой природы; 56% мам и пап дают своему ребенку поиграть в планшет или телефон для того, чтобы занять ребенка, когда у самих родителей нет на это времени²³.

Нами было проведено исследование детей дошкольного возраста и их родителей с целью выяснить, как родители относятся к влиянию цифровой среды и киберсоциализации, как они относятся к ребенку и сколько времени они уделяют

²⁰ Мирошкина М. Интерпретация теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник - 2017, №6. - с.31

²¹ Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a: – М.: Прометей, 2012. – С. 12

²² Института современных исследований МЕДИА. Электронный ресурс <http://momri.org/> (дата обр.01.10.18)

²³ Щепина Е.С., Лукьянова О.Г, Третьякова Е.А. Ребенок и гаджет. За или против? // Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы развития / – Чебоксары: «Интерактив плюс», 2015. – С. 122

ребенку, а ребенок при этом, цифровому гаджету. В исследовании приняли участие 35 детей 6-7 лет и их родители – 56 человек. О влиянии цифровой среды родители высказывались следующим образом:

- 42 % родителей не видят проблем в том, что ребенок находится с гаджетом достаточно много времени, больше чем у половины детей есть свой собственный гаджет;
- 33 % детей не имеют какого-либо ограничения нахождения с гаджетом;
- 39 % родителей определяют временные границы нахождения ребенка с гаджетом (например 1 или 1,5 час в день), но они исполняются формально или не соблюдаются;
- 12 % считают влияние гаджетов в дошкольном возрасте отрицательным и ограничивают доступ ребенка к киберсреде;
- в гаджетах дети в основном просматривают мультфильмы;
- около 1/3 детей без контроля и ограничения родителей заходят на интернет-сайты;
- около 2/3 детей играют в развлекательные игры на компьютерах и планшетах, и в «мамино планшете» у них есть «собственные игры»;

С помощью специально созданной анкеты было выявлено: чем больше родители уделяют непосредственного внимания к ребенку, общаются и играют с ним, тем меньше ребенок находится с гаджетами, смотрит мультфильмы. И наоборот, чем меньше родитель может найти времени для общения и игры с ребенком, тем больше последний находится в «общении» с планшетом и телефоном. Многие родители сами озвучивают это положение таким образом: «чтобы ребенок не мешался и ему было чем заняться». Нами были зафиксированы 3 группы: дети, максимально проводящие время с гаджетами (11 человек); дети, проводящие с гаджетами достаточно много времени (13 человек) – эти группы детей имели трудности в адаптации и общении со сверстниками; 3 группа – дети, минимально проводящие время с гаджетами (11 человек).

Прояснение родительского отношения к ребенку проводилось с помощью опросника «Родительское отношение» В.В. Столина и А.Я. Варга. Не по всем шкалам были получены достоверные различия, но наметились некоторые тенденции. Так в показателе «принятие – отвержение» значимо различается «принятие» родителями детей, которые в меньшей степени проводят время с гаджетами или не проводят совсем, по сравнению с теми, кто меньше общается и проводит время со своими детьми и позволяет им больше времени находится с гаджетами ($U \leq 0.05$ по непараметрическому U-критерию Манна-Уитни).

По шкале «Авторитарная гиперсоциализация», которая определяет направление контроля за поведением ребенка, значимые различия выявлены между группами детей проводящих минимально и максимальное время с гаджетами. При этом парадоксально, что родители детей приверженных к гаджетам, видят себя более контролирующими и строгими, хотя именно они утверждают, что дети не имеют с их стороны ограничения в отношении времени нахождения в киберсреде. Шкала «Кооперация» – эта шкала социально желательного образа родительского отношения. Относительно высокие баллы определяются у всех трех групп родителей, что говорит о заинтересованности родителей в делах своих детей, сочувствии, доверии. Прослеживается тенденция большего сотрудничества у родителей дошкольников, проводящих максимальное время в киберпространстве. По шкале «Симбиоз», отражающей межличностную дистанцию в общении, выявлено, что в меньшей степени стремятся к симбиотическим связям и

поощряют самостоятельность родители группы детей, проводящих минимальное время с гаджетами. По шкале «Маленький неудачник», которая отражает особенности восприятия и понимания ребенка родителем, все три группы набрали хорошие низкие баллы – это показывает, что все родители неудачи своего ребенка считают случайными и верят в него.

Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой позволил увидеть, что наиболее чувствительны к взаимодействию с детьми родители группы детей, проводящих минимальное время с гаджетами (были выявлены значимые различия $U \leq 0.05$) В этом блоке исследуются: а) способность воспринимать состояние ребенка; б) понимание причин его состояния; в) способность к сопереживанию.

Блок эмоционального принятия, состоявший из четырех параметров: а) чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком; б) безусловное принятие; в) отношение к себе как родителю; г) преобладающий эмоциональный фон взаимодействия, в этом блоке та же группа родителей значимо набирает наибольшие баллы.

Блок поведенческого проявления эмоционального взаимодействия: а) стремление к телесному контакту; б) оказание эмоциональной поддержки; в) ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия; г) умение воздействовать на состояние ребенка, повторяет ту же тенденцию, но значимых различий здесь не выявлено. Однако, внутри этого блока, мы увидели противоречие в позициях родителей, позволяющих проводить значительное время в киберпространстве. Эти родители плохо соотносят и осознают свои поведенческие и эмоциональные составляющие по отношению к ребенку.

Наше исследование показало, что родители групп детей, максимально и достаточно много проводящих времени в киберпространстве принимают своих детей, проявляют заинтересованность в их жизни, но эта заинтересованность скорее декларируемая. Родители группы детей, проводящих минимальное время с гаджетами, больше симпатизируют ребенку, уважает его индивидуальность, поддерживают его интересы, держат баланс контроля над ребенком. У родителей групп детей, максимально и достаточно много проводящих времени с гаджетами, позиции противоречивые и менее осознанное отношение к детям. Таким родителям сложнее выстраивать взаимодействие и помогать детям социализироваться, адаптироваться в киберпространстве, в то время как родители должны стать помощниками и проводниками своим детям в современном цифровом мире.

Литература

Мирошкина М.Р. Интерпретация теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник – 2017, №6 – С. 30-35

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – Москва: Смысл, 2017. – 375 с.

Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a: Монография – М.: Прометей, 2012. – 212 с.

Щетина Е.С., Лукьянова О.Г, Третьякова Е.А. Ребенок и гаджет. За или против? // Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы развития / – Чебоксары: Изд-во «Центр научного сотрудничества Интерактив плюс», 2015. – С. 122-124.

Института современных исследований МЕДИА Электронный ресурс <http://momri.org/> (дата обращения 01.10.18)

Сведения об авторе.

Бахадова Елена Викторовна, канд. психол. наук, Институт психологии им. Л.С. Выготского, ФГБОУ ВО «РГГУ», доцент кафедры психологии и педагогики образования, propsy@rggu.ru.

PARENTAL RELATION TO PRESCHOOL CHILDREN UNDER CYBER SOCIALIZATION

Bakhadova E.V.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky, Russian State Humanitarian University, Moscow

Keywords: preschoolers; parental relationship; cyber socialization; cyberspace; gadgets; various time spent with gadgets.

Abstract. The development of a preschooler in the context of cyber-socialization largely depends on the position and attitude of the parent, his media competencies, which he owns. The presented study of preschoolers and their parents aims to explore the features of parental relationships. With the help of an unstructured interview, 3 groups of children were singled out: preschoolers who spend the most time in cyberspace with gadgets, quite a lot of time and the minimum amount of time with gadgets. The data obtained in the study state that children who spend the most time in cyberspace have difficulties in adapting and communicating with their peers. Parental attitudes toward such children are characterized by reduced child adoption, a tendency toward authoritarian hypersocialization, inconsistency of emotional and behavioral patterns, and an unawareness of their attitudes toward the child.

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ

Ткаченко Д.П.

Институт психологии имени Л.С. Выготского «Российский государственный гуманитарный университет», Москва

Ключевые слова: подростки, социализация, кризис, транзитивность, современное общество, субъектность, эмоциональный интеллект.

Аннотация. Исследуется характер становления субъектности современных подростков в условиях транзитивности и противоречий, возникающих в процессе социализации. Рассматриваются основные критерии и регулятивные компоненты субъектности. Предлагается изучение эмоционального интеллекта как регулятивного компонента социализации и становления субъектности в подростковом возрасте. Выдвигаются предположения о возможных вариантах проявления эмоционального интеллекта в разные периоды социализации. Анализируются результаты исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта с другими аспектами социализации подростков кризисной и стабильной когорт. Описываются взаимосвязи эмоционального интеллекта с особенностями социальной адаптации у этих двух групп. Делаются выводы об

успешности социальной адаптации на фоне разных проявлений эмоционального интеллекта. По итогам сравнения результатов, дается заключение о характере изменений эмоционального интеллекта и его значения в становлении субъектности и процессе социализации современных подростков в транзитивном социуме.

В период транзитивности общества характер социализации подростков неоднозначен ввиду того, что успешная социализированность в одной группе может сочетаться с несоциализированностью в других (Гусельцева, 2016). Это связано с разнообразием выборов и ценностных систем, наличием противоречий между традиционными и индивидуальными моделями социализации (Дубовская, 2014), а также усилением разрыва между разными поколениями и возрастными когортами (Марцинковская, Полева, 2017).

В связи с этим, становление субъектности современных подростков прежде всего, происходит через развитие самостоятельности, способности к принятию ответственности и самоопределению в транзитивном социуме. Это требует согласования различных уровней его организации и поддержания целостности посредством развития самопроизвольности и контроля поведения. В этом ключе, способность к эмоциональной регуляции рассматривается как один из ключевых компонентов регуляции поведения (Сергиенко, 2012). Показано, что эмоциональный интеллект качественно различается у представителей разных субкультур в рамках одной возрастной группы (Изотова, Максимова, 2016), следовательно, он является гибким регулятивным компонентом становления субъектности и социализации в период транзитивности социума.

Исходя из этого, *цель* нашего исследования – анализ изменений в структуре эмоционального интеллекта в процессе социализации подростков в период транзитивности социума. *Объектом* исследования выступают различия, возникающие в структуре эмоционального интеллекта в процессе социализации подростков. *Предметом* исследования является взаимосвязь эмоционального интеллекта с особенностями социальной адаптации у подростков Стабильной и Кризисной когорт. Мы выдвинули *гипотезу* о том, что характер эмоционального интеллекта будет различаться в разные периоды (стабильности или кризиса) социализации подростков. Будет наблюдаться успешность социально-психологической адаптации на фоне сдвига эмоционального интеллекта Кризисной когорты подростков на регуляцию внутриличностных процессов (понимания и управления своими эмоциями).

Выборка.

В исследовании принял участие 251 респондент: студенты первого курса Гуманитарного колледжа РГГУ в возрасте от 15 до 18 лет – 198 девушек и 53 юноши. Проведено три забора данных среди первокурсников в 2013-14, 2014-15 и 2016-17 учебном годах. Респонденты в период исследования обучались на первом семестре первого курса, следовательно, пребывали на пике групповой социализации и адаптации к новым условиям учебно-профессиональной среды. Выборка была разделена на три когорты по годам поступления, с учетом социально-экономических процессов, происходивших в России на протяжении 4 лет нашего исследования, – с 2013 по 2017 год: 2013-14 учебный год – Стабильная, 2014-15 – Переходная, 2016-17 - Кризисная. (Ткаченко, 2017).

Методики.

Для оценки представлений подростков о своей социальной адаптированности и эмоциональном интеллекте мы использовали набор методик:

«Методика диагностики социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда, адаптированный Осницким А.К. (Осницкий, 2004)

Опросник на эмоциональный интеллект «ЭмИн» Д.В.Люсина. (Люсин, 2006)

Видеотест Д.В.Люсина и В.В.Овсянниковой. (Люсин, Овсянникова, 2013)

Полученные результаты подвергли математико-статистической обработке посредством пакета программ STATISTICA 10. Выявление взаимосвязей между показателями при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Выводы.

Основные результаты, полученные при сравнении трех когорт (Ткаченко, 2017)., позволили сделать вывод об изменении облика и траектории социализации Кризисной когорты подростков на фоне социально-экономического кризиса российского общества в 2014-15 годах. Таким образом, мы можем рассматривать данные Кризисной когорты отдельно от двух других.

В результате анализа обнаруженных взаимосвязей между показателями социально-психологической адаптации и компонентами эмоционального интеллекта у подростков Кризисной и Стабильной когорт, мы можем говорить о следующих изменениях эмоционального интеллекта.

Подростки Стабильной когорты позитивно воспринимают себя и других на фоне способности идентифицировать и управлять эмоциональными состояниями окружающих. В то время, как подросткам Кризисной когорты важно понимать и управлять состояниями как окружающих, так и своими собственными для позитивного отношения к себе и другим.

При этом подростки Стабильной когорты более ориентированы на управление собственными эмоциональными состояниями, что позволяет поддерживать эмоциональное благополучие и готовность брать на себя ответственность. Представители же Кризисной когорты обеспечивают это за счет способности понимать и влиять на переживания окружающих.

У подростков Кризисной когорты не выявлено взаимосвязи эмоционального интеллекта и стремления к лидерству. При это показано, что более зависимые от окружающих подростки в недостаточной мере регулируют свои эмоциональные состояния. В то время, как стремящиеся к доминированию и лидерству подростки Стабильной когорты высоко оценивают свою способность к пониманию и управлению эмоциями других людей.

Высокая чувствительность к эмоциям отрицательной валентности окружающих у подростков Кризисной когорты сопряжена со склонностью к неприятию других, в то время как у представителей Стабильной когорты она связана с высокой зависимостью от мнения и оценок социального окружения.

Таким образом, наши предположения об изменениях характера и значимости эмоционального интеллекта в становлении субъектности подростков в ходе социализации подтвердились.

Заключение.

Эмоциональный интеллект способствует становлению субъектности и эффективной социализации подростков в транзитивном социуме за счет сдвига в сторону баланса между внутриличностными и межличностными процессами. Представители

Кризисной когорты менее склонны к лидерству, а их зависимость от социального окружения связана с низкой чувствительностью и слабой регуляцией своих переживаний. При этом позитивное отношение к себе и окружающим возможно при развитой способности к пониманию и управлению эмоциями других. В то время как негативная оценка себя и окружающих возникает на фоне низкой чувствительности к внутриличностным процессам. Им для достижения психологического благополучия и развития ответственности за свои действия важно проявлять чувствительность к эмоциональным состояниям окружающих и влиять на них, тогда как низкая чувствительность и слабая регуляция собственных состояний связана с эмоциональным дискомфортом и экстернальным локусом контроля. Таким образом, ориентированность на внутриличностные процессы способствует становлению субъектности в плане развития автономности, самопроизвольности и личной ответственности у подростков, чей пик социализации приходится на транзитивные периоды развития общества.

Литература:

Гусельцева М.С. Теоретико-методологические основы гармонизации процессов социализации, индивидуализации и идентичности личности в условиях транзитивного общества. Психологические исследования, 2016, 9(50), 6. <http://psystudy.ru>

Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности. Психологические исследования, 2014, 7(36), 7. <http://psystudy.ru>

Изотова Е.И., Максимова Е.Б. Психологические и психофизиологические аспекты исследования эмоционального интеллекта в подростковом и юношеском возрастах. Психологические исследования, 2016, 9(46), 7. <http://psystudy.ru>

Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3 – 22

Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям/Под ред. Люсина Д.В., Ушакова Д.В. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264 – 278.

Люсин Д.В., Овсянникова В.В. Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста//Психологический журнал, 2013, том 34, № 6, с. 82–94

Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. №1. С. 24-37

Осницкий А.К. Определение характеристик социальной адаптации / Осницкий А.К. // Психология и школа. - 2004. - N 1. - С. 43-56

Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд. Психологические исследования, 2012, 5(24), 1. <http://psystudy.ru>

Ткаченко Д.П. Новый вектор в траектории социализации современных подростков в контексте социально-экономического кризиса российского общества. Психологические исследования, 2017, 10(55), 10. <http://psystudy.ru>

Об авторе

Ткаченко Дарья Павловна. Аспирант, преподаватель, кафедра психологии личности, Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия. E-mail: bigbro-littlebro@yandex.ru

DEVELOPMENT OF SUBJECTIVITY OF ADOLESCENTS IN CONDITIONS OF SOCIAL TRANSITIVITY

Tkachenko D.P.

Russian state University for Humanities, Institute of psychology.L. S. Vygotsky, Moscow

Keywords: adolescents, socialization, crisis, transitivity, modern society, subjectivity, emotional intelligence

Abstract. The character of formation of subjectivity of modern teenagers in the conditions of transitivity and contradictions arising in the process of socialization is investigated. The main criteria and regulatory components of subjectivity are considered. The study of emotional intelligence as a regulatory component of socialization and formation of subjectivity in adolescence is proposed. Assumptions about possible variants of emotional intelligence manifestation in different periods of socialization are put forward. The article analyzes the results of the study of the relationship of emotional intelligence with other aspects of socialization of crisis and stable cohorts of adolescents. The interrelations of emotional intelligence with the peculiarities of social adaptation in these two groups are described. Conclusions are made about the success of social adaptation against the background of different manifestations of emotional intelligence. According to the results of the comparison, the conclusion is given about the nature of changes in emotional intelligence and its importance in the formation of subjectivity and the process of socialization of modern adolescents in a transitive society.

ПРОСМОТР МУЛЬТФИЛЬМОВ И РОЛЕВАЯ ИГРА ДОШКОЛЬНИКОВ

Резванцева М.О.

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Московский областной университет (МГОУ) г. Москва

Ключевые слова: дошкольный возраст, формирование, просмотр мультфильмов, сюжетно-ролевая игра, сравнение советских и российских мультфильмов.

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема существования взаимосвязи между просмотром мультфильмов и сюжетно-ролевой игрой дошкольников 4-5 лет. Дошкольникам предъявлялись советские мультфильмы как наиболее соответствующие возрасту и обладающие воспитательным потенциалом. Однако, в контрольном эксперименте было показано отсутствие статистически значимых различий в контрольной и экспериментальной группах. Это может свидетельствовать о том, что игра дошкольников отражает реальные межсубъектные отношения, которые чувствует и переживает ребёнок. Сюжеты, показанные на телеэкране – это переживание искусственное, которое дошкольник не связывает напрямую со своей жизнью. Соответственно, для развития сюжетно-ролевой игры дошкольников 4-5 лет более важную роль играет общение с близкими, чем просмотр мультфильмов.

Средства массовой информации, телевидение стали привычными в жизни современного человека. Одни – тратят значительное время, другие - сознательно отказываются от телепередач. Однако, если взрослые могут регулировать время, проведенное у телеэкрана, то дошкольники этого сделать не могут. Телевизоры сегодня – это уже обязательный атрибут любой детсадовской группы, а мультфильмами для самых маленьких мамы с пеленок успокаивают младенцев и используют их в минуты особых напряжений в воспитании. Однако, как именно влияет просмотр детских мультфильмов на развитие детей 4-5 лет, чему учат специальные телеистории, что меняется в их поведении. По данным отечественных детских психологов Д.Б. Эльконина, А.В. Запорожца, Е.О. Смирновой, Е. Е Кравцовой, Н.Я.Михайленко, Л.И. Элькониновой и др. сюжетно-ролевая игра является ведущей деятельностью в дошкольном возрасте. От характера игры и уровня ее развития зависят общее развитие, характер мотивации учения и степень готовности ребенка к школе. Особенностью ролевой игры является то, что она возникает по инициативе дошкольника и зависит от знания ребенком содержания деятельности взрослых. Поэтому воспитательные воздействия прежде всего направлены на обогащение опыта дошкольника, его знаний об окружающих людях и их поступках в различных ситуациях. В работах Л.И.Элькониновой показана роль чтения сказок в этом процессе. Мы предположили, что в мультфильмах предстают сказочные герои, восприятие которых дошкольниками будет проявляться в ролевых играх. Кроме того, в исследованиях А.Бандуры показано влияние просмотра детьми различных негативных и позитивных сюжетов поведения на особенности их взаимодействия с похожими на экранные игрушками и предметами.

Целью нашего исследования было изучить, существует ли взаимосвязь между просмотром мультфильмов и характером ролевой игры средних дошкольников. В предварительном обследовании выявлялись игровые навыки у дошкольников и по результатам составлялись 2 равные группы: контрольная. и экспериментальная. У дошкольников из последней группы проводилась работа по показу мультфильмов и затем проводились наблюдения над особенностями ролевой игры дошкольников из двух групп.

Экспериментальное исследование проводилось на базе МБДОУ детского сада №16 «Солнышко» Московской области, в котором принимали участие 6 педагогов, 24 ребёнка в возрасте 4-5 лет. Для определения уровня сформированности игровых навыков использовалась методика «Диагностика уровня сформированности игровых навыков у дошкольников», разработанная Калининой Р.Р., анкета для воспитателей и родителей и беседа с дошкольниками о ролевых играх. В результате предварительного обследования было выявлено, что сюжетно-ролевые игры дошкольников характеризуются средним уровнем развития: бедны по содержанию, стереотипны в развитии сюжета. В основном это игры: «Больница» (35 %), «Дочки-матери» (90 %), «Магазин» (65 %) – девочки; «Транспорт» (60 %) – мальчики. Дома дети предпочитают: «Дочки-матери» («в куклы») (80%) – девочки, «Транспорт», (45 %) – мальчики, в компьютерные игры (70 %), конструктор (75 %). В самостоятельных играх наблюдается многократная повторяемость сюжетов. Ролевое поведение дошкольников характеризуется отсутствием новизны, вариативности. Игровые задачи дети решают привычными способами. Воспитатели высказывали пожелания об увеличении времени, отводимом для совместной игры дошкольников. Родители предпочитают играть с детьми в развивающие, спортивные игры. Типичным для воспитателей и родителей является представление о спонтанном развитии сюжетно-ролевой игры как стихийной и самостоятельной у дошкольников.

В контрольном эксперименте мы использовали мультфильмы советского производства.

Сравнительный анализ современных российских и советских мультфильмов показал, что большинство сюжетов в советских мультфильмах носят поучительный характер, по содержанию соответствуют возрастным особенностям детей: их сюжеты просты, понятны; главные персонажи мультфильмов используют в своём лексиконе правильную речь, их поступки можно брать в качестве примера или антипримера. Мультфильмы современного российского производства трудно стематизировать, в содержании использованы недетские телевизионные компоненты: истерики, шантаж, рукоприкладство и т.д. (мультфильм «Алёша Попович и Тугарин Змей», в основе сюжета - карточный долг: в азартные игры играют большинство героев). В этих мультфильмах сравнительно низкий уровень речевой культуры: грубые, недетские слова, неграмотное написание слов и др. Юмор, представленный в современных мультфильмах, зачастую злой, грубый, поверхностный. Советские мультфильмы отличаются от современных мультфильмов многообразностью, эксклюзивностью, у каждого героя особый характер, эмоции, голос, в них звучит авторская музыка. Современные мультфильмы похожи: с однотипными сюжетами, одинаковыми героями в их проявлениях в поведении. Мы использовали в эксперименте советские мультфильмы: «День Рождение у бабушки» (режиссёр В. Арбеков 1981); «Мешок яблок» (режиссёр В. Бордзиловский. 1974); «Живая игрушка» (режиссёр Л. Каюк. 1982). Р.В.Овчарова подчеркивает направленность советских мультфильмов на воспитание дошкольника, показу правильного поведения.

После показа мультфильмов с дошкольниками контрольной группы проводилась беседа, направленная на выявление понимания сюжета и поступков героев. Через два дня мультфильмы демонстрировались повторно и дошкольникам предъявлялись игрушки, соответствующие атрибутам мультфильмов. Параллельно проводилось итоговое наблюдение за игрой дошкольников в экспериментальной и контрольной группах с использованием методики Калининой Р.Р.

После проведения статистической обработки результатов экспериментальной части с использованием критерия Стьюдента, статистически значимых различий в играх детей экспериментальной и контрольной групп не выявлено. Итак, увеличение уровня развития игровых навыков у экспериментальной группы указывает на естественное развитие детей. На естественное развитие детей также указывает и тот факт, что в контрольной группе детей результаты тоже выросли, без помощи экспериментального воздействия.

Игра дошкольников отражает реальные межсубъектные отношения, которые чувствует и переживает ребёнок. Сюжеты, показанные на телеэкране – это переживание искусственное, которое дошкольник не связывает напрямую со своей жизнью. Дошкольнику трудно выделить и использовать из экранного поведения героев основные игровые действия, которые он сможет воплощать в жизни. Экранные поступки и характерное поведение телевизионных героев – это складывающийся образ восприятия ребёнка.

Таким образом, содержанием развёрнутой формы сюжетно-ролевой игры являются не предметы, окружающие дошкольника, а отношения и взаимодействие между людьми, которые осуществляются через определённые разнообразные действия. Основным источником развития и обогащения ролевых игр дошкольников является не столько просмотр мультфильмов, сколько знакомство детей с реальной деятельностью взрослых.

Литература:

Выготский Л.С. Игра и её роль в психическом развитии ребёнка // Вопросы психологии, 1961. – №2. – С.62-76.

Гундарева И.О. Последствия восприятия телевизионной информации. // Восп. шк. – 2005. – №9. – С.45-54.

Ильинова К.В., Логвинова О.Ю., Мещерякова С.В., Кулько И.Ю. Влияние сюжетно-ролевой игры на формирование личности ребёнка // Молодой учёный. – 2014. – №17. – С. 487-489.

Корепанова М.В., Куниченко О.В. Использование воспитательного потенциала мультфильмов в процессе социально-личностного развития старших дошкольников // Начальная школа плюс До и После. 2013. №12. С. 27-31.

Лалетина А.Ф. Чему учат советские и современные мультфильмы? [Электронный ресурс] / А. Ф. Лалетина. - Режим доступа: <http://whatisgood.ru>.-18.12.2014

Резванцева, М.О. Социально-психологические характеристики оценивания объектов в процессе формирования // М.: МГОУ – 2012 – 218 с.

Смокин Л. Чему учат современные мультфильмы [Электронный ресурс] / Л. Смокин. – Режим доступа: <http://kislodod-books.ru> – 03.03.2015.

Соколова М.В. Персонажи современных мультфильмов в играх и игрушках детей [Текст] / Соколова М.В. // Психологическая наука и образование. 2011. №2. – С. 68–74

Шкуротий В.Н., Дубогрызова Г.Н. Роль телевидения в формировании духовно-нравственных ценностей старших дошкольников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 30. – С. 340–343. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56652.htm>.

Эльконин Д.Б. Психология игры. – 2-е изд. – М.: ВЛАДОС, 1999.

Сведения об авторе.

Резванцева Марина Олеговна, кандидат психологических наук, доцент кафедры Психологии и методологии образования Института психологии им.Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6; e-mail: m-re@mail.ru

WATCHING CARTOONS AND ROLE PLAY PRESCHOOLERS

Rezvantseva M. O.

Russian state University for the Humanities (RSUH), Moscow regional University (Moscow state University), Moscow

Keywords: preschool age, formation, watching cartoons, role-playing game, comparison of Soviet and Russian cartoons.

Abstract. The article deals with the actual problem of the relationship between watching cartoons and role-playing game of preschoolers 4-5 years. Preschool children were presented with Soviet cartoons as the most age-appropriate and have educational potential. However, the

control experiment showed no statistically significant differences in the control and experimental groups. Which may indicate that the game of preschoolers reflects the real inter-subject relationships that the child feels and experiences. The stories shown on the TV screen are an artificial experience that a preschooler does not directly connect with his life. Accordingly, for the development of role-playing.

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК НОВАЯ ФОРМА НАСИЛИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Коновалова А. В.

Институт психологии им. Л. С. Выготского РГГУ, г. Москва

Ключевые слова: кибербуллинг, Интернет, подростки, буллинг

Аннотация. Кибербуллинг в статье рассматривается как новый, обладающий собственными отличительными характеристиками, вид насилия, сформировавшийся в цифровую эпоху.

Подростковый возраст рассматривается в современных психологических, статистических исследованиях как фактор риска попадания в ситуацию буллинга. Причинами являются сочетание увлеченности, поглощенности подростком жизнью в цифровом мире, с низкой социальной компетентностью, возрастными особенностями эмоциональной и личностной сферы. В статье рассмотрены черты различных форм кибербуллинга, придающие ему уникальность по сравнению с традиционным насилием или травлей в школе. Также проанализирована отечественная и зарубежная литература по исследованиям психологических аспектов кибербуллинга, прежде всего связанных с особенностями цифровой среды.

Интернет - технологии прочно вошли в нашу жизнь. Большая часть повседневного общения взрослого человека находится в цифровом пространстве, однако это перемещение можно понимать как дополнительную надстройку над уже имеющимся опытом общения вживую. В то же время современный подросток получает навыки социализации по крайней мере в равном объеме как в живом общении, так и в виртуальном пространстве (Кондрашкин, Хломов, 2012). Интернет пространство дарит подросткам поле для экспериментов в общении, создает возможность примерить на себя различные варианты идентичности. (Lenhart et al., 2005) Безопасность экспериментов с использованием анонимности оказывает иллюзорной: идентификация грозит психологической травмой, а прикрытием анонимности с успехом может пользоваться и агрессор.

Внимание к буллингу впервые привлек норвежский психолог Д. Ольвеус, давший определение травли в среде детей и подростков: «буллинг (травля) — это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство власти или силы» (Olweus, 1993). Кибербуллинг также как и травля в реальности построен на дисбалансе власти между агрессором и жертвой, но имеет ряд особенностей. Далее обсудим виды кибербуллинга и те технические особенности цифровой реальности, которые вносят коррективы и новое психологическое содержание в травлю.

В настоящее время принято выделять следующие, наиболее распространенные виды кибербуллинга (Kowalski et al., 2011):

- 1) Флейминг - оскорбления, переходящие в быстрый эмоционально насыщенный обмен мнениями, осуществляющийся обычно в публичном пространстве, реже в частном разговоре. Особенностью, отличающей эту форму кибербуллинга от обычного спора, является то, что участникам разговора никогда подлинно неизвестно сколько у них на самом деле оппонентов, порой даже с кем именно ведется спор.
- 2) Харасмент - бессмысленные, не преследующие определенной цели, повторяющиеся слова и/или действия, оскорбительные для человека. Как правило, жертва не может опознать обидчика, который чаще всего стремится остаться неузнанным. К такому варианту кибербуллинга можно также отнести и гриферов - игроков, которые преследуют, блокируют, убивают других участников онлайн многопользовательских игр.
- 3) Троллинг - публикация пугающей информации на сайтах и страницах социальных сетей. Деятельность троллей строится на базе манипуляции и провокации других людей.
- 4) Кибесталкинг (cyberstalking; от англ. to stalk — преследовать, выслеживать) - использование интернет - технологий для преследование жертвы через сообщения, направленные в адрес жертвы или членов ее семьи.
- 5) Секстинг (sexting, от англ. sex — секс и text — текст) - отправка и публикация фото-, видеоматериалов с участием обнаженных людей. Подобный феномен может наблюдаться и как часть вполне гармоничных отношений в паре, а может быть частью кибербуллинга. Этот феномен достаточно распространен, среди участников исследования американской Национальной кампании по предупреждению подростковой и нежелательной беременности 71% девушек и 67% юношей отправляли «сексты» своим романтическим партнерам; 21% девушек и 39% юношей отправляли картинки с сексуальным подтекстом людям, с которыми им бы хотелось иметь романтические отношения; 15% юношей и девушек отправляли их кому-то, знакомому только по онлайн-общению (Lenhart, 2010).
- 6) Распространение клеветы (denigration) - распространение ложной информации о человеке в сексуализированном и/или наносящемся вред его репутации виде.
- 7) Выдача себя за другого лица (impersonation) - отправка негативной информации от лица жертвы, изменение личной информации, а также оскорбительные публикации с указанием реального имени, контактных данных жертвы.
- 8) Happy slapping - нападение на прохожего группой подростков, снятое на видео, выложенное в интернет на видео - хостинг для обзора многомиллионной аудиторией.

Таким образом, целью агрессора является дискредитация, унижение, разрушение репутации жертвы с использованием доступных цифровых технологий. На данный момент описаны типы возможных агрессоров в кибербуллинге. Установлено, что их

жертвами становятся чаще всего те же дети, которых преследуют вживую (Kowalski et al., 2011).

На первый взгляд, для каждого вида кибербуллинга довольно просто подобрать аналогичное поведение в реальности, однако насилие в цифровой реальности имеет свои особенности, связанные со свойствами цифрового пространства, обеспечивающие анонимность, непрерывность, осознанность кибербуллинга.

Анонимность агрессора заставляет жертву преувеличивать его могущество, чувствовать себя еще более уязвимым и незащищенным. Особенно уязвимыми здесь становятся подростки, имеющие опыт отвержения и травли. Агрессор, используя анонимность, в отличие от ситуации реальной травли не видит лица жертвы и, будучи сам в безопасности, в меньшей степени испытывает страх и чувство вины.

Непрерывность кибербуллинга состоит в том, что жертва доступна агрессору круглосуточно, в отличие от школьной травли. Жертва имеет возможность не только в воспоминаниях, но и прочитывая угрожающие текст неоднократно возвращаться к ситуации травмы, одновременно испытывая фрустрацию от того, что основная среда общения теперь переживается как небезопасная. (Бочавер, Хломов, 2014)

Еще одной специфической чертой кибербуллинга по сравнению с травлей в реальности, является преобладание письменной формы угроз и унижений. Письменная речь является более осознанной, переписка в интернете, несмотря на скорость, все же дает возможность агрессору предварительно обдумать угрозы, собрать доступную информацию о жертве в социальных сетях, что, безусловно, говорит о более продуманных, спланированных действиях агрессора. Стоит отметить, что жертвы кибербуллинга в меньшей степени, чем жертвы травли в реальной жизни, склонны рассказывать о ситуации своим родителям, опасаясь ограничения доступа к компьютеру (Бочавер, Хломов, 2014)

В настоящее время в России в рамках исследований, посвященных проблеме кибербуллинга можно выделить публикации, посвященные статистическому анализу распространенности проблемы, психологических характеристиках жертвы и агрессора, совпадению ролей в сравнении с травлей в реальности. Также есть ряд работ, посвященных последствиям кибербуллинга в виде образования психосоматических, аффективных, тревожных расстройств у подростков. Однако отсутствуют работы посвященные проблеме исследования ценностно - смысловой сферы подростков - агрессоров, осознанности и рефлексивности в сравнении с агрессорами в реальной травле, что могло бы стать перспективным направлением исследований.

Литература:

Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-travlya-v-prostranstve-sovremennyh-tehnologiy>.

Кондрашкин, А.В., Хломов, К. Д. (2012). Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации.// Психология. Журнал Высшей школы экономики, 9(3), 102–113.

Kowalski, R. M., Limber, S. P., & Agatston, P. W. (2011). Cyberbullying: Bullying in the digital age (2nd ed.). Chichester: Wiley-Blackwell.

Lenhart, A. (2010). Cyberbullying: What the research is telling us. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Presentations/2009/18-Cyberbullying-What-the-research-is-telling-us.aspx>

Lenhart, A., Madden, M., & Hitlin, P. (2005). Teens and technology: Youth are leading the transition to a fully and mobile nation. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Reports/2005/Teens-and-Technology.aspx>

Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know what we can do.* New York: Blackwell.

CYBERBULLYING AS A NEW FORM OF VIOLENCE IN THE TEENAGE ENVIRONMENT

Konovalova A.V.

RSUH, Institute of psychology. L. S. Vygotsky, Moscow

Keywords: cyberbullying, Internet, teenagers, bullying

Abstract. Cyberbullying with the article is considered as a new, having its own distinctive characteristics, a type of violence formed in the digital age. Adolescence is considered in modern psychological and statistical studies as a risk factor for getting into the situation of bullying. The reasons are the combination of passion, absorption of teenagers' life in the digital world, with low social competence, age peculiarities of emotional and personal sphere. The article considers the features of various forms of cyberbullying, giving it a uniqueness in comparison with traditional violence or bullying in school. Domestic and foreign literature on research of psychological aspects of cyberbullying, primarily related to the peculiarities of the digital environment, is also analyzed.

РАЗДЕЛ IV. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ВПФ

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: ОТ «КЛИКОВОГО» К КЛИПОВОМУ И ДАЛЕЕ К ЧИПОВОМУ МЫШЛЕНИЮ

Шнейдер Л.Б.

Институт психологии имени Л.С. Выготского «Российский государственный гуманитарный университет», Москва

Ключевые слова: цифровая среда, информация, потребитель, информационная грамотность, поколения, миллениалы («цифровые мигранты»), текст, центениалы («цифровые аборигены»), экран, чип.

Аннотация. В статье два ключевых момента цифровой среды: информация и её потребитель – пользователь Интернета. В сравнительном ключе представлено описание людей, принадлежащих к двум разным поколениям – «кликеров» и клиповому. Прогнозируется дальнейший вектор развития – к чиповому мышлению.

В настоящее время мы живем в условиях информационного взрыва, кардинально изменившего пространство нашей жизни, систему отношений и общения. Возникшая вследствие этого специфическая ситуация многоплановых преобразований обуславливается зримо фиксируемыми изменениями самого человека, его жизненных ритмов, установок, отношений к себе и другим (Фельдштейн Д.И.). Современный человек в отличие от его предшественников живет совершенно в иной среде – информационной, и использует ранее неизвестные – цифровые технологии.

Среда характеризуется как информационно богатая, если в ней есть возможность получения доступа ко всем видам информационных ресурсов, каналов и баз данных. В противном случае её можно считать информационно бедной. Соответственно, информационно богатым считается информационно грамотный человек, способный действенно и эффективно использовать различные виды информации. Такой человек может обучаться и развиваться на протяжении всей жизни. Информационно бедный человек на это неспособен. (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013; с. 37)

Итак, ключевыми моментами современности являются информация и человек, как её создатель, распространитель и потребитель.

Мощный поток свободной информации порождает уникальную информационную культуру личности со смешением виртуального и реального мира. Прежде культура информации заставляла учитывать требования, предъявляемые к форме информации и способам её подачи, в нынешнее время цифровой мир обращает мало внимания на проблемы обмена, методы объединения и ритуальные формы, хотя эти аспекты важны для понимания формирующейся культуры. На самом деле цифровая культура больше ориентирована на описание того, что она предлагает, нежели того, что она делает в

действительности. (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013; с. 108). Хаотичная информация, ставшая доступной вследствие распространения цифровых устройств, не относится к культуре «грамотности», которая в основу процесса ставит понятия прогрессивного обучения, развития искусств, разработки методов, исследовательских подходов, а также формирования знаний. Цифровая культура иная по самой сути, для её постижения необходимо овладение информационной грамотностью.

По определению Фрейре и Мачедо, медиа- и информационная грамотность – это критическое «прочтение» мира и его «воссоздание». (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013; с. 64)

Сегодня процесс определения моделей культурных практик, связанных с информационной грамотностью, кажется особенно трудным. Проведенные исследования (Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В., 2016) показывают, что информационная грамотность отсутствует даже у студентов престижных московских вузов. Между тем, мы окружены, взяты в плен информацией. Она повсюду: на телевидении, в печатных СМИ, Интернете, на билбордах, в кино, на предметах одежды и пр. И ситуация её широко масштабного распространения не ограничивается одной лишь коммерческой рекламой или сообщением новостей.

К.Уилсон, со ссылкой на своих коллег заявляет: «Практически все, что мы знаем (или думаем, что знаем) о мире (не из своего непосредственного опыта), доносят до нас средства массовой информации. Тот факт, что СМИ, оказывающие громадное влияние на многие аспекты общественной жизни и, разумеется, на индивидуальное сознание, остаются за пределами школьной программы, – это показатель того, что медиа способны влиять на нас на таких уровнях, о которых мы не знаем». (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013; с. 65)

Итак, информация, будучи весьма неупорядоченной и широко охватной, искусно влияет на наши убеждения. И не только. Сегодня мы становимся свидетелями пиар кампаний и корпоративного спонсорства – представители бизнеса и органы власти делают все возможное, дабы создать позитивный образ и повысить свой престиж. Используемые в информационном пространстве техники и стратегии постоянно совершенствуются для более успешного продвижения продукции, услуг и идей. Они оказывают влияние на поведение людей, формируют их ценности и аттитюды. Для многих представителей молодого поколения информация повествует не только о том, что происходит в мире, чего стоит ждать, что следует купить и пр., но и о том, как оценивать себя и свое место в мире. (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013; с. 69).

В связи с этим в информационной культуре личности, по мнению Н.И. Гендиной, особое место занимает информационное мировоззрение. Его суть – ценностное (осмысленное, ответственное) отношение и к информации, и к создаваемым и используемым информационным продуктам, и к техническим средствам, информационным технологиям. Информационное мировоззрение – это система взглядов человека на мир информации и собственное место в нем, включающая в себя ценности, идеалы, принципы познания и деятельности. (Гендина Н. И., 2012).

В современной среде существует два типа потребителей информации. Дж. Палфри., У. Гассет называют их цифровыми мигрантами и цифровыми аборигенами. (Палфри Дж., Гассет У. , 2011). Цифровые мигранты – люди, родившиеся, выросшие и сформировавшиеся в информационной среде без цифровых устройств, и вошедших в киберпространство в поздней молодости или зрелости. Цифровые аборигены – это люди, родившиеся, выросшие и повзрослевшие в эпоху цифровых технологий. Первые еще

помнят, какой была жизнь без гаджетов, вторые этого вообще не знают. По сути, это два разных поколения.

Предыдущее поколение (миллениалы) можно отнести к поколению с «кликковым» мышлением (восприятием, пониманием), когда важным моментом организации жизни и поведения был клич (клик, текстовый вброс). На многое ориентировали призывы, лозунги: «Будь готов!», «Даешь пятилетку в три года!», «Миру мир!», «Нет войне!» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т.д. и т.п. Призывной характер воздействия не допускал возражений. Клич взывал, соединял, будоражил, активизировал и направлял. Его короткий плакатный текст и трубный глас провозглашения не оставлял времени на размышления. Голосовое воздействие в специально организованных ситуациях (на торжественных собраниях, во время демонстраций и пр.) было достаточно мощным, плакатные призывы легко прочитывались и оседали в подсознании. «Кликовое» мышление порождено публичным воздействием, соответственно и реакция на него проявлялась внешне демонстрируемыми, часто шумными, способами. На это поколение доходчиво, но раздражающе воздействует реклама, которая, по сути, повторяет «кликковую струю» с назойливым и регулярно повторяющимся призывом «Купи!» Это поколение предпочитает читать, слышать и видеть. Это люди книги, люди подвергшиеся обработке текстовой доктриной. Кстати, название книг, заголовки газетных статей нередко носили (да и сейчас носят) зазывной характер. Зов (клич, текст) способствовал и развивал концентрацию внимания. Вероятно, корни этого явления уходят к эпохе глашатаев. Миллениалы ориентируются на короткую, четкую, повторяющуюся и однозначную информацию (отчеты, сообщения, короткие тексты и т.п.). Конечно, и в этом поколении, нередко встречаются люди, которым нужен значительный, монотонный и последовательный объем информации, чтобы прийти к какому-то заключению. Сам мир предстает перед ними как текстовое пространство, последовательно заполненное фразами, которые предъявляются либо быстро, но с повторами, либо последовательно, но медленно.

Центениалы (они же цифровые аборигены) живут в «молчаливой зоне», которую дополняют аудиальными (часто музыкальными) стимулами из наушников, и обладают клиповым мышлением (восприятием, пониманием). «Клиповое мышление» базируется на ярких образах и посланиях теленовостей или видеоклипов, представляющих собой последовательность почти не связанных между собой событий. В результате молодой человек, отметив одну жизненную «закладку», толком не осмыслив её проблематику, переходит к потреблению другой. Усиливается желание искать комментарии, цепляющие заголовки и вирусные ролики, слушать новую музыку, «чатиться», редактировать фотографии, ставить лайки и так далее. Центениалы любят общаться в Сети, причём анонимно. У них иммунитет к рекламе, встроенный адблок. (Источник: lifehacker.ru). Они не любят (или уже не способны) долго концентрироваться, предпочитают смотреть, а не читать, процесс чтения заместился просмотром. Это люди вакцинированные экраном. Цифровым аборигенам нужно уловить максимум информации в короткий срок. В работе с ней они предпочитают онлайн-каналы, визуализацию, динамику и скорость. В современном цифровом пространстве и подача информации, и её восприятие ориентированы на быстроту реакции человека, отсюда судорожное переключение каналов («зеппинг») и чтение кратких материалов, занимающих массу времени. (Источник: lookatme.ru, rosbalt.ru) Сейчас скорость поглощения и обработки информации — главный показатель успешности. В памятке из 15-ти пунктов для студентов Гарварда есть такой пункт: «Твой успех прямо пропорционален твоей скорости восприятия, нахождения и обработки информации». (Источник: fit4brain.com/)

Конечно, и среди молодого поколения есть люди с последовательным мышлением, с балансом между потреблением и созданием нового. Их отличает просмотр полноценных фильмов, посещение театральных представлений и продолжительное чтение больших текстов. Они склонны размышлять и анализировать.

Таким образом, в настоящее время сосуществуют два вида восприятия информации и соответствующего им мышления: «кликерное» и клиповое. Между тем, похоже, что оба вида достаточно схожи. Носители того и другого (потребители цифрового контента) в своем большинстве не ориентированы на сложную аналитическую работу, на самостоятельное создание текстов или образов, больше подвержены управляемому воздействию, но меньше - умению и желанию думать. Если в прежние времена фиксировалась зависимость человека от плакатов, текстов, лозунгов, то теперь широко распространилась зависимость от цифровых носителей. В настоящее время все источники и способы получения информации окружены (объединены) Всемирной паутиной. Средства массовой информации могут быть цифровыми, общение - сетевым, игра - виртуальной, а художественные произведения – электронными (Батенова Ю.П., 2009). Время, проводимое в интернете, становится значимой частью распорядка дня, а интернет – тем фактором, который определяет образ жизни.

Наряду с этим приходится констатировать, что человечество не стало свободнее, просто информационное «рабство» модифицировалось. Клиповое мышление, так или иначе, вытеснило «кликерное».

Об этом же повествование Б. Гейтса, утверждающего, что 90 % информации он получает онлайн. «Трудно себе представить, как мы работали 30 лет назад, когда компания только зарождалась. Мы, наконец, приближаемся к тому, что я называю «цифровой стиль работы». Если заглянете в мой офис, вы не увидите здесь много бумаги. <...> вряд ли вы захотите вернуться назад, потому что это напрямую влияет на производительность вашего труда. <...> (Гейтс Б., 2008)

А что дальше?

Сами IT специалисты смотрят в будущее с оптимизмом. Ст. Возняк утверждает, что современные технологии — машинное обучение, блокчейн, квантовые компьютеры, интернет вещей и пр. — вселяют в него большие надежды. Развитие многих из них — это тренд, который меняет жизнь. В компьютерных технологиях он видит персональных помощников, которые дают возможность решать задачи, не вводя текст, не обращаясь к девайсам и часто даже не формулируя самого. Он уверен, что системы распознавания речи скоро изменят окружающий мир, и полагает, что время роботов, которые будут нам помогать, не за горами. (Источник: econet.ru)

М. Каку в своей книге «Физика будущего» пишет, что образование будет базироваться на интернет-технологиях и гаджетах типа Google Glass. Совсем скоро компьютеры и очки Google Glass трансформируются в крохотные линзы, предоставляющие возможность загружать всю необходимую информацию. С одной стороны, не нужно будет перегружать мозг бесполезными знаниями. С другой — освободившийся умственный резерв переориентируется на развитие способности принимать быстрые и верные решения. Как он полагает, диктата учительства больше не будет. Люди станут образовывать сами себя, причём реально осознавая, какие именно знания им нужны. Университетское образование станет по преимуществу виртуальным, обучение будет основано на облачной системе. Города будущего, наполненные информационно-коммуникационными решениями, станут активными участниками новой образовательной среды. Учебники научатся начинаться искусственным

интеллектом, он сможет подбирать фото, тексты, видео, задания, схемы под потребности каждого конкретного ученика вне зависимости от его возраста.

М. Каку полагает, что общество постепенно переходит от товарной экономики к интеллектуально-творческой. Самое главное — вовремя сориентироваться и переключиться. Вполне реально, что будет создан сверхразум, превосходящий лучшие умы человечества практически во всех областях, что позволит максимально безопасно совершенствоваться и стимулировать естественные когнитивные процессы, наработать базу знаний. По его мнению, мозговые чипы, обеспечивающие непрерывную подачу информации, — технология недалёкого будущего. (Источник: 22century.ru)

Таким образом, приходится констатировать, что эра клипового мышления изживает себя, приближается эпоха чипового мышления. Что оно принесет с собой? Время покажет.

Литература

Батенова Ю.В. Психологические аспекты взаимодействия человека и информационных технологий: современные тенденции// Актуальные проблемы психологического знания.- 2009. -№4 (вып. 13). – С. 6-14.

Гендина Н. И. Информационная подготовка и медиаобразование в России и странах СНГ. Проблемы формирования информационной культуры личности и продвижения идей информационной и медиаграмотности. – Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, 2012. – 185 с.

Медиа- и информационная грамотность в обществах знания / Сост. Кузьмин Е. И., Паршакова А. В. М., 2013.

Палффри Дж., Гассет У. Дети цифровой эпохи. М., Эксмо, 2011.

Фельдштейн Д.И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития. М., 2010.

Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня//Психологические исследования. 2017. Том 10. №52. <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1406-shneider52.html>

Гейтс Б. Как я работаю.

<https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2008/06/20/kak-rabotaet-bill-geyts/> Дата обращения: 20.02 2017г.

Каку М. Физика будущего / Пер. с англ. Н. Лисова. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012. — 584 с.

XXII век. Открытия, ожидания, угрозы.

<https://yandex.ru/search/?lr=216&text=22century.ru%20>. Дата обращения: 12.03. 2017.

Фитнес для мозга. <http://fit4brain.com/> Дата обращения: 12.03. 2017.

<http://www.rosbalt.ru/> Дата обращения: 2.04. 2017.

<https://lifehacker.ru/> <tp://www.lookatme.ru/> Дата обращения: 10.03. 2017.

Сведения об авторе

Шнейдер Лидия Бернгардовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой специальной психологии Института Психологии им. Л.С. Выготского,

YESTERDAY, TODAY, TOMORROW: FROM KLIKOVY TO CLIP AND FURTHER TO CHIP THINKING

Schneider L.B.

Institute of psychology of L.S. Vygotsky "Russian State Humanitarian University", Moscow

Keywords: digital environment, information, consumer, information literacy, generations, millennials ("digital migrants"), text, centenials ("digital natives"), screen, chip.

Abstract. In article two key moments of the digital environment: information and its consumer – the Internet user. In a comparative key the description of the people belonging to two different generations – "klikovy" and clip is submitted. The further vector of development – to chip thinking is predicted.

ЧЕЛОВЕК И ЦИФРОВОЙ МИР: КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ

Балашова Е.Ю.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва; ПИ РАО, Москва; НЦПЗ, Москва

Ключевые слова: цифровые технологии, гаджеты, клиническая психология, зависимость, профилактика.

Аннотация. Автор статьи анализирует комплекс психологических проблем, возникающих при взаимодействии человека с цифровыми технологиями и различными гаджетами. Обсуждаются феноменология поведенческих проявлений этих проблем и вероятные клинико-психологические механизмы формирования таких аспектов цифровой зависимости, как хроническая усталость от постоянного пребывания в интернете, снижение качества психического развития детей и подростков при слишком раннем и недозированном включении гаджетов в образовательный процесс и в сферу досуга. Автор приводит ряд доказательств отрицательного влияния цифровой зависимости на состояние когнитивных функций (памяти, внимания, мышления) у взрослых пользователей. Описываются современные методы средовой терапии и психологической профилактики такой зависимости.

Последние десятилетия характеризуются все более широким внедрением т.н. цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности человека: в науку, промышленное производство, здравоохранение, обучение, общение, досуг и т.п. Обладая несомненными преимуществами, эти технологии, вместе с тем, могут нести с собой определенные угрозы психическому здоровью людей (Балашова и соавт., 2010; Белинская, Марцинковская, 2018; Емелин, Тхостов, 2013; Головина, 2018; Марцинковская, 2010; Тхостов, Емелин, 2012; *Teperik*, 2010). Задачей (одновременно

научной и практической) клинической психологии в данной ситуации является внимательный анализ возможных рисков, и затем разработка профилактических мер.

Какие же проблемы взаимодействия человека и цифровых технологий (одним из реальных воплощений которых являются разнообразные гаджеты) обсуждаются сегодня в научной среде и в средствах массовой информации?

Во-первых, это сформировавшийся у многих пользователей особый вариант синдрома хронической усталости – но уже не от работы, а от постоянного пребывания в интернете. По данным Sky News, темпы продажи обычных мобильных телефонов растут сейчас больше чем в два раза быстрее, чем современных смартфонов. И эта тенденция объяснима – все больше и больше людей проводят в интернете десятки часов. Например, приблизительно у четверти взрослых британцев эта цифра составляет более 40 часов в неделю; более 60% европейцев и жизни себе не могут представить без глобальной паутины. Поэтому многие, понимая, что попадают в плен зависимости от гаджета, и осознавая, что это потенциально опасно или, по крайней мере, непродуктивно, пытаются оградить себя от соблазна, выбирая мобильный телефон без интернета.

Поскольку я регулярно пользуюсь московским общественным транспортом, хочу поделиться собственными наблюдениями. По моим подсчетам, смартфоны не выпускают из рук около 80% пассажиров метро. Это преимущественно подростки, молодежь, люди среднего возраста. Причем никогда! Ни в вагоне, ни на эскалаторе, ни на платформе. Ни сидя, ни стоя, ни идя пешком, ни даже во время посадки в вагон и выхода из вагона. Ни в толпе в «час пик», ни в относительном одиночестве. Более того, приблизительно у 25% «он» не один. Мне встречались пассажиры, у которых я видела в руках два смартфона и еще мобильник. А многие берут с собой еще планшеты и ноутбуки. На мой взгляд, широкое распространение массивных рюкзаков связано именно с непреодолимым желанием постоянно носить с собой все любимые гаджеты, далеко не всегда обусловленным профессиональной необходимостью. Зададим себе вопрос – это нормально? Это делает вас счастливее? Придает уверенности в себе? Это повышает вашу самооценку? Лично мне всегда казалось, что таскание тяжелых сумок – это вариант самоистязания (у психоаналитиков есть и более изящный термин - мазохизм). Читатели помнят, что те или иные проявления самоистязания часто имели место в разных религиозных культах. Впрочем, зависимость от гаджетов (или преклонение перед ними?) в чем-то сродни религии. Адепты «digital religion», например, готовы сутками стоять в очереди за новой моделью айфона: в конце сентября 2018 года москвичи удостоились лицезреть такую очередь на Тверской улице. Любопытно, что в ответах стоящих на вопросы журналистов причудливым образом сочетался фанатизм с меркантильными рефлексам: место в очереди оценивалось в сотни тысяч рублей и, при желании, покупалось и продавалось. Мне эта ситуация почему-то напомнила гениальный фильм Якова Протазанова «Праздник святого Йоргена», снятый аж в 1930 году. Вот уж где фанатизм и стяжательство становятся даже не ассоциативным комплексом, а настоящей функциональной (и весьма успешно функционирующей!) системой!

Во-вторых, внимание общества все больше привлекает влияние чрезмерного увлечения гаджетами на качество и успешность психического развития в ходе ранних этапов онтогенеза. Широко известен следующий факт: Стив Джобс, основатель компании Apple, где придумали первый смартфон, строго ограничивал для своих детей время пользования планшетом. В ряде элитных школ США и Европы не приветствуется наличие гаджетов – дети учатся делать вычисления вручную. Почему так? Оказывается, психические функции (устная и письменная речь, память, моторика, интеллект и другие) в детстве должны пройти определенный путь развития, складывания, автоматизации

входящих в их состав действий и операций. При передаче ряда таких операций гаджетам функция не формируется в достаточном объеме. Кроме того, даже у взрослых людей отмечается заметное снижение IQ, если они во время выполнения заданий теста регулярно отвлекаются на звонки и мессенджеры своего смартфона. Между прочим, мне это напоминает поведение студентов на лекциях и семинарах: смартфоны всегда рядом с тетрадами. И как, по-вашему, это сказывается на усвоении учебного материала и формировании профессиональных знаний и навыков?

Словом, ресурсы нашего внимания явно не безграничны. И вообще, возникает впечатление, что длительное бездумное общение с некоторыми гаджетами моделирует давно известный в нейропсихологии феномен «полевого поведения» у больных с поражениями лобных отделов мозга: они отвлекаются на любой стимул и, вследствие этого, не могут сосредоточиться на решении главной задачи. Специалисты говорят еще и о том, что другим фактором интеллектуальной деградации является потребление информации маленькими порциями (а именно так она представлена в мессенджерах) не требует усилий и мозг начинает лениться (Головина, 2018). О влиянии многочасовых игр в «Тетрис», «Шарики» или «Пиратские сокровища» (настоящего убийства времени в духе произведений известного сказочника про приключения Алисы в стране чудес и в зазеркалье) и говорить не стоит. Такое прогрессирующее интеллектуальное снижение уже получило страшенькое медицинское название – “digital dementia”.

В-третьих, развитие цифровых устройств и чрезмерное увлечение мобильными технологиями приводит к появлению изменению психики и поведения. Это неконтролируемый страх остаться без мобильного даже на несколько минут. Многие пользователи не расстаются с ним даже в душе или во время еды (фирмы-производители поэтому выпускают все больше и больше моделей с водонепроницаемым корпусом). Это невозможность запомнить, где в интернете вы видели ту или иную информацию (т.н. интернезия), и невротические реакции по поводу подобных затруднений. Замечу попутно, что даже разумное пользование интернетом, когда путешествия по глобальной паутине являются дозированными и целенаправленными, предъявляет особые требования к селективности памяти, к умению выбрать и запомнить нужное. Это вспышки ярости при сбоях в работе гаджета. Это носящие навязчивый характер опасения не успеть вовремя зарядить смартфон или забыть (потерять) зарядное устройство. Я перечислила лишь немногие из известных специалистам «цифровых» симптомов; весь их комплекс, без сомнения, уже давно превратился в настоящий синдром.

Существуют ли способы совладания с описанной ситуацией? В разных странах мира появляются особые дни, когда люди пытаются полностью отказаться от использования гаджетов; создаются специальные программы отдыха с добровольной конфискацией всей «цифры» на время отпуска; в городской среде все чаще возникают зоны Wi-Fi free. Цифровая зависимость стала объектом огромного числа шуток, анекдотов, юмористических видео, что свидетельствует о наличии определенного критического отношения наших современников к этому феномену. Но важно и другое. Прежде всего, каждый пользователь цифровых гаджетов должен решить, кто слуга и кто господин. Он должен помнить, что гаджет – это небольшое устройство, предназначенное для облегчения и усовершенствования жизни человека, что оно является лишь средством достижения различных целей, а никак не сверхценным фетишем. Пользователю необходимо решить, не попадает ли он во власть растущей патологической потребности (в психологическом смысле этого слова), которая неизбежно окажет негативное влияние на его личность, когнитивные функции, реальное общение с окружающими людьми. Важно и понимание того, что отношение с миром гаджетов должно стать осознанным,

продуманным, доступным произвольной регуляции. И в формирование навыков такого осознания и регуляции может внести существенный вклад клиническая психология.

Литература

Балашова Е.Ю., Ковязина М.С., Сурнов К.Г. Часовой механизм в контексте проблемы культурной патологии // *Психологические исследования (электронный журнал)*. 2010. №2(10).

Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей и материалов международной конференции, 14-17 февраля 2018, Коломна / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.*

Головина Е. Виртуальный доширак // *Вечерняя Москва*, 6-13 сентября 2018, № 34 (28030). С. 28-29.

Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // *Вопросы философии*. 2013. № 1. С. 74–84.

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // *Мир психологии*. 2010. № 3. С. 90-102.

Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Мобильные деспоты // *Дети в информационном обществе*. 2012. № 12. С. 60–65.

Teperik R.F. Ontopsicologia della dipendenza // *Ontopsicologia*. 2000. N 3. Pp. 91–98.

Сведения об авторе

Балашова Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, elbalashova@yandex.ru

PEOPLE AND DIGITAL WORLD: CLINICAL-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE RELATIONSHIP

Balashova E. Yu.

MSU named M.V. Lomonosov, Moscow; PI of RAE, Moscow; MHRC, Moscow

Keywords: digital technologies, gadgets, clinical psychology, addiction, prevention

Abstract. The author analyzes the complex of psychological problems arising in human interaction with digital technologies and various gadgets. The phenomenology of behavioral manifestations of these problems and probable clinical and psychological mechanisms of formation of such aspects of digital dependence as chronic fatigue from constant stay on the Internet, decrease in quality of mental development of children and teenagers at too early and unproven inclusion of gadgets in educational process and in the sphere of leisure are discussed. The author provides a number of proofs of the negative influence of digital dependence on the state of cognitive functions (memory, attention, thinking) in adult users. Modern methods of environmental therapy and psychological prevention of such dependence are described.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ²⁴

Емелин В.А.

МГУ имени Ломоносова, факультет психологии.

Ключевые слова: идентичность, цифровые технологии, информационное общество, высшие психические функции, культурно-историческое развитие, когнитивные карты.

Аннотация. Культурно-историческое развитие человека в информационном обществе связано с трансформацией его идентичности под влиянием вхождения в жизнедеятельность цифровых и других высоких технологий. Технологии информационного общества становятся не только инструментами, количественно умножающими способности человека, но и качественными расширениями его высших психических функций. Если на протяжении всей предшествующей истории технологии лишь облегчали человеку те или иные действия, радикально не преобразовывая его натуральных возможностей, то современные цифровые технологии информационного общества в ходе их использования меняют не только топологию человека, расширяя и дополняя его, но и изменяют его мировоззрение, создавая возможности разнородных и анонимных каналов коммуникации, формируют новые формы удовлетворения потребностей и оказывают влияние на высшие психические функции. Изучение последствий этих процессов в условиях динамично развивающегося информационного общества становится одной из актуальных задач наук о человеке.

Стремительное развитие цифровых телекоммуникационных технологий в современном обществе привело к пониманию необходимости осмысления их последствий для жизнедеятельности человека в целой серии междисциплинарных областей – философии, социологии, психологии (Степин, 1997; Рейнголд, 2006; How Technology Changes Everything (and Nothing) in Psychology, 2009). При этом, если традиционно информационные технологии обсуждались как отдельная сфера деятельности (отдельная виртуальная реальность) (Носов, Виртуальная психология, 2000), как усовершенствование, линейное расширение возможностей человека (Маклюэн, 2003), то к настоящему моменту становится все более очевидно, что информационные технологии не просто дополняют или расширяют, но опосредствуют все психические процессы и отношения людей (How Technology Changes ..., 2009), становясь в этом смысле «психотехнологиями» (Schimmenti, Caretti, 2010). Как следствие, в современном обществе понимание культурно-исторического процесса развития человека невозможно без описания того, каким образом это развитие трансформируется в новом социальном контексте, опосредствованном влиянием технологий. Развитие цифровых технологий делает необходимым психологических анализ направлений и механизмов трансформации процесса культурно-исторического развития человека (в том числе, трансформации высших психических функций человека) с развитием информационных технологий.

Сегодня в психологии активно дискутируется проблема так называемых «психотехнологий» в том смысле, что они влияют на психические процессы и отношения

²⁴ Исследование осуществлено при поддержке гранта РФФИ 17-06-00849-ОГН. The paper is supported by grant project of the Russian Foundation for Basic Research # 17-06-00849-OGN.

людей (Schimmenti, Caretti, 2010), непосредственно на психику человека (How Technology Changes ..., 2009). Так, семья перестала быть важнейшим фактором в формировании и поддержании представлений: телевидение и интернет предлагают большое количество недоступных ранее ролей и моделей поведения, способов мышления и выборов. Видеоигры позволяют конструировать и переживать виртуальные реальности, которые могут быть далеки от норм и ценностей общества. Помимо этого, используя технологии, человек может создавать новые референтные группы с необычными нормами взаимодействия вместо того (или вместе с тем), чтобы быть вовлеченным в привычный процесс социализации. В результате ценности, представления и отношения нового поколения могут отличаться от традиционно признаваемых: то, что обычно рассматривалось как изоляция, в глазах пользователей технологий выглядит тесной связью с другими людьми, то, что считалось импульсивным поведением, становится жизнью на современной скорости. Без учета и понимания этого, невозможно понимание психологических особенностей современного поколения, особенно молодежи. По мнению ряда исследователей, (Srivastava, 2005), технические средства являются «выгодным» объектом для включения в структуру идентичности: они позволяют не столько удовлетворить потребность в обладании, сколько организовывать некий процесс (переживаний). Некоторые технологии позволяют выразить и личностные особенности (идентичность) своего владельца. Так обстоит дело с профилями и аватарами в интернете и звуковым тоном и заставкой мобильного телефона - они открывают возможности для персонализации и несут некую информацию о человеке для других людей (о том, кто он). Широкое распространение и практически "безграничность" технологий приводят к актуальности проблемы сохранения идентичности и приватности. Предлагается даже термин - "цифровая тень" - для описания того, как представлен человек, его личность и идентичность в виртуальном мире (Shroff, Fordham, 2010).

В целом, существующие исследования задают проработанную теоретическую основу для интеграции полученных данных на основе положений культурно-исторического подхода в психологии. Однако до настоящего времени лишь немногие работы (Mossberger et al., 2008; Солдатова и соавт., 2013) уделяли внимание пониманию цифрового мира как опосредствующего все сферы жизни и задающего специфическую социальную ситуацию развития, что делает необходимым анализ трансформации культурно-исторического развития человека под влиянием технологий. Это ставит вопросы о собственно психологических изменениях в системе социальных ожиданий и представлений, в мотивационно-смысловой, ценностной, волевой, эмоциональной и когнитивной сферах личности, а также в структуре деятельности, которые до настоящего момента остаются недостаточно исследованными. Несмотря на очевидность и широкую распространенность представлений о важности и актуальности исследования влияния информационных технологий на психику человека (How Technology Changes ..., 2009), в современном психологическом дискурсе отмечается дефицит работ, посвященных теоретическому осмыслению того, каким образом и по каким механизмам трансформируются внутренний мир и деятельность человека под влиянием технического прогресса. Лишь в недавнее время представления о цифровом мире как опосредствующем все сферы жизни человека получили развитие в рамках концепций цифрового гражданства (Mossberger et al., 2008) и цифровой компетентности (Солдатова и соавт., 2013).

Технологические и социокультурные трансформации, произошедшие в последние десятилетия, требуют выявления психологических закономерностей, определяющих то, каким образом информационные технологии опосредствуют культурно-историческое развитие человека, позволяя говорить о новом «витке» в развитии высших психических

функций – «информационно-опосредствованных» ВПФ. Это позволит перейти от исследований распространенности тех или иных феноменов в интернете к пониманию их психологического содержания и динамики. С практической точки зрения выявление трансформации высших психических функций и деятельности человека под влиянием информационных технологий позволит модифицировать существующие методы психологической диагностики и психологической помощи таким образом, чтобы они были сензитивны к современным условиям развития человека.

Специальный интерес представляет собой анализ влияния технологического расширения человека на трансформацию его когнитивных карт и, опосредствовано, на изменение его «картины мира». Хотя многие высшие психические функции взаимодействуют, в отношении трансформации натуральных когнитивных карт происходит их довольно необычное пересечение с технологическим расширением человека. Человек не только способен усваивать знания, дополняющие его собственную когнитивную карту, он может изменять само природное ограничение его локомоций через изобретение транспортных средств, дающих ему даже возможность летать, информационных сервисов, позволяющих организовывать маршруты перемещений, и соответственно, получать уже новые знания о новых возможностях. Иначе говоря, возникает особый гибридный конструкт карты-возможности локомоции, соотносённый с новыми технологическими возможностями, приводящий уже к качественным изменениям географии, становящейся привязанной не к натуральной реальности, а реальности технологической.

На метафорическом и лингвистическом уровне изменения в деятельности человека зафиксированы в таких терминах как «поколение большого пальца», «текстовая шея», «многооконность», «клиповое сознание», «фрагментарное мышление» и т.п. «Будущее теперь - это уже не завтра, это через 10 минут» (How technology changes ..., 2009, p. 454), и это будущее не нейтрально – технологии задают новые возможности, а тем самым – цели и ценности, сдвигают привычные границы нормы и патологии, изменяют структуру деятельности. Изменения в социальной распространенности технологий и соответствующих социальных ожиданий приводят к трансформации конвенциональных границ нормы и патологии, когда то, что считалось зависимостью, становится проявлением современного образа жизни. Исходя из понимания того, что технологии не являются нейтральными по отношению к использующему их человеку, предлагается дополнить их разработкой новой позиции, учитывающей возможности соразмерного и гармоничного сосуществования человека и технологий с целью сохранения родовой сущности человека и его устойчивой и когерентной идентичности при неуклонном развитии технического прогресса.

Литература:

Маклюэн, М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. — М.: Гиперборея, Кучково Поле, 2003. — 464 с.

Носов, Н. Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.

Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.

Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность российских подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. – М.: Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.

Стёпин, В.С. Высокие технологии и проблема ценностей // Высокие технологии и современная цивилизация. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 4-11.

Сведения об авторах

Емелин В.А. МГУ имени Ломоносова, факультет психологии.

THE TRANSFORMATION OF HIGHER MENTAL FUNCTIONS UNDER THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Emelin V.A

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology

Keywords: identity, digital technologies, information society, higher mental functions, the cultural-historical development, cognitive maps

Abstract. The cultural-historical development of the man in the information society is strongly associated with the transformation of his identity under the influence of digital and other high technologies. The information society technologies turn into not only the instruments, enhancing the natural abilities of a person, but also the quality extensions of his or her higher mental functions. During the whole preceding history, technologies have facilitated one or the other actions, transforming no natural abilities. Then, in the course of the deployment, modern digital technologies of the information society change not only the man's topology, extending and augmenting him. But, they change his worldview, making heterogeneous and anonymous channels of communication possible, creating new forms of satisfaction of needs and exert influence on higher mental functions. Studying the effects of those processes and in the conditions of the dynamically developing information society become one of relevant problems of the humanics.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ОНЛАЙН РЕЖИМЕ ДНТЯМ, ПЕРЕЖИВЩИМ ПЕРИОД АДАПТАЦИИ В ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕ

Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С.

Психологический институт Российской академии образования, г. Москва
Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Ключевые слова: приемный ребенок, приемная семья, усыновление, психотерапевтическая помощь, адаптация приемного ребенка, психологическая помощь онлайн.

Аннотация: Подчеркивается необходимость приоритетного развития психотерапевтической помощи и сопровождения принимающих семей, по сравнению с усилением контроля. Характеризуется период адаптации приемного ребенка, его основные этапы, запросы на психотерапевтическую работу и мишени психотерапии. Предъявляется опыт проведения психотерапии 16 детей дошкольного и школьного

возраста из 12 семей в онлайн режиме с использованием образовательной игровой программы, позволяющей психологу и ребенку дистанционно взаимодействовать.

В последние годы интерес исследователей к проблемам семей, воспитывающих приемного ребенка постоянно растет. Это связано с несколькими факторами, среди которых: (а) развитие социальной политики в сторону уменьшения практики институционального устройства детей-сирот и предпочтение ему семейного устройства; (б) раскрытие внешних границ принимающих семей, в связи с обязательной подготовкой родителей и другими требованиями; (в) постоянные изменения во взаимоотношениях общества и принимающей ребенка семьи (от активной стимуляции, в том числе материальной, к приему большего числа детей-сирот, до ограничений и установления систем контроля за функционированием). Институт принимающей семьи, в целом, и конкретные семьи оказываются в особом фокусе внимания и постоянно подвергается оценке и социальной, и научной. Опыт родительства квалифицируется в категориях функциональности/дисфункциональности, а государство делает выводы о необходимости отбора приемных родителей (Милосердие.ru, 2017). Эта оценка ставит вопрос о целесообразности развития семейного устройства в существующей форме, но обходит вопрос необходимости улучшения качества жизни приемной семьи. Между тем, уже на протяжении многих лет, международные исследователи указывают, что усыновленные и приемные дети находятся в зоне риска по психическим заболеваниям и социальной дезадаптации. И хотя этот риск ниже, чем у детей из детских домов и интернатов, тем не менее, приемные дети чаще, чем дети в кровных семьях сталкиваются с такими проблемами, как: агрессивность, воровство, ложь, оппозиционное поведение, уходы из дома, гиперактивность, снижение самооценки, сложности в обучении и др. (Brodzinsky, Schechter, 1990). Такие данные говорят о необходимости развития системы сопровождения принимающих семей (как с усыновленными, так и приемными детьми). совершенствования практики психологической помощи, особенно в кризисные периоды.

Один из наиболее трудных этапов в развитии принимающей семьи, это период адаптации, длящийся от полугода до нескольких лет после появления ребенка, наряду с этим именно в это время формируется привязанность между родителями и детьми и перерабатывается травматический опыт членов семьи, предшествующий их объединению. Период адаптации начинается с, так называемого «медового месяца» и «опережающей привязанности», когда дети и родители испытывают удовлетворение от объединения, облегчение после переезда и интерес к новым условиям (Красницкая, 2001). Затем наступает «регресс», разочарование друг в друге, проверка правил и границ, проекция паттернов поведения, сформированных до образования принимающей семьи, потеря контроля над поведенческими и эмоциональными проявлениями. Признание проблем и принятие родителями и детьми друг друга, отказ от нереализованных ожиданий, совладание с чувствами от нереализации надежд, снижение требований друг другу и выстраивание достаточно стабильной структуры семьи - знаменует завершающий этап периода адаптации, «привыкание». Анализируя причины процессов, происходящих в период адаптации, и опираясь на различные концепции, специалисты отмечают широкий круг факторов, вызывающих проблемное поведение ребенка и сложности совладания с ним у родителей: (а) опыт депривации и потери объекта привязанности у ребенка, (б) сложности формирования привязанности (особенно, при ранней депривации), (в) конфликт лояльности (к приемной семье и предыдущим значимым фигурам) у ребенка, (г) кризис идентичности и принадлежности у всех членов семьи, (д) отказ родителями принимать факт, что они «вторые» родители, отсутствие рефлексии мотивации и ожиданий. И наконец, множество исследователей указывают на биологические факторы, в том числе на (д) пренатальные трудности и родовые травмы, а

также на тот факт, что (е) в период адаптации ребенок находится под воздействием стресса, сравнимого с потерей родителя или развода родителей. (Brodzinsky, Schechter, 1990)

В рамках различных программ поддержки и сопровождения нами проводилась психотерапевтическая работа с семьями, принявшими на воспитание приемного ребенка. Всего помощь была оказана 12 семьям и 16 детям, в них воспитывающихся. Возраст детей: от 5 до 15 лет, большинство детей являлись младшими школьниками и дошкольниками. Все семьи, на момент оказания помощи, проходили период адаптации, дети находились в семье от одного месяца до четырех лет. Психотерапевтическая помощь проходила в формате семейной психотерапии и игровой терапии, с использованием методов нарративного, когнитивно-бихевиорального и системного семейного подходов. Консультации были организованы в онлайн режиме, с использованием программного обеспечения аудио- и видео связи Skype и образовательной платформы CoSpaces Edu (<https://cospaces.io/edu/resources.html>). CoSpaces Edu - это «интуитивная» обучающая технология, разработанная для образовательных учреждений, позволяющая в рамках психотерапевтической работы создавать на едином для психотерапевта и ребенка поле анимированных персонажей, их окружение, 3D-объекты организовывать диалоги между ними. Таким образом, создается общее пространство онлайн для игровой психотерапии, доступное как на персональном компьютере, так и на планшете и сенсорном телефоне. Детям до 7 лет на первых консультациях нужна помощь родителей для занятий, дети более старшего возраста могут пользоваться программой самостоятельно. Онлайн формат работы, включающий привлекательную для детей деятельность, вызывающий аналогию с компьютерными играми и играми на планшете, создает высокий уровень первичной мотивации к занятиям даже у детей, настроенных оппозиционно к родителям и психологической помощи. Известно, что использование гаджетов, то, как воспринимается информация, полученная через них, различается у разных поколений (Марцинковская, 2012). Подростки больше доверяют информации в интернете, более свободно себя чувствуют в онлайн пространстве, при этом само содержание информации и эмоциональное отношение к ней не имеет значительных различий у людей разных поколений (Марцинковская, 2012).

Таким образом, используя в консультировании онлайн формат мы делаем форму получения информации более привлекательной для детей, а содержание работы при этом понятно и разделяется обоими поколениями. Онлайн формат дает психотерапевту некоторый «бонус» для установления контакта и развития мотивации к изменениям у ребенка. В случаях работы с детьми, переживающими период адаптации, это имеет ключевое значение, так как дети часто не доверяют специалистам в этот период, оппозиционно настроены по отношению к предложениям родителей «разбираться с проблемами», демонстрируют нарушения поведения, трудности внимания, нередко замыкаются и не идут на контакт. Немаловажно и то, что дети могут заниматься из дома, в больших городах, где на дорогу к профильным специалистам могут уходить часы, это имеет особое значение.

Основные запросы приемных родителей в период адаптации ребенка связаны с нарушениями у него контроля собственного поведения, отсутствием рефлексии чувств и понимания последствий собственных действий, «включением» паттернов «дерись, беги, замри», отсутствием позитивного образа себя, игнорированием чувств других, а также тревожной симптоматикой (Brodzinsky, Schechter, 1990). Говоря о собственных сложностях, родители указывают на чувства разочарования, усталости, беспомощности, на неустойчивость воспитательных стратегий и внутренние конфликты во взрослой подсистеме между супругами, а также другими людьми, участвующими в воспитании.

Предъявляемая родителями симптоматика, как мы указывали ранее, описывается в рамках разных объяснительных моделей, однако, большинство специалистов рассматривают ее, прежде всего, как последствие травматического опыта и нарушений привязанности.

В первый период нахождения в семье психотерапевтическая работа ведется в нескольких направлениях (Levy, 2000):

(а) Формирование паттернов привязанности. Создание безопасных детско-родительских отношений, нередко восстановление способов взаимодействия, которых ребенок был лишен на предыдущих этапах развития. Позиция родителя должна быть последовательна, стабильна, соответствовать состоянию ребенка, содержать эмпатию, поддержку, иметь позитивную эмоциональную окраску. В ходе терапии родители и ребенок получают опыт тактильного взаимодействия, так называемого «контейнирования» чувств, родитель выступает в роли «большого», ребенок в роли «маленького», родитель определяет структуру и форму взаимодействия, откликаясь на потребности ребенка в данный момент.

(б) Системная терапия. Направлена на установление стабильной родительской подсистемы, когда все взрослые действуют согласовано, проясняют стратегии, разрешают конфликты за пределами взаимодействия с ребенком, исключая процессы триангуляции, формируют новые правила и структуру семьи.

(в) Формирование навыков, с использованием интегративных моделей. Организация условий для экспериментов родителей с различными коммуникативными техниками, поведенческими стратегиями, формирование навыков взаимодействия, для поиска наиболее комфортных для всей семьи паттернов взаимодействия в ситуациях обострения симптоматики.

(г) Переписывание историй. Закрепление и развитие позитивного опыта детско-родительских отношений, формирование совместных планов, мечтаний, надежд, проговаривание с ребенком семейных перспектив, создание традиций, совместных праздников.

Данные направления работы требуют устойчивого эмоционального состояния родителей, стабильности выбранных стратегий, переживая со своей стороны адаптационный кризис, сомнения в перспективах развития отношений, они не всегда могут сменить паттерны, продемонстрировать ребенку позитивную обратную связь; дети также не демонстрируют стабильно признаки привязанности и симпатии в адрес приемных родителей.

В этой ситуации экстернализованная картинка, которая создается на экране в игровой программе, становится внешним образом альтернативных отношений, проигрывая которые и родитель, и ребенок получают эмоционально-позитивный опыт. Этот опыт затем с помощью домашних заданий переносится в реальное взаимодействие.

Основные этапы терапии при использовании игровой онлайн программы:

(а) Знакомство, сбор информации о семье, запроса, определение целей психотерапевтической работы, освоение функций игровой онлайн программы всей семьей;

(б) Установление контакта с ребенком, свободная игра, игра с «простыми» инструкциями: поставить членов семьи, построить безопасное место для героя и т.д.

(в) Диагностический этап: конструирование историй и игры, соответствующей проблематике семьи. Ребенку предлагается развивать игру, содержащую конфликт или переживания, конгруэнтные настоящему опыту семьи. Среди тем и используемых для игры инструкций: «придумай два мира, в одном из которых герою страшно, а в другом - спокойно», «построй дом и его окружение, в котором живет семья, в которой людям трудно вместе», «придумай ситуации, в которых герой поступает не так, как ему на самом деле бы хотелось», «давай создадим мир, в котором с героем будут поступать так, что он этого не ожидает».

(г) Интервенции и конструирование альтернативного опыта: на этом этапе психолог совместно с ребенком ищет альтернативные стандартным паттернам действия (поиск помощи, рефлексия чувств, ясные коммуникации, эмоциональный контакт с близкими). Большое значение в работе с детьми в период адаптации на этом этапе играет визуализация альтернативного контакта с приемным родителем. Например, создавая диалог между персонажами, психолог может приписать образу родительской фигуры «терапевтические» тексты: «я злюсь, когда ты дерешься и ломаешь вещи, но ты мой сын навсегда», «я не всегда могу обнять тебя, мне нужно еще поучиться это делать, но внутри - я тебя обнимаю», «когда тебе страшно, я буду всегда говорить: никогда не позволю никому больше обидеть тебя». В большинстве случаев, такие альтернативные взаимодействия вызывают у ребенка отклик-проверку: «а я тебя все равно ударю», «я никогда не изменюсь», «ты меня не будешь любить» и т.д. Психотерапевт демонстрирует устойчивость позиции родителя внутри игры, согласно концепциям терапии нарушений привязанности. Интервенции терапевта могут быть и «из роли», ассоциированной ребенком с собой, как правило, они связаны с переходом на открытые коммуникации, проговаривание, в противовес демонстрации действий. В ходе игры может быть организован даже телесный контакт персонажей, фигуры могут обнимать друг друга, стоять плечом к плечу (родительская пара), держать на руках ребенка, вытягивать руки, защищаясь от контактов. Тематика интервенций, в целом, соответствует основным направлениям помощи в период адаптации: прояснение коммуникаций, декларация принадлежности ребенка к семье, обозначение родительской позиции по отношению к прошлому опыту и перспективам развития отношений, формулировка семейных правил, границ, создание безопасного пространства и позитивного эмоционального детско-родительского опыта и т.д.

(д) Перенос опыта и онлайн пространства в жизни семьи. В зависимости от остроты протекания адаптационного кризиса, существуют несколько путей интеграции «сконструированной» реальности в детско-родительское функционирование. Во-первых, демонстрация родителю созданной игры с обсуждением увиденного, формированием стратегий поведения дома. Во-вторых, привлечение родителя в наблюдение за игрой и присваивание ему «терапевтических» текстов, как правило, выражающееся в декларированном согласии («да, именно это я хотел бы тебе сказать/сделать, но у меня не получалось»). Третий вариант, включение родителя в игру, создание условий для самостоятельного конструирования части истории (взрослый может защищать, прятать, обнимать, помогать справиться с трудностями и т.д.), этот вариант возможен, если родители в достаточно «ресурсном» состоянии и могут поддерживать терапевтические тексты.

Как правило, использование онлайн игры, становится частью психотерапевтической работы, включающей также семейную терапию и домашние задания. Многие родители получают поддержку в Клубах приемных родителей, помощь врачей и других специалистов. Однако именно создание условий для проработки ключевых для приемной семьи тем принятия новых отношений, совладания с травмами

предыдущих периодов жизни, формирования новой идентичности родителей и ребенка, развитие отношений привязанности - являются ключевыми задачами психологической помощи в период адаптации ребенка в принимающей семье.

Литература:

В СКР заявили о росте числа недобросовестных опекунов. Милосердие.ru, 2017 URL: <http://https://www.miloserdie.ru/news/v-skr-zayavili-ob-uvlichenii-chisla-nedobrosovestnyh-opekunov/>(дата обращения: 15.09.2018).

Красницкая Г.С. Вы решили усыновить ребенка. М.: Дрофа, 2001.

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. С. 7

Brodzinsky David M., Schechter Marshall D. The Psychology of adoption. USA, NY: Oxford university press, 1990.

Levy Terry M. Handbook of attachment interventions. USA, San Diego: Academic press, 2000.

Сведения об авторах

Жуйкова Екатерина Борисовна, научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, Москва, телефон: +79036263760, E-mail: e.b.zhuykova@gmail.com

Печникова Леонора Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, телефон: +79175641987, E-mail: pech56@mail.ru

ONLINE PSYCHOTHERAPY FOR CHILDREN, PASSING THE POSTPLACEMENT PERIOD OF ADOPTION IN ADOPTIVE/FOSTER FAMILY

Zhuikova E.B., Pechnikova L.S

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Keywords: adopted child, adoptive family, foster family, adoption, psychotherapy, post placement period of adoption, psychological help online.

Abstract. The article emphasizes the necessity of priority development of psychotherapy and support of adoptive/foster families, in comparison with strengthening of control.

The period of adaptation of the adopted child, its main stages, requests for psychotherapeutic work and targets of psychotherapy are characterized. Experience of psychotherapy of 16 children of preschool and school age from 12 families in the online mode with the use of the educational game program allowing the psychologist and the child to interact remotely is reported.

МНЕМИЧЕСКИЙ «GOOGLE –ЭФФЕКТ» В УСЛОВИЯХ ИГРОВОЙ ИМИТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕКТИВА

Ласьков Г.Д., Букинич А.М., Нуркова В.В.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет психологии,
Москва.

Ключевые слова: Google-эффект, опосредствование, структура мнемической деятельности, информационные технологии и ВПФ, моделирование деятельности.

Аннотация. Мнемический «Google-эффект», который заключается в снижении воспроизведения после копирования материала на электронные носители, важен в контексте дискуссии о влиянии цифровых технологий на ВПФ. Эксперимент (N=64) проводился с помощью компьютерного интерфейса, в игровой форме имитировавшего деятельность детектива, где варьировались цели испытуемых и компьютерная операция, выполняемая относительно материала. В заключении применялся имплицитный тест выбора стимула из четырех равновероятных. Разнонаправленный мнемический эффект выполнения компьютерных операций был зафиксирован как при реализации цели запоминания, так и при отсутствии мнемической цели, что, на первый взгляд, поддерживает прогноз деградации контроля над действием в результате делегирования его операционального состава компьютеру. Однако анти - «Google-эффект» наблюдался в случае негативной цели «не запоминать». На фоне низкого уровня выбора новых стимулов, операция «стереть» снижала воспроизведение, а операция «сохранить» – повышала. Таким образом, испытуемые продемонстрировали способность к поведенческому игнорированию содержания исполненных команд, сравнив уровень воспроизведения с нейтральной командой «пропуск».

Вопрос о влиянии делегирования внутренних компонентов когнитивной деятельности внешним устройствам на состоятельность функционирования высших психических функций человека вызывает полярные суждения. Согласно оптимистической точке зрения, выраженной А.Н.Леонтьевым (Леонтьев, 2001, С.346), передача операциональной стороны деятельности компьютеру избавляет когнитивный аппарат человека от рутины, высвобождая ресурс мышления для более продуктивного целеобразования и, как следствие, генерации всё более широкого репертуара операций. Другими словами, Леонтьев прогнозировал, что с внедрением компьютерных технологий, мышление сосредоточится на производстве новых целей, которые в перспективе будут автоматизироваться и пополнять номенклатуру доступных операций, а те, в свою очередь, будут воспроизводиться в компьютерных программах.

По нашему мнению, данный тезис вызывает сомнения уже с позиций методологии самого деятельностного подхода, так как, акцентируя процесс автоматизации целевого уровня деятельности и перехода цели в статус операции, игнорирует обратную детерминацию целевого уровня деятельности «снизу-вверх». Нормальный способ функционирования операционального состава деятельности подразумевает, что неосознаваемые сейчас операции прежде были таковыми и способны потенциально вернуться в сознание в случае необходимости их контроля. «Достаточно, какого-нибудь отклонения от нормального осуществления этой операции, и тогда сама эта операция, как и ее предметные условия, отчетливо выступают в сознании», писал об этом А.Н.Леонтьев (Леонтьев, 1959, С.528).

Однако современный пользователь получает операциональный состав реализации своей цели в готовом виде, минуя этапы его освоения. При таком «отчужденном» характере взаимодействия с корпусом операций человек не только утрачивает способность контролировать и корректировать их протекание, но и, согласно пессимистической позиции, может попасть в зависимость от эмансипировавшихся операций.

Так, например, было показано, что возможность видеть на дисплее цифрового фотоаппарата снятый кадр существенно снижает качество отсроченного воспроизведения контекстной информации запечатленного эпизода по сравнению с воспоминанием об эпизоде съемки аналоговым фотоаппаратом, где такая возможность отсутствует (Нуркова, Козяр, 2012).

Пожалуй, наиболее популярным аргументом в пользу гипотезы «бунта» операций является т.н. мнемический «Google-эффект», заключающийся в том, что воспроизведение намеренно заученных ранее фактических сведений менее эффективно в случае информирования испытуемого о сохранении материала в файле по сравнению с информированием о его стирании (Sparrow, Wegner, 2011). Поскольку компонентом «Google-эффекта» является также преимущество воспроизведения «адреса» искомого материала над его точным содержанием, авторы трактуют эффект как манифестацию механизма трансактной (разделенной) памяти (Wegner, Giuliano, Hertel, 1985). В то же время несколько попыток повторить эффект закончились неудачей (Friede, Elizabeth, 2013), так что «Google-эффект» был включен в число не прошедших репликацию результатов в получившей широкий резонанс статье в журнале *Nature* (Camerer et. al., 2018).

Таким образом, не остаётся сомнений в том, что поиск эмпирической поддержки как оптимистической, так и пессимистической гипотез относительно детерминирующей роли компьютерных операций относительно успешности реализации целей весьма далек от своего завершения.

Предпринятое нами экспериментальное исследование имеет ряд существенных отличий от оригинального опыта, впервые выявившего наличие «Google-эффекта». Во-первых, вместо одной цели «запомнить» были введены три независимые целевые переменные – «запомнить», «не запоминать» и контрольное условие отсутствия эксплицитной цели. Во-вторых, исходя из соображений экологической валидности результатов и перспективы их генерализации на реальные жизненные ситуации, мнемические цели и операции были включены в игровой контекст имитации деятельности детектива, расследующего преступление. В-третьих, пассивное наблюдение за «судьбой» предъявленного материала было заменено на активную и обоснованную в рамках игры реализацию операций «save», «delete» и «пропуск». И, наконец, в четвертых, в качестве более тонкого теста памяти нами использовалось отсроченное интуитивное решение о релевантности материала задаче на основе переживания его субъективной знакомости.

Таким образом, целью исследования стало изучение влияния направленной на внешнюю форму хранения материала рутинной операции взаимодействия с компьютером в условиях её согласованности или противоречия актуальной мнемической цели.

Испытуемыми выступили студенты факультета психологии МГУ (64 человека: 9 юношей, средний возраст 20 лет).

Исследование выполнялось по внутригрупповому плану с 2 независимыми переменными («мнемическая цель», «операция») и 1 зависимой переменной («отсроченный выбор стимула»). Каждая из независимых переменных имела 3 уровня, что составило 9 вариантов предъявления стимула в каждом из двух блоков. Для проведения эксперимента был разработан специальный веб-интерфейс на языках JavaScript, HTML, CSS.

Исследование включало две сессии в игровом формате для создания мотивации выполнения поставленных в рамках эксперимента задач. На первой встрече испытуемому сообщалась «легенда», согласно которой он – частный детектив, получивший кратковременный доступ к виртуальному архиву следователя (представлен разработанным веб-интерфейсом). Испытуемому предоставлялась возможность ознакомиться с рядом фотографий, часть из которых имели отношение к расследуемому делу и были получены законно; другая часть – также релевантны задаче детектива, но, поскольку получены из неофициальных источников, к делу приобщены быть не могли; и третья часть – это улики по другим делам, которые не должны были интересовать детектива. Чтобы правильно использовать шанс доступа к архиву испытуемому необходимо было следовать появлявшимся на экране синхронно с каждой фотографией инструкциям. На целевом уровне - запомнить фотографию, не запоминать, инструкция отсутствует (контрольное условие). На операциональном уровне - сохранить фотографию, удалить или пролистнуть фото (контрольное условие). Для обоснования каждой комбинации испытуемым предлагалась игровая «легенда», например «Данное фото имеет ценность для расследования (запомните его), однако руководству его лучше не видеть (немедленно удалите)». В качестве стимульного материала рандомизированно предъявлялись 9 фотографий, включавших в себя 3 лица, 3 орудия преступления и 3 дополнительных объекта. Процедура повторялась дважды, якобы для двух различных «преступлений».

Через неделю на второй встрече испытуемому сообщалось, что архив утрачен и теперь при расследовании ему придется опираться на собственную память. Для каждого из «преступлений» на экран выводилось описание последовательности событий, пробелы в которой испытуемые должны были заполнить выбором фотографии. Для выбора предъявлялись наборы из трех присутствовавших в разных условиях в первой серии стимулов плюс один новый стимул-дистрактор того же типа. Выбор носил принудительный характер и должен был опираться на знакомость стимула, сформированную в установочной серии (например, «Один из этих людей - преступник, выберите кто это»).

После завершения сессии испытуемым сообщались реальные цели эксперимента. Анализ данных проводился в программе SPSS v.24.

Приведем результаты подсчета процента от максимально возможного количества выборов стимула, который в первой серии предъявлялся в каждом условии. После реализации цели «запомнить» испытуемые сделали следующие выборы: выбор фотографий после выполнения команды “save” составил 19%, выбор фотографий после выполнения команды “delete” - 43%, выбор фотографий после нажатия клавиши “пробел” - 33% и выбор новой фотографии - 5%. Отсутствие явной цели относительно предъявленного материала оказалось связанным с выбором стимулов условия команды “save” в 19% случаев, команды “delete” в 39%, команды «пробел» в 31% и выбором новой фотографии в 11%. Наконец, при реализации цели «не запоминать» процент выборов составил соответственно по 29%, при уровне выбора нового стимула в 13%. Данные различия значимы на уровне $p < .05$.

Проведенный по абсолютному числу выборов двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями также показал значимость фактора «операции»: $F(63, 12) = 14.091$, $p < 0.001$, $MSE = 0.635$, $\eta_p^2 = 0.409$, и значимость взаимодействия факторов «цели» и «операции»: $F(63, 12) = 3.583$, $p = 0.004$, $MSE = 0.409$, $\eta_p^2 = 0.270$.

Таким образом, разнонаправленный мнемический эффект выполнения стандартных компьютерных операций («Google-эффект») был зафиксирован нами в совокупности с реализацией цели намеренного запоминания. Причем эффект проявился при применении чувствительного имплицитного теста интуитивного выбора одного стимула из четырех равновероятных, что свидетельствует в пользу его фундаментального характера. Переживание большей знакомости стимула и, как следствие, более вероятный его выбор следовал за выполнением операции “delete”, в то время как в результате выполнения операции “save” субъективная знакомость стимула оказывалась пониженной, что значимо тормозило выбор. Аналогичные данные, полученные для условия, когда цель действия испытуемого не была явно определена, казалось бы, поддерживают «пессимистическую» версию прогноза деградации способности контроля над выполняемым действием в результате делегирования его операционального состава компьютеру. Другими словами, не важно, намерен ли человек запомнить материал или следует изолированной инструкции, содержание выполняемых операций равно определяет результат. Хотя, следует заметить, что возможно и более мягкое (впрочем, спекулятивное) объяснение: испытуемые могли трактовать контрольное условие как наличие скрытой задачи запомнить, ведь, согласно игровой «легенде», фотографии из этого условия в принципе могли пригодиться в дальнейшем. Однако крайне важным нам представляется обнаруженный факт снятия «Google-эффекта» в случае реализации негативной цели «не запоминать». Следование цели «не запоминать» давало равновероятный выбор всех виденных в первой серии стимулов на фоне значимо более низкого уровня выбора новых стимулов. При этом наблюдался своеобразный анти - «Google-эффект», так как операция “delete” теперь, наоборот, снижала воспроизведение, а операция “save” – повышала. Получается, что испытуемые, во-первых, помнили «старые» стимулы и, во-вторых, поведенчески игнорировали содержание исполненных команд, сравнивая уровень воспроизведения с нейтральной командой «пропуск».

Литературы

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. Смысл. 2001.

Нуркова В. В., Козяр Г. Н. Какие воспоминания мы выбираем? Как цифровой фотоаппарат изменяет нашу память // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований: электронный научный журнал / URL: <http://journal-labirint.com>. 2012. № 4. С. 12–25.

Camerer C.F. et. al. Evaluating the replicability of social science experiments in Nature and Science between 2010 and 2015 // Nature Human Behaviour. 2018. Т. 2. № 9. С. 637–644.

Friede, Elizabeth T.,. «Googling to Forget: The Cognitive Processing of Internet Search» (2013). CMC Senior Theses. 699. https://scholarship.claremont.edu/cmc_theses. 2013.

Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. 2011. Т. 333. № 6043. С. 776–778.

Wegner D.M., Guiliano T., Hertel P.T. Cognitive interdependence in close relationships // Compatible and incompatible relationships. 1985. С. 253–276.

Сведения об авторах

Ласьков Глеб Дмитриевич – студент 3 курса факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, laskov.msu@yandex.ru

Букинич Алексей Михайлович – студент 3 курса факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, aleksey.bukinich@mail.ru

Нуркова Вероника Валерьевна - доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, nourkova@mail.ru

MNEMONIC "GOOGLE EFFECT" IN THE CONTEXT OF GAMING SIMULATION OF A DETECTIVE ACTIVITY

Laskov, G. D., Bukinich, A. M., Nourkova, V. V.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of psychology, Moscow.

Keywords: Google-effect, mediation, structure of mnemonic activity, information technologies and HMF, activity modeling.

Abstract. The mnemonic "Google-effect", which reduces the reproduction of the material after copying it to electronic media, is important in the discussion about the impact of digital technologies on the Higher Mental Functions. The experiment (N=64) was conducted using a computer interface in the form of a game imitation of a detective activity, where we varied subject's goals and computer operations with given material. Finally we used an implicit test to provide a choice of equiprobable stimuli. Multidirectional mnemonic effect of computer operations was recorded both in the realization of the mnemonic purpose, and in activity without the mnemonic purpose. At first, such result supports the idea about the decline of control over the action as a result of the delegation of its operational composition to the computer. However, anti-"Google-effect" appears in conditions of negative purpose "do not remember". In general context of the low level of new stimuli choice operation "erase" reduced reproduction, while operation "save" increased it. Thus, subjects demonstrated the ability to behaviorally ignore the content of the executed commands, equalizing the reproduction level to the level of neutral command "skip".

ПРИЛОЖЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Олешкевич В.И. Бурлакова Н.С.

ГБУЗ «НПЦ ПЗДЦ им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет психологии, Москва

Ключевые слова: культурно-историческая психология, общество, культура, диалог, самосознание, интеграция.

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы историчности, культурологичности и практического значения культурно-исторической психологии для анализа современного общества и формирования новых психологических практик. Показывается важное прикладное значение культурно-исторической психологии для организации воспроизводства и развития культуры, изучения диалога культур и интеграции инокультурного опыта. Культурно-историческая психология по сути дела рассматривается как средство анализа развития психологии и метод интеграции различных ее направлений в культуре.

Когда говорится о культурно-исторической психологии, то обычно имеется в виду именно историческая психология, т. е. предполагается понимание психики и человека именно в историческом модусе. Соответственно здесь рассматриваются явления, психические факты как включенные в историю и развивающиеся, имеющие некоторую точку своего происхождения, специфическое направление роста и тенденции дальнейшего развития (Выготский, 1983). Достаточно глубокие исследования такого рода обычно предполагают задействование двух аналитических позиций: позиции внешнего наблюдателя, (исследование реальных фактов, истории их развития) и внутреннюю позицию исследователя, включенного в данный исторический процесс. Внутренняя позиция опирается на более феноменологическое и экзистенциальное видение развития человека в данной исторической ситуации, проблем, с которыми он сталкивается, способов их разрешения, как в самосознании самого человека, так и в наблюдаемом им изнутри обществе в целом. В этом смысле, когда говорится о культурно-исторической психологии, то неявно это означает, что это психология того общества и той культуры, в которую мы включены уже изначально и которая определенным образом организует наше развитие, в том числе и как психологов.

Когда историчность культурно-исторической психологии понимается таким образом, то это предполагает нашу ориентацию на некоторое целостное понимание развития общества, культуры, в которую исследователь непосредственно включен, а также динамики и тенденций развития этого исторического целого, внутри которого психолог и может выделить значимые для него предметности, требующие их более углубленного понимания. В этом отношении культурно-историческая психология как дисциплина гуманитарная должна прежде всего опираться на детальное *понимание* тех явлений, того опыта, которые становятся последующими предметами изучения. В этом отношении психология похожа на искусствознание, где, например, по словам М.М.Бахтина (1979), не может быть никакого исследования без понимания художественного произведения, и где глубина понимания является предпосылкой и условием всякого возможного исследования. Максима о необходимости понимания, а затем уже исследования не является банальной для культурно-исторической психологии, еще раз подчеркивая ее историчность и гуманитарность. При таком ракурсе культурно-историческая психология может быть также и настоящей практической психологией. В этом случае можно объединить в единый процесс культурно-историческое понимание психологических, социальных, культурных и пр. явлений, их исследование и все возможное разнообразие психологических практик, ориентированных на прикладные разработки результатов соответствующих исследований.

В этой связи важно отметить, что история постсоветского общества последних десятилетий разработана явно недостаточно. В особенности это касается культурно-исторического аспекта тех социально-психологических трансформаций самосознания людей, которые шаг за шагом можно было бы проследить в процессе более

детального изучения скачкообразных изменений, происходивших в это время, например, резкого перехода от дефицита товаров к состоянию «дикого» капитализма, а затем к быстрому росту сетевых супермаркетов с разнообразием ассортимента с непривычной для советского человека проблемой выбора действительно нужных ему вещей. Это также и резкая переориентация в ценностях. Если раньше образование получалось, чтобы затем с интересом для себя работать, то теперь основная ценность заключается в том, чтобы много зарабатывать, а сама ценность труда отходит на второй план. Если в советское время были устойчивые нравственные ценности, то начиная с 90-ых гг. ведущее положение начинают занимать сугубо утилитарные ценности. Внутри психологии тоже ведущее положение начинают занимать преимущественно утилитарные и прагматически ценностно-ориентированные подходы. Ориентация человека, пережившего личный, социальный и общественный кризис в условиях слома СССР, на мифологизируемую западную культуру автоматически предполагала формирование чувства собственной неполноценности и вытеснения или дискредитацию всего традиционного, «советского», устоявшихся социальных практик и норм. Произошел переворот в ценностях, на социальную поверхность выходили часто люди, которые с точки зрения советской культуры авторитета не имели, и считались скорее находящимися вне социальных норм. Эти трансформации самосознания привели к размыванию ценностей и породили некоторый экзистенциальный вакуум в самоопределении человека в этой культурной ситуации.

Чувство собственной неполноценности в этих условиях привело к массовым процессам интроекции западных социальных практик и образцов жизни. Это явление можно до сих пор широко наблюдать в психологии в виде заостренной ориентации на образцы западных практик. По сути вся современная психотерапия, развивающаяся в стране, со всем многообразием школ и традиций, в сущности, представляет собой нередко механическое перетекание к нам некоторых устоявшихся стандартов западной культуры. И в этом процессе казалось бы ничего плохого нет. Это заимствование опыта, ликвидация пробелов в широких областях культуры и пр. Однако проблема состоит в том, что таким образом вместе с техническими процедурами и навыками заимствуется и соответствующие ценности, социальные установки, которые не являются безусловными для отечественной культуры, и которые чаще разрабатываются в достаточно узких либеральных кругах общества. Но самое главное – до сих пор почти не существует обратного процесса, а именно анализа этих практик, подходов с более широких и фундаментальных методологических позиций. Получилось так, что достижения психологии, имманентной развитию культуры в России, были оттеснены на периферию психологического осознания, не получив дальнейшей разработки. Хотя многие работы и идеи Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, П.Я. Гальперина могли бы стать отправной точкой для критического анализа и более глубокой интеграции всего многообразия западных школ и подходов в организацию развития российской психологии. В ответ можно услышать возражение, что современная наука включена в глобальные процессы, и что в эпоху глобализации национальные школы в конечном счете исчезают. На этот вопрос культурно-историческая психология отвечает следующим образом: всякая психология является в сущности рефлексией той социальной и культурной жизни, в которую включен человек. И в этом отношении действительно продуктивная культурно-историческая психология должна рефлексировать то общество, в котором мы живем, которое развивается и в этом движении испытывает определенные проблемы и сложности, а способствовать разрешению этих проблем и могла бы эта психология (Олешкевич, 2011).

Это относится не только к психологии, национальные традиции и культуры мышления присутствуют и в других науках. Но особенно очевидным это является в контексте культурно-исторической психологии. Сказанное не отменяет существование глобальных пространств развития науки, где могут конкурировать не только различные школы, но даже различные понимания того, что, собственно, является собой наука. Наконец, не нужно забывать, что наука – это часть культуры, в которой присутствует также и психотехническая культура.

Современность характеризуется серьезным ускорением исторического времени. Быстрые изменения технологий и связанного с ними образа жизни создают целый ряд проблем в организации психического развития целых поколений. Человек не успевает за современным прогрессом. Особенно это касается российского общества, где различного рода изменения происходили и происходят еще быстрее и резче, чем это было в западной Европе. Стремительность происходящего в том числе не оставляла времени для свободного и детального осмысления заимствованного зарубежного опыта. Если информационные технологии развивались на западе все-таки гораздо более размеренно и систематично, опирались на естественные тенденции развития западной культуры, то в России они наложились в целом на неприспособленную к этим технологиям культуру, что вызвало целый ряд социальных и психологических последствий. До сих пор это сказывается и в видимом разрыве поколений, в возникновении различных диссонансов в образе жизни человека, в освоении информационной культуры и включении в нее.

Конечно, на сегодняшний день все способны оценить основные достоинства информационного общества, способность информационных технологий облегчить жизнь, их возможности открыть более широкие пути коммуникации, получения услуг, сокращения расстояний и пр. Но сегодня осознается все глубже тот факт, что технологии меняют также и образ жизни, и самосознание человека, причем это может происходить в заранее непредсказуемых направлениях. Оказалось, что с одной стороны, информационное общество от многого освобождает, но оно формирует также и зависимость от технологий человека, зависимость от навязанного этими технологиями услуг, что оно может быть связано с формированием не человека-творца своей жизни, но человека-потребителя. Оказалось, что информационные технологии открывают широкий простор для манипуляций человеческим сознанием и т.д. В этом случае возникает вопрос о том, кто владеет этими технологиями? Кто их может развивать и в каких направлениях? Оказалось, что информационные технологии также связаны с определенной культурой и растут на определенных культурно-исторических основаниях, которые также важно изучать.

Культурно-историческая психология в этом отношении должна быть не только историчной, но и культурологичной. Она способна глубоко и тонко осуществлять понимание и рефлексию основания и особенностей развития российской культуры, анализировать ее диалоги, взаимосвязи с другими культурами, а также образование в ней транскультурных и глобализированных содержаний (Зинченко, Пружинин, Щедрина, 2010). В этом отношении она может заново осознать и изучить те инновации и модернизации, которые осуществлялись в образовании и медицине в России в последнее время. Инновации могли представлять собой как инокультурные процессы, так и быть орудием явной или неявной агрессии против традиционной российской культуры. В этой связи культурно-историческая психология может открывать новые пути заимствований и культурологически значимой переработки опыта, идущего от иных культур. И одна из важнейших задач культурно-исторической психологии состоит в культурологической и культурно-исторической рефлексии влияния информационных технологий на развитие российской культуры и ментальности в образовании, где важно четко различить

практики и понятия информации, знания и понимания. Информационная культура ориентирована на генерирование, поиск и обработку именно информации и в ней поэтому затушевываются действительные функции знания и понимания, которые важно особо рефлексировать, проектировать их развитие и контроль.

Культурно-исторический анализ истории российского общества последних десятилетий дает возможность построить и картину его состояния, понять, что мы потеряли и что приобрели, и исторически осознать современное состояние культуры, психологию различных социальных групп, культурно-исторические причины сложившегося состояния (Андреева, 2002). На основе такой целостной культурно-исторической картины развития российского общества есть возможность более глубокого понимания и целого ряда проблем психического здоровья, развития патопсихологических явлений, кризисных явлений в семье, в социальных организациях и пр. Таким образом, обозначенное представление о предметности культурно-исторической психологии позволяет не только выстроить понимание психического развития системно и целостно, но и организовать соответствующие исследования, а также сформировать адекватные психологические практики, ориентированные на развитие культуры и самосознания людей.

Наше культурное состояние достаточно рельефно презентуется теми образцами культуры, которые представлены в СМИ. Уже один анализ этих материалов позволяет получить некоторое представление о кризисных точках в развитии культуры. Но ведь культурно-историческая психология на основе своих исследований может также и проектировать соответствующие образцы для идентификации и таким образом принимать активное участие в развитии российской культуры.

Литература

Андреева Г.М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI в. // Социальная психология в современном мире. Под ред. Г.М.Андреевой, А.И.Донцова. М.: Аспект Пресс. 2002. С. 9-26.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т.3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. 575 с.

Олешкевич В.И. Культурно-исторический анализ в западной «психотерапевтической» психологии и новые формы культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2011. № 1. С. 99–107.

Сведения об авторах

Олешкевич Валерий Иванович, канд. философ. н., ст.н.с. ГБУЗ «НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва, Россия, ov-6161@mail.ru

Бурлакова Наталья Семеновна, канд психол.н., доцент факультета психологии ФГБОУ ВО МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия, naburlakova@yandex.ru

APPLIED CULTURAL-HISTORICAL PSYCHOLOGY IN MODERN SOCIETY

Burlakova N.S., Oleshkevich V.I.,

Scientific-Practical Children's Mental Health Centre n. a. G. Sukhareva of Moscow City
Department of Healthcare, Moscow
Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Keywords: Cultural-historical psychology, society, culture, dialogue, self-awareness, integration

Abstract. The article focuses on historical, culturological and practical importance of cultural-historical psychology for analysis of modern society and shaping of new psychological practices. It demonstrates applied relevance that cultural-historical psychology has for organization of reproduction and development of culture, analysis of cultural dialogue and intergration of cultural experience belonging to a different culture. The authors examine cultural-historical psychology as a tool to analyze development of psychology and as a method to intergrate its different schools iwithin the culture.

РОЛЬ ОНЛАЙН ИГР В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МУЖЧИН, СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Бойко О.М.

ФГБНУ Научный центр психического здоровья, Москва

Ключевые слова: социальная поддержка, интернет, онлайн игры, коммуникативное использование онлайн игр, психическая болезнь.

Аннотация. В статье описаны результаты исследования соотношения использования он-лайн игр и особенностей социальной адаптации у мужчин, страдающих психическими заболеваниями. Было обследовано 82 человека в возрасте от 16 до 31 года, госпитализированных с 2012 по 2015 годы в 4 отделение ФГБНУ НЦПЗ. Применялись калифорнийский опросник социальной сети и опросник к методике «рисунок социальной сети» (Казьмина О.Ю., 1997), опросник COPE (Carver et al., 1989, адаптация Рассказова Е.И., Гордеева, Осин, 2013). Оценка характера использования онлайн игр проводилась в ходе полуструктурированного интервью, разработанного для данного исследования. Обработка производилась в статпакете SPSS с использованием U-критерия Манна-Уитни. Выявлены значимые различия в структуре системы межличностных взаимодействий и в её качестве как генератора социальной поддержки, а также используемых копинг-стратегиях. Полученные результаты демонстрируют, что использование он-лайн игр, в том числе у людей, страдающих психическими заболеваниями, можно расценивать как часть социализирующей активности, которая может существенно влиять на уровень доступной социальной поддержки.

Новинки научно-технического прогресса не только облегчают бытовую сторону жизни человека и создают новые сферы занятости, но и вводят в обиход новые способы коммуникации людей между собой и совместного времяпрепровождения. Интернет больше двух десятилетий является частью повседневной жизни большого числа людей,

расширив в том числе и профессиональные представления о «нормальных» видах общения и способах обмена социальной поддержкой. (Sarason I.G., Sarason B.R., 2009) Онлайн игры, в которых одновременно может много людей с разных концов света, в психологии больше принято рассматривать в негативном контексте, фокусируясь на таких сторонах, как формирование зависимости и снижение уровня социальной адаптации с нарастающим отчуждением от круга знакомств. Однако эти характеристики свойственны не только для онлайн игр, но и для любого варианта неадаптивного использования интернет продукции в целом: будь то бесцельный интернет-сёрфинг, безостановочное использование социальных сетей или что-то аналогичное, да и для практически любого достижения научно-технического прогресса, которое может быть использовано для времяпрепровождения (Tokunaga R.S., 2014). В то время как ещё в 2012 году Trepte S., Reinecke L., Juechems K. было продемонстрировано, что участие в онлайн играх может позитивно отражаться на качестве социальной адаптации человека, если выполняются такие условия как территориальная близость места проживания участников и наличие в игре коммуникации между ними. (Trepte S., Reinecke L., Juechems K., 2012)

Психическое заболевание, отрицательно сказываясь на общей активности человека и его способности поддерживать взаимоотношения с другими людьми, часто социально дезадаптирует страдающего им человека, вымывая из круга общения людей, с которыми человек не связан родственными связями, уменьшая число друзей, снижая общую близость в общении и сокращая взаимообмен социальной поддержкой. (Казьмина, 1997) Онлайн игры, как способ времяпрепровождения, предъявляют меньше требований к работоспособности и к толерантности к неопределённости, при этом создавая ситуации в которых заданы возможности для взаимодействия с другими людьми, создания общих смыслов, общей истории. В связи с этим, учитывая имеющиеся данные о положительном влиянии онлайн игр на социализацию при условии соблюдения таких факторов как наличие территориальной близости с другими игроками и поддержание общения с ними, возникает вопрос о связи использования онлайн игр с качеством социализации у мужчин, страдающих психическими заболеваниями.

Данные, использованные в публикации, являются частью большого конгломерата данных, полученных в ходе изучения характера использования интернет-технологий людьми, страдающими психическими заболеваниями, и их соотношения с такими параметрами их социальной адаптации, как величина и состав круга общения, характер обмена социальной поддержкой, а также с уровнем текущей психопатологической симптоматики и особенностями багажа применяемых копинг-стратегий.

Материалы и методы.

Материалом стали данные обследования 82 мужчин в возрасте от 16 до 31 года, госпитализированных в отделение №4 отдела по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний ФГБНУ Научный Центр Психического Здоровья, соответствовавших следующим критериям отбора: наличие эндогенного психического заболевания, актуальное отсутствие острой психотической симптоматики, согласие пациента на участие в исследовании. Возраст участников составил от 16 до 32 лет. Методический инструментарий составили калифорнийский опросник социальной сети, опросник к методике «рисунок социальной сети» (Казьмина О.Ю. 1997), опросник СОРЕ (адаптация Рассказова Е.И., Гордеева, Осин), а также разработанное специально для данного исследования полуструктурированное интервью, направленное на исследование характера использования интернета, включающее в себя вопросы относительно

использования онлайн игр и коммуникации в них с другими участниками. Полученные данные были обработаны в статпакете SPSS с использованием U-критерия Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение.

У респондентов, не играющих в онлайн игры, по сравнению с играющими, система межличностных взаимодействий содержит меньше людей, с кем респондент советуется в решении учебных и профессиональных проблем; оказывающих респонденту помощь в принятии наиболее важных жизненных решений; которых респондент считает своими друзьями и знакомыми; стаж знакомства с которыми составляет от 5 до 10 лет. Сравнение по характеристике «коммуникация в процессе онлайн игр» подтвердило различия в числе друзей и знакомых; а также показало меньшее число в круге общения людей, стаж знакомства с которыми составляет от 6 месяцев до 2 лет, и тех, об образовании которых у респондента нет сведений, а также продемонстрировало снижение уровня использования копинг-стратегии «юмор» в группе респондентов, не использующих онлайн игры с коммуникативными целями. У использующих компьютерные игры с коммуникативными целями меньшим, по сравнению с не использующими, оказалось число людей в круге общения которым респондент оказывает и которые оказывают респонденту практическую помощь (инструментальную социальную поддержку) с частотой «редко».

Полученные результаты могут иметь несколько объяснений. С одной стороны они могут быть проявлением различий в протекании имеющегося психического заболевания. Тогда большая тяжесть нарушений сказывается и на мотивационной сфере личности, снижая уровень интереса к различным способам времяпрепровождения, в том числе онлайн играм, и уменьшая мотивацию к общению, что довольно быстро приводит к сужению круга общения до тех людей, с кем человек связан родственными узами.

С другой стороны, они могут свидетельствовать о том, что использование онлайн игр оказывает положительное влияние на систему межличностных взаимодействий человека, сглаживая разрушительное действие психического заболевания в её отношении. Это можно объяснить тем, что онлайн игра становится одним из интересов, который можно разделить с другими людьми, который, при этом не является слишком личным, что создаёт область общих смыслов, помогающих сближаться в удобном для всех участников темпе и регулировать уровень близости. Последнее приобретает дополнительную значимость при психических заболеваниях, сопровождающихся повышением сенситивности в общении.

Более пристальное внимание к полученным результатам демонстрирует сужение ядра системы межличностных взаимодействий и ухудшение выполнения ею буферной по отношению к стрессу функции за счет уменьшения источников разного типа социальной поддержки у респондентов, не использующих коммуникативные возможности онлайн игр и не играющих в онлайн игры. На это указывает даже показатель меньшего по сравнению с группой не использующих онлайн игры с коммуникативными целями людей, числа людей с которыми взаимообмен инструментальной социальной поддержкой происходит с частотой «редко» в обе стороны, при условии, если вспомнить, что в диапазоне ответов это следующий уровень после «никогда». Что скорее можно трактовать как показатель снижения обмена инструментальной социальной поддержкой в кругу общения респондентов, не использующих компьютерные игры с коммуникативными целями по сравнению с респондентами, использующими компьютерные игры с коммуникативными целями.

Также представляется интересным не только сниженное в сравнении с использующими коммуникацию в онлайн играх, число людей, стаж знакомства с

которыми невелик (от 6 месяцев до 2 лет), но и уменьшенное число людей, связи с которыми поддерживаются уже достаточно долго (от 5 до 10 лет), наблюдающееся у тех респондентов, которые не играют онлайн игры в сравнении с играющими (без рассмотрения вопроса общения в игре). Это может служить подтверждением предположения о том, что в некоторых случаях онлайн игры помогают сохранить уже имеющиеся отношения (например, создавая дополнительную область общих интересов) и, при условии общения с товарищами по игре, помогать заводить новые знакомства.

Более низкий показатель использования копинг-стратегии «юмор» у респондентов, не использующих онлайн игры с коммуникативными целями, может объясняться тем, что использование юмора как копинг-стратегии дает возможность одновременно общаться по поводу ситуаций, возникающих в игре и при этом сохранять эмоциональную дистанцию по отношению к происходящему. Это снижает уровень напряжения и тревоги из-за возможных сложностей. Другим объяснением будет предположение о том, что использование юмора как стратегии совладания, связано с уже имеющейся меньшей социальной тревожностью респондентов, использующих коммуникативные возможности онлайн игр. Так как согласно исследованиям, при шизофрении копинг-юмор положительно влияет на взаимодействие с другими людьми именно при отсутствии социальной тревожности и, напротив, усиливает социальную изоляцию (снижает стремление к общению) при её наличии. (Григорьева И.В. с соавт, 2014).

Таким образом, можно утверждать, что онлайн игры, как новый, с точки зрения исторической перспективы, способ времяпрепровождения, оказывает влияние на социальную адаптацию мужчин, страдающих психическими заболеваниями.

Выводы

Отталкиваясь от полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Использование онлайн игр мужчинами, страдающими психическими заболеваниями, даже без коммуникации с другими участниками внутри игры, сопровождается положительным влиянием на способность к генерации социальной поддержки системой межличностных взаимодействий индивида, по-видимому, за счет поддержания общего круга интересов с людьми, в неё входящими.

2. Коммуникация с другими участниками онлайн игр помогает мужчинам, страдающим психическими заболеваниями, заводить новые знакомства и поддерживать их.

3. Более низкий уровень использования копинг-стратегии «юмор» у респондентов, не использующих коммуникативные возможности онлайн игр, может быть проявлением имеющейся у них социальной тревожности, требующей отдельного внимания в психокоррекционной работе психолога.

Заключение

Представленные данные наглядно демонстрируют, что взгляд на увлечения онлайн играми у людей, страдающих психическими заболеваниями, лишь с негативной точки зрения требует пересмотра. В работе психолога с мужчинами, страдающими психическими заболеваниями, направленной на повышение уровня социальной адаптации и предотвращение рецидивов, это может применяться в виде поощрения коммуникации с другими участниками онлайн игр и помощи в преодолении проблем, связанных с дефицитом навыков общения, в том числе общения в онлайн пространстве.

Литература

Григорьева И.В., Стефаненко Е.А., Иванова Е.М., Олейчик И.В., Ениколопов С.Н. Влияние копинг-юмора на социальную тревожность при шизофрении. // Национальный психологический журнал. - 2014. - №2(14) - с. 82-89

Казьмина О.Ю. Структурно-динамические особенности систем межличностных взаимодействий у больных юношеской малопрогредиентной шизофренией. Дисс. канд. психол. наук. М., 1997

Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 82–118.

Nowland R., Necka E.A., Cacioppo J.T. Loneliness and Social Internet Use: Pathways to Reconnection in a Digital World?// Perspectives on Psychological Science 2017, 1–18

Sarason I.G., Sarason B.R. Social support: Mapping the construct // Journal of Social and Personal Relationships 2009 26: 113-121

Tokunaga R.S. A Unique Problem or the Manifestation of a Preexisting Disorder? The Mediating Role of Problematic Internet Use in the Relationships Between Psychosocial Problems and Functional Impairment // Communication Research 2014, Vol. 41(4) 531 –560

Trepte S., Reinecke L., Juechems K. The social side of gaming: How playing online computer games creates online and offline social support. Computers in Human Behavior; May 2012, Vol. 28 Issue 3.

Сведения об авторах

ФГБНУ Научный центр психического здоровья, Москва

THE ROLE OF ONLINE GAMES IN SOCIAL ADAPTATION OF THE MEN WITH MENTAL DISORDERS

Boyko O.M.

Mental Health Research Center, Russia, Moscow

Keywords: social support, internet, online games, communicative using of online games, mental disorder

Abstract. Article consists the results of investigation relation of online gaming and social adaptation features by men with psychical disorders. There 82 men (age from 16 to 31 years old), who was hospitalized from 2012 to 2015 years in Department of endogenous mental disorders and affective states from Mental Health Research Center, are surveyed. Methodical tools included Californian social support questionnaire, questionnaire by “picture of social network” (Kazmina O.U.), Cope inventory (Carver et al. 1989 in Rasskazova’s, Gordeeva’s, Osin’s russian version). The ways of online games using was assessed with semi-structured interview, that was developed specially by this research. Data processing in SPSS Statistic program with Mann-Whitney U-test. There significant differences in structure of the system interpersonal transacting as social support producer and coping strategies was received. This

results demonstrated online gaming using from men with mental disorders is the part of socializing activity, that can influence to the level of available social support.

ПИЛОТАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ВАРИАНТОВ ДИСТАНЦИОННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Филимонова Н.И.

Психолог-консультант, Санкт-Петербург

Ключевые слова: дистанционное психологическое консультирование, *соотношение очного и онлайн консультирования*, способы дистанционной работы, дистанционная психологическая помощь.

Аннотация. В публикации рассмотрены результаты опроса, проведенного на портале «Психологи на b.17», включающие в себя следующие этапы исследования: 1) география проживания частнопрактикующих психологов, принимавших участие в данном опросе; 2) процентное *соотношение вариантов очного и онлайн консультирования*; 3) способы дистанционной работы; 4) психологические направления, используемые психологами в дистанционных консультациях; 5) география проживания клиентов; 6) причины выбора клиентами дистанционной помощи; 7) тенденции развития данного вида психологической помощи населению.

Целью пилотажного исследования является стремление получить количественные и качественные показатели дистанционной психологической помощи русскоговорящему населению. *«Опыт...психологов показывает довольно ясно, что эмоциональная связь может быть установлена on-line и она формируется каждую минуту каждого дня»* (Меновщиков В.Ю., 2007).

Результаты первичного исследования проведенного в июле 2018 года., приводятся ниже.

География проживания психологов, принимавших участие в опросе. В опросе на данном этапе приняло участие 54 специалиста. В крупных городах с населением свыше 500 тысяч человек проживает 12 специалистов (22, 2 %). В городах с населением от 50 до 500 тысяч человек живут: 6 опрошенных (11, 1 %). Один респондент (1,9 %) живет в поселке с населением до 50 тысяч человек.

Соотношение очных и онлайн консультаций. 9 человек (16,7 %) из 54 опрошенных ответили, что проводят очные и онлайн консультации, примерно, в равных пропорциях. 3 человека (5,6%) дали ответ, что консультируют только удалённо; один коллега (1,9%) ответил, что консультирует только в кабинете; 13 респондентов (24,1%) видят для себя в онлайн консультировании большие перспективы и планируют включить этот способ взаимодействия с клиентами в свой профессиональный репертуар.

Способы дистанционной работы. Из 80 опрошенных психологов 23 человека (28,8%) проводят дистанционные консультации с помощью Skype; 16 психологов (20 %) работают в закрытых чатах сайта b.17: 15 специалистов (18,8 %) консультируют клиентов по телефону, 10 (12. 5 %) ответивших предпочитают работать в мессенджерах; 6 человек (6,3 %)...

Психологические направления, используемые психологами в дистанционных консультациях. Дали ответы 33 специалиста, которые проводят онлайн консультации в следующих направлениях: Гештальт-терапия – 9 человека (27,3%), Арт-терапия, Сказкотерапия – 6 (18,2%), Системные расстановки – 4 (12,1%), Системная семейная терапия – 4 (12,1%), Позитивная психотерапия – 3 (9,1%), Гипнотерапия, НЛП – 2 (6,1%), Трансактный анализ – 2 (6,1%), Юнгианский анализ – 1 (3%), Символдрама – 1 (3%), Коучинг – 1 (3%).

География проживания клиентов. Живут в России, в городе с населением более 500 тысяч человек – 6 (15,4%); в населенном пункте от 5 до 50 тысяч человек – 3 (7,7%); в городе с населением от 50 до 500 тысяч человек – 3 (7,7%); живут в другой стране 2 (5,1%).

Причины выбора клиентами дистанционной помощи. «Потому что удобнее получить консультацию, не выходя из дома» – ответили 28,2% опрошенных; «Там, где я живу, нет/мало психологов» – 12,8%; «Важна конфиденциальность» – 12,8%; «Услуги психолога в городе/стране стоят дорого» – 7,7%; «В месте проживания нет/мало русскоязычных психологов» – 2,6%.

Наше исследование подтверждает очевидность развития дистанционного психологического консультирования, которое проводится практически во всех направлениях психологии и охватывает все регионы России и русскоговорящего зарубежья. «Практика... показывает, что клиент... выбрал именно такой способ взаимодействия с психологом, который абсолютно устраивает его по мере конфиденциальности и анонимности» (Чайлдресс К., 2010).

Литература

Меновицков В. Ю. Психологическая помощь в сети Интернет. М., 2007 – 178 с.

Чайлдресс К. Потенциальные риски и выгоды психотерапевтических вмешательств онлайн. // Психологическое консультирование Онлайн» №2 . М., 2010, с. 56-62.

PILOT STUDY OF QUANTITATIVE INDICATORS AND OPTIONS REMOTE PSYCHOLOGICAL COUNSELING

Filimonova N. I.

Psychologist-consultant St.-Petersburg

Keywords: remote psychological counseling, the ratio of full-time and online counseling, ways of remote work, remote assistance.

Abstract. The publication considers the results of a survey conducted on the portal "Psychologists on b.17", including the following stages of the study: 1) the geography of residence of private practitioners psychologists who participated in this survey; 2) the percentage used by them in the work, options for full-time and online counseling; 3) methods of remote work; 4) psychological directions used by psychologists in remote consultations; 5) the geography of residence of clients; 6) the reasons for the choice of clients remote assistance; 7) trends in the development of this type of psychological assistance to the population.

РАЗДЕЛ V. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

ПРОБЛЕМА ПОРОЖДЕНИЯ, ПОЛНОТЫ И АДЕКВАТНОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Мотков О.И.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: самоопределение, автоматическое порождение и детерминация самоопределений, их полнота и адекватность.

Аннотация. Представлена гипотеза автоматического образования *новых* самоопределений в личности за счет работы встроенного в оперативные сети «Я» личности статистического механизма. При решении любой задачи активируются Базовые характеристики себя (актуальные здесь и теперь потребности, черты характера и темперамента, мотивационные тенденции) и релевантные данной ситуации особенности Вторичной личности (самоопределения Я-концепции, представления об окружающем мире). Они присоединяются к главному, актуальному стремлению и вместе с ним определяют построение дальнейшего поведения. Актуальные самоопределения размещаются в изначально заданных сетях «Я»: Первичном Я, Вторичном Я и Оперативном Я. *Самоопределение* – это определение характеристик себя и мира по отношению к «точке Я», к своему целостному чувству Я. Адекватность самоопределения обеспечивается процессами самопознания и самоиспытания, опорой в большей мере на разум, интуитивной верой в себя, «космической» философией жизни.

Определение себя и окружающего мира – одна из важных функций личности. В психологии проблему самоопределения еще называют проблемой «идентичности» (см. 1-4; и др.). Самоопределение и определение значимых особенностей окружения дает человеку важные ориентиры для построения более адекватного и оптимального поведения, т.е. имеет прямой *биологический смысл*. Оно есть и у животных (Хедигер, 1984). Это универсальный природный процесс, который встроен в функционирование нашей личности.

Как в личности порождаются самоопределения?

Тщательный анализ процесса решения респондентами легких и трудных пространственно-комбинаторных задач игры «5» позволил предположить, что в *оперативной* части их личности (в сети Оперативного Я) существует изначально статистический механизм обобщения. Он *автоматически, неосознанно* для решающего задачи *обобщает повторяющиеся* физические и психологические характеристики себя, выделяемые в поле игры ситуативные ориентиры-эвристики, особенности планов и поведения (скорость достижения цели, оценки успешности-неуспешности попыток действия, схемы действий, отношения между элементами данной ситуации, и т.п.), ситуативные самооценки и оценки обстановки. Важные обобщенные признаки себя,

процесса решения и наличной ситуации *переносятся* в область значимого, относительно устойчивого опыта – на уровень Вторичной личности (Мотков, 1978, 2007, 2016). В нем автоматически накапливаются и группируются *содержательные*, значимые представления о себе, Мире и социуме, соответствующие им отношения; ценности и мотивы; полезные и не очень привычки; самооценки и притязания. Все оценки себя и мира идут со стороны *актуального* в данный момент *стремления*, ситуативной цели, а также с точки зрения требований Базовой первичной личности (в ней есть своя Первичная сеть «Я»). В процессе развития к базовым оценкам автоматически добавляются оценки характеристик Вторичной личности.

Т.о., *самоопределения и самооценки естественно, в основном автоматически, образуются в течение всей жизни на трех основных уровнях личности, неоднократно меняются и дополняются*. Потенциальная пустота сетей «Я» постоянно наполняется ярлыками актуальных характеристик и самоопределений Базовой и Вторичной личности, ситуативных элементов Оперативной личности. С возрастом в эту работу самоопределения все больше включаются процессы осознания, действий в уме и предвосхищения.

Вторичная личность имеет свой отслеживающий и интегрирующий центр – *сеть Вторичного Я*. Она существует *изначально*, но у новорожденного является в большей мере потенциальным механизмом. По мере накопления элементов опыта и созревания долговременной памяти Вторичное Я все больше включается в процесс построения поведения, добавляя к направленности первичного приоритетного стремления и базовых стилевых черт свои ценностные ориентации, предпочтения и привычные схемы действий. Образуемый в ней *направляющий интегральный мегаярлык* автоматически транслируется в Оперативное Я Оперативной личности (Мотков, 2007, 2016), где здесь и теперь организуется соответствующее ему поведение. Мегаярлык – это клубок интегрированных, автоматически образуемых *внутренних* самоопределений и актуальное здесь и сейчас стремление.

Внутреннее самоопределение также выражается в автоматически образуемом на Базовом и Вторичном уровнях личности *целостном самоощущении* себя, всего организма, всей психики и всей ее управляющей части – личности. Это сверхобобщенное за счет изначально заданной работы сетей «Я» ощущение себя сжато как бы в одну точку, в точечный, пространственно определенный концепт, который я называю *«точкой Я»*. Она, вместе с интегральным мегаярлыком Вторичного Я, автоматически передается на Оперативный уровень личности. Пока мы бодрствуем, наша Оперативная «точка Я» («весь Я») направляет фокус нашего внимания в соответствии с нашим актуальным стремлением на наиболее важные, релевантные цели моменты окружающей обстановки и самих себя. Она незримо присутствует во всех наших мыслях, переживаниях и действиях, мерцая на заднем плане поля нашего сознания. Изредка оперативная «точка Я» выходит в фокус ясного видения, помогая четче уяснить цель и точнее определить наши текущие характеристики.

Таким образом, процесс порождения самоопределений идет на трех уровнях личности за счет работы врожденных сетей «Я» и образуемых ими в бодрствующем состоянии «точек Я». В блоках Базовой и Вторичной личности автоматически учитываются только *внутренние* характеристики личности и всего организма. На Оперативном уровне человек с помощью «точки Я» и организуемой ею ориентировки учитывает и особенности *внешней* ситуации, а также своего здесь и теперь поведения. Самоопределение – это определение характеристик себя и окружающего мира по отношению к «точке Я», к своему целостному чувству Я.

Проблема детерминации самоопределения личности

Одним из интегральных проявлений идентичности человека является его *самооценка*. Как было обнаружено в нашем исследовании, упрочившиеся самооценки и соответствующие им притязания неосознанно переносятся в сходные ситуации, например, в процесс решения подобных внешне, но более трудных задач (Мотков, 1978). Если задачи данного типа перед этим легко и быстро решались, а новая долго не поддается решению, то испытуемый начинает нервничать, переживать состояние психического стресса (по КГР по Тарханову). Он начинает осознавать, что не так хорош в решении данных задач, как ему до этого представлялось. Возникает *внутренний конфликт текущего самоопределения и прошлой самооценки* своих возможностей решать такие задачи. Люди устраняют этот конфликт разными путями: одни отказываются от решения, обесценивая значимость для себя трудной задачи; другие отказываются дальше искать решение и снижают свою самооценку и притязания; третьи сжимают кулаки, сосредоточиваются, заново анализируют ситуацию и находят-таки оптимальное решение. Оказалось, что выбор пути выхода из этого внутреннего конфликта (решать ли до победного конца или отказаться от решения?) прямо связан с доминирующими *чертами характера и с психическими состояниями* испытуемых (по тесту СМИЛ/ММРІ). В условиях психического стресса *самоопределение и самооценка скорее определяются базовыми, во многом наследственно обусловленными чертами* (Бушар, 1991), а не воспитанием и другими социальными факторами (Мотков О.И., 1978).

Развивая в себе черты самостоятельности, действительности и уверенности, даже самый неуверенный человек может повысить свои возможности достижения успеха в разных видах поведения. На фоне новых успехов у него автоматически будет расти позитивность общей самооценки. В основе такого *саморазвития* лежат базовые биологические стремления: *потребность быть хорошим* (или потребность в самоуважении – считать себя самоценным существом, положительно себя оценивать, которую мы наблюдаем у всех детей), *стремление к самоутверждению* в собственных глазах и глазах других, *потребность в самореализации*. Работа личности над собой «технологически» обеспечивается и действием аппарата Оперативного Я - разума, и качествами интеллекта. Круг относительно устойчивых личностных образований, в том числе и *Я-концепция*, испытывает значительные биологические и культурные влияния и имеет *биокультурную* сущность.

Проблема полноты самоопределения личности

Процесс самоопределения человека потенциально бесконечен, ограничен только сроком жизни (Бахтин, 1972). Автор говорит о незавершенности и принципиальной незавершенности ядра личности, имея в виду под «ядром личности» Я-концепцию. В юности человек часто хочет быть всем и одновременно везде, иметь отношение ко всему. Но, желая хорошей жизни здесь и теперь, он *вынужден* принимать сиюминутные решения, для чего должен конкретно определять себя в данной ситуации, т.е. становиться *частичным*: «Я в данный момент есть то-то, хочу того-то, могу то-то». Стремление к бесконечной полноте самоопределения вступает в противоречие с *ситуативной жизненной необходимостью*. Последняя объективно сужает полноту нашего представления о себе.

Есть и еще один естественный фактор, препятствующий полноте нашей Я-концепции и представлений о мире. Это *инерционность, консерватизм* упрочившихся со временем самоопределений и отношений к миру, заслоняющих сегодняшнюю реальность поведения и действительности. Застойная, не меняющаяся картина мира –

также результат нашей психологической ригидности, непринятия объективно существующей двойственности природы, наличия в ней и светлого, и темного, доброго, и злого... Такая негибкость в функционировании личности встречается достаточно часто и у многих растет с возрастом.

Широте самоопределения может препятствовать и *ранняя профессиональная специализация*, например, при начале работы сразу после 8 класса. Общая самоидентичность и сфера поведения в таком случае могут определяться узкими интересами, ориентированностью лишь на материальную сферу и близкие отношения с людьми. Подростку необходимо достаточно длительное время, чтобы лучше узнать и понять себя, попробовать свои силы в разных видах деятельности. Полное среднее образование плюс самостоятельно выбранное высшее более предпочтительно для развития более полного и точного самоопределения.

Однако и при наличии неполного высшего образования самоопределение может быть узким и дисгармоничным. В исследовании 19 студентов-философов 2 курса Российского открытого университета по методике «Образ жизни» обнаружено, что самоопределение ими *духовной* стороны своей жизни (интерес к «вечным» вопросам жизни и смерти, истины, добра и зла, смысла жизни, устройства Космоса) выражено достоверно сильнее, чем у старшеклассников 10 класса гимназии: их средний балл равен 3,8 против 2,92 у школьников по пятибалльной системе оценок. Интерес же к занятиям с *физической* нагрузкой и к *общению с природой* у философов, наоборот, оказался гораздо слабее: соответственно 2,9 и 2,45 баллов против 3,52 и 3,4 баллов у школьников (Мотков, 1995). Такая *диспропорция в самоопределении своих интересов к «земному» и «небесному»* - теоретически *одинаково важным* для обеспечения здоровья, - ведет к *дисгармонизации* всей личности. Узкая «специализация», вероятно, снижает и качество философствования у этих студентов.

Вероятно, существует некий *оптимум широты интересов* (самоопределения). Слишком много интересов ведет к разбросанности внимания и усилий, поверхностности. Реалистичным идеалом является не «всестороннее», а разностороннее развитие, в котором самостоятельно определены главные стремления, а также необходимые, но менее важные интересы. Узость интересов также не гармонична, так как приводит к переживанию монотонии, не обеспечивает функциональной нагрузки органам и психическим функциям.

содержанию и уравновешенным.

Проблема адекватности самоопределения личности

Реалистичность самоопределения не может быть стопроцентной, так как мы в принципе не можем знать всех характеристик себя и мира. Однако ее можно развивать в *процессах самопознания и самоиспытания* путем проверки своих представлений на их истинность в разных жизненных ситуациях и видах поведения. Постепенное накопление и обобщение ситуативных самооценок и представлений о себе в реальной практике жизни, представлений об устройстве природы в процессе уединенного спокойного созерцания и размышления, позволяет реалистичнее оценивать себя, строить более точную картину мира. Самопознание и самоиспытание *должны идти всю жизнь*, так как мы и мир постоянно изменяемся. Здесь возникает проблема величины времени и усилий, которые человек готов вкладывать в освоение *новых* взглядов и дел, особенно при первых неудачах и неприятных ощущениях. Бросить начатое или продолжать заниматься? Не падать духом, не паниковать, продолжать испытывать себя в новой сфере – принятию этих важных решений нам помогает *привлечение разума*, с помощью которого мы можем скорректировать образ жизни, построить более реалистичный план

развивающих занятий. Разум является гармонизатором нашей личности и поведения. Он призван находить актуальное *приемлемое* стремление, адекватное данным внешним условиям и имеющимся внутренним возможностям.

Трезвая оценка своих возможностей может привести и к решению искать иную сферу приложения сил, саморазвития. При росте негативных самооценок в процессе освоения нового *важно сохранять интуитивную веру в себя*, верить, что существует область, в которой я могу успешно учиться и выражать себя. Нужно только ее найти. Разум и такие черты характера как открытость себе и миру, свежесть восприятия позволяют всю жизнь сохранять *гибкий* процесс самоопределения, уходить от жестких «окончательных» самоопределений. Для поддержания широты и гибкости полезно *вырабатывать «космическую» философию жизни* – опираться на общие принципы нравственности, понимать гипотетичность любых теорий, философских и религиозных взглядов, понимать, что жизнь – это во многом творческая игра, и нужно постараться найти *свою* игру. Т.е. становиться «гражданином Вселенной», единым со всей Природой и со всеми людьми.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит-ра, 1972 – 471 с.

Бернс Р. Что такое Я-концепция / Психология самосознания. Хрест. Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2000. - С. 333-392

Бушар Т.Е. и др. (Bouchard T.E. et al) *Источники психологических различий: Миннесотское исследование близнецов, воспитывающихся порознь* / Рефер. ж.95. Психология. 1991, № 10, с.2

Мотков О.И. Соотношение личностных и познавательных компонентов интеллектуальной деятельности в условиях психического стресса. Автореф. канд. дисс. - 19.00.01. М., 1978

Мотков О.И. О парадоксах процесса самоактуализации личности. / Магистр. 1995, № 6. С. 84-95 <http://hpsy.ru/public/x3157.htm>

Мотков О.И. Природа личности: сущность, структура и развитие. М.: ГУП Воскресенская типография, 2007 – 248 с. <http://dlib.rsl.ru/01003181833>

Мотков О.И. Загадка нашего Я / Мат-лы XVII Межд. чтений памяти Л.С. Выготского. «Культурно-ист. психология: от научной революции к преобразованию социальных практик». Москва, 14-19 ноября 2016г. / Под ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 ч. Ч. 2. М.: Левь, 2016. С. 239-264. <http://www.psychology-online.net/articles/doc-2637.html>

Психология самосознания. Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2000. – 672 с.

Хедигер Х. Наблюдения психологии животных в зоопарке. М.: Знание, 1984 (с. 22-38)

Эриксон Э. Идентичность. / Психология самосознания. Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2000. - С. 493-516.

Сведения об авторе

Мотков Олег Иванович, кандидат психологических наук, доцент. Российский государственный гуманитарный университет, Москва oleg1748@yandex.ru

PROBLEM OF GENERATION, COMPLETENESS AND ADEQUACY OF SELF-DETERMINATION OF THE PERSONALITY

Motkov O.I.

Problems of generation, completeness and adequacy of personal identity

Keywords: personality self-determination, automatic generation and determination of self-identities, completeness and adequacy of self-determinations.

Abstract: This work presents a hypothesis for an automatic formation of *new* self-determination properties of personality based on the operation of inherent statistical mechanism built into the operating networks of “Self”. Any type of behavior during solving any task includes automatic actualization of biological self-determinations of self (needs relevant here and now, personality traits...), as well as characteristics of Secondary personality that have been worked out during life and that are relevant for the current situation (personal identities of Self-concept, views of the outside world). They are added to the main, actual drive and together with it they determine the planning of subsequent behavior. Personality self-identities that are relevant here and now are placed within the initially given networks of Self. Under the conditions of stress self-determination is largely defined by the basic personality traits. Adequacy of self-determination is achieved by the processes of self-cognition and self-testing, increased dependence on reason.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК МОТИВАТОР В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Звягинцева Е.П.

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, студенты, мотивация, иноязычное обучение.

Аннотация. Тезисы включают в себя анализ некоторых особенностей интернационализации высшего образования на современном этапе, а также варианты использования возможностей этого вида образовательного пространства с целью улучшения иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза. Одним из мотиваторов к иноязычному обучению студентов могут быть программы академической мобильности, а также образовательные мероприятия в рамках подготовки к офф-лайн обучению за рубежом или он-лайн программ в зарубежных образовательных учреждениях. При условии выполнения ряда педагогических условий вполне возможно говорить о реализации осознанного и мотивированного иноязычного обучения в современной высшей школе в эпоху его интернационализации.

Глобализация коснулась практически всех сфер деятельности любого человека, в том числе и сферы услуг, к коим относится образование. Академическая мобильность в рамках образовательных услуг - это активно развивающееся направление, которое содействует укреплению связей между учебными заведениями, развивает

сотрудничество в академической среде, способствует обмену интеллектуальным капиталом, вносит лепту в создание новых исследовательских центров, учебных программ и образовательных технологий (Дмитриева, 2013). По прогнозам экспертов, в течение 7-10 лет спрос на разноуровневое международное образование будет увеличиваться и составит 262 млн мест, при этом на долю высшего образования ожидается спрос в размере более 7 млн мест (Краснова, 2014). При таких темпах программы академической мобильности в условиях интернационализации образовательной среды будут все больше пользоваться популярностью среди учащихся колледжей и вузов. В некоторых странах (например, в Германии с 2005 г.) действуют «Законы об иммиграции», в рамках которых иностранцам, получившим высшее образование на территории государства, разрешено после завершения учебы искать применение своим навыкам и трудоустроиться в течение года (Новый закон об иммиграции, 2004).

Вместе с тем на рынке международных образовательных услуг увеличивается число он-лайн программ в сфере образовательных услуг (через информационные технологии и доступ к мировой паутине). Некоторые вузы уже сейчас объединяются в Международный союз транснационального образования, одним из основателей которого является Гленн Джонс. Эти программы привлекают все больше людей тем, что они предлагают дистанционные программы как он-лайн, так и офф-лайн. Российские вузы все активнее вступают в партнерские академические проекты с целью реализации совместных программ обучения на бесплатной основе (по принципу «ты мне – я тебе»). Помимо этого, студентам предлагаются корпоративные программы, в которых преподают специалисты / эксперты из ведущих международных фирм. Ценность таких программ заключается в том, что в процессе учебы происходит сращение теоретических и практических аспектов профессиональной деятельности на иностранном языке (Джонсон, 2000). В этой связи важно отметить, что программы трансграничного образования могут обладать принадлежностью к образовательной системе зарубежного государства, но предоставляться независимо от какой-либо национальной системы образования (Лукичев, 2002).

На сегодняшний день наиболее востребованными в рамках программ академической мобильности многих российских вузов остаются зарубежные стажировки от 1 до 3 месяцев. При этом студент получает целый ряд позитивных результатов: осуществляется языковая практика на иностранном языке, расширяется область профессиональных знаний, происходит знакомство с культурологическими особенностями страны пребывания. Последнему аспекту из этого списка работодатели в России уделяют все больше внимания при приеме на работу, т.к. знание кросс-культурных особенностей является неоспоримым преимуществом аппликанта, если он собирается работать в международной компании. Программы, предлагаемые студентам в рамках глобальных образовательных проектов, включают в себя Fulbright, DAAD, Chevening Program, Erasmus Mundus, Nordplus и др.

Вместе с тем, существует и ряд проблем, с которыми российские студенты сталкиваются при выезде за границу по образовательным визам:

1) бесплатным, как правило, является только обучение в вузе-партнере, а проживание, питание и прочие расходы студенты (и их родители) должны оплачивать сами, что зачастую просто не по карману среднестатистическим семьям;

2) сложности нефинансового характера: культурные, социоэкономические и академические (например, недостаточная осведомленность об академических

предпосылках и ранжировании квалификации различных стран, разница в структуре и организации учебного процесса и в системе оценивания знаний и т.д. (Проскура, 2014)).

3) возможность проблем социальной адаптации российских студентов за рубежом, что отрицательным образом влияет на их академическую успеваемость в следствии снижения или потери когнитивных возможностей полноценно осваивать образовательную программу;

4) недостаточно высокий уровень владения иностранным языком.

Именно последний пункт может стать для педагогов положительным моментом, который можно использовать как мотиватор для изучения неродного языка и стремления достичь поставленных результатов.

Прежде всего, нужно познакомить студентов с видами мотиваторов:

1) мотиваторы «здесь и сейчас» (т.е. в родном вузе),

2) мотиваторы «там и потом» (в вузе-партнере или образовательной организации за границей).

Обе группы могут включать в себя как внешние (как правило, используется метод «кнута и пряника»), так и внутренние мотиваторы (факторы внутренней природы обучаемого). Предлагая привлекательные для студента опции, которые могут быть использованы как мотиваторы для его дальнейшего освоения иностранного языка и выхода на новые уровни владения этим языком, можно определить ряд позиций, имеющих значимость в глазах студента: высокооплачиваемая работа в будущем (со знанием языка); расширение круга знакомств; познание иной культуры (культурных кодов); получение знаний о будущей профессии на иностранном языке; знакомство с новыми подходами в обучении и иными формами учебного взаимодействия; подкрепление ситуации успеха в ходе общения на иностранном языке и т.д. Мотивация в этом случае может быть еще и орудием достижения цели познания (неродного языка), но для этого нужно определить (и выполнять) определенные педагогические условия реализации осознанного и мотивированного иноязычного обучения в современной высшей школе в эпоху его интернационализации:

1) формирование устойчивых познавательных интересов у обучаемых через различные формы учебного взаимодействия на протяжении периода, достаточного для перехода на более продвинутый уровень владения иностранным языком (не менее 300 часов подготовки);

2) вариативность программ академической мобильности с целью выбора наиболее востребованной или перспективной для студента лично;

3) использование элементов коучингового подхода с целью создания осознанного отношения к процессу обучения (через рефлексия и творчество к раскрытию иноязычного потенциала студентов);

4) внедрение программ социокультурной адаптации студентов-иностранцев (Buddy program) с целью безболезненного вливания в подобные программы во время прохождения русскими студентами обучения в вузе-партнере;

5) согласование системы кредитов / зачетов / оценок в вузах-партнерах;

6) привлечение внебюджетных средств вуза и потенциальных работодателей с целью покрытия расходов участников программ академической мобильности в учебных, научных, социальных проектах;

7) использование элементов тьюторства с целью индивидуализации образовательной траектории и поддержания самомотивации студентов;

8) создание в вузе интегративно-развивающей образовательной среды, характеризующей особый тип психолого-дидактического пространства вуза, в котором реализуются различные формы взаимодействия субъектов с целью формирования у обучающихся требуемых компетенций и высокого уровня мотивации к саморазвитию;

9) обеспечение бесплатного доступа к пулу информационно-научной и профессиональной базы на иностранном языке как до отъезда студента за рубеж, так и после его возвращения с целью сохранения уровня владения иностранным языком.

Делая вывод о целесообразности и возможности мотивации студентов к изучению иностранного языка на более высоком уровне в ходе программ академической мобильности, важно отметить еще одно условие: их возвращение обратно и применения полученных знаний на практике у себя дома, в России. Только в этом случае вузу имеет смысл вливаться в транснациональную подготовку своих студентов (включая иноязычный компонент), иначе страна рискует получить отток интеллектуальных ресурсов в виде перспективных кадров с высоким уровнем профессиональной подготовки, который адаптирован к ассимиляции в условиях проживания и работы в других странах.

Литературы

Джонс Г. Как перебросить мост от сложных проблем транснационального образования к аккредитации // Транснациональное образование: возможность доступа или создание препятствий? 2000. № 3. С. 6.

Дмитриева Н.К. Становление академической мобильности студентов в процессе обучения иностранному языку // Петрозаводск. 2013.

Краснова Г.А. И снова об экспорте российского образования // Независимая газета [Электронный ресурс]. 2014. 23 апреля. URL: http://www.ng.ru/science/2014-04-23/12_education.html (дата обращения: 09.09.2018).

Лукичев Г. Трансграничное образование // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2002. № 1. С. 71—75.

Новый закон об иммиграции: кого хотят видеть в Германии? // Deutsche Welle (DW): Germany's international broadcaster [Электронный ресурс]. 2004. 10 июля. URL: <http://dw.de/p/5IWb> (дата обращения: 18.03.2018).

Проскура О.В., Минин М.Г., Бенсон Г.Ф. Опыт реализации программ международной академической мобильности // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный агроинженерный университет им. В. П. Горячкина». 2014. № 1(61). С. 11-14.

Сведения об авторе

Звягинцева Елена Петровна, канд.пед.наук, доцент, доцент Департамента языковой подготовки, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, ezvyagintceva@fa.ru

INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION AS A MOTIVATOR IN THE LANGUAGE TRAINING PROCESS AT NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Zvyagintseva E.P.

Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Keywords: internationalization of higher education, students, motivation, foreign language training.

Abstract. The theses include the analysis of some features belonging to the internationalization in contemporary higher education, as well as suggestions to use the possibilities provided by such kind of educational environment in order to improve foreign language training of students at a non-linguistic university. One of motivators to foreign language training can be the introduction of academic mobility programs and also various educational activities in both off-line and on-line formats. Provided some pedagogical conditions are fulfilled, it's possible to say about realization of conscious and motivated foreign language training in today's higher school in the era of its internationalization.

СМЫСЛОВЫЕ УСТАНОВКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.

Иванова Е.И.

Социологический факультет РГГУ, Москва

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, смыслы, смысловые установки.

Аннотация. Предпринимательская деятельность основывается на особых ценностных ориентациях, смысловых установках как компонентах социальных механизмов деятельности. Проблема смыслов деятельности затрагивалась в исследованиях представителей классической и марксистской политической экономии, маржинализма, неоклассицизма. К смыслам предпринимательства отнесены социальная ориентированность, профессионализм, новаторство. Исторически, в России важнейшими смыслами предпринимательства являлись национальный менталитет, честность, меценатство. Молодые поколения находятся под усиливающимся воздействием инновационных технологий, информационных регуляторов социального взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности, заменяющих нормативные регуляторы. С учетом глобализации профессионального пространства, смысловые установки предпринимательской деятельности становятся обобщенными.

Формирование предпринимательской среды относится к насущным задачам современного российского общества. Предпринимательская сфера деятельности имеет характерные нормативные признаки (самостоятельность, нацеленность на прибыль), а также социальные признаки, соответствующие ожиданиям общества, основанные на наличии определенных ценностей.

Смыслы современного предпринимательства можно определить как представления о цивилизованной направленности деятельности, ее перспективной цели развития. Основывая свою деятельность на них, предприниматели ориентируются на

будущее общества, создают настоящее. К смыслам предпринимательства могут быть отнесены социальная ориентированность, профессионализм, новаторство.

Действия предпринимателей, мотивированные социальными смыслами, способствуют преодолению последствий явлений экономического и социального отчуждения. Источником их деятельности являются особые ценностные ориентации, смысловые установки. Смысловая установка - компонента исполнительных механизмов деятельности, она отражает в себе жизненный смысл объектов, на которые эта деятельность направлена.

К проблеме социальной составляющей предпринимательской деятельности обращались представители различных направлений социологической мысли. Обращаясь к теоретическим источникам, обосновывавшим цели и смыслы предпринимательской деятельности, следует отметить, что уже у теоретиков классической и марксистской политической экономии наряду с прибылью как основной целевой установкой деятельности капиталистов-предпринимателей обнаруживается и ее социальная сущность. По А.Смиту, «невидимая рука рынка» настраивает экономический процесс таким образом, что для получения собственной выгоды предприниматель вынужден учитывать и реализовывать интересы населения, потребление - единственная цель всякого производства. Именно наличие социального аспекта деятельности и ведет к росту богатства всего общества. К.Маркс указывал, что отчуждение рабочей силы и превращение ее в товар ставят капиталиста перед необходимостью оплачивать деятельность рабочих в размере, необходимом для прожиточного минимума, подчеркивал не только экономический, но и социальный аспект капиталистического воспроизводства.

Представители маржинализма учитывали социальный критерий как самостоятельную составляющую эффективности предпринимательской деятельности при анализе взаимодействия факторов производства и их предельной полезности. Согласно их утверждениям, выявить и решить экономические проблемы можно только на уровне индивида, на микроуровне, поскольку хозяйственные субъекты всегда желают максимизировать то, что их интересует в большей степени. Покупателей всегда интересуют полезность и качество, а производителей – прибыль. При этом согласно К. Менгеру (1840-1921), ценность — это суждение, которое существует только в сознании хозяйствующих людей, она определялась степенью удовлетворения потребностей. Смысл деятельности состоит не в увеличении количества полезных благ, а в *возможно более полном удовлетворении человеческих потребностей*.

В работах представителей неоклассицизма свобода производства и предпринимательства утверждалась как главная черта рыночной экономики. А. Маршалл (1842-1924) рассматривал предпринимательскую деятельность в качестве особого четвертого фактора производства (добавил к трем классическим факторам производства (земля, капитал, труд) четвертый фактор – организация). Смысл деятельности предпринимателей состоит в том, что своим новшеством они *создают новый порядок, ускоряют процессы, уже созревшие в обществе*.

Институционализм вводит в анализ предпринимательской деятельности все факторы общественно-экономических отношений, повышая меру присутствия социальной составляющей. Множество независимых от государства организаций, акционерные общества становятся атрибутами нового порядка открытого доступа, которому присущи верховенство закона, надежная система правовых гарантий и свобод, политика обеспечения равенства. Д.Норт при анализе критерия эффективности нового порядка вводит понятие «адаптивная эффективность», которая присуща людям, фирмам,

организациям. Она позволяет создавать продуктивные, честные и стабильные институты, а если нужно, и заменять их новыми. (Д.Норт, с. 22).

К таким институтам относится институт доверия. В работе Р. Бокэ и О. Серве среда функционирования фирмы рассматривается с позиций когнитивной неопределенности, и только доверие (социальный капитал) способствует снижению транзакционных издержек. Доверия способствует кооперации и сотрудничеству, обеспечивает достижение равновесия и стабильности в деятельности. Смыслы предпринимательской деятельности, согласно интерпретациям институционализма, состоят *в обеспечении порядка открытого доступа* (верховенство закона, надежная система правовых гарантий и свобод, политика равенства), *доверия и сотрудничества*.

Й. Шумпетер обосновывает необходимость особых смыслов деятельности, он называет предпринимателем человека, берущегося за *создание нового блага; использование новой технологии производства; освоение нового рынка сбыта; открытие новых источников сырья*. Мотивы предпринимателя соответствуют девизу: еще больше. Это мечта основать свою частную империю, свою династию. Он выделяет несколько групп смыслообразующих мотивов: одному нужна «свобода» и «условия для развития личности»; другой хочет обладать «сферой влияния»; третий движим «снобизмом», но не станет этого делать. Это и радость, которую человек испытывает от творческой деятельности, от своего творения. Это чувство может проявляться как само по себе, так и наряду с удовольствием, доставляемым работой. И здесь, блага приобретаются не ради них самих, т.е. теряется обычный "смысл" их приобретения.

Российский ученый Г.К. Гинс разделял взгляды Шумпетера на предпринимательство. В его исследованиях предприниматель рассматривается не только как основной субъект эффективной хозяйственной деятельности, но и как определенный психологический тип личности, отличающийся предприимчивостью, решительностью, гибкостью поведения. Предприимчивость является добавочным свойством человека, следствием работы его сознания и проявляется в способности действовать творчески, инициативно, основываясь на знаниях. Смысл деятельности заключается в творчестве, поиске и реализации новых идей и направлений для достижения общественно значимого эффекта.

В СССР и России марксистское учение стало основным источником толкования смыслов предпринимательства. Классовая сущность, жажда наживы, эксплуатация – эти образы деятельности капиталистов-предпринимателей способствовали признанию их негативных сторон. Между тем, в XIX- начале XX вв. среди российских ученых, государственных деятелей доминировали взгляды на традиционный, самобытный путь развития страны, считалось, что национальному менталитету чужды западные смыслы предпринимательства. Национальные перспективы развития предпринимательства поддерживали С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, И.А.Вышнеградский С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, П.Б. Струве.

В России, в отличие от европейских стран, США, не было культа денег, стремления нажиться любым путем. Хорошим предпринимателем считался тот, кто умел получать прибыль за счет ускорения оборота товара, качественного обслуживания покупателя. Российские предприниматели относились к своему делу как к важной миссии, возложенной на него Богом или судьбой, что составляло смысл их деятельности, а не личное обогащение. В купеческой среде считалось, что честность – основа деятельности, меценатство - обязанность, поскольку богатство должно использоваться. За счет меценатства в России появлялись музеи и театры, храмы, коллекции памятников искусства. При этом российские меценаты часто не афишировали свою помощь. Их

поступки диктовались смысловыми установками, они не только приобщались к системе норм и ценностей социальной среды, но и способствовали их формированию.

Если ценности передаются из поколения в поколение часто в неизменном виде, то *смысл жизни* меняется - каждое поколение по-новому переосмысливает свою жизнь. В.М. Межуев подчеркивает, что у ценностей нет конкретного автора, а смыслы принадлежат только человеку, “творятся, создаются живыми людьми” (Межуев, 2015: 804 – цит. по Тощенко, 2016).

В современной России вновь возродилась предпринимательская деятельность, направленная на меценатство и благотворительность. Часто она организуется в качестве самостоятельной профессиональной деятельности. Предприниматели создают благотворительные организации, фонды, осуществляющие материальную поддержку сфер образования, науки, культуры, спорта. Примерами меценатства в названных сферах являются деятельность холдинга «Интеррос» В. Потанина, фондов "Искусство, наука и спорт" А.Усманова, «Вольное дело» О.В.Дерипаски, «Система» (в Попечительский совет входят представители ключевых компаний России), фонда Д. Б. Зимина (основателя ОАО «Вымпел-Коммуникации»).

Благотворительная деятельность распространяется на программы поддержки детей-сирот и тяжелобольных детей, внедрение высоких медицинских технологий, на адресную помощь семьям и пожилым людям. Ее осуществляют благотворительные фонды «Русфонд» Л. Амбиндера, фонд семьи Тимченко, "Подари жизнь" Ч.Хаматовой и Д.Корзун, "Виктория" Н. Цветкова, "Линия жизни" (пожертвования российских и иностранных предпринимателей).

На первом месте в направленности благотворительности находится поддержка детям-сиротам. Согласно опросу ФОМ о предпочтениях в выборе благотворительного фонда для пожертвования, в фокусе внимания чаще оказывались фонды указанной направленности – эту группу «выбрали» 69% опрошенных. Другие ответы следуют с большим отрывом: 38% помогли бы инвалидам, 32% – людям с тяжёлыми или неизлечимыми заболеваниями (<http://fom.ru/TSennosti/13898>).

Смысл предпринимательства – поиск и исследование не только новых экономических возможностей, но и возможностей поддерживать жизненно важные ценности. Всякий индивид, чье поведение отличается поисковым стилем – потенциальный предприниматель.

В конце 2017 года ФГБУ «Роспредприниматель» провело социологическое исследование на выявление предпочтений в области трудовой деятельности среди молодежи и действующих предпринимателей²⁵. Почти половина опрошенных (48,3%) заявили, что планируют заняться предпринимательством (Российский инвестиционный форум. Сочи 2018: 77). При этом смысл собственного дела для молодежи ассоциируется со свободой (возможностью располагать своим временем, строить собственный удобный рабочий график), стремлением достичь наиболее эффективного сочетания своих знаний с рыночной ситуацией и тем самым обеспечить первенство в конкуренции и большой доход.

Молодые поколения находятся под все усиливающимся воздействием инновационных технологий во всех сферах общества, в их жизнедеятельность

²⁵ В опросе приняли участие 619 человек, большинство из них в возрасте от 23 до 30 лет. Все респонденты – жители Российской Федерации.

внедряются информационные регуляторы социального взаимодействия, не только дополняющие, но и заменяющие нормативные регуляторы. Профессиональное пространство все более затрагивает процесс глобализации. Смысловые установки деятельности становятся обобщенными, определяют поведение индивидов в широком круге сходных ситуаций.

Примером могут служить установки предпринимательской деятельности Павла Дурова, основателя и лидера мессенджера «Телеграм». Мессенджер обладает уникальными механизмами шифрования и защиты от взлома и расшифровки личной информации в переписке пользователей. Программой предпочитают пользоваться представители политических и экономических элит, но по той же причине она может использоваться и незаконными группировками. Эти риски способствовали принятию поправок в закон об информации, которые обязывают вносить данные компаний-разработчиков и владельцев мессенджеров в специальный реестр. Однако создатель мессенджера счел данные законы не совместимыми с защитой частной жизни и политикой конфиденциальности. Смысловая установка его деятельности, объектом которой являются информационные технологии, – не только доходность, но и профессиональные достижения, новые технологии, правда независимо от их значимости и последствий для российского общества. «Глобус большой», считает бизнесмен (<http://www.forbes.ru/tehnologii/350645>).

Отмеченные смысловые установки деятельности молодых предпринимателей могут выступить ограничением ее содержания. Социально значимые ориентиры отступают на второй план, часто молодые предприниматели уезжают работать за рубеж. Данные социологического опроса, проведенного в рамках проекта «Жизненный мир Россиян» в 2014-2015 гг., показали, что наибольшая доля желающих постоянно жить и работать за рубежом отмечалась среди предпринимателей и бизнесменов (Иванова, 2016).

Общество предлагает меры по воздействию на смысловые установки профессиональной деятельности молодого поколения. В феврале 2018 года начата реализация молодёжного проекта «Россия – страна возможностей», в том числе проекта «Билет в будущее», конкурса «Мой первый бизнес». Цель этих проектов состоит в стимулировании массового участия молодёжи в научно-технической и инновационной сферах предпринимательской деятельности, направленности их деятельности на решение актуальных социальных проблем российского общества (<http://government.ru/docs/31509/>).

Социальная составляющая бизнеса становится самостоятельным направлением деятельности. Смыслы деятельности предпринимателей, направленные на достижение социального эффекта, воплощаются в функциях новых структур. В России активно формируется социальное предпринимательство как самостоятельное направление деятельности организаций. Сама тема социального предпринимательства в России привлекает внимание государства, бизнеса, предпринимателей, исследователей. Это новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством. (Социальное предпринимательство 2011: 15-16).

В регионах России организуются курсы обучения, объявляются конкурсы грантов по социальному предпринимательству. Как правило, это социально значимые проекты. К примерам социального предпринимательства можно отнести деятельность благотворительного магазина «Спасибо» (социально значимая и общественно-полезная сфера, вся прибыль кроме административных расходов идет на благотворительные

нужды); социальные предприятия, на которых работают инвалиды; коммерческий реабилитационный центр для пожилых; платные услуги или деятельность бюджетных учреждений, приносящая доход (например, студенты вуза оказывают платные консультационные услуги по доступной цене, получая практику и помогая социально незащищенным слоям населения).

Несомненно, ценностные предпочтения различных возрастных групп, поколений, социальных и профессиональных групп многообразны. Современное общество предъявляет особые ожидания к предпринимательской деятельности. Они наполнены социальными смыслами, без которых невозможно решение проблем социально-экономического развития.

Литература:

Гинс Г.К. Предприниматель. М.: Посев. 1992.

Иванова Е.И. Миграционные намерения современных поколений: новая волна миграции / Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг. // Под ред. Тощенко Ж.Т. — ЦСП и М, 2016. С. 89-112.

Маршал А. Принципы экономической науки. Т.1. М.: «Прогресс». Серия «Экономическая мысль Запада». 1983. С. 320-408. <http://ek-lit.narod.ru/marsod4.htm>

Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. С. 31–242. Пер. с нем. Г. Тиктина и И. Абергуза под ред. Р. М. Орженцкого.]

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

Российский инвестиционный форум. СОЧИ 2018. URL: <http://www.rusinvestforum.org> (Дата обращения 10.02.2018).

Социальное предпринимательство в России и в мире. Практика и исследования / под ред. А.А. Московской. М.: ВШЭ, 2011.

Тощенко Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11. С.6. С. 3-14]

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 170-177

Bocquet R., Servais O. Concurrence et coopération, une approche du système industriel par la convention //Firmes et économie industrielle / sous la direction de C. Palloix et Y. Rizopoulos. – L’harmattan, 1997. - P.21-38.

URL: <http://fom.ru/TSennosti/13898> (Дата обращения 10.02.2018).

URL: <http://www.politonline.ru/interpretation/22890794.html> (Дата обращения 10.02.2018).

URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/350645> (Дата обращения 10.02.2018).

URL: <http://government.ru/docs/31509/> (Дата обращения 10.02.2018).

Сведения об авторе.

Иванова Елена Игоревна, Доктор социологических наук, доцент, профессор социологического факультета РГГУ, Ivanova.e@rsuh.ru

Elena Ivanova

Faculty of Sociology, RSUH

Keywords: entrepreneurial activity, senses of entrepreneurship, semantic values

Abstract. Special valuable orientations, semantic values appear to be the basis of entrepreneurial social mechanisms of activity. The problem of meanings of entrepreneurial mission was touched in researches of classic and Marxist political economy, marginalism, institutionalism, neoclassicism. The senses of entrepreneurship are as follows: social orientation, professionalism, innovation. The historical retrospective of Russia reconstructs the main senses, such as national mentality, honesty, maecenas. Young generations experience strong influence of innovation technologies, information regulators of social interactions in all spheres of their vital activity. The innovation technologies and information regulators tend to substitute normative regulators. Taking into account the process of globalization of professional space we can assume that semantic values of entrepreneurship appear to be generalized.

ОЦЕНКА УМА ДРУГИХ ЛЮДЕЙ ПО ТЕКСТУ: СВЯЗЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ КРИТЕРИЕВ С ТОЧНОСТЬЮ²⁶

Сысоева Т.А., Ярошевская С.В.

Психологический институт РАО, Москва

Ключевые слова: ИмPLICITные представления об интеллекте, житейские оценки ума, интеллект.

Аннотация. В работе обсуждается вопрос вынесения суждений относительно интеллекта других людей и основания таких оценок. Формулируется предположение относительно связи используемых критериев оценки и точности сделанных оценок, то есть, о различиях в эффективности используемых критериев. Испытуемым предлагалось оценить ум нескольких человек, опираясь на написанные ими «тексты» (наборы предложений), и объяснить основания своих суждений. Точность оценок рассчитывалась как коэффициент корреляции между выставленными оценками и реальными тестовыми баллами. Критерии оценок выявлялись при помощи контент-анализа. Прежние данные показали, что прямой связи уровня умственного развития оценщика с точностью его оценок нет. Однако в данной работе обнаружено, что точность оценок связана с частотой использования таких критериев как тема и содержание высказываний, а также логичность изложения. Критерий логичности изложения может рассматриваться как наиболее эффективный среди выделенных.

Вопрос о том, каким образом одни люди делают заключения о психологических особенностях других людей – не нов для психологии и изучается давно. Существует

²⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-313-00103.

довольно большое направление исследований имплицитных представлений (т.е. житейских представлений обычных людей) о каких-либо психологических особенностях. Однако довольно часто эмпирическому анализу подлежат лишь какие-то части этого процесса: точность вынесенных суждений, или содержание житейских представлений о той или иной психологической характеристике в целом.

Нас интересует содержание имплицитных представлений людей об интеллекте. Данная тема изучается в разных направлениях еще с конца прошлого века (наиболее активно цитируются работы Стернберга - Sternberg et al., 1981, Sternberg, 1985, но в этом направлении работало и множество других авторов). Однако в центре нашего анализа лежат не представления об интеллекте вообще, а представления об этой характеристике, выраженной в продуктах деятельности человека. А именно – в его вербальной продукции (написанных им текстах). Это, как ни удивительно, очень слабо изучено и даже не может быть названо направлением, в то же время нам представляется, что именно текстовый материал может быть наиболее показательным с точки зрения проявления уровня интеллекта. К тому же в последние десять лет, когда невероятную популярность приобрело интернет-общение, вербальный материал зачастую является единственно доступным для вынесения суждений о психологических особенностях партнера по взаимодействию.

В данной работе предпринята попытка дополнительного анализа данных исследования, основные результаты которого были опубликованы ранее (Ярошевская, 2013). В исходной работе были выявлены некоторые критерии, используемые испытуемыми для вынесения суждений об уме авторов прочитанных текстов, и обнаружена связь частоты использования этих критериев с умственным развитием оценщиков; кроме того была предпринята попытка установить связь уровня развития оценщиков с точностью определения ума авторов (таких связей обнаружено не было). Мы решили провести дополнительный анализ этих данных для проверки гипотезы о том, что точность оценки ума может быть связана с тем, какие критерии для ее вынесения испытуемые предпочитают использовать. То есть мы предположили, что эффективность разных (из выявленных прежде) критериев связана с корректностью оценок: критерии будут по-разному связаны с успешностью оценивания ума.

В исходном исследовании приняли участие 126 испытуемых в возрасте от 17 до 25 лет, 11% мужского пола. Преимущественно студенты 1-2 курсов, изучающие психологию и другие гуманитарные специальности.

Использовалась следующая процедура. Испытуемые работали с письменным материалом оцениваемых. То есть испытуемые-оценщики должны были составить представление о том, насколько умен оцениваемый, после прочтения написанного оцениваемым «текста», и объяснить, опираясь на что они дали именно такие оценки.

Материалы, на основании которых выносились суждения об уме авторов представляли собой наборы из 15 предложений, сформулированных подростками в рамках выполнения задания «незаконченные предложения», где им были даны стереотипные начала предложений типа «я не думаю, что...», «я считаю...», «окружающие склонны...» и т. п., а далее выдвинутый тезис нужно было объяснить, используя конструкцию «потому что».

Всего было использовано 9 таких текстов-наборов из 15 предложений: по три, принадлежащих авторам с высокими, средними и низкими баллами по тестам интеллекта (школьники тестировались при помощи тестов Амтхауэра и Равена). Каждый «текст» располагался на отдельной странице А4.

Испытуемые должны были ознакомиться с «текстами» и выставить оценки ума их авторов, используя графическую шкалу (аналогичную шкалам самооценки методики Дембо-Рубинштейн). После чего по каждому из прочитанных авторов нужно было ответить на ряд вопросов о том, что послужило основанием оценки.

Работа проходила в группах, все ответы давались испытуемыми письменно. Кроме того испытуемые выполняли тест умственного развития взрослых (ТУРВ, Акимова и др., 2007).

Выделенные в результате контент-анализа ответов критерии, на которые опираются оценщики при вынесении суждений об уме авторов текста, следующие: эмоциональная оценка (общее суждение о тексте типа «нравится/ не нравится»); личностные черты (оценка с упором на личностные особенности и общую зрелость); мотивы и ценности (указание на ценностные и мотивационные характеристики); тематика (указание на выбор темы); смысл (указание на смысл высказываний); грамматика (указание на грамматические конструкции); логика (указание на соблюдение логичности высказываний). Частота использования некоторых из этих критериев оказалась связанной с уровнем умственного развития оценщика: испытуемые с более низкими показателями по интеллекту чаще используют критерии общей эмоциональной оценки и оценки с упором на личностные особенности; а испытуемые с более высокими показателями чаще ориентируются на логичность сформулированных высказываний.

Отсутствие прямой связи точности оценок с уровнем умственного развития оценивающего, а также присутствие связей уровня умственного развития с используемыми критериями могут быть проинтерпретированы так, что точность выносимых суждений может быть обусловлена выбранными для оценки критериями. Для проверки этого предположения был проведен дополнительный корреляционный анализ: были посчитаны коэффициенты корреляции Спирмена между показателями точности оценок и частотой использования тех или иных критериев. Обнаружилось, что использование критериев, основанных на анализе содержания (темы и сути высказываний) отрицательно связаны с точностью оценок ($r=-0,19$, $p<0,05$ и $r=-0,20$, $p<0,05$, соответственно), в то время как упор на логику высказываний при вынесении суждений об уме автора текста положительно связано с точностью вынесенных суждений ($r=0,18$, $p<0,05$).

Таким образом, можно предположить, что точность оценок ума окружающих связана не столько с умом оценивающего, а с тем, какими критериями он при этом пользуется: есть критерии более и менее эффективные для вынесения подобных суждений. И хотя предпочтительное использование критериев само по себе связано с умом оценщика, этого оказывается недостаточно для установления непосредственной связи ума оценщика и точности его оценок.

Мы отдаем себе отчет в том, что полученные коэффициенты корреляций являются низкими, то есть обнаруженные связи являются довольно слабыми. Однако мы не претендуем на заявление о том, что выбор правильного критерия является залогом точности оценок: очевидно, что на них влияет и множество других факторов, включая случайные. Но тем не менее, учитывая возможные измерительные ошибки (и в частности, неизбежные упрощения, производимые в процессе контент-анализа), можно полагать, что используемые критерии действительно являются одним из таких факторов. Верификация данного утверждения требует дальнейших исследований.

Литература

Акимова М.К., Горбачева Е.И., Козлова В.Т., Ференс Н.А. Тест умственного развития взрослых (ТУРВ): методические рекомендации по работе с тестом. М., 2007.

Ярошевская С.В. Точность оценки ума окружающих в зависимости от уровня интеллекта оценивающего // Вопросы психологии. 2013. № 6. С. 69-76.

Sternberg R.J. Implicit Theories of Intelligence, Creativity, and Wisdom // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. V. 49(3). P. 607-627.

Sternberg R.J., Conway B.E., Ketron J.L., Bernstein M. People's conceptions of intelligence // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. V. 41(1). P. 37-55.

Сведения об авторах

Сысоева Татьяна Анатольевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Психологического института РАО; tatiana.syssoeva@mail.ru

Ярошевская Светлана Викторовна, младший научный сотрудник Психологического института РАО; yaroshevskaya@yandex.ru

JUDGING OTHER PEOPLE INTELLIGENCE FROM TEXT: RELATION BETWEEN CRITERIA AND ACCURACY

Sysoeva T.A., Yaroshevskaya S.V.

Psychological institute Russian academy of education, Moscow

Implicit theories of intelligence, laypeople judgments of other's intelligence, intelligence

The paper discusses the issue of evaluating the intelligence of other people and the basis of such judgements. We assume that evaluation criteria and the accuracy of the estimates are related, that is, there are differences in the effectiveness of the criteria. The subjects were asked to evaluate the intelligence of several people based on the "texts" written by them (sets of sentences), and to explain the basis of their judgments. The accuracy of the estimates was calculated as the correlation coefficient between the marks and the actual test scores. Evaluation criteria were identified using content analysis. Previous data showed that there is no direct link between the appraiser's level of intelligence and the accuracy of his evaluations. However, in this paper, it was found that the accuracy of the estimates is related to the frequency of using such criteria as the topic and content of statements, as well as the logical consistency of the statement. The latter can be considered the most effective among the criteria identified.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПАНИЙ)

Булгаков А.В.

Российский государственный гуманитарный университете, г. Москва

Ключевые слова: межгрупповая адаптация, поликультурная организация, организационная культура, цифровые технологии, эмоции.

Аннотация. Раскрыты некоторые результаты эмпирического исследования 2017-2018 выполненного на релевантной выборке строительной отрасли – 640 чел. Определены социально-психологические аспекты эмоционального компонента межгрупповой адаптации в строительных организациях, влияющие на эффективность управления персоналом при внедрении в них цифровых технологий. Разработана и апробирована система сопровождения введения технологии Индустрия 4.0. в управление персоналом поликультурной строительной компании.

Строительство – важнейшая часть реальной экономики, наиболее открытая своими результатами отрасль и одновременно значительно скрытая в своих экономических и социально-психологических процессах и механизмах. В строительстве заняты 5651,9 тыс. чел. или 8,3% трудоспособного населения России (Росстат), включенного в различные социальные группы (профессиональные, возрастные, гендерные, этнические и др.), что позволяет характеризовать строительство как многочисленную и поликультурную по своему составу отрасль. При этом поликультурная организация (компании, учреждения, вуза и т.д.) определяется нами как средняя группа (Карпов А.В., 2017). Это объективно существующая форма социальной организации со всем многообразием культур групп, входящих в нее в зависимости от категоризации. Подчеркнем, что не только этнической, но и профессиональной, гендерной, разнопоколенной категоризации, категоризации мигрантов-местных жителей, категоризации разно статусной в организации и других групп. Поликультурные организации максимально представлены в социуме и высоко значимы во всех сферах. Они включают в себя практически любую личность и определяющим образом влияют на неё. Для поликультурных организаций характерен амбивалентный контактный/неконтактный характер групповой организации – предпосылке атрибута субъектности/асубъектности. Главным механизмом структуризации поликультурной организации является иерархизация не столько отдельных индивидов, сколько малых групп или сообщество малых групп (групп «второго порядка» – мета-групп). Здесь работают мерцающие механизмы межличностной/межгрупповой интеграции.

В сложной палитре поликультурных строительных организаций нас интересуют современные инновационные строительные компании, использующие цифровые технологии Индустрии 4.0 и BIM. Именно за ними решение задач, поставленных Президентом России в майских Указах 2018, в Поручении Президента России Председателю правительства от 19 июля 2018 года о внедрении технологии информационного моделирования в строительстве, где указаны срой внедрения: менее чем за один год, а BIM относится к наиболее перспективным, жестко контролируемым направлениям. Обойти или проигнорировать цифровые технологии в строительстве не

представляется возможным. В основе Индустрии 4.0 – цифровая трансформация всех отраслей, включая строительство. Вектор – поиск, разработка и внедрение новых технологий и инноваций. Следствие – рост производительности труда и эффективности использования ресурсов. Прежде всего человеческих. Уровни развития компаний: «Информатизация», «Связанность», «Наглядность», «Проницаемость», «Предсказуемость», «Самокоррекция» (Шу, Г., Андерл, Р. И др., 2017). BIM (от англ. Building Information Model - информационная модель здания) – организованная цифровая информация об объекте. Используется для управления всем жизненным циклом здания. Организационный и экономический эффект от применения BIM варьируется. 5% – экономия сметы за счет сокращения сроков строительства. 80% – экономия времени разработки смет. Отрасль способна перейти из отстающих в передовые. Хотя зафиксированные и планируемые результаты применения BIM в строительстве противоречивы. Доступные источники не дают возможность создать устойчивое представление о происходящем. Важно, что BIM не заменяет человека. BIM требует большего профессионализма и ответственности, повышает эффективность деятельности. Важна эмоциональная сторона BIM. Требуется приложить усилия при освоении новых инструментов при переходе на новую технологию (Магера Т.Н., 2018).

Дифференциация и интеграция строительных организаций отрасли требует постоянной межгрупповой адаптации (МГА), детерминированной в том числе своеобразием эмоционального компонента (А.В. Булгаков, 2016; Н.М. Егорова, 2012; О.А. Павлютенкова, 2017 и др.), изучение которого имеет практическую и теоретическую значимость. Во-первых, с позиции практики эмоциональный компонент МГА наряду с мотивационным и организационным (Булгаков А.В., Кидинов А.В. 2016) может выступать социально-психологическим механизмом специфического развертывания межгрупповых отношений в организации, их резонатором. Эмоциональный компонент МГА способствует решению вопросов: затруднений в управленческой деятельности руководителей; сложности развития эмоциональной компетентности всего персонала строительных организаций; профилактики конфликтов с использованием деструктивных стратегий; налаживания партнерских отношений между сторонами взаимодействия; сохранения эмоционального здоровья персонала; самоуправления эмоциональным состоянием субъектов МГА и др. Внедрение технологий управления и информационного моделирования (Индустрия 4.0 и BIM) относится к наиболее перспективным, однако переход строительства в зону цифровой экономики затруднен. Уровень подготовки к использованию современных ИТ-технологий остается неудовлетворительным, несмотря на значительные затраты на оборудование. Естественная смена поколений персонала строительства реализуется как конфликт поколений с различными компетенциями. Подвергается ударам сложившаяся корпоративная иерархия, трансформируется ее структура и организационная культура, устоявшееся распределение ролей, властных полномочий. На первый план выдвигаются способности личности, групп, организации адаптироваться. Управление персоналом в строительстве находится на уровне отдела кадров и не соответствует требованиям сегодняшних реалий. В тоже время есть и позитивные сдвиги: рост инвестиций во внедрение HR-ИТ-систем (35%), на обучение (12%); приоритетной задачей для многих предприятий (38%) становится автоматизация HR-аналитики, а роботизация HR-сферы является наиболее приоритетным направлением в подборе персонала и коммуникации по типовым вопросам (Магера Т.Н., 2018.). Во-вторых, с позиции дальнейшего развития социальной психологии необходима дальнейшая разработка концепции МГА в организациях как перспективной социально-психологической теории управления персоналом в реальной экономике. МГА в поликультурных организациях изучены отчасти: в силовых структурах организации по критерию-категории «должностной

статус членов групп» (А.В. Булгаков, А.Ю. Наумов), в образовании – «принадлежность к мигрантам или местным жителям» (Н.М. Егорова) и «принадлежность к разнопоколенным группам» (О.А. Павлютенкова). Отсутствует теоретическая платформа, включающая целостную модель изучения особенностей эмоциональной сферы персонала организаций в контексте успешного взаимодействия. Существующие модели социального интеллекта, эмоционального интеллекта практически лишены иерархичности, в них не определена стартовая точка для формирования и развития эмоциональных компетенций; они не сбалансированы, в них преобладают или внутриличностные компоненты, или межличностные, отсутствуют связи с процессами межгруппового взаимодействия, включая МГА. Переход к цифровой экономике требует нового языка эмоций (Плампер Я., 2017) принимаемого и разделяемого всеми группами персонала поликультурных организаций.

С 2007 по 2017 годы под нашим руководством Т.Н Магерой в «Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете» (НИУ МГСУ) и на 6-х предприятиях строительного комплекса было проведено исследование эмоционального компонента (ЭК) межгрупповой адаптации (МГА) в поликультурной организации как фактор управления персоналом строительной компании, где особое внимание было уделено влиянию на изучаемое явление цифровых технологий. Эмпирическая база составила 640 чел., обследованных за 10 лет. Общая выборка состояла из трех выборок. Констатирующий эксперимент: выборка №1 – 412 чел., работающих в строительных компаниях и одновременно обучающихся в НИУ МГСУ и выборка №2 – 218 чел. – персонал 4-х строительных поликультурных организаций. Формирующий эксперимент: выборка №3 – 2 строительные компании, находящихся на уровне развития компаний «Проницаемость», всего 48 чел. Возраст обследуемых по общей выборке от 18 до 46 лет. Гендерный состав 33% женщин, 67% мужчин. Для обеспечения репрезентативности результатов исследования, экстраполяции их на другие строительные компании проведен расчет необходимого объёма выборочной совокупности. Он рассчитывался на основании данных Росстата по строительной отрасли Центрального федерального округа

Диагностика ЭК МГА (Булгаков А.В., Магера Т.Н., 2018) осуществлялась комплексом диагностических методик, предъявляемым опрашиваемым в форме анкеты. В нее последовательно вошли: ассоциативная методика исследования структуры социальных представлений об эмоциональном компоненте по Ж.-К. Абрику с последующей обработкой данных с использованием прототипического анализа (по П. Вержесу), тест-анкета «Эмоциональная направленность» по Б.И. Додонову; комплекс проективных методик по изучению личностных особенностей персонала организации в соответствии с признаками теории личности К. К. Платонова: эссе на тему «Извлечение выгоды из трудностей» и рисунок к нему, с последующим нарративным исследованием эссе, где традиционный контент-анализ совмещен с конверсационный анализом (Г. Гарфинкель) и интерпретацией рисунка (П. Гоулд, Л.Д. Лебедева, К. Маховер, Ю.В. Никонорова, Дж. Остер, Н.А. Тараканова); методика изучения социальной идентичности (Л.Б. Шнейдер, В.В. Хрусталева); опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д.В. Люсин); методика на определение уровня Эмоционального интеллекта (Н. Холл); тест «Мотивационный профиль» (П. Мартин и Ш. Ричи); методика оценки организационной культуры (К. Куин и Р. Камерон); авторская анкета по выявлению поликультурных особенностей организации; шкалы измерения «дисперсии оценок» для оценки выраженности межгрупповых эффектов (Дж. Бригхэм). Оценки уровня развития поликультурной строительной организации и эффективности управления персоналом в

ней проводилась на основании решения кейса «Индустрия 4.0» и авторской методикой экспертных оценок.

Констатирующий эксперимент проходил в формате сравнительных корреляционных исследований 1) по разностороннему изучению эмоционального компонента МГА персонала организации, включающее оценку эмоциональной направленности, насыщенности эмоционального компонента МГА персонала; социальной идентичности персонала; общего эмоционального потенциала персонала; эмоционального потенциала руководителей компании; 2) по определению МГА полей поликультурной строительной организации: мотивационного, культурно-организационного полей и поля социально-психологической адаптации; 3) по оценке уровня развития строительных поликультурных организации на основании Индекса зрелости компании «Индустрия 4.0», определение эффективности управления персоналом в организациях разного уровня развития.

Формирующий эксперимент был нацелен на обоснование мероприятий по повышению уровня эффективности управления персоналом за счет выявленных в ходе констатирующего эксперимента социально-психологических знаний эмоционального компонента МГА как фактора управления персоналом поликультурной строительной организации. Эксперимент строился по 4 (четвертому) экспериментальному плану по Д. Кэмпбеллу.

Оценка уровня развитие организации на основании Индекса зрелости компании «Индустрия 4.0», соотнесение их с эффективностью управления персоналом. Анализ интернет-контента, высказываний руководителей строительных организаций на конференциях, семинарах, совещаниях, проводимых в НИУ МГСУ, личной тренинговой и консультационной работы позволил выявить факторы, мешающие строителям идти в ногу со временем и повышать эффективность своей работы за счет современных информационных систем: законодательно закрепленное засилье бумажного документооборота, отсутствие культуры использования программ для бизнеса на смартфонах и планшетах, боязнь за сохранность данных, негативный опыт внедрения ИТ-систем. Изменение организационной культуры компании составляет основу социально-психологического сопровождения внедрения ИТ в строительную отрасль.

Выявлена нелинейная зависимость эффективности управления персоналом от уровня развития организации по критерию Индекса зрелости компании «Индустрия 4.0» в связи с воздействием на эту взаимосвязь фактора ЭК МГА. Оценка уровня развитие организации проводилась на выборке №1 – строители обучающиеся в вузе. В экспертном опросе приняли участие 127 чел. На основании результатов экспертной оценки выяснилось количественное распределение строительных организаций по типам развития: «Самокоррекция» (1%), «Предсказуемость» (2%), находятся на уровне статистической ошибки, «Проницательность» (5%). Фактически 60% опрошенных оценили свои организации находящимися на уровне информатизации и 24% - «Связанность», т.е. 84% организаций находятся на уровнях преддверия цифровизации. На первую ступень собственно Индустрии 4.0 вступили едва 8% (связанность). Одновременно участники экспертного опроса оценили эффективность управления персоналом в своих организациях по показателям: 1) степень сформированности профессионального опыта профессиональных навыков специалистов (опыт); 2) дисциплинированность персонала (дисциплина); 3) успешность выполнения должностных обязанностей (успешность); 4) умение решать нетипичные задачи (задачи); 5) отношение к работе (отношение).

Далее были выявлены соотношения типа организации и эффективности управления персоналом. В результате определено, что уровни развития строительной компании влияют на эффективность в ней, а диагностическая методика определения эффективности управления персоналом работоспособна. Рост эффективности управления персоналом продолжается до уровня развития организации «Проницательность», а в дальнейшем наблюдается снижение обобщенного показателя эффективности. Данная тенденция была воспринята как задача, решаемая эмпирическим путем. Для чего разработана экспресс-диагностика для определения ЭК МГА (отдельные шкалы из методик Н. Холла и Д.В. Люсина), измеряющая 1) эмоциональное самосознание, 2) эмоциональное самоупорядочивание, 3) социальную чуткость, 4) социальные навыки управления на основе эмоциональной грамотности. После анализа взаимосвязи уровня развития организации и ЭК МГА был выполнен многомерный дисперсионный анализ (MANOVA), который доказал, что эффективность управления персоналом статистически значимо различается для разных уровней развития строительных компаний при различной насыщенности ЭК МГА в них. При этом уровень развития строительных компании «Проницательность» ведет компанию в новый мир новаций и экономического роста, с другой – несет в себе значимую, повышенную эмоциональную нагрузку.

В качестве точки приложения рычага (ТОС Э.М. Голдратта) по достижению эффективного управления персоналом Т.Н. Магерой предложена авторская Программа, основанная на знании о ЭК МГА. В качестве ограничения в управлении персоналом строительной поликультурной компании выступают руководители и организационная культура подразделений, компании в целом. Именно на них нацелена система мероприятий Программы. Формирующий эксперимент, проведенный на выборке №3, позволил сравнить две организации, находящиеся на уровне «Проницательность», где применялась и где не применялась Программа. Независимая переменная – система мероприятий Программы, зависимая переменная ЭК МГА в показателях авторской методики. Рандомизация осуществлялась путем привлечения реальных групп строительных организации. Итоги формирующего эксперимента демонстрируют способность системы мероприятий Программы повышения эффективности управления персоналом организации, воздействующей на руководителей, изменить у них ЭК МГА. Кроме того, определен эффект воздействия Программы на организационную культуру компаний: после реализации мероприятий Программы в экспериментальной компании произошли статистически значимые изменения в структуре организационной культуре ($p < 0,01$ по F-критерию). Количественный анализ подтверждается наблюдениями и беседами с участниками эксперимента.

Таким образом, проведенное исследование, во-первых, выявило социально-психологические особенности первых шагов по внедрению цифровых технологий ВМ и Индустрия 4.0. в поликультурных строительных компаниях. Во-вторых, позволило разработать и апробировать в реальных условиях Программу мероприятий по повышению эффективности управления персоналом в цифровой поликультурной строительной компании на основании знания ЭК МГА сотрудников. В-третьих, рекомендовать Программу руководителям строительных компаний, внедряющим цифровые технологии.

Литература

Булгаков А.В., Кидинов А.В. Психология внутригрупповых отношений и межгрупповой адаптации в организациях: монография. Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2016. 441с.

Булгаков А.В., Магера Т.Н. Концепция межгрупповой адаптации как платформа управления поликультурной организацией // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/877>, <http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-877>.

Егорова, Н.М. Социально-психологические детерминанты межгрупповой адаптации в поликультурной образовательной среде: автореф. дис. ... канд. психолог. наук М., 2012, 25 с.

Карпов А.В. Понятие «средняя группа» как базовый концепт организационной психологии [Электронный ресурс] // Организационная психология, 2017. Т. 7. № 4. С. 50-72. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 11.02.2018)

Магера Т.Н. Иррациональные ресурсы владельца строительного бизнеса в условиях неопределенности // Экономика и предпринимательство, № 6, 2018. С. 760-762.

Магера Т.Н. Реализация программы эмоциональной компетентности в системе ДПО // Научно-практический Интернет-журнал «Наука. Строительство. Образование». 2011. № 1. <http://www.nso-journal.ru> (дата обращения 06.082018); https://www.youtube.com/watch?v=kb_HAlaXp9Y (дата обращения 06.082018).

Наумов А.Ю. Межгрупповое взаимодействие в воинском подразделении как фактор эффективности подготовки младших специалистов: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 2011. 21 с.

Павлютенкова О.А. Вовлеченность членов профсоюза как детерминанта межгрупповой адаптации в профсоюзной организации: автореферат дис. ... канд. психолог. наук. М., 2017. 24 с.

Плампер Я. История эмоций / Ян Плампер; пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.

Шу, Г., Андерл, Р., Гауземайер, Ю., тен Хомпель, М., Вальстер, В. Индекс зрелости Индустрии 4.0 – Управление цифровым преобразованием компаний (acatech ИССЛЕДОВАНИЕ), Munich: Herbert Utz Verlag 2017.

Сведения об авторе

Булгаков Александр Владимирович, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, профессор кафедры социальной психологии Института психологии им. Л.С. Выготского, av_bulgakow@mail.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF A MULTICULTURAL ORGANIZATION (BASED ON THE STUDY OF CONSTRUCTION COMPANIES)

Bulgakov A.V.

Russian State Humanitarian University, Moscow

Keywords: intergroup adaptation, multicultural organization, organizational culture, digital technologies, emotions

Annotation. Some results of the empirical research of 2017-2018 have been revealed on the relevant construction sector - 640 people. Socio-psychological aspects of the emotional component of inter-group adaptation in construction organizations that affect the effectiveness of personnel management when introducing digital technologies are determined. The system of support for the introduction of technology Industry 4.0 has been developed and tested. in personnel management of a multicultural construction company.

РУКОВОДСТВО ВИРТУАЛЬНОЙ КОМАНДОЙ: КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ

Петрушихина Е.Б.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: Руководство, электронное лидерство, команда, виртуальная команда, командное лидерство, электронные компетенции.

Аннотация. Статья посвящена проблеме электронного лидерства в виртуальной команде. Обозначена специфика командного руководства, направленного на оптимизацию взаимодействия и улучшение групповых процессов. Подчеркивается сходство и различие руководства виртуальной и обычной командой. Показаны возможности электронного лидерства, в том числе интенсификация коммуникаций, снижение издержек, улучшение дизайна команды, более полное использование талантов участников команды, усиление клиентоориентированности сотрудников. Проблемы электронного лидерства связаны с формированием мотивации, доверия, контролем социальной лености, наставничеством, поддержанием баланса между работой и личной жизнью. Выделены шесть компетенций электронного лидерства, соответствующие его основным элементам: навыки электронной коммуникации, электронные социальные навыки, электронные навыки командообразования, навыки электронного менеджмента изменений, технологические навыки, надежность в электронной среде.

Одна из тенденций XXI века, обусловленных развитием информационных технологий и глобализацией – появление виртуальных организаций, не имеющих четко обозначенных границ во времени и пространстве. Командная работа рассматривается специалистами как одна из отличительных черт виртуальных организаций, в связи с чем проблематика виртуальных команд приобретает особую актуальность (Малкольм, 2005).

Важнейшим фактором эффективности деятельности команд является руководство командой, особенности взаимоотношений руководителя с участниками командного взаимодействия (Кричевский, 2007). В литературе и в настоящее время дискутируется вопрос о специфике командного руководства в отличие от руководства обычной группой (Iszatt-White & Saunders, 2014).

Исследователи подчеркивают, что традиционные теории лидерства фокусировались на том, как руководители оказывают влияние на совокупность отдельных подчиненных, не связанных между собой отношениями взаимной ответственности. При этом игнорировались воздействия руководителя, способствующие интеграции усилий подчиненных, его влияние на динамические процессы в группе и развитие командных эффектов. Руководство командой предполагает прежде всего оптимизацию взаимодействия и улучшение групповых процессов. Именно эта

направленность на групповой процесс характеризует специфику командного руководства и обуславливает формирование отдельного класса концепций, изучающих руководство и лидерство в команде (Петрушихина, 2017).

Как указывает У. Малкольм (Малкольм, 2005), создание виртуальных команд и управление ими сходно с формированием команд других типов, но также имеет свои отличия, обусловленные спецификой данных групп. Члены виртуальных команд рассредоточены во времени и пространстве, они могут работать в различных местах по всему миру и контактируют друг с другом только посредством коммуникационных технологий. Команды, участники которых отвечают за разные функциональные зоны, географически разбросаны, но в то же время в высокой степени взаимозависимы в решении задач и несут ответственность за общий результат, являют собой определенный вызов традиционным подходам к командному руководству.

Как полагают исследователи, проблематике виртуальных команд наиболее релевантен конструкт электронного лидерства, появившийся в литературе около двадцати лет назад и оцениваемый учеными как новая парадигма лидерства (DasGupta, 2011).

Электронное лидерство (e-leadership) определяется как процесс социального влияния, встроенный в ближайший и удаленный контекст, опосредованный современными информационными технологиями и имеющий в качестве возможных последствий изменения в установках, чувствах, мыслях поведении и продуктивности (Avolio et al., 2014). Следует отметить, что речь в этом случае идет об организационном лидерстве, то есть, если следовать англоязычной традиции, назначенном лидерстве, а фактически – о руководстве (Кричевский, 2007). Таким образом, используя термин «электронное лидерство», мы будем иметь в виду процесс руководства виртуальной командой.

Основополагающая работа Б. Аволио с сотрудниками в области электронного лидерства вышла в 2000 году (Avolio et al., 2000). Спустя полтора десятилетия, анализируя наработки в данной области, Б. Аволио вынужден констатировать, что изучение электронного лидерства по-прежнему «все еще зарождается» находится в начальной стадии и сильно отстает от запросов практики. К сожалению, достижения в области информационных технологий и их применении на всех уровнях организации и общества сильно опережают теорию и практику лидерства (Avolio et al., 2014).

Проводимые исследования в данной сфере фокусируются на двух вопросах. Во-первых, чем отличается электронное лидерство от лидерства лицом к лицу; а во-вторых, какие факторы способствуют эффективному объединению людей, являющихся потенциальными участниками команды (Iszatt-White & Saunders, 2014).

Ответ на первый вопрос может быть дан через обозначение новых возможностей и проблем при осуществлении электронного лидерства.

В частности, электронное лидерство дает возможность:

- быстро, незамедлительно осуществлять коммуникацию с каждым из большого количества подчиненных;
- использовать таланты сотрудников, живущих далеко от офиса;
- улучшать деятельность организации за счет создания эффективных мультифункциональных команд, включающих ценных сотрудников независимо от места их проживания;

- полнее удовлетворять потребности клиентов, обеспечивая их обслуживание в режиме 24x7;
- снижать издержки;
- улучшать менеджмент знаний (DasGupta, 2011).

В то же время осуществление электронного лидерства связано с рядом проблем, среди которых можно отметить следующие:

- обеспечение эффективности коммуникации при помощи информационных технологий;
- формирование доверия между участниками команды, которые никогда в реальности не взаимодействовали;
- создание ощущения реального электронного «присутствия»;
- мотивация участников, далеко расположенных друг от друга;
- наставничество виртуальных подчиненных;
- контроль социальной лености;
- поддержание баланса между работой и личной жизнью (DasGupta, 2011).

Вопрос о факторах объединения участников виртуальных команд прежде всего обсуждается с точки зрения компетенций, необходимых для успешной реализации электронного лидерства.

Ван Варт с соавторами выделили шесть ключевых компетенций (e-competencies), отражающих основные элементы электронного лидерства (Van Wart et al, 2016):

1. Навыки электронной коммуникации (e-communication skills). Они предполагают

- *ясность коммуникации.* Коммуникация в электронном формате должна быть очень четкой, хорошо организованной, позволять обратной связи избегать ошибок и непроверенных предположений.
- *предупреждение недопонимания.* Электронная коммуникация должна быть особенно корректной и осторожной в плане передачи непреднамеренных посланий, которые могут оскорбить или рассердить получателя.
- *управление коммуникативными потоками.* Передаваемая информация не должна быть избыточной, слишком объемной и противоречивой. Это может мешать выполнению работы и подавлять сотрудников.

2. Электронные социальные навыки (e-social skills), что означает

- *высокий уровень лидерской поддержки,* обеспечение всех сотрудников необходимыми информационными технологиями, использование широкого спектра средств массовой коммуникации, в том числе виртуальных конференций.

3. Электронные навыки командообразования (e-team building skills). Их образуют

- *мотивация команды.* Для мотивации командной работы необходим подготовительный этап, на котором разъясняются подлинный смысл поставленных целей, условия получения вознаграждения. Кроме того, необходимы адаптация и интеграция в команду новых участников.

- *ответственность команды.* Руководитель добивается того, чтобы члены виртуальной команды несли ответственность за выполнение групповых задач.

- *признание достижений.* Создание широкого спектра возможностей для признания, вознаграждения, развития и продвижения членов виртуальной команды.

4. Навыки электронного менеджмента изменений (e-change management skills), а именно

- *управление изменениями.* Подготовка изменений, мониторинг их внедрения, корректировка технологий на основе имеющегося опыта.

5. Электронные технологические навыки (e-technological skills), включающие

- *определение ценности информационно-компьютерных технологий.* Руководитель должен выбирать новые информационные технологии, изучать и сравнивать их между собой, чтобы обеспечивать их эффективность, оптимальное соотношение затрат и выгод, включая финансовые и транзакционные издержки.

- *сочетание традиционных и виртуальных методов.* Использование новых информационных технологий в сочетании с традиционными средствами коммуникации.

- *базовые технологические навыки.* Наличие достаточных навыков и желания для разрешения технологических проблема на индивидуальном и организационном уровне, в том числе с помощью своевременно привлеченных специалистов. Способность помочь подчиненным в случае технологических сбоев.

6. Электронная надежность (e-trustworthiness). Ее составляют

- *технологическая безопасность.* Гарантированное сохранение конфиденциальной информации. Бдительность в отношении хакерских взломов и системных нарушений.

- *надежность в виртуальной среде.* Формирование доверительных отношений на основе честности, последовательности, справедливости, способности руководителя довести начатое до конца.

- *баланс между работой и личной жизнью.* Стремление не позволять виртуальным технологиям чрезмерно вторгаться в личную жизнь работников. Требование клиенториентированности не должно наносить ущерб сотрудникам.

- *управление многообразием.* Поддержка разнообразия в виртуальных командах в той же мере, что и в реальных группах.

Как можно видеть, цели организационного лидерства не изменились, но появились новые средства их достижения. Электронное лидерство – новая парадигма в изучении руководства, предполагающая, что цели организации достигаются при помощи современных информационных технологий в процессе работы виртуальных команд. Дальнейшее развитие данной области требует построения теоретических моделей электронного лидерства, их последующей эмпирической проверки, в том числе в российских условиях.

Литература

Кричевский, Р.Л. Психология лидерства. М.: Статут, 2007.

Малкольм У. Виртуальные организации. Новая форма ведения бизнеса в XXI веке. М.: Добрая книга, 2005.

Петрушихина Е.Б. Руководитель и команда: основные модели взаимодействия // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017, №14-15. С. 47 – 55.

Avolio B. J., Kahai S., Dodge G.E. (2000). E-leadership: implication for theory, research, and practice // *The Leadership Quarterly* 11 (4). P. 615 - 668.

Avolio B. J., Sosik J., Kahai S., Baker B. (2014). E-leadership: re-examinig transformations in leadership source and transmission // *The Leadership Quarterly* 26 (1). P. 105 – 131.

DasGupta P. (2011). Literature Review: e-Leadership // *Emerging Leadership Journeys*, Vol. 4 (1). P. 1-36.

Iszatt-White, M. & Saunders, C. Leadership. Oxford, Oxford Univ. Press, 2014.

Van Wart M., Roman A., Wang X. H., Liu C. (2016). Operationalizing the definition of the e-leadership: identifying the elements of e-leadership // *International Review of Administrative Sciences*. P. 1 – 18.

Сведения об авторе

Петрушихина Елена Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д.6, ebpetr@mail.ru.

VIRTUAL TEAM LEADERSHIP: KEY COMPETENCES

Petrushikhina E. B.

Russian State Humanitarian University, Moscow

Keywords: Leadership, e-leadership, team, virtual team, team leadership, e-competencies.

Abstract. The article is devoted to the problem of e-leadership in a virtual team. The specifics of the team leadership aimed at optimizing interaction and improving group processes are indicated. The similarity and difference in leadership between a virtual and an ordinary team is emphasized. The possibilities of electronic leadership are shown, including the intensification of communications, the reduction of costs, the improvement of the design of the team, the fuller use of the talents of the team members, the strengthening of the client-centeredness of the staff. Problems of electronic leadership are associated with the formation of motivation, trust, controlling of social loafing, mentoring, maintaining a work-life balance. Six e-leadership competencies have been singled out, corresponding to its main elements: e-communication skills, e-social skills, e-team building skills, e-change management skills, e-technological skills, e-trustworthiness.

ЭТНОЛУКИЗМ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ: ЭТНО-БУЛЛИНГ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ²⁷

Погонцева Д.В., Бзезян А.А.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Ключевые слова: буллинг, шейминг, дискриминация, лукизм, внешний облик, этнолукизм.

Аннотация. В работе рассматривается феномен этнолукизма, на примере буллинга в интернет пространстве, который является частной формой лукизма. Приведен анализ зарубежных исследований о различных формах буллинга, приведены классификации буллинга. В частности, выделяют три типа буллинга: вербальный буллинг; социальный буллинг; физический буллинг. Кроме того, существует – прямой и косвенный, скрытый и открытый, физический и психологический буллинг. Анализируется феномен буллинга и шейминга в социальных сетях, на примере постов в юмористических группах. В работе делается вывод, о важности изучения данного феномена в молодежной среде.

Лукизм, являясь дискриминацией по внешнему облику включает в себя разные виды дискриминации по содержанию. Так к лукизму относится как эйджизм (когда катализатором дискриминационного поведения является оценка возраста по внешнему облику) так и расизм, и этнолукизм (когда триггером выступает этнический внешний облик). Кроме этого, существуют различные формы демонстрации отношения к человеку с тем или иным внешним обликом. Так, одной из форм лукизма является буллинг (bullying) и его частная форма - шейминг (shaming).

Буллинг – это психологическое и/или физическое воздействие на другого человека, травля, задиранье. Может быть основан на разных признаках внешнего облика, социального, экономического или иного статуса. При этом как отмечает М. Ван Геел с коллегами (M. Van Geel, 2017), что респонденты проявляющие высокий уровень буллинга (т.е. проявляют буллинг по отношению к другим), также обладают высоким уровнем маккевиализма и садизма. Сама проблема буллинга на столько актуальна, что в ряде стран созданы специальные интернет ресурсы под патронажем правительственных структур, так в Великобритании это ресурс - <https://www.bullying.co.uk>, в Австралии - <https://bullyingnoway.gov.au>, а в США создан ресурс www.stopbullying.gov. На этих сайтах дана различная информация для детей и родителей, по предотвращению буллинга среди школьников и подростков, а также приводятся типы и виды буллинга. В частности выделяют три типа буллинга: вербальный буллинг (прозвища, дразнилки, оскорбления); социальный буллинг (социальная изоляция отдельных личностей), в школьной среде это на пример призыв «не дружить» с отдельными учащимися, сюда же относятся сплетни и осуждение за спиной; физический буллинг – предполагает непосредственный физический контакт (пинки, удары, толчки) и использование жестов оскорбляющего характера. Выделяют также непосредственный и опосредованный (кибербуллинг) буллинг; также существует – прямой и косвенный, скрытый и открытый.

²⁷ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №16-36-00049

На современном этапе выделяется отдельный пласт работ, посвященный различным формам кибербуллинга (AL OMOUSH K. S., YASEEN S. G., ALMA'AITAH M. A., 2012), т.е. буллинг в интернет пространстве, при котором триггером буллинга выступает аватар (фотография) и информация представленная в аккаунте, которая может соответствовать или нет реальному внешнему облику. Однако, на уровне кибербуллинга чаще всего проявляется эйджизм, сексизм и расизм. Как отмечает группа авторов (Ojala H., Pietila I., Nikander P. 2016), в большинстве случаев проявления кибербуллинга респонденты не оценивают себя как «жертву дискриминации», игнорируя сам факт дискриминации, при этом чаще «иммунитет» к дискриминации проявляют мужчины. В непосредственном взаимодействии наиболее распространенным является именно вербальный буллинг, и он направлен на различные как физические особенности, так и личностные. Одной из форм вербального буллинга является «шейминг» (shaming), данный феномен представляет собой высказывания, направленные на формирование чувства вины, стыда в связи с внешним обликом. В зарубежных исследованиях чаще всего изучается проблема дискриминации, связанной с лишним весом человека (weightism, weight discrimination, weight bullying) (Randall J.G. и др., 2017).

С точки зрения изучения этнолукизма, можно отметить, что кибербуллинг изучен мало. Так К.С. Аль-Омуш с коллегами (Al Omoush K. S. и др., 2012) рассматривая особенности самопрезентации в социальных сетях молодежи арабского мира отмечают, что арабская молодежь стремится освободиться от всех видов ограничений, присоединившись к социальным сетям (facebook), при этом их отношение по-прежнему зависит от культурных ценностей арабской нации. Авторы также отмечают, в арабском мире молодежь сталкивается с множеством социальных, культурных, религиозных, моральных и политических ограничений, которые препятствуют осуществлению права на свободу слова и выражения. Таким образом, многие респонденты этого исследования отметили, что используют социальные сети, как платформу для выражения протеста, высказывания своего мнения, в том числе негативные высказывания связанные с внешним обликом как представителей других этнических групп, так и с недопустимым оформлением внешнего облика представителей своей этнической группы (чаще женщин) ит.д.

В свою очередь Шенон Рауч и Кимберли Шанц (Rauch Sh.M., Schanz K., 2013) изучая распространение расизма в сети facebook, отмечают, что расизм в социальных сетях меняется, так на примере одной из радикальных американских групп они показывают, что существуют сообщения, которые могут быть классифицированы просто как «тирады», когда человек высмеивает и оскорбляет целевую группу, сообщения которые выражают традиционную форму расизма, которая фокусируется на превосходстве белых, и сообщения, которые пытаются вызвать чувство страха и гнева, изображая американское белое большинство как угнетенную и дискриминационную группу. При этом авторы указывают на интересную выявленную взаимосвязь – между частотой просмотра новостной ленты социальной сети и модальностью отношения к дискриминационным высказываниям. Участники, которые прочитали сообщение о превосходстве белых, давали более позитивную оценку в отношении этого сообщения, если они были частыми посетителями Facebook (просматривали ленту более 3 раз за день). Это соотносится с другими исследованиями, которые указывают, на то, что не всегда «жертва понимает, что она жертва» и окружающие не оценивают высказывание как буллинг и шейминг, можно предположить, что это связано с потоком в новостных лентах социальных сетей всевозможных «шуток», которые, по сути содержат дискриминацию, лукизм, буллинг ит.д.

Для рассмотрения данной проблемы, мы изучили «новостную ленту» нескольких популярных групп в сети Вконтакте (<https://vk.com/>), которые публикует фотографии с шутками (частота 4-15 постов в день), мы оценили по 100 последних постов в каждой группе, замер проводился в августе-сентябре 2018 года.

Так нами были проанализированы посты из 5 групп в сети Вконтакте из категории «юмор» находящиеся в топ популярных групп (наибольшее количество подписчиков). Так в группе «Корпорация зла» (https://vk.com/evil_incorporate) на 100 постов – 17 с разными формами дискриминации и 2 с этнолукизмом/расизмом; в группе «Оптимист» https://vk.com/o_ptimist - 22 с разными формами и 3 с этнолукизмом; в сообществе «Мерилин Мерло» (<https://vk.com/merilinmerlo>) - 34 буллинг поста и 2 направлены на этнический внешний облик; в группах «Сарказм» (https://vk.com/s_arcasm) и «Злой гений» (https://vk.com/evill_genius) по 32 поста с разными формами дискриминационных высказываний и по 3 с расистскими шутками. Таким образом, в социальной сети вконтакте представлены посты, которые содержат дискриминационные высказывания к людям с другим внешним обликом (этнолукизм) или относящихся к другой этнической группе, расе (расизм), однако большая часть дискриминационных высказываний относятся к сексизму и эйджизму (дискриминация по возрасту). Также есть шутки, которые можно отнести сразу к нескольким категориям, примером такого поста является пост из группы «Мерилин Мерло»: «В Африке, если муж назовет жену толстой, жена имеет право во время сна закинуть ему в трусы скорпиона. Африка, жди меня, я выезжаю!». Однако, низкий процент буллинга связанных с этническим внешним обликом связано скорее всего с тем, что основная аудитория данной социальной сети – молодежь школьного и студенческого возраста и их взаимодействие с представителями других этнических групп обусловлены в основном их опытом общения с людьми, условно «соседями».

Однако, даже беглый анализ проблемы буллинга и шейминга, указывает на то, что данный феномен существует в российской действительности в целом и в интернет пространстве в том, числе, кроме того, так как такие высказывания не пресекаются, и, по сути, отражают общую тенденцию принятия такого рода высказываний как норму. Особенно данный феномен развит в среде молодых людей, подростков. Исходя из этого, мы считаем необходимым изучение данного феномена.

Литература

Mavisakalyan A. Do employers reward physical attractiveness in transition countries? *Economics and human biology*. 28 (2018) 38-52

Ojala H., Pietila I., Nikander P. Immune to ageism? Men's perceptions of age based discrimination in everyday contexts. *Journal of aging studies*. 39 (2016) 44-53.

Randall J.G., Zimmer C.U., Ridgway O'Brien K., Trump-Steele R.C.E., Villado A.J., Hebl M.R. Weight discrimination in helping behavior. *Revue europeenne de psychologie appliquee* 67 (2017) 125-137.

Van Geel M., Goemans A., Toprak F., Vedder P. Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the Big Five, Dark Triad and sadism. *Personality and individual differences*. 106 (2017) 231-235.

Al Omoush K. S., Yaseen S. G., Alma'aitah M. A. The impact of Arab cultural values on online social networking: The case of Facebook // *Computers in Human Behavior*, 28, (2012), 2387-2399.

Rauch Sh.M., Schanz K. Advancing racism with Facebook: Frequency and purpose of Facebook use and the acceptance of prejudiced and egalitarian messages // Computers in Human Behavior, 29, (2013), 610-615.

Сведение об авторах

Погонцева Дарья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент Академии психологии и педагогики, Южного федерального университета, pogoncevadv@sfedu.ru

Беззян Анастасия Амбарцумовна, кандидат психологических наук, старший преподаватель Академии психологии и педагогики, Южного федерального университета, anbzezyan@sfedu.ru

ETHNOLUKISM IN INTERNET SPACE: ETHNO-BULLING IN MODERN SOCIAL NETWORKS

Pogontseva D.V., Bzezyan A.A.

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Keywords: bullying, shaming, discrimination, Lookism, appearance, ethnolookism

Abstract. The phenomenon of ethnolookism is considered in the work, using the example of bullying in the Internet space, which is a particular form of Lookism. The analysis of foreign studies on various forms of bullying is given, bullying classifications are given. In particular, three types of bullying are distinguished: verbal bullying; social bullying; physical bullying. In addition, there is a direct and indirect, hidden and open, physical and psychological bullying. The phenomenon of bullying and shaming in social networks is analyzed, for example - posts in humorous groups. The paper concludes that the importance of studying this phenomenon in the youth environment.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АКТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА

Скрипкина Т.П.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ключевые слова: киберпсихология, виртуальная среда, активные пользователи Интернета, интернет зависимые, личностные особенности, самопрезентация, доверие, общение.

Аннотация: в статье излагаются результаты исследования некоторых личностных характеристик пользователей Интернета с разной активностью. Показано, что активные пользователи Интернета, склонные к Интернет-зависимости, имеют личностные особенности, связанные с самопрезентацией в виртуальной среде в отличие от обычных пользователей. Они характеризуются неуверенностью в себе, низкой самооценкой, чрезвычайной скудностью презентации своей личности. В области доверия к себе, они не

склонны доверять себе, в особенности в интеллектуальной и профессиональной сферах, их потребности в общении фрустрированы противоречием между выраженной потребностью общаться и желанием «закрыться» от собеседника.

Жизнь современного человека без компьютера и Интернета практически невозможно себе представить. Успех современного человека даже на самой незначительной должности напрямую зависит от его умения использовать современные информационные технологии, которые, помимо работы, активно распространяются на межличностные коммуникации и все сферы повседневной жизни. На сегодняшний день трудно назвать сферу, в которую бы не вклинились информационные технологии. Вместе с тем достаточно хорошо известно, что информационные технологии оказывают существенное влияние на человека, его способы действий, умения и навыки, а также личностные особенности и на особенности возрастного развития личности. Компьютерные технологии, которыми современные дети начинают активно пользоваться, начиная с 4-летнего возраста, не могут не порождать в психике изменения в сознании, в бессознательном, в познавательных и эмоционально-мотивационных процессах, а также в личности в целом.

Это становится объяснимым при рассмотрении данного процесса через призму культурно-исторической психологии Л.С.Выготского (Выготский, 1982-1984), согласно идеям, которого постоянно усложняющиеся знаки и семиотические системы способствуют развитию высших психических функций. Таким образом, данная проблема открывает новые перспективные области исследований в психологической науке. Вместе с тем, далеко не все оптимистично относятся к перспективам развития компьютерной активности. Особенно актуальным эти исследования стали в связи с появлением таких относительно новых феноменов, как Интернет-зависимость, гейминг, троллинг и некоторых других, которые свидетельствуют о существовании негативных сторон в развитии компьютерных технологий.

Мы не будем вдаваться в историю изучения влияния компьютерных технологий на психику человека, кратко отметим лишь некоторые моменты. Эта история началась в США в конце 70-х годов, когда инженерным психологом А.Чапанистом были впервые проведены экспериментальные исследования, посвященные изучению особенностей взаимодействия между человеком и компьютером.

Впервые же привлечь общественное внимание к Интернету в 80-е годы прошлого столетия удалось известному психологу Т.Лири, который увидел в применении компьютеров немало достоинств, главное из которых – способность к «расширению сознания» и пребыванию в иных реальностях. В книге «Хаос и киберкультура» он писал о том, что появление киберкультуры – это культурный переворот, который связан с процессом расширения, освобождения и перепрограммирования сознания (Лири, 2001). Он называл порождение электронного сетевого пространства психоделической революцией, где можно создавать собственные миры и взаимодействовать с ними (<http://www.leary.ru/articles/?n=07/>). Согласно его предсказанию, киберкультура сольется с психоделиками и заменит их.

В отечественной психологии в 1980-е годы также были проведены первые эмпирические исследования, которые в дальнейшем легли в основу изучения психологии Интернета. Выполнены эти исследования были именно в русле психологии, как уже отмечалось, благодаря теоретическим положениям отечественной психологии, в основе которой лежит культурно-историческая теория Л.С. Выготского и более конкретно, положению о знаковой опосредствовании деятельности. Именно постоянно усложняющиеся знаки и семиотические системы способствуют развитию и

трансформации высших психических функций. В дальнейшем же проблематика развития и усложнения строения высших психических функций была поднята А.Н. Леонтьевым (Леонтьев, 2004), О.К. Тихомировым (Тихомиров, Бабанин, 1986) и другими отечественными и зарубежными исследователями.

В настоящее время в отечественной психологии имеется значительное количество исследований разного масштаба, которые в обобщенном виде можно обозначить как изучение психологических аспектов преобразования культуры в целом под действием информационных технологий (Войскунский, 2010).

В целом, в настоящее время изучению психологических аспектов влияния Интернета на психику человека посвящены многочисленные работы из разных отраслей психологии: психологии личности, когнитивной психологии, клинической психологии и др. Таким образом, сбывается прогноз ведущего отечественного ученого в области данного направления А.Е. Войскунского: «Киберпсихологическая проблематика будет постепенно «растворяться» в традиционных направлениях психологии и перестанет «выделяться» в ней как нечто специфическое, перестанет быть своего рода «островом» в психологическом знании, поскольку едва ли не все «традиционные» сферы человеческой деятельности будут все больше включать компоненты, осуществляющиеся в киберпространстве, и такие компоненты превратятся в необходимый элемент, на котором не будет акцентироваться внимание» (Войскунский, 2010).

Большой интерес киберпсихологическая наука представляет для социально-психологических исследований. Поскольку, Интернет, как известно, гигантская совокупность сетей, объединенных общими правилами коммуникации, где каждый раз за компьютером сидит живой человек, взаимодействующий с сотнями и тысячами таких же пользователей. Ни для кого не секрет, что Интернет-среда качественно влияет на взаимодействие людей, изменяет способ и особенности восприятия информации, способствует образованию новых требований к реальности. Появляется даже новый термин – «Сетевое поколение» - молодые люди, выросшие в эпоху передовых технологий, с детства привыкшие к использованию компьютеров в образовании, развлечениях, на работе. Данные люди живут в ином восприятии информационного пространства, для них общение со сверстником из другой части света или мгновенное получение сведений по любому вопросу дело совершенно обыденное (Сазонов, <http://www.np.vspu.ac.ru/doc/s10.htm?num=10>).

Обращает на себя внимание специалистов и тот факт, что в социальных сетях порождаются новые феномены – формирование списка виртуальных друзей, распределение функций в виртуальных группах, своеобразие интернет-контента, порождение авторитетов, а также изменение некоторых сторон идентичности, что возможно только в виртуальном пространстве, и многие другие, которые занимают внимание социальных психологов. Большой простор для изучения представляют также онлайн игры.

Меняется в целом картина развития ребенка, который растет в окружении компьютеров, цифровых устройств, в целом эту картину можно свести к тому, что современный ребенок развивается в иной предметной и знаковой среде, что не может не сказываться на механизмах и закономерностях его развития. Интересно, что японские ученые уже довольно давно выявили это явление и дали ему название «кнопочная психология». Таким образом, в целом применение Интернет-технологий ведет к значительным структурным и функциональным изменениям в психической деятельности человека (Арестова, Бабанин, Войскунский, 1996).

Обсуждая проблему Интернет-среды невозможно не остановиться и на негативных сторонах виртуальной реальности, которая в последние годы сильно волнует общество. Это Интернет-аддикции и, прежде всего, интернет зависимость, которая характеризуется сильной зависимостью от этой деятельности (своеобразной компьютерной наркоманией), ведущей к потере контроля над своими действиями (Мюррей, 2000).

Так, Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева отмечают следующее: «Элементы аддиктивного поведения свойственны любому человеку, уходящему от реальности путем изменения своего психического состояния. Проблема аддикций начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности» (Короленко, Дмитриева, 2000).

При этом, известно, что формирование аддиктивности не единственное негативное последствие все возрастающей компьютеризации. Исследования показывают, что у активных пользователей Интернета наблюдаются устойчивые отклонения от нормы некоторых показателей психического состояния: тревога, снижение настроения и активности, что свидетельствует о дезадаптации, неадекватном восприятии себя и окружающего мира. Тревога нарастает с нарастанием диссонанса между "Я виртуальным", который может все в виртуальном мире, и "Я реальным", который является простым обычным человеком. Только в виртуальном мире человек может все, он там лидер, победитель, он там главный. Все эти переживания себя теряются в реальном мире, который кажется «серым» однообразным и неинтересным, что порождает тревогу. Именно тревога служит показателем возникновения зависимости: с увеличением тревоги увеличивается зависимость, что, в свою очередь, увеличивает тревогу и так по кругу.

Возникает вопрос: почему одни активные Интернет-пользователи становятся зависимыми, а другие – нет. В связи с поставленной проблемой, под нашим руководством А.В.Багуславской было проведено небольшое исследование, связанное с изучением психологических характеристик лиц, значительное время проводящих в социальных сетях.

Цели исследования было две. Во-первых, изучить характер самопрезентации в социальных сетях Интернета, и, во-вторых, исследовать особенности потребностей в общении и доверия активных пользователей Интернета. В исследовании приняло участие 80 респондентов в возрасте от 15 до 35 лет.

Первая гипотеза была сформулирована следующим образом: самопрезентация пользователей социальных сетей обусловлена их личностными особенностями. В зависимости от различных особенностей личности стратегии самопрезентации будут значительно различаться.

Как известно, современные технологии позволяют человеку не только создавать желаемый для него образ, но и безгранично изменять его и экспериментировать с разными образами. Подобрал подходящий облик, пользователь может использовать его и прочувствовать новую для себя роль, даже сильно отличающуюся от реального «образа Я». Тем не менее, когда разрыв между реальным и идеальным Я слишком велик, пользователи могут испытывать личностные трудности, а Интернет-коммуникация их лишь усугубляет. Исследование самопрезентации пользователей проводилось на примере социальных сетей, конкретнее на сайте www.vkontakte.ru. В данной части исследования приняло участие 27 человек.

Для изучения личностных особенностей использовались следующие методики: Личностный опросник FPI, тест Персональный Автопортрет (Дж. Олдхэм и Л. Моррис); методика личностного дифференциала (адаптирована в лаборатории В. М. Бехтерева); тест на выявление уровня самооценки; авторская анкета, касающаяся пристрастий человека к Интернету.

Данные анкет, совместно с контент-анализом страницы пользователей в социальной сети «В контакте» были статистически обработаны с помощью статистической программы Statistica 6.0

На основе кластерного анализа было выявлено 2 группы пользователей Интернета применительно к социальным сетям, и изучены их личностные особенности.

Первая группа пользователей, которой можно дать им условное название «Реальные», отличались наличием следующих психологических характеристик: высоким уровнем самоуважения, принятием себя, уверенностью в себе, экстравертированностью. Они отмечали, что хотели бы проводить за компьютером меньше времени, больше общаться со своими друзьями и близкими. Данная группа не проявляла признаков Интернет-зависимости. В социальной сети «В Контакте», данные пользователи обычно демонстрировали большое количество своих фотографий, информации о себе, своих увлечениях, интересах, имели довольно большое количество контактов.

Вторая группа пользователей, или «Виртуальные», проявляла признаки зависимости от Интернет-среды. От первой группы их отличает низкий уровень самооценки, развития волевых сторон и уверенности в себе, интровертированность. Они отмечали, что считают компьютер неотъемлемой частью их жизни. Эти люди чаще приравнивали виртуальное общение реальному. По тесту «Персональный автопортрет», люди данной группы чаще попадали в следующие типы: «Отшельник», «Чувствительный», «Преданный», «Серьезный». Для этих типов, в частности также характерны такие личностные особенности, как малое проявление эмоций, заниженная самооценка, склонность к анализу, критичность, пессимизм. На сайте «В Контакте» их странички отличаются скупостью информации, скрытностью, наличием на месте фото-автора фотографий другой тематики (пейзажи, мульт-персонажи, предметы). Данная группа пользователей либо скрывала большую часть информации о себе, либо просто закрывала свою страницу от посторонних лиц.

Таким образом, можно сказать, что стратегия ухода от своего Я в социальных сетях осуществляется за счет: избегания публикации своих фотографий и публикация посторонних фото; указания малого количества информации о себе, либо указание негативной информации; ограничение доступа к разделам своей страницы; отсутствие страницы в социальной сети. Таковы некоторые стратегии самопрезентации людей, имеющих внутриличностный конфликт между Я социальное и Я идеальное.

Общий вывод заключается в том, что, как и предполагалось самопрезентация пользователей социальных сетей взаимосвязана с их личными особенностями и склонностями, а также с отношением к компьютеру.

Целью второй части исследования было изучить межличностные потребности (в области общения) и особенности доверия к себе и к другим компьютеризированных пользователей, а так же рассмотреть связи между этими характеристиками и способом использования компьютера.

Основная гипотеза заключалась в следующем предположении: уровень компьютеризации респондентов зависит от уровня их доверия к себе и к другим и межличностных потребностей в общении.

Для этого мы использовали созданную ранее анкету отношения к компьютеру и 5 выделенных нами способов использования компьютера: Личное общение (общение на форумах, чатах, посредством ICQ, QIP, Skype и т.д.); пополнение знаний (профессиональные сайты, статьи, обучение в Интернете и т.д.); отдых и развлечение (просмотр фильмов, слушание музыки, игры и т.д.); работа (профессиональные интересы и задачи, разработка программ, сайтов, заработок денег через Интернет и т.д.); деловые контакты (общение с коллегами по работе/учебе, деловая переписка, разработка совместных проектов через Интернет и т.д.)

Проверялось предположение о том, что способ использования человеком компьютера зависит от уровня его доверия к себе и к другим и межличностных потребностей в общении.

Участниками этой части исследования стали 53 респондента средней возрастной группы (16-31 лет).

Исследуемым предлагалось заполнить следующие тестовые методики: методика «Оценка доверия к себе» (Т.П.Скрипкина); методика Дж. Б.Роттера «Шкала межличностного доверия» (переведенная, адаптированная и валидизированная С.И.Достоваловым); опросник межличностных отношений (В.Шутц); авторская анкета, касающаяся пристрастий человека к Интернету.

Корреляционный анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что уровень компьютеризации пользователей Интернета действительно связан с уровнем их доверия к себе в профессиональной и интеллектуальной сфере. Респонденты, имеющие высокие показатели по данным шкалам, проявляли низкий уровень заинтересованности в компьютерной деятельности. При этом уровень компьютеризированности имел обратную корреляцию с возрастом.

Часть нашей гипотезы, касаемая связи способа использования компьютера и межличностных потребностей в общении так же оказалась верна. Полученные данные можно интерпретировать следующим образом: респонденты с выраженной деловой активностью по отношению к компьютеру, стремятся принадлежать к различным группам, быть включенным, как можно чаще находиться среди людей, при этом они склонны принимать окружающих, чтобы они, в свою очередь, принимали участие в их деятельности, проявляли к ним интерес. Однако у этих пользователей может наблюдаться фрустрация и некий личностный конфликт, идущий от желания состоять в различных группах и быть в хороших, дружественных отношениях с людьми, но в то же время желанием отделиться, закрыться в себе, избирательность в установлении близких отношений.

Исследование особенностей общения и доверия активных пользователей Интернета позволило нам сделать следующие выводы: высокоактивные, компьютеризированные пользователи, действительно отличаются особо низким уровнем доверия к себе в некоторых сферах (в особенности профессиональной и интеллектуальной). Способ использования компьютера также имеет немалое значение. Так, пользователи, использующие ПК, прежде всего, для личного общения и развлечения чаще отличались низким уровнем доверия к себе в целом, доверием к себе в умении строить взаимоотношения с другими. Кроме того, данная группа респондентов имела некоторые проблемы в общении, в частности обладали противоречивым поведением в

области «контроля». Лица с данной особенностью, с одной стороны, жаждут контроля нас собой, с другой стороны противятся любым попыткам окружающих руководить ими.

Как и в прошлый раз, противоположностью данной группы стала группа респондентов, использующих ПК преимущественно для работы и пополнения знаний. Эти люди отличались высоким доверием к себе в целом и в большинстве изучаемых сфер (интеллектуальной, профессиональной, в умении строить отношения с другими, нравиться представителям противоположного пола). Тем не менее, данные люди также отличались наличием межличностных конфликтов в области поведения смысл которого, это желание быть включенным в большое количество групп, как можно чаще находиться среди людей, быть с ними в близких и дружественных отношениях, но в то же время, испытывали желание отделиться, закрыться в себе от других.

Литература

Арестова О.Н., Бабанин Л.Н, Войскунский А.Е. (1996). Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Московск. Ун-та. Серия 14. психология, № 4, с. 14-20.

Войскунский А.Е. Психология и Интернет. – М.: Акрополь, 2010. – 439 с.

Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 томах. – М.: Педагогика, 1982 – 1984.

Короленко Ц.П. Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. М.. Екатеринбург, 2000.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. «Смысл». 2004

Лири Т. Семь языков бога. Перевод с англ. — К.: “Янус”, — М.: “Пересвет”, 2001 —224с. ISBN 5-7101-0074-9

Мюррей К Интернет-зависимость с точки зрения нарративной психологии // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. М. 2000. С.132-140.

Сазонов Д.О. Личность человека в компьютеризированном мире. URL: <http://www.np.vspu.ac.ru/doc/s10.htm?num=10> (дата обращения, 29.09.2018)

Тихомиров О.К. Баланин Л.Н., ЭВМ и новые проблемы психологии. М. МГУ, 1986. 204 с. <http://www.leary.ru/articles/?n=07/>(дата обращения, 29.09.2018)

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ACTIVE INTERNET USERS

Skripkina T. P.

Russian State Humanitarian University, Moscow

Keywords: cyberpsychology, virtual environment, active users of the Internet, Internet-dependent, personal characteristics, self-presentation, trust, communication.

Abstract: the article presents the results of the study of some personal characteristics of Internet users with different activity. It is shown that active Internet users, prone to Internet addiction, have personal characteristics associated with self-presentation in a virtual environment, unlike ordinary users. They are characterized by self-doubt, low self-esteem, extreme scarcity of

presentation of his personality. In the field of self-confidence, they do not tend to trust themselves, especially in the intellectual and professional spheres, their needs for communication are frustrated by the contradiction between the expressed need to communicate and the desire to "close" from the interlocutor.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ СУБЪЕКТИВНЫМИ ПЕРЕЖИВАНИЯМИ ОДИНОЧЕСТВА И ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Мишина М.М.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Ключевые слова: интернет-зависимость, интернет-независимость, одиночество, юноши, девушки, современные студенты.

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современного общества проблема взаимосвязи субъективного переживания одиночества со степенью интернет-зависимости у современных студентов. В данном исследовании апробирован и предложен для использования комплекс диагностических методик, ориентированный на изучение феномена одиночества у современных студентов, интернет-зависимости, интернет-независимости, а также даны практические рекомендации по снижению интернет-зависимости у современных студентов. Ключевым способом снятия психологических барьеров в процессе общения современных студентов, испытывающих состояние одиночества служит формирование побудительных мотивов и интеллектуальной активности. При этом важно развивать умение регуляции собственных эмоциональных состояний. Понятия «одиночество» и «интернет-зависимость» активно взаимодействуют между собой и способствуют самоизменению личности.

Введение

В современном обществе остро стоит проблема одиночества молодого человека и это может быть связано с активным его «проживанием» в виртуальном мире.

Необходимость психологического исследования одиночества современной молодежи обусловлена *противоречиями* между:

- постоянно растущим уровнем требований, предъявляемых к личности молодого человека в современных условиях общественного развития и отстающими от него возможностями быстрого переключения индивидуального сознания с учетом исторического этапа;
- представлением о структуре феномена одиночества личности молодого человека и причинами его появления;
- изменением места деятельности в современной жизни, порождением ее новых видов и отсутствием научно-обоснованной психологической концепции феномена одиночества современного молодого человека [1; 2; 3; 4];

Исследование субъективного переживания одиночества молодежи помогает выявить причины данного явления, расширить возможности предоставления психологической помощи с учетом индивидуальных особенностей.

Цель исследования – выявить связь между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью у современной молодежи.

Объект исследования – одиночество как психологический феномен.

Предмет исследования – связь одиночества и интернет-зависимости.

Гипотеза исследования: между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью существует причинно-следственная связь: при более выраженном субъективном переживании одиночества проявляется более высокий уровень интернет-зависимости. У студентов с признаками интернет-зависимости имеется низкий показатель самооценки и выражены специфические механизмы психологической защиты.

Эмпирическая база исследования: 50 респондентов (студенты РГГУ) в возрасте от 18 до 25 лет: 25 человек, имеют признаки интернет-зависимости; 25 человек не имеют признаков интернет-зависимости.

Методология исследования строится на концепциях:

- одиночество как неизбежный этап в становлении личности (А. Камю, Ж. П. Сартр);
- одиночество как противоестественный феномен (И. Кант, Ф. Ницше, Э. Фромм).

Методы исследования: аналитический, эмпирический (анкетирование, тестирование), статистической обработки информации.

Методики исследования: Анкета «Одиночество» для исследования субъективного переживания одиночества молодежью; Методика субъективного ощущения одиночества (Д. Рассел и М. Фергюсон); Диагностика переживания одиночества (Е. Е. Рогов); Тест на интернет-зависимость (Кимберли-Янг); Методика Дембо-Рубинштейна: исследование самооценки (в модификации А. М. Прихожан); Методика Индекс жизненного стиля (Опросник Плутчика Келлермана Конте). Тест для диагностики механизмов психологической защиты.

Психологический анализ связи субъективного переживания интернет-зависимости и одиночества у студентов

В ходе исследования было выявлено, что интернет-независимые респонденты больше ориентированы на реальное общение, а интернет-зависимые молодые люди воспринимают одиночество как отсутствие единомышленников, поддержки (они пишут «не к кому обратиться за помощью; кажется, что ни один человек не сможет понять твою проблему и оказать помощь»). Из-за постоянного несогласия с окружающим миром они абстрагируются, чаще уединяются и со временем привыкают к этому состоянию. Им становится сложно общаться и находить общий язык с другими людьми в реальной жизни (увеличиваются комплексы, падает самооценка). Они перманентно видят «замкнутый круг» и находятся в состоянии одиночества в реальном мире. Тем не менее, в интернете эта проблема решается, т.к. молодые люди могут общаться под другим именем, указывать другой возраст и пол. Часто именно «непонимание близких» вызывает переживание одиночества и срабатывает механизм психологической защиты «изменение своего статуса в интернете».

Респонденты, имеющие признаки интернет-зависимости, проводят много времени в сети – 40% опрошенных проводят от 2-5 часов и 40% от 5-10 часов в сутки;

В группе интернет-зависимых испытуемых выявлено 84% респондентов, не состоящих ни в каких близких отношениях, что в 3 раза превышает показатели интернет независимых респондентов (28%).

Результаты проведенного исследования по методике диагностики переживания одиночества Е. Е. Рогова позволяют сделать следующие выводы:

В группе интернет-зависимых респондентов выявлен значимый процент людей с завышенным уровнем переживания следующих видов одиночества: временное (56%), постоянное (52%), эмоциональное (48%);

В группе интернет-зависимых респондентов выявлен значимый процент студентов со средним уровнем переживания следующих видов одиночества: поведенческое (60%) и когнитивное (60%);

В группе интернет-зависимых респондентов по всем шкалам одиночества выявлена тенденция к усиленному субъективному переживанию данных состояний.

В группе интернет-независимых респондентов показатели всех шкал одиночества кроме эмоционального одиночества не выражены;

эмоциональное одиночество испытывают 80% интернет независимых респондентов.

Полученные результаты могут свидетельствовать о высокой чувствительности интернет-зависимых людей ко всем видам одиночества.

Результаты проведенного исследования по методике субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона позволяют сделать следующие выводы:

- выявлено 76% интернет-зависимых респондентов, имеющих высокую степень субъективного переживания одиночества, что в 5 раз превышает показатель интернет независимых респондентов (16%);

- выявлено 24% интернет-зависимых респондентов, испытывающих низкую (8%) и среднюю степень одиночества (16%);

- в группе интернет-независимых респондентов 48% испытывает низкую степень одиночества;

Результаты, полученные в ходе обработки методики субъективного переживания одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона, свидетельствуют о наличие связи между интернет-зависимостью и высокой степенью переживания одиночества у современных студентов.

Результаты проведенного исследования напряженности механизмов психологических защит по опроснику Плутчика – Келлермана – Конте позволяют сделать следующие выводы:

- в группе интернет-зависимых респондентов выявлена напряженность следующих механизмов психологических защит: 36% – проекция (приписывание окружающим различных негативных качеств для создания рациональной основы и 38 % – компенсация (попытка замены неполноценности); 26 % – остальные типы защит. Тенденция к компенсаторному поведению подтверждает теорию об использовании интернета в качестве способа избегания реальности, а высокий уровень напряженности

проективных защит может быть связан с чувством апатии, высокой тревожностью, недоверчивостью, закрытостью респондентов, имеющих признаки интернет-зависимости;

- в группе интернет-независимых респондентов выявлены следующие типы психологических защит: проекция (28%) и рационализация (24%); напряженность механизма психологической защиты типа компенсации в группе интернет-независимых респондентов составила 8%, что в 4 раза меньше показателей интернет-зависимых респондентов;

- общая напряженность механизма психологической защиты типа проекции выражена в обеих группах, а напряженность механизма компенсации выявлена только в группе интернет-зависимых респондентов.

- В ходе проверки непараметрической корреляции Спирмена между показателями «наличие интернет-зависимости» и «выраженность субъективного переживания одиночества» было получено значение 0,462 – свидетельствует о том, что корреляция (двусторонняя) значима на уровне 0,05. Корреляционный анализ по критерию Пирсона выявил, что корреляция между показателями «наличие интернет-зависимости» и «выраженность субъективного переживания одиночества» составляет 0,422 и является значимой на уровне 0,05.

- Подводя итоги статистического анализа, полученных в ходе эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

Интернет-зависимых респондентов характеризует наличие отрицательной оценки феномена одиночества. Основными тезисами являются следующие представления об одиночестве: одиночество ведет к снижению уверенности в себе; сопровождается высокой тревожностью. Одиночество – это невозможность говорить о себе, ощущать поддержку; пребывание в социуме, при ощущении абсолютной ненужности; вызывает привыкание (замкнутый круг, редкое общение; ощущение душевной боли, отсутствия свободы).

Интернет-независимые респонденты дают положительную оценку феномену одиночества, основными тезисами являются следующие высказывания: одиночество – возможность к развитию своей индивидуальности и способностей; возможность отдохнуть от других наедине с собой; одиночество – есть свобода.

По результатам анализа авторской анкеты была сформулирована модель современного молодого интернет-зависимого человека: возраст от 18 до 25 лет; проводит в интернете от 3 до 9 часов в день.

Выявлена положительная статистически значимая связь между интернет-зависимостью и феноменом одиночества.

Интернет-зависимые молодые люди чувствительны ко всем видам переживания одиночества, особенно к временному, постоянному и эмоциональному. Так как временный и постоянный вид одиночества являются противоположными по своему действию, был сделан вывод о том, что для интернет-зависимых людей характерно наличие постоянного хронического чувства одиночества, перемежающегося со вспышками временного одиночества (связанного с определенными ситуациями), что может ускорять развитие интернет-зависимости. Высокая чувствительность к эмоциональному виду одиночества говорит о том, что чаще всего причина переживания одиночества и погружения в интернет лежит в отсутствии тесных эмоциональных связей.

Для интернет-зависимых студентов свойственна заниженная самооценка по шкалам «характер» и «уверенность в себе»; доминирует компенсация как механизм психологической защиты; низкая самооценка; высокий уровень притязаний совместно с тенденцией к компенсаторному поведению объясняет стремление интернет-зависимых студентов к избеганию своих проблем за счет продолжительного общения в сети.

Подводя итоги научной исследовательской работы по выявлению связи между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью студентов, можно сделать следующие выводы:

1. Интернет-зависимость представляет собой активно развивающийся вид аддиктивного поведения, базирующийся на создании виртуального мира, позволяющего осуществлять компенсаторный вид поведения. Интернет-зависимость имеет ряд психологических и физических симптомов, причин возникновения, видов, определенных стадий развития, оказывает негативное влияние на разные сферы человеческой жизни.

2. Между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью у студентов существует причинно-следственная связь: молодые люди с признаками интернет-зависимости имеют определенные психологические особенности (низкие показатели самооценки и использование компенсации как механизма психологической защиты), способствующие ее развитию.

3. Между феноменами интернет-зависимости и субъективным переживанием одиночества существует значимая связь. Для интернет-зависимых студентов характерно сильное переживание временного, постоянного и эмоционального видов одиночества, а также их объективная оценка феномена субъективного переживания одиночества в основном отрицательная.

4. Сравнительные статистические данные по пункту «пол» в группах интернет-зависимых и интернет-независимых респондентов показали, что процент респондентов женского пола преобладает в обеих группах. В мужской выборке интернет-зависимость в два раза больше, чем интернет-независимость.

Профилактика снижения интернет-зависимости

Рекомендации по снижению интернет-зависимости у современного студента:

1. Развивать умение определять собственное эмоциональное переживание и понять причину его появления. От причины следует перейти к конкретным позитивным действиям. Рефлектировать и переосмысливать многие собственные действия, которые регулярно вызывают негативные последствия.

2. Активизировать общественно-полезную деятельность при регламенте работы в интернете. Необходимо научиться конструктивно использовать интернет.

3. Осуществлять поиск альтернативы виртуальному миру (хобби, спортивные секции).

4. Установить реальную коммуникацию и наладить тесные эмоциональные связи с родственниками и друзьями.

Рекомендации для специалиста по снижению интернет-зависимости у современного студента:

1. При работе с интернет-зависимыми людьми, учитывать все виды чувствительности, которым подвержена современная молодежь.

2. Принимать во внимание как негативные, так положительные эффекты субъективного переживания одиночества.

3. Применять знания о ключевых особенностях стадий формирования интернет-зависимости.

Перспективой дальнейших научных исследований является исследование проблемы разработки клиенториентированного подхода к профилактике, коррекции и реабилитации интернет-зависимых людей, с учетом характерных для них психологических особенностей.

Литература

Кислов. В. Л. Субъективное ощущение одиночества, как одна из актуальных проблем современного общества. // Вестник психологии СОРАН. 2007. №3. С. 17-26.

Мишина М.М., Барабанова Н.С. Психологические особенности переживания интернет зависимыми людьми чувства одиночества. // Прикладная психология: современное состояние, эффективность исследований, перспективы развития [Электронный ресурс] : сборник материалов Международной научно- практической конференции XII Левитовские чтения (г. Москва, 19–20 апреля 2017 г.). М. : ИИУ МГОУ, 2017. 172 с.

Пахомова Т. В. Некоторые психологические проблемы интернет-зависимости. Молодой ученый. 2014. №15. С. 236-238.

Тихонов, Г.М. Феномен одиночества: гендерный аспект [Электронный ресурс] / Г.М. Тихонов // Вестник Пермского университета. 2015. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/fenomen-odinochestva-gendernyy-aspekt>.

Сведения об авторе

Мишина Марина Михайловна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и методологии образования института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6; e-mail: mishinamm@yandex.ru

FEATURES OF THE PSYCHOLOGICAL CONNECTION BETWEEN THE SUBJECTIVE EXPERIENCE OF LONELINESS AND INTERNET ADDICTION IN MODERN STUDENTS

Mishina M.M.

Russian State Humanitarian University, Moscow

Keywords: Internet addiction, Internet independence, loneliness, young people, girls, modern students.

Annotation. The article considers the problem of interrelation between the subjective experience of loneliness and the degree of Internet dependence in modern students, which is topical for modern society. In this study, a set of diagnostic techniques, oriented to studying the phenomenon of loneliness in modern students, Internet addiction, Internet independence, has been tested and proposed for use, and practical recommendations for reducing Internet addiction

in modern students are given. The key way to remove psychological barriers in the process of communication of modern students experiencing a state of loneliness is the formation of incentives and intellectual activity. It is important to develop the ability to regulate your own emotional states. The concepts of "loneliness" and "Internet addiction" actively interact with each other and promote self-change of personality.

САМООРГАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Пахмутова М.А.

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола

Ключевые слова: самоорганизация, профессиональное развитие, субъектность, целостность личности, психологическое сопровождение.

Аннотация. Статья посвящена проблеме профессионального развития студентов в условиях современной системы образования. В качестве основного подхода к профессиональному образованию выбран антропологический подход, как наиболее ориентированный на становление субъектности будущего профессионала. Измерение субъектности, как психологической категории, требует особого инструментария психологической диагностики. Рассматривается возможность применения психологических знаний для диагностики и сопровождения профессионального развития обучающегося. Поскольку на данный момент отсутствуют методики, позволяющие наблюдать за ходом становления субъектности, то мы видим решение этой проблемы через обращение к близким по смыслу психологическим категориям: «целостность личности» и «самоорганизация личности». Предлагается использовать следующие показатели самоорганизации личности: ценностная установка на деятельность, развитие профессиональных качеств, формирование системы интегральных свойств. В заключение даются рекомендации по организации системы психологического сопровождения профессионального развития.

Цифровое общество открывает широкие возможности для самореализации личности, создавая различные площадки для познавательной и творческой деятельности. В то же время, многомерность и многослойность информационного пространства способствует расщеплению представлений личности о себе и формирует специфические образы «Я», каждый из которых обладает собственным статусом, социальной ролью и функционирует в определенном сообществе. В таких условиях сохранение целостности личности становится предметом психологии развития и психологии образования. Целостность личности можно рассматривать как степень интеграции «Я-концепции», а именно как связанность и организованность отдельных, частных представлений человека о себе (Бордовская, Розум, 2013).

Сохранение целостности личности в различных ситуациях необходимо для успешной реализации деятельности. При этом в процессе выполнения деятельности, целостность личности проявляется как «субъектность», то есть как активность, сознательность и творческая направленность субъекта деятельности по отношению к

внешней среде. Поэтому на становление субъектности профессионала направлена сегодня российская система образования.

Образование предполагает всестороннее развитие личности и максимальное раскрытие ее потенциала (Khinkanina, Serova, 2016). Тем не менее, исследователи отмечают, что различные подходы к профессиональному образованию недооценивают проблему целостности личности обучающегося (Цуникова, Щенникова, 2017; Костромина, 2008; Вендина, Киричек, 2016). Одним из наиболее перспективных, в этом смысле, является антропологический подход, который рассматривает личность обучающегося с позиций субъектности в противовес «функциональному» или «знаниевому» подходу. Согласно этому подходу, развитие личности сопровождается формированием профессионального самосознания и способности к рефлексии, а основным механизмом этого процесса становится обретение новых смыслов (Костромина, 2008). В таком случае, результат процесса обучения заключается не только в усвоении профессиональных знаний, технологий деятельности, формировании компетенций или личностных качеств, но и в становлении целостной организации личности, ее субъектности.

Психологический аспект профессионального развития личности предполагает включение в образовательный процесс психологической диагностики и психологической работы с обучающимся в форме системы психологического сопровождения. Однако ключевым остается вопрос о средствах и методах диагностики психологических изменений, сопровождающих профессиональное развитие обучающихся. Наиболее близким к понятию «субъектности» является понятие «самоорганизации личности». В большинстве работ «самоорганизация» рассматривается в контексте организации субъектом своей деятельности, что позволяет выделять определенные этапы осуществления деятельности (Ишков, 2004). Существуют также попытки выявить совокупность личностных качеств, детерминирующих такое свойство как организованность (Котова, Шахматова, 2007). Однако современное развитие психологической науки позволяет утверждать, что самоорганизация личности характеризуется сложными и разноуровневыми внутриличностными связями и не может быть сведена к характеристикам деятельности или личностным качествам. Поэтому мы понимаем самоорганизацию как интегральную совокупность профессиональных качеств личности, проявляющуюся в форме интегральных новообразований, соединяющих ценностную установку на деятельность и соответствующие этой деятельности личностные качества.

В наших работах (Пахмутова, 2015; Пахмутова, Лежнина, 2017) показано, что интегральные свойства соответствуют особенностям выполняемой деятельности и позволяют осуществлять эту деятельность на высоком уровне. Поскольку интегральные свойства связаны с ценностной установкой субъекта на выполнение деятельности, то их формирование можно рассматривать как один из признаков становления субъектности. Наши исследования показали, что студенты, активно участвующие в исследовательской деятельности, к старшим курсам характеризуются сформированной структурой интегральных свойств (Пахмутова, 2017). Эти свойства включают ориентацию студентов на интересную деятельность, активную жизнь, рациональное поведение и сопровождаются развитием качеств, связанных с познавательной деятельностью, а также усвоением социальных норм поведения. В то же время, студенты старших курсов, избегающие исследовательской деятельности, характеризуются высокой тревожностью и самокритикой, которые сопровождаются восприимчивостью к собственным ошибкам и ориентацией на подчинение. Студенты, ориентирующиеся на выполнение учебных исследовательских заданий как необходимое условие получения хорошей оценки, к

старшим курсам характеризуются диффузной структурой интегральных свойств, включающей комплексы ценностных установок, которые не связаны с их личностными качествами.

На основе полученных данных можно говорить, что основными показателями самоорганизации личности на этапе профессионального обучения являются:

- наличие ценностной установки на выполнение конкретного вида деятельности,
- развитие личностных качеств, соответствующих ценностной установке на деятельность,
- формирование на основе взаимосвязей между ценностями и личностными качествами интегральных свойств,
- включение интегральных свойств в деятельность.

При использовании описанных показателей самоорганизации личности, система психологического сопровождения профессионального развития обучающихся должна включать следующие компоненты:

- психологическая диагностика показателей самоорганизации личности (диагностика ценностного отношения к профессиональной деятельности, диагностика развития профессиональных личностных качеств, диагностика системы интегральных свойств),
- психологические упражнения, активизирующие процесс самоорганизации личности (построение индивидуальной траектории профессионального развития, формирование индивидуального образа будущей профессии),
- психологическая коррекция в случае низкой динамики самоорганизации личности (индивидуальное консультирование).

Таким образом, антропологический подход к профессиональному образованию рассматривает становление субъектности будущего профессионала как одну из главных задач системы образования. Субъектность – это проявление целостности личности в различных ситуациях и видах деятельности. Одной из характеристик субъектности является способность личности к самоорганизации. Динамика самоорганизации личности сигнализирует о ходе процесса становления субъектности. Показателем самоорганизации личности является формирование разноуровневых внутриличностных взаимосвязей между ценностями личности и ее качествами, а также появление интегральных свойств, соответствующих выполняемой деятельности. В этой связи, организация системы психологического сопровождения профессионального развития, включающей психологическую диагностику, психологическую работу и психологическую коррекцию процесса самоорганизации личности, будет способствовать становлению субъектности и формированию целостности личности обучающегося.

Литература:

Бордовская Н.В., Розум С.И. Психология и педагогика. СПб.: Питер, 2017.

Вендина А.А., Киричек К.А. Личностно-ориентированные педагогические технологии как инструмент реализации антропологического подхода в образовании // Обучение и воспитание: методики и практика. 2016. № 28. С. 12-16.

Ишков А.Д. Связь компонентов самоорганизации и личностных качеств студентов с успешностью в учебной деятельности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2004.

Костромина С.Н. Психологические основания формирования профессионала на этапе обучения в вузе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 329-340.

Котова С.С., Шахматова О.Н. Психологические особенности самоорганизации учебной деятельности студентов // Научные исследования в образовании. 2007. № 4. С. 91-98.

Пахмутова М.А. Особенности самоорганизации личности студентов, включенных в исследовательскую деятельность на разных этапах обучения // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 1 (34). С. 76-85.

Пахмутова М.А. Особенности становления субъекта исследовательской деятельности: биографический подход // В сборнике: Психология - наука будущего: Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология - наука будущего». Под редакцией А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. 2017. С. 626-630.

Пахмутова М.А., Лежнина Л.В. Интегральные характеристики личности как условие успешной самоорганизации // В книге: Ананьевские чтения - 2017: Преемственность в психологической науке: В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов Материалы традиционной международной научной конференции. Ответственные редакторы А.В. Шаболтас, Л.А. Головей. 2017. С. 210-211.

Цуникова Т.Г., Щенникова Ю.В. Ретроспектива образовательных подходов и обоснование антропологического подхода как ведущего при подготовке выпускников технического колледжа // Вестник РМАТ. 2017. № 2. С. 72-78.

Khinkanina A.L., Serova O.E. Characteristics of value and professional orientation of the technical university students as ideal views on the activity goals // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. T. 11. № 13. С. 5942-5950.

Сведения об авторах.

Пахмутова Марина Анатольевна, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», аспирант, специалист центра социально-психологических исследований Педагогического института, marbry@mail.ru

THE SELF-ORGANIZATION OF PERSONALITY AS A CHARACTERISTIC OF STUDENTS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT

M. A. Pakhmutova

Mari state University, Yoshkar-Ola

Keywords: self-organization, professional development, subjectivity, personality integrity, psychological support

Abstract. The article is devoted to the problem of students' professional development in the modern education system. The anthropological approach, as the most focused on the

development of the future professional's subjectivity, is chosen as the main approach to professional education. Measurement of subjectivity as a psychological category requires special tools of psychological diagnosis. The possibility of application of psychological knowledge for diagnostics and maintenance of professional development of the student is considered. Since at the moment there are no methods to observe the process of development of subjectivity, so we see the solution this problem through the use of similar concepts: "personality's wholeness" and "self-organization of personality." It is proposed to use the following indicators of self-organization: value orientation on activity, development of professional traits, the system of integral peculiarities. In conclusion, recommendations on the organization of the system of psychological support of professional development are given.

РАЗДЕЛ VI. СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЬНОГО И СОВМЕСТНОГО ОБУЧЕНИЯ

Сергеева С.С., Мишина М.М.

Российский гуманитарный университет, институт психологии им. Л.С. Выготского, кафедра психологии и методологии образования, Москва

Ключевые слова: психологическая адаптация подростков, школьная дезадаптация, раздельное и совместное обучение, пубертат, старший подростковый возраст.

Аннотация: необходимость внедрения здоровье-сберегающих технологий в образовательную сферу обусловлена тем, что процесс школьного обучения часто сопровождается для учащихся повышенной умственной и нервно-психической нагрузкой. Постоянное воздействие этих негативных факторов в дальнейшем может привести к нарушению психологической адаптации, повышению невротизации личности, нарушению умственной и физической работоспособности, а также снижению функциональных резервов психики и организма подростка. Можно предположить, что уровень психологической адаптации старших подростков различается в зависимости от гендерного подхода к условиям их обучения, при раздельной системе обучения подростки психологически более адаптированы.

Введение

Сохранение психического здоровья детей является актуальной задачей в современных социально-психологических условиях развития современного российского общества. В последние годы осуществляются активные попытки преобразования деятельности секторов социума, в первую очередь сферы образования. К одной из новых здоровье-сберегающих технологий образовательного процесса, способствующих профилактике феномена нарастающей умственной и физической дисфункциональности учащихся, относится гендерный подход или раздельное образование по признаку пола. Сегодня активно обсуждаются возможности применения гендерного подхода для решения теоретических и практических задач педагогической науки, рассматриваются модели гендерного воспитания мальчиков и девочек, анализируются перспективы их применения в социальном и семейном воспитании [2].

Однако необходимо отметить, что наряду с положительным влиянием, в здоровье-сберегающих технологиях скрываются факторы риска развития деструктивных психологических состояний. На современном этапе развития общества выдвигаются высокие требования к подросткам по сформированности представлений о своей будущей семье, ее ценностях и положительных установках. Но в условиях раздельного обучения такие представления могут формироваться несколько по-другому, чем в совместном. Подростки, которые и так подвержены сильным психофизиологическим и анатомическим изменениям в период пубертата, проходя процесс

социально-психологической адаптации, должны при этом сформировать у себя адекватный образ личности и представлений о семье и ее ценностях [5].

Исследование

Цель исследования: провести сравнительный анализ психологической адаптации у старших подростков в условиях раздельного и совместного обучения.

Гипотеза исследования: уровень психологической адаптации старших подростков различается в зависимости от гендерного подхода к условиям их обучения.

Исследование проводилось на базе ГБОУ Гимназии № 1257.

Выборку исследования составили 60 учащихся 10-х классов в возрасте 15-17 лет, из которых 30 чел. (15 девочек и 15 мальчиков) обучались по раздельной форме обучения и 30 чел. (15 девочек и 15 мальчиков) - по смешанной форме обучения.

Учебно-воспитательный процесс в смешанных и раздельных классах организован с учетом психофизиологических особенностей мальчиков и девочек, что в большей степени способствует реализации индивидуального и гендерного подходов.

Для выявления уровня психологической адаптации у учащихся была выбрана методика диагностики (личностный опросник) социально-психологической адаптации (СПА) К.Роджерса и Р.Даймонда в адаптации Т.В. Снегирёвой по 6-ти шкалам (приятие/неприятие себя, приятие других/конфликт с другими, эмоциональный комфорт, внутренний контроль, доминирование, уход от проблем), по 6-ти интегральным показателям (адаптация, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, доминирование) и 2-м дополнительным коэффициентам Снегиревой Т.В. (коэффициент адаптации и коэффициент дезадаптации). Целью применения данной методики является выявление особенностей адаптационного периода личности через интегральные показатели «адаптация», «самопринятие», «приятие других», «эмоциональная комфортность», «интернальность», «стремление к доминированию». Спецификой данного варианта адаптации методики К.Роджерса и Р.Даймонда является то, что Т.В. Снегирева вводит в перечень показателей два коэффициента СПА – коэффициент адаптации и коэффициент дезадаптации.

Результаты исследования и их обсуждение

В обоих видах классов среди мальчиков и девочек практически у всех (от 93,3% до 100%) диагностирован нормативный уровень адаптивности. Превалирующее большинство испытуемых также характеризуются нормативными значениями показателя дезадаптивности. Однако среди девочек смешанного класса выявлено значительное количество (46,7%) испытуемых с низкими значениями данного показателя.

По шкале «*принятия себя*» как среди девочек, так и среди мальчиков большинство испытуемых получили нормативные значения. При этом в группе девочек из монокласса 26,7% характеризуются высоким уровнем самопринятия, тогда как в смешанном классе таких девочек всего 6,7%. У мальчиков из обоих типов классов появляется одинаковое количество испытуемых с низким уровнем принятия себя (6,7%).

По шкале «*принятия других*» как в смешанном, так и в моноклассе, а также как среди мальчиков, так и среди девочек, наблюдается наличие нормативного уровня. Высокий уровень неприятия других, конфликтности с окружающими не диагностирован ни в одной из групп, и большинство испытуемых также характеризуются нормативными показателями по данной шкале.

Высокий уровень «эмоционального комфорта» в обоих типах классов не выявлен, ни среди мальчиков, ни среди девочек. Большинство испытуемых отмечают средний (нормативный) уровень выраженности данного показателя. Однако в группе мальчиков из смешанного класса наибольшее количество испытуемых с низким уровнем эмоционального комфорта (26,7%), в сравнении с другими группами. Также здесь и наибольшее число подростков с высоким уровнем эмоционального дискомфорта (20,0%). Наименьший эмоциональный дискомфорт испытывают девочки из смешанного класса, т.к. их преобладающее количество (60,0%) отличаются низким уровнем выраженности этого показателя. В группах мальчиков и девочек из моноклассов (80,0%) характеризуются нормативными показателями эмоционального дискомфорта.

Одинаковое число мальчиков из обоих типов классов, а также девочек из монокласса (93,3%) имеют нормативные значения по показателю внешнего контроля. При этом в группе девочек, проходящих смешанную форму обучения, 26,7% подростков характеризуются высоким уровнем внешнего контроля, т.е. склонны перекладывать ответственность за события, происходящие с ними, на внешние обстоятельства и на других людей, а не на себя. Это же подтверждается тем, что в данной группе девочек наибольшее количество подростков (53,3%) с низким уровнем внутреннего контроля.

Анализ показателей «доминирование» и «ведомость» продемонстрировал, что у большинства девочек из монокласса они характеризуются нормативным уровнем проявления, в то время, как для 60,0% девочек из смешанного класса характерен низкий уровень доминирования. Среди мальчиков преобладающее количество подростков и в одной, и в другой группе отличаются средним уровнем данных показателей.

Высокий уровень «стремления к уходу от проблем» ни в одной из исследуемых групп не установлен. Ведущее большинство подростков проявляют нормативные значения эскапизма. При этом для 1/5 девочек из смешанного класса и для такого же количества мальчиков из монокласса характерно наличие низкого уровня эскапизма, т.е. они не привыкли не замечать или избегать решения собственных проблем.

Оценка результатов, полученных испытуемыми по шкале «лживости», указывает на то, что и мальчики, и девочки из обоих видов классов откровенно отвечали на вопросы методики – в каждой из групп, кроме группы мальчиков из монокласса, у 100% подростков диагностирован нормативный уровень по данной шкале. У 6,7% мальчиков из монокласса выявлен низкий уровень лживости при заполнении методики, что свидетельствует об их стремлении к раскрытию собственных проблем перед экспериментатором.

Проанализируем данные, полученные при расчете коэффициента адаптации (Ка) и коэффициента дезадаптации (Кда), введенных в методику Т.В. Снегиревой.

«Коэффициента адаптации» (Ка) подростков.

В результате эмпирического исследования уровней психологической адаптации старших подростков в условиях отдельного и совместного видов обучения установлено, что в группе девочек из монокласса низким уровнем адаптации характеризуются около 1/3 испытуемых. Количество девочек-подростков из смешанного класса с низким уровнем данного показателя на 20,0% меньше, чем в моноклассе. При этом для обеих групп характерно преобладание числа девочек с высоким уровнем адаптации (46,7% в моноклассе и 66,7% в смешанном классе), и это закономерно: школа на это хорошо нацелена, выделяются средства на различные учебные программы обязательного и дополнительного школьного образования.

Однако, в обоих типах классов мальчиков только 1/5 часть учащихся отличаются высоким уровнем адаптации. в группах мальчиков из монокласса и смешанного класса преобладает количество подростков с низким уровнем адаптации (40,0% и 46,7% соответственно), что обращает на себя внимание. Т.о., около четверти учащихся живут в состоянии неопределенности. Им нужна психо-коррекционная работа со специалистом по профилактике личностных и поведенческих нарушений.

«Коэффициент дезадаптации» (Кда) подростков.

Среди испытуемых обоих типов обучения высокая выраженность дезадаптации не выявлена, значительно преобладает число учащихся с низкой выраженностью данного показателя (80,0% в моноклассе и 86,7% в смешанном классе у девочек), что является хорошим социально-педагогическим показателем. По сырой выборке 20% всех мальчиков и девочек монокласса, а также 13,3% девочек смешанного класса имеют среднюю дезадаптацию, 6,7% мальчиков смешанного класса – высокую дезадаптацию. Девочек с низким уровнем дезадаптации больше в смешанном классе, чем в моно, в моноклассе им проще находиться, у мальчиков наоборот. Однако достоверных различий по способу обучения не выявлено. Но есть тенденция: у девочек в моноклассе дезадаптация выше, чем в смешанном, также у них отмечается тенденция: интегральные показатели адаптации и коэффициент адаптации ниже, чем у девочек смешанного класса.

Однако, около 1/5 от общей выборке подростков находятся в группе со средним и высоким уровнем дезадаптации – им нужна профилактическая психо-коррекционная работа.

У большинства испытуемых низкий коэффициент дезадаптации, с ними можно проводить групповую работу в классе, на учебе, создавать среду опережающей профилактики. У этих подростков скорее имеется склонность к дезадаптации, чем сама дезадаптация, они плохо приспосабливаются, но приспосабливаются.

Таким образом, девочки более адаптированы, чем мальчики к сложившейся ситуации обучения. У отдельных подростков обоих полов наблюдаются нарушения адаптации, которые, однако не достигают стадии дезадаптации.

Для установления значимости различий между группами использовали статистический критерий Манна-Уитни. Рассмотрим результаты, полученные при сравнении показателей адаптации/дезадаптации подростков.

В ходе исследования установлены *статистически достоверные различия* между группами девочек из монокласса и смешанного класса по одному из интегральных показателей адаптации/дезадаптации – уровню *самопринятия* ($p=0,020$). У девочек при раздельном обучении более развита способность принимать себя такими, какие они есть в действительности, со всеми объективно значимыми достоинствами и недостатками, без самоосуждения или, напротив, самообожания. Данное качество характерно для зрелой, развитой личности. Имеются тенденции по показателям дезадаптивности (выше в моноклассе девочек), а также по интегральному показателю адаптации и коэффициенту адаптации (выше в смешанном классе у девочек).

У мальчиков из моноклассов выше *интернальность*, чем у мальчиков из смешанных классов, что подтверждается наличием достоверных различий по данному показателю ($p=0,0001$) (табл. 2.2). Таким образом, мальчики, проходящие раздельную форму обучения, характеризуются более высоким уровнем интернальности, чем мальчики, обучающиеся совместно с девочками, то есть ощущают себя способным контролировать значимые события своей жизни, быть их автором, причиной, а не следствием действий других или влиянием обстоятельств. Так же есть тенденция к

существованию различий по показателям неприятия себя ($p=0,084$), притяжения других ($p=0,086$), эскапизму ($0,087$).

Итак, мальчики и девочки, проходящие раздельное обучение, проявляют качества, характерные для зрелой личности – внутренний локус контроля, способность адекватно себя оценивать и принимать свои сильные и слабые стороны.

Полученный нами результат подтверждает исследования психологических аспектов проблемы гендерного обучения В.Ф. Базарного, В.Д. Еремеевой, В.Г. Геодаяна. Если обратиться к определению социальной адаптации, приведенному в словаре Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко, то адекватное восприятие окружающей действительности и собственного организма; адекватная система отношений и общения с окружающими; способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха являются важными факторами адаптации личности [1, 3, 4].

Выводы

Проведенное исследование показало, что:

1. Уровень адаптации старших подростков выше при раздельном типе обучения.
2. Высоко адаптированным девочкам лучше в смешанном коллективе, а при низкой адаптации – комфортнее в моноклассе; мальчикам, наоборот, при низкой адаптации комфортнее в смешанном коллективе, при высокой – нет предпочтений; т.о., мальчика с низкой адаптацией не рекомендуется отдавать в монокласс, средовой фактор для девочек с высокой адаптацией оказался приемлем для мальчиков с низкой адаптацией;

Проведенное исследование способствует расширению представлений о психологической адаптации, связанной с особенностями подросткового возраста, в частности психического развития мальчиков и девочек, что дает возможность лучше понять необходимые условия их обучения.

Литература

Базарный В. Ф. О трагических последствиях смешанного воспитания и обучения в школах [Текст] / В. Ф. Базарный // Образование и здоровье учащихся: Материалы Всероссийского Форума с международным участием. – Часть III. – М.: 4Д «Класс –С», 2005. – С. 29-37.

Возрастная и педагогическая психология: Хрестоматия / Сост. И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, В.В. Зацепин. - М.: Академия, 2005. - 368 с.

Еремеева В. Д., Хризман Т. П. Мальчики и девочки – два разных мира – М.: ЛИНКА-ПРЕСС, 1998. – 184 с.

Куинджи Н.Н. Гендерный подход к обучению и воспитанию детей в школе: физиологические, гигиенические и социальные аспекты / НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков НЦЗД РАМН. — М., 2010. — 80 с.

Шайхелисламова М.В., Ситдилов Ф.Г., Дикопольская Н.Б., Билалова Г.А., Каюмова Г.М. Возрастно-половые особенности и механизмы адаптационных реакций у детей в пре- и пубертатный периоды развития // Физиология человека.-2009.-том 35. - №6.- С.103-110.]

Сведения об авторах

Сергеева Светлана Валерьевна, Москва, Российский гуманитарный университет, институт психологии им. Л.С. Выготского, аспирант кафедры психологии и методологии образования, SergeewaSW@yandex.ru.

Мишина Марина Михайловна, Москва, доктор психологических наук, доцент, Российский гуманитарный университет, институт психологии им. Л.С. Выготского, профессор кафедры психологии и методологии образования, Mishinamm@yandex.ru.

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION/DISADAPTATION IN OLDER ADOLESCENTS IN THE CONDITIONS OF SEPARATE AND JOINT TRAINING, AFFECTING THE IMAGE OF THE FUTURE FAMILY

Svetlana Sergeeva, Marina Mishina

Russian humanitarian University, Institute of psychology. L. S. Vygotsky, Moscow

Keywords: psychological adaptation of teenagers, school disadaptation, separate and joint training, puberty, senior teenage age

Abstract: the need for the introduction of health-saving technologies in the educational sphere is due to the fact that the process of school education is often accompanied by increased mental and neuropsychic stress for students. Constant exposure to these negative factors in the future may lead to a violation of psychological adaptation to increase neurotization of the individual, mental and physical performance, as well as reduce the functional reserves of the psyche and body of the teenager. It can be assumed that the level of psychological adaptation of older adolescents varies depending on the gender approach to the conditions of their education, with a separate system of education, adolescents are psychologically more adapted.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Траллманн А.М.В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Ключевые слова: старший дошкольный возраст, формирование, познавательные процессы, речь, фонематическая система, насыщенное информационное пространство.

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современного быстро развивающегося и информационного общества проблема формирования связной речи в старшем дошкольном возрасте. Речь как одна из важнейших высших психических функций человека, создает специфически человеческую способность социального взаимодействия старших дошкольников между собой и по отношению к взрослым, что влияет на развитие социокультурных процессов жизни общества. Развитие речи старших дошкольников тесно связано с развитием их познавательных процессов: памяти, мышления, воображения. При этом нарушения в развитии речи отражаются на формировании всех психических процессов у детей старшего дошкольного возраста, что

выражается в снижении их социальных контактов и задерживает овладение чтением, письмом и другими навыками, необходимым для развития умений. Профилактика и коррекция речевых нарушений способствуют гармоничному развитию детей старшего дошкольного возраста, их индивидуальной и социальной направленности. При общем недоразвитии речи у детей старшего дошкольного возраста наблюдаются нарушения как в фонетико-фонематическом оформлении речи, так и в лексико-грамматическом.

Введение

С целью формирования у старших дошкольников лексически богатой, грамматически правильной и фонетически четкой речи большое значение имеет изучение развития фонематического восприятия с учетом быстро развивающихся информационных технологий. Современные психологи и педагоги считают, что от развития фонематического восприятия зависит формирование всей фонематической системы старшего дошкольника, а в дальнейшем и процесс овладения устной и письменной речью.

На важность и необходимость своевременного формирования фонематического восприятия у детей дошкольного возраста с речевой патологией указывали: Л.С. Выготский, А.Н. Гвоздев, А.А. Леонтьев, Р.Е. Левина, Н.Х. Швачкин, Д.Б. Эльконин, и др., а также ученые-практики: Г.И. Жаренкова, Г.А. Каше, Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина и др [1; 2].

Несомненно, профилактика и коррекция речевых нарушений способствуют гармоничному развитию детей старшего дошкольного возраста, их индивидуальной и социальной направленности.

Цель исследования – выявить особенности фонематического восприятия у детей старшего дошкольного возраста.

Объект исследования – фонематическое восприятие и пути его развития у детей старшего дошкольного возраста.

Предмет исследования – процесс формирования фонематического восприятия у детей старшего дошкольного возраста.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

1. На основе анализа научной психолого-педагогической литературы определить онтогенез развития фонематического восприятия и его значение для развития детей дошкольного возраста.

2. Изучить особенности фонематического восприятия у детей.

3. Отобрать диагностический инструментарий и выявить состояние фонематического восприятия у старших дошкольников.

4. На основе полученных данных разработать методику работы по формированию фонематического восприятия у детей старшего дошкольного возраста.

Эмпирическая база исследования: исследование было проведено на базе МБДОУ № 52 «Берёзка» городского округа Мытищи, в старшей логопедической группе.

Задачей констатирующего этапа работы было изучить особенности фонематического восприятия и разработать систему работы на основе комплексного подхода с использованием игр и игровых упражнений по развитию фонематического восприятия у детей старшего дошкольного возраста.

Для изучения фонематического восприятия у старших дошкольников была применена методика Н.И. Дьяковой «Диагностика фонематического восприятия старших дошкольников».

Данная методика состоит из II серий заданий. I серия состоит из 4 заданий, II серия из 3 заданий. Каждое задание оценивается по 5-ти балльной шкале.

Анализ психолого-педагогического исследования речи старших дошкольников

На констатирующем этапе у дошкольника выявлен средний уровень развития фонематического восприятия. Для него характерны нарушения восприятия не только нарушенных в произношении звуков, но и правильно произносимых. Выявлено нарушение звукопроизношения сонорных звуков [р], [р`], [л], [л`].

На основании результатов констатирующего эксперимента нами были определены основные направления логопедической работы, которая включает развитие фонематического восприятия и навыков звукового анализа и синтеза, формирование произносительных навыков.

Содержание программы соответствует основным положениям возрастной психологии, дошкольной педагогики, логопедии и выстроено по принципу развивающего обучения, так же содержание программы определено с учетом дидактических принципов, которые для детей с общим недоразвитием речи приобретают особую значимость.

В нашей работе по формированию фонематических процессов у детей старшего дошкольного возраста можно выделить следующие этапы:

1. Развитие общей и речевой моторики
2. Постановка и коррекция звука
3. Автоматизация поставленного звука в речи, развитие фонематического восприятия, фонематических представлений и аналитико-синтетической деятельности.

На каждом этапе работы решалась определенная задача с использованием игр и игровых упражнений. В игровой форме предлагаются задания по развитию слухового внимания, речевого слуха, фонематического восприятия, формированию элементарных навыков звукового анализа и синтеза, развитию фонематических представлений.

На основании результатов констатирующего эксперимента нами были определены основные направления работы, которая включает развитие фонематического восприятия и навыков звукового анализа и синтеза, формирование произносительных навыков.

Содержание программы соответствует основным положениям возрастной психологии, дошкольной педагогики, логопедии и выстроено по принципу развивающего обучения, так же содержание программы определено с учетом дидактических следующих принципов:

- системности;
- доступности;
- принцип деятельностного подхода (организация логопедической работы осуществляется с учетом ведущей деятельности ребенка);
- повторяемости материала;
- комплексности;

- принцип связи речи с другими сторонами психического развития ребенка;
- научная обоснованность и практическая применимость;
- единство воспитательных, развивающих и обучающих целей и задач процесса образования детей дошкольного возраста;
- интеграции образовательных областей в соответствии с возрастными возможностями и особенностями воспитанников, спецификой и возможностями образовательных областей.

Разработанная нами программа основывается на анализе подходов разных авторов по формированию фонематического восприятия у дошкольников, на концептуальные положения таких ученых как Г.А. Волкова, Н. И. Дьякова, Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина, Л.Ф. Спирина и А.В. Ястребова. В соответствии с их положениями для эффективной реализации системы работы необходимо учитывать следующие требования:

1. Занятия проводились 3 раза в неделю в первой половине дня.
2. Продолжительность занятия в старшем дошкольном возрасте составляла 30 минут, в соответствии с возрастной нормой.
3. Материал для занятий и игр подбирается с учетом речевых возможностей ребенка.
4. Задания расположены в порядке возрастания трудности. К каждому последующему заданию следует переходить после освоения предыдущего, с учетом системного подхода.
5. Обучение на занятиях осуществлялось в ходе игровой деятельности (игра – ведущий вид деятельности дошкольника). В них использовались дидактические игры и упражнения по формированию звукопроизношения, игровые задания для развития зрительного и слухового внимания, игры на развитие внимания, мышления и ориентировки в пространстве.
6. Задачи развития речи решались в единстве с задачами всестороннего развития личности ребенка.
7. Представленный материал решал проблему единства коррекционных и общеразвивающих задач, а также при максимальной «плотности» занятий сохранял атмосферу непосредственности, эмоциональности. Это достигалось благодаря использованию большого количества заданий, выполняя которые, старший дошкольник двигается и меняет позу. Все это вносит в занятия оживление, предупреждает возникновение утомления.
8. Применение в ходе занятий разнообразных демонстрационных материалов, способствовало поддержанию устойчивого внимания старших дошкольников.

В нашей работе по формированию фонематических процессов у детей старшего дошкольного возраста можно выделить следующие этапы:

1. Развитие общей и речевой моторики
2. Постановка и коррекция звука
3. Автоматизация поставленного звука в речи, развитие фонематического восприятия, фонематических представлений и аналитико-синтетической деятельности.

Выводы

Обобщая полученные данные исследования, можно сделать выводы о том, что:

1. Проблема формирования фонематических процессов у детей старшего дошкольного возраста является актуальной. Фонематическое недоразвитие у детей старшего дошкольного возраста проявляется, в основном, в несформированности процессов дифференциации звуков, отличающихся тонкими акустико-артикуляционными признаками, но иногда старшие дошкольники не различают и более контрастные звуки.

2. Воспитание звуковой культуры – одна из важных задач развития речи дошкольников, так как именно этот возраст является наиболее сенситивным для ее решения. Недостаточное развитие фонематического слуха и восприятия приводит к тому, что у старших дошкольников самостоятельно не формируется готовность к звуковому анализу и синтезу слов, что впоследствии не позволяет им успешно овладеть грамотой в школе без помощи логопеда.

3. В ходе преодоления фонематического недоразвития предусматриваются два взаимосвязанных направления работы: во-первых, коррекция произношения, т.е. постановка и уточнение артикуляции звуков (постановка звуков проходит в индивидуальной работе); во-вторых – последовательное и планомерное развитие звукового анализа и синтеза слова на основе развития фонематических процессов.

4. Игра – ведущий вид деятельности дошкольника, является наиболее доступным способом переработки полученных из окружающего мира знаний. В игре ярко проявляются особенности мышления и воображения дошкольника, его эмоциональная активность, развивающаяся потребность в общении.

5. На констатирующем этапе у детей старшего дошкольного возраста выявлен средний уровень развития фонематического восприятия. Для него характерны нарушения восприятия не только нарушенных в произношении звуков, но и правильно произносимых. Выявлено нарушение звукопроизношения сонорных звуков [р], [р`], [л], [л`].

6. Изучение современных программ и методических подходов к развитию речи в старшем дошкольном возрасте позволило определить содержание обучения, главным направлением которого явились специально подобранные дидактические игры и упражнения на формирование фонематических процессов в процессе формирования правильного звукопроизношения у старших дошкольников. Перспективой дальнейших научных исследований является разработка программы по развитию речи и таких познавательных процессов как: восприятие, память, мышление и воображение с учетом характерных для детей дошкольного возраста психологических особенностей и учитывая напряжение современного общества в связи с мощным развитием информационно-коммуникативных технологий.

Литература

Дьякова Н.И. Диагностика и коррекция фонематического восприятия у дошкольников, 2010.

Ефимов О.И., Ефимова В.Л. 15 мифов о детской речи. Диалоги невролога и логопеда о детской речи. – М.: «Издательство «ДИЛЯ», 2013. – 224 с.

Сведение об авторе

Траллманн Анне Мария Вячеславовна, аспирант, методист института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6; e-mail: animari@list.ru

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE FORMATION OF COHERENT SPEECH IN THE SENIOR PRESCHOOL AGE

Trallmann A.M. V.

Russian State Humanitarian University (RGGU), Moscow

Keywords: senior preschool age, formation, cognitive processes, speech, phonemic system, rich information space.

Annotation. The article considers the problem of the formation of coherent speech in the senior preschool age, which is topical for a modern rapidly developing and informative society. Speech as one of the most important higher mental functions of a person, creates a specifically human ability of social interaction of older preschool children with each other and with respect to adults, which affects the development of sociocultural processes of society. The development of the speech of older preschool children is closely connected with the development of their cognitive processes: memory, thinking, imagination. At the same time, violations in the development of speech are reflected in the formation of all mental processes in children of senior preschool age, which is reflected in the reduction of their social contacts and delays the mastery of reading, writing and other skills necessary for the development of skills. Prevention and correction of speech disorders contribute to the harmonious development of children of senior preschool age, their individual and social orientation. With a general underdevelopment of speech in children of older preschool age, violations are observed both in the phonetic-phonemic formulation of speech and in the lexico-grammatical formulation.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СМЕНА КУЛЬТУРНОГО КОДА

Гурцкая С.И.

Магистрантка кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук МГЛУ

Ключевые слова: виртуальная реальность, цифровое общество, культурный код, ординарная реальность.

Аннотация. Данное исследование обуславливается раскрытием потенциала виртуальной реальности в области формирования социальных и культурных паттернов, а также процесса кодирования и декодирования посредством интернет-коммуникации.

Технический прогресс позволяет рассматривать виртуальную реальность, как неотделимую часть повседневности, что в свою очередь проливает свет на изменения в восприятии мира современным человеком.

Поскольку в виртуальной реальности конструируются свои собственные социально-культурные феномены, которые встраиваются в общество, это позволяет расценивать ее, как часть общечеловеческой культуры, влияющей на социальные тенденции, культурный код человека, и, неотделимое от цифровых технологий, восприятие обыденной реальности.

Переход в постиндустриальное общество ознаменован появлением компьютерной технологии, ставшей неотъемлемой частью современной культуры, что в свою очередь соединило прежде противоположные понятия «виртуальности» и «реальности». В сравнении со всеми предыдущими эпохами, приобретая новую виртуальную форму, информация и коммуникация достигают пика своих возможностей, встраиваясь в человеческую повседневность. На примере социальных сетей, можно выявить, что в виртуальной реальности формируется своя собственная модель поведения, которая влияет на реконструкцию идеалов, образов и понятий. Также, в виртуальной реальности, как и в реальности ординарной, пользователям присуще перенимать определенные языковые знаки, что аргументируется появлением в интернете слов и невербальных символов, которые читаются и воспринимаются разными культурами. Таким образом, мы должны ответить на вопрос о модернизации культурного кода в процессе сигнификации в виртуальной реальности.

Знаки, сталкиваясь в семиотическом пространстве виртуальной реальности, конструируют, деконструируют и реконструируют культурный код современного человека: трансформация культуры письма, специфическое поведение внутри сети, и отношение человека к технологии.

Таким образом, виртуальная реальность создает новый тип человека, который не делает существенного разделения между виртуальной реальностью и реальностью ординарной. Технология коммуникации объединяет два пространства, делая виртуальную реальность вполне реальным дополнением к существующей. Само понимание «виртуальная реальность» является обобщенным, поскольку процесс коммуникации в Сети является реальным процессом взаимодействия в настоящем времени с настоящими людьми, что доказывает возможность определять ВР, как существующее на самом деле. От виртуальной реальности остаются симуляции, которыми пользуется человек, отождествляя себя с тем «фантомом» или «профилем», который является репрезентацией самого себя. Такую трансформацию человека в ВР можно расценивать как неизбежный процесс виртуализации через сформированную модель поведения внутри Сети. Находясь в социальных сетях, человек пользуется универсальным языком, необходимым для считывания информации и ее передачи. То есть, каждый, кто попадает в виртуальную реальность должен владеть ее языком, в том числе и языком социальных сетей. Процесс кодирования человека происходит именно в тот момент, когда он начинает коммуникацию в виртуальном пространстве, используя эти универсальные знаки. К таким знакам относится, например, «лайк» - форма положительного оценивания публикаций в социальных сетях.

Проходя через виртуальную реальность, человек запоминает и сохраняет эту модель коммуникации. Впоследствии виртуальная модель поведения становится реальной моделью существования, поскольку эта неотделимая часть от себя реального становится деталью в конструкции сознания человека, что добавляет к когнитивным процессам механические, расширяя его сознание.

Посредством технических средств для частичного погружения в виртуальную реальность, человек конструирует модель видоизмененного реального мира, где находятся элементы, начиная с профессиональной сферы, заканчивая эртертейментом.

Виртуальная реальность вносит существенные новшества в культуру современного человека, поскольку развитие интернет-коммуникации влияет на современный язык, привносит в него новые лексические единицы, появляющиеся на просторах Сети. Также, для виртуальной реальности характерно создавать собственные культурные феномены, такие как виртуальные литературные жанры, интернет-мемы, вирусные материалы, а также интерпретировать государственные законы, связанные с публичными призывами к запрещенной деятельности, возбуждением ненависти либо вражды, а также унижением человеческого достоинства или оскорблением представителя власти.

Общество адаптировалось к виртуальному пространству, сделав его не местом для избавления себя от реальности, а местом для развития этой реальности. Все это характеризует переход человечества в новую эпоху и культурный код в данном случае должен ей соответствовать. Зависимость от современных технологий и виртуальной реальности трансформируется в привычную нам обыденность, поскольку сама виртуальная реальность становится частью нас, частью нашего культурного кода.

Литература

- Архангельская И.Б.* Маршалл Маклюэн // Монография / Н.Новгород: НКИ, 2010. С. 291.
- Барт Р.* Camera Lucida // Stadium и Punctum / М.: Ad Marginem, 2011. С. 267 .
- Бодрийяр Ж.* Изнасилованное изображение / Пер. Д. Орлова / 27 октября 2008. Электронный ресурс.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. / М.: Academia, 2004. С. 783.
- Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / М.: Прогресс, 1986. С. 330-342.
- Иванов Д. В.* Виртуализация общества. Версия 2.0 / СПб, Петербургское Востоковедение, 2002. С. 206
- Носов Н. А.* Психологические виртуальные реальности / М.: Ин-т человека РАН, 1994. С. 196
- Пан А.С.* Укрощение цифровой обезьяны: как избавиться от цифровой зависимости / Пер. с англ. Ю. Жизненко и О. Кутуева. М.: АСТ, 2014. С. 219
- Чувильская Е.А.* Гипертекст как явление ситуации постмодернизма // Актуальные проблемы современных наук: материалы IV-й международной научно-практической конференции / Прага: Nauka i Studia, 2008. С. 79–86.
- Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» // Называть вещи своими именами / М.: Книжная палата, 1989. С. 236

Сведение об авторе

Гурцкая С.И., магистрантка кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук МГЛУ

VIRTUAL REALITY AS CHANGE OF THE CULTURAL CODE

Gurtskaya S. and

Magistrantka of department of world culture of Institute of humanitarian and applied sciences
HAZE

Keywords: virtual reality, digital society, culture code, ordinary reality

Abstract. Virtual reality as a change of culture code

Current research is determined by the potential of virtual reality (VR) in the formation of social and cultural phenomena, along with the processes of coding and decoding via internet-communication. Technical progress allows us to examine VR as an integral part of everyday life, through which we may observe changes in the modern individual's perception of the world. VR technology continues to shape social and cultural phenomena, allowing us regard it as a part of human culture that influences social tendencies, culture code of humans, and the perception of ordinary reality that is inseparable from digital technologies.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ ПСИХИКИ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ЗАДАЧ НА РАЗГАДЫВАНИЕ КАРТОЧНЫХ ФОКУСОВ

Жаркой С.Ю.

Студент магистерского направления «Культурно-историческая психология» Российский государственный гуманитарный университет, институт психологии им. Л.С. Выготского, Москва

Ключевые слова: психика, предмет психологии, психические функции, решение задачи, процессуальность психики.

Аннотация: Данная работа представляет собой переосмысление опыта поиска предмета психологии в отечественной науке XX века. В работе предлагается собственное решение данной проблемы через использование явления процессуальности психики в качестве основного предмета анализа. Эмпирическая часть данной работы состояла в построении эксперимента с индивидуальной работой, в ходе которой респондент решал когнитивную задачу на разгадывание секрета карточного фокуса. В результате было показано, что сам процесс решения не делим на составляющие по характеру проявления работы психических функций, что противоречит классическим представлениям о психологии мышления. При этом сами по себе психические функции являются условием развития психики и формирования «нового психического».

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование касается неразрешенной в отечественной науке проблемы предмета психологии и построения общенаучного методологического плана исследования. Стоит отметить, что в контексте данного исследования рассматриваются исключительно когнитивные особенности человека, тем не менее предложенная методология не ограничивается исключительно когнитивной составляющей, а может быть перенесена, к примеру, и на изучение личностных особенностей. Теоретическая значимость данной работы состоит в преобразовании

методологических знаний отечественной науки о предмете психологии и способах его изучения с последующим формированием нового методологического основания науки и предложения своего пути развития психологии в системе современного постнеклассического знания. Научная новизна данной работы заключается в обращении к сущностному изучению явлений психики и ухода от описательной практики в современной науке, которая заводит научную методологию в тупик путем накопления данных о взаимосвязях различных категорий в психологии и неприменимости этих данных в теории и практике. В данной работе предлагается оригинальная попытка решения нескольких основных задач, необходимых для дальнейшего развития психологической науки: задачи определения предмета психологии, определения позиций, в которых данный предмет проявляется и может быть изучен, построения методологического плана науки в целом. Все эти задачи так или иначе проиллюстрированы через небольшое эмпирическое исследование, которое изложено далее после теоретического обзора.

В ходе теоретического разбора основных взглядов отечественной науки на предмет психологии, которые так или иначе влияют на современную исследовательскую работу в науке и предлагают свои методологические планы исследования и сопоставление контroversий и диалектических отношений между концепциями и анализе их ограничений, было сделано собственное предположение о предмете современной психологии. За основу оригинального подхода взяты следующие теоретические основания авторов (кратко обобщая): необходимости рассмотрения культурного развития высших психических функций у Л.С.Выготского (Выготский, 2005); системности категориального подхода к деятельности, личности и сознанию А.Н.Леонтьева (Леонтьев, 1975); рассмотрения структуры самой психической деятельности у П.Я.Гальперина (Гальперин, 1999), а так же, что наиболее важно, соответствующие каждому подходу ограничения: итоговая «невычленимость» предмета психологии как такового, неразрешенного конфликта определения взаимодействия деятельность-психика, приложимости изучение ориентировочных основ ко всем видам деятельности.

Проблемой эмпирического исследования психического во всех вышеизложенных теоретических подходах, которая легла в основу данной работы, состоит в использовании атомистического подхода к исследованию психических функций и их формирования (или психической деятельности — в зависимости от категориального аппарата того или иного автора). То, что в современной науке называется когнитивными составляющими, будь то память, мышление, внимание и т.д. в своей сути изучается в отрыве от других познавательных процессов, что по своей сути не отличает данные подходы от предложенных ранее в мировой науке, которые в свое время сформировали кризис психологии.

Основываясь в большей степени на учениях о ВПФ и их развитии (Выготский, 1991), а так же анализируя работы, касающиеся изучения когнитивной составляющей психических функций в данном исследовании был сформулирован новый вариант рассмотрения предмета психологии и соответствующий метод его изучения. По мнению автора, предметом психологии является происхождение и развитие психических функций лишь потому, что сама психическая функция не может быть измерена в данный момент времени, она существует лишь в процессе, в скоротечности самого своего явления. «Процессуальность психики» по сути единственное, что является доступным анализу. В представленном далее эмпирическом исследовании развитие ВПФ в зрелом возрасте рассматривается в качестве переструктурирования уже имеющихся процессов

психики, которые являются результатом интериоризации субъект-субъектного взаимодействия.

Процедура проведенного исследования состояла в индивидуальном процессе «игры» экспериментатора и респондента, в ходе которой последний должен был разгадать принцип построения карточного фокуса. В эксперименте приняли участие студенты (11 мужчин и 9 женщин) в возрасте от 21 до 25 лет.

Процедура была построена по классической схеме эксперимента с решением задачи (Дункер, 1968) в модификации с использованием карточных фокусов. Подобные исследования проводились в последние 4 года в зарубежной психологии. Правомерность использования карточных фокусов для изучения когнитивных процессов доказываются следующими составляющими: структура и решение задается самим фокусником (экспериментатором), отсутствие проблематики мотивации, наличие эвристического и неэвристического компонента в решении. За основу формирования процедуры исследования были взяты несколько исследований последних лет проведенных в США и Бельгии такими авторами как Данек, Фрапс, Гедне, Норман и др.

В проведенном исследовании респонденту предлагалось посмотреть демонстрацию фокуса с картами в качестве зрителя. Респонденту предлагалось решить фокус — найти его основной «секрет». Далее респондент предполагал основной принцип фокуса без дополнительной информации, после чего вводилась система решения и система подсказок со стороны экспериментатора. Задача считалась решенной, когда респондент научался самостоятельно демонстрировать данный карточный фокус. Вся процедура записывалась на диктофон для дальнейшего качественного анализа.

Процедура эксперимента построена таким образом, что весь процесс разгадывания фокуса строится на субъект-субъектной взаимодействии между зрителем и экспериментатором. Анализу подвергался ход решения респондентом поставленной задачи с учетом времени решения и влияния начального предположения (выбора пути решения) на ход решения задачи.

Согласно предложенной теоретической базе — процесс решения является свернутым процессом развития ВПФ — у респондентов к концу процедуры должно было сформироваться новое знание через переструктурирование работы уже имеющихся психических функций. При этом пусковым механизмом решения задачи является субъект-субъектное взаимодействие, а анализу подвергается не конечный результат взаимодействия, а развертывание работы ВПФ в процессе решения.

Результаты данного исследования, как и предполагалось, строго индивидуальны. В ходе качественного анализа записей индивидуальных исследований получены совершенно различные способы решения, которые основываются на применении определенных психических функций в большей степени, но не отделимости их друг от друга при анализе. Так некоторые участники эксперимента демонстрировали классические индуктивные методы решения от частей к целому, что строго говоря является мыслительной операцией, при этом вербальная составляющая у испытуемых проявляется в разной степени (один испытуемый приходил к решению через вопросы, другой получив информацию самостоятельно достраивал картину решения). Другая группа испытуемых методом проб и ошибок отметала неверные способы решения, что свидетельствует во-первых об использовании памяти в ходе решения, что обычно отрицается в экспериментах с решением задач, а во-вторых отражает другой способ мыслительного решения. Третья группа испытуемых в определенный момент переключала внимание на экспериментатора и карты и через внимательное изучение процедуры доходило до решения. Еще одна группа воображала себя на месте

экспериментатора и представляла себе собственный способ демонстрации фокуса, тем самым так же приходя к решению. В целом каждый из 20ти случаев образует свой собственный неповторимый способ решения, который состоит в особом переструктурировании работы ВПФ и применении их определенных конфигураций. Так как в опыте людей нет интериоризированного взаимодействия такого рода, соответственно и готового решения задачи у них нет, именно поэтому они используют уже имеющиеся психические образования, но достраивают их опять же через субъект-субъектные взаимодействия. Отдельной составляющей здесь являются речь и эмоции. Являясь особыми ВПФ они выполняют в данной процедуре очень интересную роль. Речь может выступать не только как ресурс для взаимодействия, но и как основополагающая составляющая решения задачи, что ставит ее выше других функций у определенной группы респондентов. Эмоции в свою очередь, как классически отмечают психологи выступают в качестве оценочного механизма. При этом очень важен тот факт, что в ходе выполнения задачи могут возникать как положительные (радость за нахождение решения), так и отрицательные эмоции (например стыд за то, что решение было намного более очевидным, чем предполагалось). Этот факт в свою очередь противоречит классическому представлению о том, что решение задачи всегда сопровождается положительной внутренней оценкой, чтобы закрепить внутренний результат для последующих решений. Анализ данных результатов дает понять, что через оценку процесса формирования «нового психического» (коим является поиск разрешения задачи, которая в онтогенезе еще не встречалась) можно говорить о характеристике работы психики в целом, по крайней мере со стороны когнитивных функций. При этом не важна степень вербализации процесса, т.к. даже внутреннее решение поддается анализу через саму структуру задачи, которую сформулировал сам экспериментатор. Таким образом, экспериментатор в ходе построения процедуры строит некую модель психического взаимодействия с субъектом (самим собой) и объектом (предметом задачи), которую по-своему разворачивает каждый отдельно взятый участник эксперимента.

В результате данного исследования на примере решения задачи было показано, что классические представления об изучении психического с вычленением определенной психической функции само по себе невозможно, т.к. анализ развертывания работы психических функций невозможен в отрыве друг от друга (исключая работы по раннему онтогенезу), а так же показано, что предмет психологии, состоящий в «процессуальности психики» может быть изучен через метод построения модели психического в оригинальных экспериментальных планах. При этом анализ результатов должен проводиться в первую очередь через качественную оценку процесса разворачивания работы психических функций во времени. Интерпретация же строится исключительно основываясь на том, что сам экспериментатор заложил внутри своего плана и какую модель психического он ожидал увидеть в процессе работы.

Литература

Выготский Л.С., Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1991. № 4. С. 5—18. *Выготский Л.С.*, Психология развития человека. — М.: Изд-во Эксмо. *Гальперин П.Я.*, Лекции по психологии. — М.: «Университет», 1999.

Дункер К. Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование продуктивного мышления // Психология мышления. М., 1965.

Леонтьев А.Н., Деятельность, сознание, личность. — М.: Политиздат, 1975.

Danek, Öllinger, Fraps, Grothe, & Flanagin. It's a kind of magic—what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving. - University of Illinois at Chicago 2015.

Ekroll, V., Sayim, B., & Wagemans, J. The Other Side of Magic. Perspectives on Psychological Science. - Laboratory of Experimental Psychology, University of Leuven (KU Leuven), Belgium. 2017.

Hedne, M. R., Norman, E., & Metcalfe, J. Intuitive Feelings of Warmth and Confidence in Insight and Noninsight Problem Solving of Magic Tricks. - Department of Psychosocial Science, Faculty of Psychology, University of Bergen, Bergen, Norway, 2 Department of Psychology, Columbia University, New York, NY, USA *Frontiers in Psychology Journal*. 2016.

Сведение об авторе

Жаркой Сергей Юрьевич, Студент магистерского направления «Культурно-историческая психология» Российский государственный гуманитарный университет, институт психологии им. Л.С. Выготского, Москва

APPLICATION OF THE PROCESSUALITY OF THE PSYCHE AS A SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH BY THE EXAMPLE OF THE SOLUTION OF CONTIVE TASKS

Zharkoy S.Y.

Student of the master's degree "Cultural-historical psychology" Russian State University for the Humanities, Psychological Institute of L.S.Vygotsky, Moscow

Keywords: psyche, subject of psychology, mental functions, problem solving, processuality of the psyche;

Abstract. This work is a rethinking of the experience of searching for a subject of psychology in the domestic science of the 20th century. The paper proposes its own solution to this problem through the use of the phenomenon of the processuality of the psyche as the main subject of analysis. The empirical part of this work consisted in constructing an experiment with individual work, during which the respondent solved the cognitive task of solving the secret of the card trick. As a result, it was shown that the decision process itself can not be divided into components of the nature of the manifestation of mental functions, which contradicts the classical concepts of the psychology of thinking. At the same time by themselves, mental functions are a condition for the development of the psyche and the formation of a "new mental".

КИБЕРСОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗДОРОВОЙ ЛИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Шемякина В.С.

Московский педагогический государственный университет

Ключевые слова: киберсоциализация, литература, воспитание, личность.

Аннотация. О развитии информационных технологий и их влиянии на общество специалисты в области психологии, педагогики, социологии и других наук говорят на протяжении, как минимум, последних тридцати лет, и с каждым годом внимание к этой проблеме возрастает. В силу формирования качественно новых видов коммуникации посредством виртуального взаимодействия наша цивилизация стремительно видоизменяется, и требуются средства позитивного воздействия на социум в условиях этих изменений, с тем чтобы сохранить приобретенное и не только передать необходимые знания последующим поколениям, но и психологически адаптировать их к происходящему во избежание массовой интеллектуальной и духовной деградации общества и роста психических заболеваний среди населения.

Ни одна из форм общественного сознания не обходится без обращения к теме виртуальности. Таким образом, в поисках средств позитивного психологического и педагогического воздействия на социум (на детей и молодежь в первую очередь) мы могли бы обратиться к искусству и к художественной литературе, в частности. Литературовед и культуролог А.Б. Есин даже называет, перечисляя функции художественного произведения, воспитательную функцию наряду с гносеологической, акмеологической, эстетической и функцией самовыражения.

Обратим внимание, что за последние годы обязательная школьная программа по литературе почти не претерпевала изменений, и в ее списке нет произведений текущего столетия. Специфика научно-технического прогресса XXI века, с постоянным расширением горизонтов виртуального пространства для человечества, такова, что отражения этих процессов в художественной литературе прошлого не найти. Такие виды искусства, как кинематограф, изобразительное искусство и иногда литература могут иллюстрировать проблемы, связанные с виртуальной реальностью. Но художественной литературы XXI века, которая именно социализировала бы современного человека, воспитывала и психологически адаптировала, пока еще нет.

Появление такой литературы с педагогической и психологической направленностью необходимо, поскольку в условиях особых культурных изменений обществу нужно адаптироваться к ним осознанно и искать средства для духовного и интеллектуального обогащения, компенсируя негативное влияние информационно-технического прогресса. Основываясь на введенном В.А. Плешаковым понятии киберсоциализации человека, назовем такую литературу киберсоциализирующей.

Киберсоциализирующая литература могла бы учитывать следующие факторы:

1. Наличие непрерывно возрастающего культурного разрыва между событиями, описанными в классической литературе, входящей в школьную программу, и жизнью современного школьника: есть ряд проблем, связанных с виртуальной коммуникацией, которые еще не освещены, и к однозначному решению таких проблем не могут прийти ни педагоги, ни родители, ни дети. Например, нет понимания виртуального этикета – правила поведения в интернете устанавливаются импровизированно, что нередко способствует возникновению неловких или конфликтных ситуаций в виртуальном пространстве;

2. Позитивный опыт прошлого. В 1843 г. литературным критиком и преподавателем словесности А.Д. Галаховым была создана хрестоматия по литературе, включающая 30% произведений современников Галахова, и это давало возможность учащимся читать книги на русском языке своего времени и быть в курсе социальных и политических проблем, волновавших писателей, живших в ту эпоху. Впоследствии в

СССР уделялось особое внимание появлению в школьной программе произведений, отвечавших запросам времени. А вот школьники XXI века изолированы от происходящего сегодня в мире и от новой литературы;

3. Обращение школьников, молодежи в интернет-пространстве к художественным текстам, авторы которых не уделяют особого внимания эстетической стороне языка;

4. Раскрытие творческого потенциала обучающихся благодаря приобщению к культуре не только прошлого, но и настоящего.

Таким образом, проблема появления киберсоциализирующей литературы представляет особую актуальность. Возможно, писатели обращаются к этой теме, но обнаружить такие произведения сложно даже при целенаправленном поиске, а она должна быть доступна для детей. Поэтому в процесс создания и распространения киберсоциализирующей литературы должны быть вовлечены любые специалисты, чьи профессиональные интересы связаны с педагогикой, психологией или филологией – и не только.

Сведения об авторе

Шемякина В. С., Московский педагогический государственный университет

THE CYBERSOCIALIZING LITERATURE AS THE EDUCATIONAL TOOL OF SOCIALLY HEALTHY PERSONALITY IN THE 21ST CENTURY

Shemyakina V. S.

Moscow pedagogical state university

Keywords: cybersocialization, literature, education, personality

Abstract. About information technology development and their influence on society experts in the field of psychology, pedagogics, sociology and other sciences speak on an extent, at least, the last thirty years, and every year the attention to this problem increases. Owing to formation of qualitatively new types of communication by means of virtual interaction our civilization promptly changes, and means of positive impact on society in the conditions of these changes are required to keep acquired and not only to impart necessary knowledge to the subsequent generations, but also to psychologically adapt them to the events in order to avoid mass intellectual and spiritual degradation of society and growth of mental diseases among the population.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО У ПОДРОСТКОВ ИЗ РАЗНЫХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И СИМФЕРОПОЛЯ)

Колда А.А.

Аспирант Института Психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, г. Москва

Ключевые слова: подростковый возраст, идентичность, образ Я, временная перспектива, образ желаемого будущего.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного на двух выборках подростков – жителях Москвы и Симферополя. Дается сравнительный анализ таких показателей образа Я, как эмоциональное отношение к себе в разные временные периоды, дифференцированность собственного образа, представленность объективных и субъективных характеристик, желаемое Я. Проводится сравнение критериев успешности у подростков из разных городов и их соотносительности с образом Я.

В данном исследовании мы отталкивались от предположения, что объективные особенности социального пространства и субъективные особенности территориальной идентичности определяют особенности образа желаемого будущего в структуре психологического хронотопа современных подростков. Для подтверждения данной гипотезы проводилось сравнение выборок в Москве и Симферополе (по объективному параметру разных городов). Возраст респондентов – от 14 до 16 лет. Количество респондентов – 150 человек. В исследовании использовались пять методик, направленных на изучение идентичности подростков и их образа Я, а также методика «Big Five» для выявления личностных особенностей респондентов. По результатам опроса был получен большой массив данных, касающихся различных сторон идентичности современного подростка. В данной статье затронуты некоторые результаты, касающиеся образа желаемого будущего современного подростка.

Образ желаемого будущего представляется нам комплексной характеристикой, включающей в себя представления подростков об успешности в современном мире и особенности образа Я в будущем (его эмоциональной окраски, дифференцированности, глубины).

Важным моментом нашего исследования является то, что практически все использованные методики предоставляют качественные результаты, что делает трудновыполнимым использование стандартизированных процедур. Однако следует заметить, что в настоящее время качественные нарративные исследования идентичности набирают всё большую популярность, так как количественные данные могут дать только обобщенное представление о структуре идентичности. Тем не менее, на собранном эмпирическом материале был проведен контент-анализ и использованы средства математической статистики.

В частности, для изучения сферы личных ценностей подростков нами использовалась качественная методика «Успешный человек» Г.Р. Хузеевой (лаборатория психологии подростка ПИ РАО). Для интерпретации полученных данных был проведен контент-анализ. Были выписаны все характеристики, которые использовались подростками их двух городов. Затем данные характеристики были сгруппированы по некоторым общим психологическим признакам. В результате нами было выделено 10 критериев успешности: волевые качества, привлекательность, коммуникативные

навыки, интеллектуальные способности, профессиональные качества, моральные качества, особенности личности, внешние факторы, образ жизни и адаптивность.

В результате по образу желаемого будущего между группами подростков из разных городов были получены следующие различия:

1. По особенностям эмоционального отношения к себе в настоящем и будущем. Почти половина респондентов из большого города (45%) показала нейтральный характер самоописания. В нейтральную категорию попадают объективные характеристики, не несущие определенной эмоциональной нагрузки, а также амбивалентные описания себя в разные периоды. Так, подросток из Москвы может сказать о себе в будущем, как о человеке состоятельном, умном, но ленивом или трусливом. Большинство респондентов из Симферополя показали негативный образ себя в настоящем и позитивный в будущем. Чаще всего это выражалось в виде своего рода «линии развития» от прошлого к будущему (например, в прошлом – «тупой», в настоящем – «менее тупой», в будущем – «умный»). Представляется, что подростки из малого города смотрят на будущее с большей надеждой и, возможно, даже уверенностью в счастливом исходе.

2. По выбираемым критериям успешности. Так, привлекательность и адаптивность выделяются подростками из Москвы как критерий успешности в современном мире значимо чаще, чем подростками из Симферополя. В то же время моральные качества и личностные особенности чаще выделяются подростками из Симферополя. Возможно, это связано с тем, что в малых городах исследователями отмечается большая склонность к групповой, а не индивидуальной идентичности. Таким образом, в большом городе выделяются критерии, характерные для индивидуалистического стиля жизни, а в малом – критерии, позволяющие успешно реализоваться в социуме (проявление себя как личности, проявление моральных качеств).

3. По представленности объективных и субъективных характеристик в образе Я. Подростки из малого города продемонстрировали значимо большее количество личностных характеристик образа Я как в настоящем, так и в будущем. Одновременно с этим московские подростки продемонстрировали большую представленность объективных характеристик во все временные периоды. Широкая представленность объективных характеристик в образе Я свидетельствует о развернутости социокультурной идентичности подростков из большого города.

4. По наиболее часто выделяемым отдельным характеристикам успешности и их соотносительности с образом желаемого (будущего) Я.

Помимо общих критериев успешности в процессе контент-анализа нами были выделены частные характеристики, наиболее часто встречающиеся в двух группах респондентов. Данные характеристики были проанализированы на частоту совпадения с образом будущего Я. В результате было выявлено, что в Москве наибольшая частота совпадений приходится на независимость и мобильность, а в Симферополе – на доброжелательность и ум. Частично это пересекается с описанными ранее различиями в выделяемых критериях успешности (мобильность как качество адаптивности и доброжелательность как моральное качество). Поскольку были выделены лишь наиболее часто встречающиеся характеристики, данные результаты касаются не всей выборки, а лишь двух третей в каждой группе респондентов. Примечательно то, что адаптивность, отмеченная как значимый критерий успешности у московских подростков, не отражается в их образе будущего.

Также нами были обнаружены некоторые совпадения с выводами по другим исследованиям территориальной идентичности подростков (Г.Р. Хузеева, 2013). Так, среди совпадающих выводов можно выделить следующее:

1. Все подростки вне зависимости от территориальной принадлежности и условий транзитивного общества стремятся к позитивному образу себя в настоящем и будущем.

2. Подростков из мегаполиса отличает большая представленность амбивалентных характеристик себя и окружающего пространства.

3. Идентичность подростков из мегаполиса воспринимается ими с позиции индивидуальности, тогда как подростки из малого города демонстрируют тенденцию к групповой идентичности. Предполагается, что чем сложнее структура социального пространства, тем сильнее осознается собственное уникальное Я.

4. Многие подростки вне зависимости от территориальной идентичности в качестве наиболее референтной группы выбирают семью. Предполагается, что нестабильность современного общества толкает подростков искать защиты в семье, а не среди сверстников, как это было раньше.

Таким образом, по результатам проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы об образе желаемого будущего у подростков из разных городов.

1. Существуют различия в образе желаемого будущего в зависимости от объективных особенностей социального окружения. Эти различия проявляются в:

- выбираемых подростками критериях успешного человека;
- особенностях эмоционального отношения к своему будущему;
- особенностях выбираемых характеристик успешности и их соотносности с образом будущего.

2. Подростки из большого города представляются более включенными в социокультурный контекст, что проявляется в представленности объективных характеристик образа Я, большей дифференцированности собственного образа, большей вариативности характеристик в разные временные периоды (в частности, наличие амбивалентных характеристик в настоящем и будущем).

Описанные данные представляют собой лишь часть полученных в ходе исследования результатов. Кроме того, полученные результаты дают почву для более глубокого изучения идентичности подростков в зависимости от социального пространства.

Литература

Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. — СПб.: Питер Пресс, 2009. — С. 275—304. — 400 с.

Голубева Н.А., Кончаловская М.М. Территориальная идентичность и ценностные ориентации как факторы структурирования социального пространства // Психологические исследования. Т.6, №32, 2013. (дата обращения: 11.12.2017).

Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик / под. ред. Т. Д. Марцинковской. – Москва: МПГУ, 2015.

Марцинковская Т. Д., Марютина Т. М., Т. Г. Стефаненко, и др. Психология развития/Под ред. Т.Д. Марцинковской / — Издательский центр «Академия». Москва, 2001.

Нартова-Бочавер С.К., Терюшкова Ю.Ю. Образ будущего у людей с разным прошлым (лонгитюдное исследование проживания кризиса юности). // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015, с.439-457

Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Подросток в учебнике и в жизни. М., 1990.

Толстых Н.Н. Отношение к будущему// Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту / Под ред. И.В. Дубровиной. М.: Педагогика, 1987 а. С. 42-65.

Хузеева Г.Р. Особенности восприятия субъективного социального пространства у современных подростков, проживающих в различных условиях // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 31. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.10.2017).

Сведения об авторе

Колда А.А., аспирант 1-го года обучения РГГУ, педагог-психолог ГБОУ школа №843, Российская Федерация, 119602, г. Москва, ул. Олимпийская деревня, 23к1, dalokanastasia@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGE OF THE DESIRED FUTURE OF ADOLESCENTS FROM DIFFERENT CITIES (BY EXAMPLE OF MOSCOW AND SIMFEROPOL)

Kolda A.A.

Postgraduate of Vygotsky Institute of Psychology RSUH, Moscow

Keywords: adolescence, identity, self-image, time perspective, image of the desired future

Annotation. The article presents the results of a study conducted on two samples of adolescents - residents of Moscow and Simferopol. A comparative analysis of such indicators of the self-image, as an emotional attitude to oneself in different time periods, differentiation of one's own image, representation of objective and subjective characteristics, a desired self, is given.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Равилова М.В.

Аспирантка кафедры психологии и методологии образования ИП им. Л. С. Выготского РГГУ, Москва

Ключевые слова: этнопсихология, этническая идентичность, глобализация, унификация, культура.

Аннотация. В статье рассматривается роль этнопсихологического знания в изучении вопросов глобализации. Разбираются понятия этнической идентичности и этнического парадокса современности, а также несколько работ, посвященных исследованию этнической идентичности. Глобализация способствует унификации культурных кодов, с одной стороны, и активному выражению этнической идентичности, с другой. На её фоне увеличивается актуальность кросскультурных исследований идентичности и её психологических аспектов.

Процесс глобализации трансформирует многие сферы жизни, включая психологическую – это связано с изменением индивидуальных характеристик, идентичности, влиянием стрессовых факторов. Тема глобализации интересна и с точки зрения этнопсихологических исследований межкультурного взаимодействия: как происходит проникновение элементов одних культур (например, ценностей, норм) в другие, как общаются друг с другом представители разных этнических культур и многое другое.

На фоне глобализации наблюдается следующее явление – этнический парадокс современности. Он заключается в том, что народы стремятся сохранить свою самобытность и уникальность, подчеркнуть свою этническую идентичность, в то время как идет процесс унификации культуры (Стефаненко, 1999).

Этой унификации способствует глобализация, распространение одинаковых культурных кодов, духовной и материальной культуры. В качестве реакции на глобализацию и унификацию может выступать подчеркивание этнической культуры и её ценностей. И важную роль здесь играет уже упомянутое понятие этнической идентичности как маркера принадлежности к этнической культуре. Большой вклад в формирование этнической идентичности вносит психологический аспект вопроса: как происходит идентификация человека и отождествление его с общностью. Исследования этнической идентичности стали проводиться практически с момента оформления этнопсихологии как отдельной отрасли знания. Впервые эта проблема была затронута Д.Дьюи в конце XIX в., а позже Дж.Мида, Ч.Кули. Она интересовала также Г.Г.Шпета, Ж.Де Воса, Д.Деверо и многих других. Шпет отмечал, что идентичность – это отождествление себя с одной группой (Стефаненко, 1999). Деверо посвятил несколько работ изучению идентичности. Понятие «self» рассматривалось в работе «Culture and Self: Asian and Western Perspective» под редакцией Де Воса, Хсю и Марселлы (Белик, 2009).

Среди относительно недавних работ по исследованию идентичности можно назвать следующие:

- «Исследование этнической идентичности в поликультурной студенческой среде» (авторы Бильданова В.Р., Бисерова Г.К., Шагивалеева Г.Р.) – об актуальной проблеме формирования идентичности в поликультурной среде и её роли в стабильности существования этнической группы и в межкультурном взаимодействии;

- «Особенности развития этнической идентичности подростков в процессе внеучебной деятельности (на примере мордвы и русских)» (авторы Баляев С.И., Никишов С.Н.), в которой доказана гипотеза о важности внеучебной деятельности, посвященной формированию этнической идентичности; также авторами была создана программа «Мой народ – мои истоки»;

- «Сравнительный анализ формирования типов этнической идентичности подростков разных культурных сред» (авторы Мишина М.М., Мурсалыева Г.М.), в которой представлены обусловленные влиянием среды проживания различия в

формировании типов идентичности – этнически разнообразной либо этнически однообразной.

Во всех трех работах исследовалось формирование этнической идентичности. В рамках темы глобализации эта проблема является особенно актуальной и требует дальнейшего изучения.

Кросскультурные исследования напрямую имеют отношение к процессу глобализации в контексте межкультурного взаимодействия и взаимопроникновения культур. Без этого уменьшается межкультурная сензитивность и затрудняется межличностное понимание. А изучение этнической идентичности является одной из ключевых тем в настоящей отрасли знания – это тема, на которой в большей или меньшей степени базируются другие исследования. Значительную роль здесь играет психологический аспект, поскольку идентичность – понятие изначально психологическое, связанное со внутренними переживаниями человека. И в контексте глобализации она представляет интерес в своей изменчивости и динамичности, как уже отмечалось в начале статьи, что открывает перспективы дальнейших исследований.

Литература

Акопов Г.В. Социально-психологические последствия и факторы современной глобализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. С. 39-44

Баляев С.И. Никишов С.Н. Особенности развития этнической идентичности подростков в процессе внеучебной деятельности (на примере мордвы и русских) // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, №2 <http://mir-nauki.com/PDF/51PDMN217.pdf> (доступ свободный)

Белик А.А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. 613 с.

Бильданова В.Р., Бисерова Г.К., Шагивалеева Г.Р. Исследование этнической идентичности в поликультурной студенческой среде // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. С. 141-145

Мишина М.М., Мурсалыева Г.М. Сравнительный анализ формирования типов этнической идентичности подростков разных культурных сред // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 84-93

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

Сведения об авторе

Равилова Марьям Ваизовна, аспирантка кафедры психологии и методологии образования ИП им. Л. С. Выготского РГГУ, Москва. E-mail: maryam.ravilova@gmail.com

ETHNIC IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Ravilova M.V.

Graduate student of department of psychology and methodology of formation of SP of L.S. Vygotsky of RGGU, Moscow

Keywords: ethnopsychology, ethnic identity, globalization, unification, culture

Abstract. In article the role of ethnopsychological knowledge in studying of issues of globalization is considered. Concepts of ethnic identity and an ethnic paradox of the present and also several works devoted to a research of ethnic identity understand. Globalization promotes standardization of cultural codes, on the one hand, and to active expression of ethnic identity, with another. On its background the relevance of krosskulturny researches of identity and its psychological aspects increases.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТАТУСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Панкратова Е.А.

Студентка 3 курса факультета Психологии Институт психологии им.Л.С.Выготского РГГУ,
Москва

Ключевые слова: формирование идентичности, высшее образование, индивидуально-личностные особенности.

Аннотация. В статье рассматриваются индивидуально-личностные особенности студентов РГГУ направления Психология служебной деятельности в контексте исследования их профессиональной идентичности. Приводятся результаты опроса студентов 1, 3 и 5-ых курсов. На основании анализа этих различий, даётся описание их профессиональной идентичности. Делается вывод о роли индивидуально-личностных характеристик в процессе становления профессиональной идентичности.

В исследованиях, посвященных проблеме формирования профессиональной идентичности, само понятие определяется как системное, динамичное, многоуровневое психологическое явление, напрямую связанное с профессиональным самоопределением, профессиональным самосознанием, профессиональным пространством и профессиональным развитием.

В отечественной науке термин «профессия» определяется по-разному: «общность людей, занятых в определенной области или отрасли», «работа, процесс деятельности в определенной области», «качественная определенность человека в определенной области» (Е. А. Климов) или «совокупность трудовых действий человека, требующих от него специальных знаний, умений, навыков, его социальная позиция» (В. Д. Брагина).

Под профессиональной подготовкой понимается совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих осуществлять деятельность в определенной области, и это одна из задач профессионального развития человека.

Актуальность данной работы обусловлена простым фактом: в молодости и в зрелом возрасте мы проводим треть жизни на работе. Именно поэтому необходимо ответственно подойти к выбору профессионального пути. Человек, который не удовлетворён своим выбором, может стагнировать на протяжении многих лет, что, как правило, приводит к эмоциональному выгоранию. Кроме того, проблема профессиональной идентичности встаёт перед многими молодыми людьми из-за экономической нестабильности общества и многих других условий.

Прежде всего, нам необходимо разобраться, какие факторы могут повлиять на формирования позитивной идентичности, и обозначить, благодаря каким личностным особенностям человек способен своевременно сформировать видение своего направления развития в профессиональной среде.

Очевидно, началом профессионального развития является университет, где будущий специалист получает необходимый минимум знаний для последующей их отработки на практике.

Студенты ПСД обучаются в системе специфического профессионального образования, которое заведомо формирует их как специалистов в определенных областях психологической деятельности. Здесь мы можем наблюдать первое отличие подготовки кадров специалитета и бакалавриата, поскольку последний представляет достаточно широкое поле для выбора профессионального пути в психологии, а также предполагает возможность дальнейшего более специализированного обучения в магистратуре.

Подходя, таким образом, к результатам нашего исследования, стоит сказать, что оно посвящено изучению индивидуально-личностных особенностей как фактора формирования статуса профессиональной идентичности у студентов РГГУ направления ПСД 1, 3 и 5 курсов. *Объектом нашего исследования* выступил статус профессиональной идентичности. *Предметом исследования* стала взаимосвязь индивидуально-личностных особенностей со статусом профессиональной идентичности.

Мы предположили, что у студентов со статусом псевдоидентичность будут наблюдаться самые высокие показатели демонстративности, педантичности и тревожности и студенты со статусом диффузная идентичность будут демонстрировать самые высокие показатели нейротизма.

Выборка.

В нашем исследовании приняло участие 40 респондентов: учащиеся первого, третьего и пятого курса направления Психология служебной деятельности РГГУ в возрасте от 17 до 22 лет, среди них 28 девушек и 12 юношей. Сбор данных проводился в ноябре 2017 года. Все студенты РГГУ направления ПСД обучаются по единому стандарту, по единой программой, в том числе у них преподают одни и те же преподаватели, поэтому можно говорить о едином формате учебно-профессиональной среды.

В диагностических целях был использован следующий набор методик:

- «Личностный опросник Г. Айзенка» (Тест на темперамент ЕРІ);
- Опросник черт характера взрослого человека В.М. Русалова;

- «Методика изучения профессиональной идентичности» (МИПИ) Л. Б. Шнейдер;

- Тест «Кто Я?» (М.Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В.Румянцевой).

Далее проводилась статистическая обработка полученных данных с помощью пакета программ STATISTICA 10.0. Различия между группами оценивались при помощи непараметрических критериев Манна-Уитни. Для оценки межпоказательных связей применяли коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исходя из анализа полученных результатов, можно подвести следующие итоги:

1. Между студентами разных курсов значимых различий обнаружено не было, поэтому мы не можем говорить, что фактор времени образования каким-то образом связан с формированием определённого статуса профессиональной идентичности. Судя по всему, профессиональная идентичность формируется, прежде всего, в связи с наличием определенных личностных качеств, а не качества и особенностей образования.

2. Третий курс достоверно отличается от первого и пятого самыми низкими показателями дистимности и тревожности, при этом первый курс отличается самыми высокими показателями эмотивности среди респондентов. Пятый курс по своим показателям находится ближе к первому курсу.

3. У группы студентов у которых статус идентичность диффузного типа - самый высокий показатель интровертированности, а у группы студентов в статусе мораторий – экстраверсированность.

4. Высокий уровень экстраверсии, тревожности, демонстративности сочетаются с высокими показателями коэффициента профессиональной идентичности. Чем выше данные показатели, тем выше человек к статусу позитивной профессиональной идентичности или к псевдоидентичности.

5. Чем выше показатели нейротизма, тем ниже коэффициент идентичности, тем ближе человек к статусу преждевременной идентичности.

6. У студентов со статусом псевдоидентичности была выявлена взаимосвязь с социальными характеристиками идентичности.

Таким образом, можно заключить, что профессиональное самоопределение студентов строится, в первую очередь, на основе индивидуально-личностных факторов. Следовательно, для становления профессиональной идентичности необходимо наличие учебно-профессиональной среды, релевантной индивидуально-личностным характеристикам студентов. Кроме того, важно учитывать наличие определенных предпосылок личностной организации, которые даже в самой совершенной образовательной среде обуславливают развитие профессиональной идентичности в стороны негативного статуса.

Литература

Айзенк Г. Личностный опросник (Тест на темперамент ЕМІ).

Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. — СПб.: Питер, 2009. — 336 с.

Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов – на - Дону, Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1999. – 95 с.

Кортнева Ю.В. Диагностика актуальной проблемы. Методика Леонгарда-Шмишека. М.: ИОИ, 2004.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. – Кострома: «Аванти-тул», 2004. – 117 с.

Кузьмин М.Ю. Кризис идентичности у студентов и его связь с жизнестойкостью : диссертация ... канд. псих. наук.- Иркутск, 2012.- 191 с.

Кузьмин М.Ю. Кризис идентичности у студентов и его связь с жизнестойкостью : диссертация ... канд. псих. наук.- Иркутск, 2012.- 191 с.

Мелютина Т.В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты. // Журнал. Омский научный вестник. - № 5 (132), 2014. – С. 149-152.

Русалов В.М., Манолова О.Н. Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ-В). М.: ИП РАН, 2003. — 100 с.

Русалов В.М. Опросник структуры темперамента. М.: Наука, 1990.

Тест Куна. Тест «Кто Я?» (М.Кун, Т.Макпартленд; модификация Т.В.Румянцевой) / Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре – СПб., 2006. С.82-103.

Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Структура, генезис и условия становления / диссертация. Москва, 2001.

Сведения об авторе

Панкратова Екатерина Андреевна, Институт психологии им.Л.С.Выготского, студентка курса факультета Психологии РГГУ Москва. E-mail: pankratova.ekoterina@gmail.com

INDIVIDUAL AND PERSONAL FEATURES AS THE FACTOR OF FORMATION OF THE STATUS OF PROFESSIONAL IDENTITY AT STUDENTS OF THE PSYCHOLOGY OF OFFICE ACTIVITY DIRECTION

Pankratova E.A.

Student 3 courses of faculty of Psychology Institute of psychology of L.S. Vygotsky of RGGU, Moscow

Keywords: formation of identity, the higher education, individual and personal features.

Abstract. In article individual and personal features of students of RGGU of the Psychology of Office Activity direction in the context of a research of their professional identity are considered. Results of poll of students of the 1, 3 and 5 courses are given. On the basis of the analysis of these distinctions, the description of their professional identity is given. The conclusion about a role of individual and personal characteristics in the course of formation of professional identity is drawn.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЙМИНГ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ПОНИМАНИЯ И ОЦЕНКИ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Жарова О.А.

Студентка 3 курса факультета Психологии Институт Психологии имени Л.С. Выготского РГГУ, Москва.

Ключевые слова: эмодзи, прайминг, эмоциональный интеллект, интернет-коммуникация.

Аннотация. Рассматривается специфика восприятия и понимания пользователями интернет текстового сообщения, имеющего невербальный компонент в виде пиктограммы эмодзи, в ситуации с праймингом и без него. На основании полученных результатов делается вывод о существовании различий в оценке эмоционального посыла сообщения в этих двух группах.

В эпоху бурного развития сети интернет на первое место среди способов общения и межличностного взаимодействия в целом выходит общение в сети. Исследования этого типа взаимодействия как феномена, а также его особенностей по сравнению с общением в реальной жизни представляет интерес для многих гуманитарных специальностей, включая психологию (Кузнецова, 2008).

Коммуникативная сторона общения в интернете имеет свою очевидную специфику, связанную в первую очередь с тем, что коммуникация происходит в основном с помощью письменной речи. Различия между характером устного и письменного общения подчёркивались ещё Л.С. Выготским: так, одним из основных её отличий является развёрнутый характер, т.е. необходимость изложить все нюансы ситуации, т.е. её контекст, т.к. собеседник отдалён и находится вне ситуации, в которой находится пишущий. Однако, учитывая современные технические возможности, текстовое сообщение становится всё более свёрнутым, что связано с возможностью передачи информации за доли секунды на большие расстояния, таким образом собеседники могут находиться в общем контексте, даже находясь далеко друг от друга (Выготский, 1999).

Также традиционно считалось, что письменная речь страдает от недостатка эмоциональной стороны, однако и эта особенность претерпевает изменения в современной интернет-коммуникации. Для выражения эмоций существуют специальная система знаков, наиболее распространёнными из которых являются пиктограммы эмодзи, стикеры, эмотиконс и т.д. Все они представляют из себя схематичное изображение лиц, которым изначально приписано определённое значение, т.е. задана эмоция, которую можно выразить с помощью этого значка (Кузнецова, 2008; Изотова, 2014; Дубровская, 2016).

Такое сближение письменной и устной речи по характеру поднимает проблемы, давно исследуемые исключительно для устной речи, также и в области изучения письменной, например, одной из таких проблем является актуальная на сегодняшний день область понимания собеседником эмоционального посыла говорящего. На первый взгляд проблем с пониманием эмоций по пиктограммам эмодзи не должно существовать, так как их значение задаётся при создании, однако это не так (Miller, 2015; Berengueres, 2017; Крылов, 2017).

В нашем исследовании мы поставили целью исследовать возможность изменения понимания смысла сообщения, содержащего эмодзи, при наличии различных факторов. В своей работе мы опирались на концепцию Лизы Фельдман Барретт, канадского нейробиолога, постулировавшего контекстную зависимость понимания эмоций в реальной жизни от особенностей личного опыта воспринимающего, а также от той ситуации, в которой данная эмоция проявляется. Л. Барретт утверждает ошибочность представления о существовании «базовых» эмоций, доказывая непрерывное конструирование мозгом понимания каждой новой ситуации и отсутствия в нём заданных от рождения шаблонов. *Объектом* нашего исследования стали особенности восприятия и оценки семантики интернет-сообщения, а *предметом* – факторы, сопутствующие этой оценке (Барретт, 2018).

Выборка

В основной части нашего исследования принимали участие 59 испытуемых, пользователей интернет (16 лиц мужского пола и 43 - женского). Средний возраст по выборке составил 23,9 года, минимальный – 18 лет, максимальный – 55 лет.

В диагностических целях использовались следующие опросники:

- Опросник на эмоциональный интеллект «ЭМИн» Д.В.Люсина. (Люсин, 2006)
- Пятифакторный опросник личности 5PFQ («Большая пятёрка»)
- Опросник И.Е. Изотовой на уровень эмоциональной насыщенности интернет-коммуникации.

Всем испытуемым был предъявлен для оценки эмоционального посыла одинаковый **нейтральный** стимул в виде интернет-сообщения, в конце которого был использован эмодзи. Эмодзи, согласно предварительному исследованию не относился к положительным или отрицательным эмоциям по валентности и выражал исключительно удивление. В качестве оценки испытуемые могли выбрать 4 варианта, являющиеся как бы продолжением данного сообщения, в которых нами были заложены определённые эмоции, т.о. выбор одного из этих вариантов испытуемым указывал на его понимание эмоционального посыла основного сообщения: 1 - позитивный вариант, 2 - грустный вариант, 3 - злобный вариант, 4 - нейтральный (т.е. по существу наиболее адекватный). Также перед предъявлением ключевого стимула и, далее, трёх указанных выше методик, экспериментальной группе было продемонстрирован короткий видеоролик.

Эмодзи, использованный в ключевом стимуле, а также эмоциональный прайм (видеоролик) были выбраны по результатам предварительного исследования. Было установлено наибольшее согласие оценок пользователей интернет относительно значения эмоции, выражаемой определённым эмодзи, который в последствии и был включён в основную серию, а также факт возникновения наиболее положительных эмоций после просмотра одного из видеороликов, именно он и был взят в качестве прайма для основного исследования.

Статистическая обработка данных проведена в программе STATISTICA 10. Различия между группами оценивали при помощи непараметрических критериев Манна-Уитни и Фишера, а также парного критерия Вилкоксона.

Исходя из анализа полученных результатов, можно сделать следующие выводы:

- 1) Испытуемые экспериментальной группы, подвергшиеся влиянию позитивного эмоционального прайма, в большинстве случаев оценивали посыл ключевого стимула как грустный, в то время как в контрольной группе, не

просматривавшей видеоролик, большинство испытуемых оценили семантику интернет-сообщения как позитивную.

2) Оценки испытуемых контрольной группы по некоторым шкалам опросника эмоционального интеллекта на статистически значимом уровне превышают оценки экспериментальной группы (шкалы управления эмоциями, а также общего эмоционального интеллекта).

3) В обеих группах небольшой процент респондентов (наименьший) оценивали ключевой стимул как злобный. При этом оценки этих испытуемых по шкалам опросника ЭМИн, касающихся понимания эмоций, в том числе – чужих эмоций, а также межличностного интеллекта в целом превышали таковые у остальных испытуемых, также они имели статистически значимо более высокие баллы по показателю игривости «Большой пятёрки».

В целом по результатам исследования можно констатировать, что испытуемые, подвергшиеся влиянию прайминга в начале исследования, склонны оценивать свой эмоциональный интеллект ниже, чем испытуемые контрольной группы. Также испытуемые экспериментальной группы склонны занижать эмоциональный посыл интернет-сообщения, т.е. оценивать его как «грустный», в то время как испытуемые контрольной группы оценивают его как «позитивный».

Само наличие этих отличий подтверждает теорию Л. Барретт о контекстуальности восприятия эмоций, в том числе и в текстовой коммуникации; объяснить «грустные» оценки испытуемых, предварительно просмотревших позитивный видеоролик можно повышением эмоционального фона, после которого нейтральный по сути знак воспринимается недостаточно позитивным. Также нам удалось выявить контингент испытуемых, склонных давать «злобные» оценки нейтральному стимулу, что может быть связано с их личными особенностями, так, для них выявлены статистически значимые более высокие оценки собственного эмоционального интеллекта и оценки «игривости» поведения, т.е. беззаботности, лёгкости, независимости от мнения окружающих и потребности действовать в соответствии со своими собственными представлениями, а не общественным мнением. Дальнейшей проверки требует характер связи между способностью оценивать эмоции и личностными и ситуативными факторами.

Литература

Барретт Л.Ф. Как рождаются эмоции : революция в понимании мозга и управлении эмоциями / Л.Ф. Барретт ; пер. с англ. Поникаров Е.В. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 432 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. / Л.С.Выготский – М.: «Лабиринт», 1999 – 352 с.

Дубровская О.В. Эмодзи как средство невербальной молодежной коммуникации / О.В. Дубровская // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогік. 2016. № 2. – с. 101-103.

Изотова Е.И. Инструменты эмоциональной насыщенности интернет-сообщения : эмоциональный интеллект и способы кодирования эмоций // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 37. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.05.2018).

Крылов Ю.В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге / Ю.В. Крылов // Гуманитарные исследования. 2017. № 2(15). – с. 50-52.

Кузнецова Ю.М. Психология жителей Интернета / Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.

Berengueres J. Differences in Emoji Sentiment Perception between Readers and Writers / J. Berengueres, D. Castro // 2017 IEEE International Conference on Big Data. – Boston : IEEE, 2017. – P. 1-8.

Miller H. “Blissfully happy” or “ready to fight” : Varying interpretations of emoji / H. Miller, J. Thebault-Spieker, S. Chang, I. Johnson, L. Terveen, B. Hecht // Association for the Advancement of Artificial Intelligence. – 2015. – P. 1-10.

Сведения об авторе

Жарова Ольга Алексеевна, студентка 3 курса факультета Психологии Институт Психологии имени Л.С. Выготского РГГУ, Москва. E-mail: Olga.Castiel@gmail.com

EMOTIONAL PRIMING AND EMOTIONAL INTELLIGENCE AS THE FACTOR OF UNDERSTANDING AND ASSESSMENT OF SEMANTICS OF THE TEXT IN INTERNET COMMUNICATION

Zharova O.A.

Student 3 courses of faculty of Psychology Institute of Psychology of L.S. Vygotsky of RGGU, Moscow.

Keywords: emodz, priming, emotional intelligence, Internet communication.

Abstract. The specifics of perception and understanding by Internet users of the text message having a nonverbal component in the form of the pictogram of an emodza in a situation with priming and without it are considered. On the basis of the received results the conclusion about existence of differences in assessment of an emotional message of the message in these two groups is drawn.

Москва
РГУ
2018